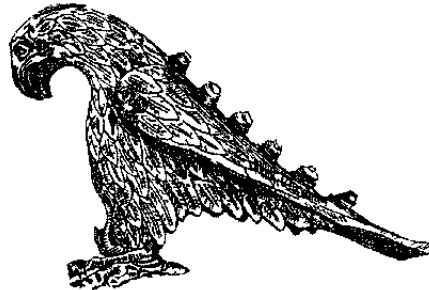


С.А. Плетнёва

**КОЧЕВНИКИ
ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ
В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

**IV—XIII
века**

Учебное пособие



Издательство
Воронежского государственного
университета
2003

ББК 63.4
П38

*Издание осуществлено в рамках Мегапроекта
“Развитие образования в России” —
Программа поддержки кафедр —
Институт “Открытое общество” — Фонд Сороса*

Ответственный редактор —
д-р ист. наук, проф. *А. З. Винников*

Р е ц е н з е н т ы:
д-р ист. наук *Т. И. Макарова,*
канд. ист. наук, доц. *М. В. Цыбин*

П38 **Плетнёва, С. А.** Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV—XIII века): Учеб. пособие / С. А. Плетнёва; Институт археологии АН РФ. — Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. — 248 с. — ISBN 5-9273-0303-х

В книге рассматриваются исторические судьбы населения южнорусских степей на протяжении почти тысячи лет: миграции, хозяйственная деятельность, идеологические представления, погребальный обряд, вопросы хронологии, взаимодействия и контакты с оседлым населением, прежде всего со славянским этносом, и другие. Богатейший иллюстративный материал помогает раскрытию и пониманию основных положений пособия.

Издание рекомендовано к печати кафедрами истории средних веков и зарубежных славянских народов и археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета в качестве учебного пособия по спецкурсу по истории и археологии кочевых народов Восточной Европы в эпоху раннего средневековья.

ББК 63.4

ISBN 5-9273-0303-х

© Плетнёва С. А., 2003
© Издательство Воронежского
государственного университета, 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
Г л а в а I. Три формы кочевания (вместо введения)	7
1. Первая стадия	11
2. Вторая стадия	13
3. Третья стадия	16
Г л а в а II. Гуннская эпоха (IV — начало VI века)	19
1. Вторжение	19
2. Погребальные комплексы гуннов	20
3. Вещевой комплекс погребений гуннов	23
4. Хронология гуннских древностей	25
Г л а в а III. Перещепинско-вознесенский этап (конец VI — первая половина VIII века)	28
1. Степи Причерноморья в VI — начале VII века	29
2. Хазарская экспансия	32
3. Перещепинский клад	34
4. Поминальный храм у Вознесенки	38
5. Поминальный храм Глodosы	39
6. Северо-восточные степные памятники перещепинской эпохи	41
7. Хазары в Дагестане	44
8. Прикаспийские степи в VI — VII веках	48
Г л а в а IV. Хазарский каганат. Салтово-маяцкий этап (вторая половина VIII — начало X века)	52
1. На новом этапе истории	52
2. Лесостепной вариант	53
3. К вопросу о многоэтничности	58
4. Поосколье и пограничные земли вдоль Тихой Сосны	60
5. Степные варианты Донского бассейна	63
6. Саркел	67
7. Курганы с ровиками	81
8. Западные земли каганата. Крым	88
9. Таманский полуостров и Предкавказье	94
Г л а в а V. Венгры, печенеги и гузы (X — первая половина XI века)	103
1. Венгры	103
2. Печенеги и гузы (краткий исторический обзор)	115
3. Археологические исследования древностей печенегов и гузов	120
4. Печенеги и гузы в Заволжье	128
5. “Поздние кочевники” в низовьях Прута и Днестра	132
Г л а в а VI. Черные клобуки (XII — начало XIII века)	136
1. Начало исследования	136
2. Курганы печенегов и торков в Поросье	139
3. Погребения в Поросье с восточной ориентировкой	143

4. Таганча (русские воины и Черные клобуки).....	145
Г л а в а VII. Кипчаки и половцы	149
1. Начало движения на запад. Кипчаки	149
2. Половцы	152
Послесловие	170
Иллюстрации	177
Литература	239
Список сокращений	247

От редактора

Данное учебное пособие написано доктором исторических наук, профессором, лауреатом Государственной премии, главным научным сотрудником-консультантом Института археологии АН РФ Светланой Александровной Плетнёвой.

С. А. Плетнёва — автор 15 книг и многих десятков статей по истории и археологии Хазарского каганата, Дунайской и Волжской Болгарии, кочевых народов евразийских степей эпохи раннего средневековья*. Предлагаемое пособие является не только отражением научных интересов С. А. Плетнёвой, но и не имеет аналогов по широте хронологических и пространственных рамок проблем, в нем поднятых и рассмотренных. Оно охватывает период от гуннского нашествия до монголо-татарских вторжений, причем в ряде случаев характер изложения, аргументация и выводы автора представляются совершенно нетрадиционными, не встречающимися в предыдущих работах С. А. Плетнёвой, что делает данное учебное пособие интересным не только для студентов-историков, но и (не в последнюю очередь) для специалистов-историков, археологов-кочевниковедов и всех интересующихся средневековой историей Восточной Европы.

Публикация данного учебного пособия в издательстве Воронежского государственного университета (ВГУ) — не случайное явление. Вот уже не одно десятилетие длится творческое сотрудничество археологов ВГУ и проф. С. А. Плетнёвой. А началось оно с середины 70-х гг. XX в., со времени начала работы Советско-Болгаро-Венгерской археологической экспедиции на знаменитом Маяцком комплексе памятников салтово-маяцкой культуры, которую возглавляла С. А. Плетнёва. Отряд ВГУ (рук. А. З. Винников) принял активное участие в исследовании Маяцкого селища.

За семь лет работы экспедиции сотни студентов-историков прошли на базе экспедиции археологическую практику. Экспедиция стала школой становления ряда археологов-медиевистов ВГУ. В те же годы и был

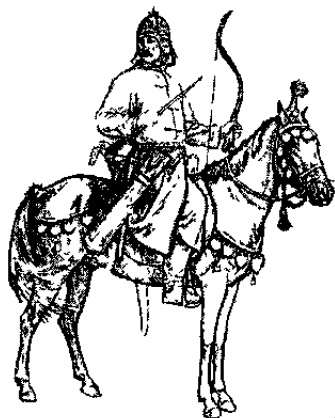
* См.: *Кыласов И. Л., Макарова Т. И.* О творческом пути Светланы Александровны Плетнёвой // *Археология восточноевропейской лесостепи.* Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 3.

впервые подготовлен и прочитан для специализирующихся по археологии студентов исторического факультета спецкурс по истории и археологии кочевых народов Восточной Европы.

Кроме того, в выступлениях С. А. Плетнёвой на кафедре археологии и истории древнего мира ВГУ, на научных конференциях, организуемых кафедрой, неоднократно озвучивались многие проблемы истории народов, населявших южнорусские степи и лесостепи в эпоху раннего средневековья*.

Данное учебное пособие является своеобразной формой подведения итогов исследования истории средневековых кочевников на данный период (начало XXI в.) и в то же время обозначает те ключевые проблемы, которые ждут своего решения, возможно, и теми, кому оно адресовано.

* См.: Винников А. З., Пряхин А. Д. Светлана Александровна Плетнёва и развитие археологии в Воронежском государственном университете // Там же. С. 14.



Глава I ТРИ ФОРМЫ КОЧЕВАНИЯ (Вместо введения)

На рубеже II и I тысячелетий до н.э. в степях появились первые кочевники. Постепенно к середине I тысячелетия до н.э. кочевое скотоводство полностью заменило пастушество. Степи и отчасти лесостепи Европы и Азии почти на три тысячи лет стали колыбелью кочевничества [Грязнов, 1957; Руденко, 1961, с. 10].

Термин “кочевничество” в настоящее время определяется этнографами как такой тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является скотоводство с круглогодичным выпасом скота и участие в кочевании вместе со стадами подавляющей части населения. Действительно, это ведущие черты при узкоэкономическом толковании данного типа экономики. Полная характеристика “кочевничества” возможна только при рассмотрении всех особенностей кочевого образа жизни, т.е. не только в экономике и общественных отношениях, но и в политике, быту, материальной культуре идеологии.

Необходимость рассматривать отдельные явления кочевнической жизни комплексно заставляет нас искать какие-то общие для любого кочевнического сообщества закономерности развития, позволяющие не только сравнивать, но и объединять в единые эволюционные ряды или стадийные группы самые разные народы, существовавшие в степях в различные хронологические эпохи.

Наиболее подробные и многочисленные материалы, освещающие различные аспекты кочевничества, дают нам сочинения средневековых писателей, поэтов, историков и путешественников. В их трудах отчетли-

во прослеживаются две диаметрально противоположные тенденции в восприятии кочевников. Первую можно назвать “идеализаторской”. Духовное общение кочевников с природой и с животными, особенно с одним из самых красивых и благородных из них — конем, искусство всадничества, развитые до виртуозности военные навыки, обычай побратимства, подчеркнутое уважение к старшим и к памяти предков, суровые степные законы, наказывавшие мучительной смертью за воровство и прелюбодеяние, создавали у многих современников и у многих историков в наши дни приподнято-восторженное отношение к степным “рыцарям”. Это усугублялось еще бросающейся в глаза путешественников личной свободой рядовых всадников. Известно, что даже великие ханы иногда избирались на сходках, в которых принимали участие помимо родовой аристократии простые воины, прославленные в боях.

Авторы второй группы, относившейся крайне критически к кочевничеству, подчеркивали в своих сочинениях действительно мрачные и неприятные стороны степняков: жестокость к врагам, беспощадность к побежденным, грязь и предельная неприязнательность в быту, вымогательство подарков (своеобразное взяточничество), чрезмерное, граничащее с низкопоклонством почитание сильных мира сего. Средневековые европейские и переднеазиатские авторы с неприязнью описывали внешний вид тюрко- и монголоязычных кочевников — их поражала часто резко выраженная монголоидность, кажущаяся некрасивой европейцам, иранцам, семитам. Даже пристрастие к коням расценивалось как чудовищное извращение. В древних сочинениях записаны легенды о фантастических полулюдях-полуконях — диких и безобразных кентаврах [Плетнёва, 1982, с. 6, 7].

Однако и “идеализаторы”, и “негативисты” не были равнодушными свидетелями, поэтому их сообщения, как правило, очень ценны для историков. Опираясь на письменные источники, историки в своих обобщениях обычно обращают основное внимание на политическую историю того или иного кочевнического объединения [Голубовский, 1883; Васильевский, 1908; Расовский, 1935—1938; Бернштам, 1951; Гумилев, 1960, 1967; Кумекон, 1972; Новосельцев, 1990, и др.].

Значительно более обширный и информативный материал о кочевниках дают этнографические исследования и наблюдения. Замеченная еще С. П. Толстовым [1934] своеобразная “патриархальная вуаль” из пережитков родового строя, выброшенная на классовые отношения кочевников, сохраняется и в раннем, и в позднем средневековье и доживает почти до нашего времени. Она как бы консервирует многие пережиточные явления в экономике, общественных отношениях, в быту, религии и, тем самым, позволяет уловить и изучить более ранние явления и процессы, протекавшие у кочевников, стоявших на разных ступенях развития общественных отношений.

Ученые, работающие с этнографическими материалами, сосредотачивают свое внимание в основном на внутривосточной жизни орд, на их экономике, быте и культуре [Харузин, 1896; Потанин, 1883; Руденко, 1925; Зеленин, 1936; Кузеев, 1957, и др.].

Археологи и в какой-то мере фольклористы и лингвисты в своих публикациях дают анализ культуры и быта, иногда идеологических представлений и только частично, насколько им позволяют материалы, касаются вопросов экономики, социальных отношений, языка и этноса. Следует отметить, что археологи, получающие при раскопках обычно весьма фрагментированный, однообразный и часто малоинформативный материал, вынуждены, исследуя его, привлекать и осваивать самые разнообразные группы источников: письменные, фольклорные, лингвистические, этнографические, позволяющие с большей или меньшей долей вероятности связать разрозненные археологические факты и получить по возможности близкую к действительности картину.

Наиболее серьезные шаги по систематизации разнообразных проявлений кочевничества сделаны не археологами и не историками, имеющими дело с давно умершими источниками, а этнографами, обладающими достоверным и легко проверяемым материалом, поддающимся изучению и классификации.

Статьи и книги, посвященные социально-экономическим отношениям кочевников, начали появляться в русской историографии уже в 30-х гг. XX в. Спустя 20 лет интерес к этой тематике вспыхнул вновь в связи с дискуссией, посвященной сущности “кочевого феодализма”. Центральной фигурой этой дискуссии стал С. Е. Толыбеков, отвергавший в своих работах существование феодальной собственности на землю у кочевников и предложивший определять их общественные отношения термином “патриархально-феодальные” [Толыбеков, 1971]. Концепция С. Е. Толыбекова неоднократно подвергалась критике. Однако, на мой взгляд, значительно более важное в его работе то, что он первый четко выделил три формы кочевого хозяйства: кочевое, или “таборное”, с отсутствием земледелия и оседлости; полукочевое с постоянными зимниками и частичным заготовлением кормов для молодняка и высокопородных коней; полуседлое с развитием земледелия и оседлости.

Каждой форме кочевания соответствовали, согласно С. Е. Толыбекову, определенные общественные отношения: первой и второй — айльно-общинные, третьей — классовые. Эта идея С. Е. Толыбекова была развита С. И. Руденко в статье, вышедшей из печати в 1961 г. Он показал стадийность различных форм кочевания, эволюционный переход одной формы в другую. Исследуя пути зарождения кочевания с эпохи бронзы, он, а вслед за ним и Г. Е. Марков [1973; 1976], про-

следили переход оседлых скотоводов от пастушества к полукочевому или полуоседлому, затем, в случаях необходимости (изменения политической или экономической обстановки), — к полному (таборному) кочеванию.

Продолжая исследовать причины стадильности в кочевнических обществах, ряд российских ученых пришли к выводу о возможности процесса, обратного зафиксированному в исследованиях С. И. Руденко, Г. Е. Маркова, а именно: закономерность перехода от таборного кочевания к полукочеванию, пастушеству и земледелию.

В книге, посвященной салтово-маяцкой культуре, т.е. культуре Хазарского каганата, на базе только археологического материала удалось проследить путь кочевников “от кочевий к городам”, постепенно, в течение полутора веков, заселявших обширные степи Донского бассейна и примыкавших к нему менее крупных регионов [Плетнёва, 1967]. Изменения в экономике привели к изменениям в социальных отношениях, к росту могущества Хазарского каганата. Существенно, что те закономерности развития, которые были прослежены на узком отрезке времени в одном из кочевнических государственных образований, можно зафиксировать на археологических материалах других народов и сообществ, кочевавших по европейской степи в эпоху раннего и развитого средневековья [Лашук, 1967, 1968; Федоров-Давыдов, 1973; Гумилев, 1967, и др].

Попытаемся дать краткую характеристику всех трех форм, или стадий, кочевания для того, чтобы в последующем изложении конкретного материала по возможности не возвращаться к обоснованию определенной стадии, на которой находился тот или иной народ (этнос, конгломерат этносов) в рассматриваемый хронологический период [Плетнёва, 1982].

Каждая из трех стадий разделена на пять блоков, охватывающих все основные направления жизнедеятельности кочевнических сообществ. Блоки характеризуются определенными наборами признаков, хорошо выявляющихся благодаря анализу письменных источников, этнографическим и антропологическим наблюдениям. Они дают достаточно ясное представление о своеобразии каждой стадии. Помимо объединения в блоки, признаки, как правило, связаны между собой одной—четырьмя связями, что, в целом, представляет картину единого крепко сложившегося и активно действующего объединения [Плетнёва, 1982, рис. 1—3].

Существенно отметить, что в каждой стадии выделяются два определяющих “социально-политических блока”, как бы “заключающих” стадию. Оба складываются из признаков, характеризующих военное дело

и общественный строй, и оба более всех связаны с остальными признаками, что, очевидно, свидетельствует об их ведущей роли в жизни любой сильной военизированной организации.

Указанные модели представляют собой “наглядное пособие” для предложенного текста.

1. Первая стадия

Рассмотрим начальную (первую) стадию, уже давно условно названную в трудах русских ученых “таборной”. В европейских степях подобный способ кочевого хозяйства появлялся спорадически и обычно длился недолго. Причина кроется, по-видимому, в том, что богатые травой, пронизанные реками степи со сравнительно ровным климатом более подходили для развития двух других стадий: полукочевой и полуоседлой. Азиатские степи не были столь устойчиво благоприятны для существования. Нередко там наступали периоды повторяющихся из года в год засух, тяжелых снежных зим. Многие плодородные участки степей превращались в полупустыни. Необходимы были постоянные перекочевки в поисках травостоя и водопоев. В разные времена и эпохи населению требовалось приобретение новых пастбищ, т.е. захват чужих территорий. Так начиналось “нашествие”. Причины для его возникновения не ограничивались, конечно, климатически-географическими дискомфортными условиями. Громадную роль играли войны с более сильными соседями, которым следовало покоряться или поспешно откочевывать от них на земли слабейших соседей. Кроме того, разрушающе действовали на кочевнические объединения (орды, союзы орд) различные внутривосточные события: гражданские войны, центробежные стремления, борьба за власть и пр.

Как бы там ни было, но обычно совокупность всех неблагоприятных обстоятельств и условий приводила в движение массы ранее спокойно кочующих всадников. Наиболее активная “пассионарная” их часть отправлялась вместе со стадами и семьями на захват новых земель.

Общее направление всех дальних и ближних, больших и малых, ранних и поздних “нашествий” было на Запад — в европейские степи.

На протяжении долгого пути, ведя “таборное” кочевание и сталкиваясь с обитателями занимаемых земель, захватчики присоединяли к своим ордам крупные отряды чуждых воинов или, возможно, целые орды со скотом, женами, стариками, детьми. В результате их количество, несмотря на постоянные боевые стычки, при продвижении не уменьшалось, а даже значительно увеличивалось, как ком снега, на небольшое ядро которого наслаивались пласты разноязыких и разнокультурных этносов. Так, в европейские степи попадал уже не тот первоначально двинувшийся в нашествие народ, а полиэтничное, но мощ-

ное образование (союз орд), руководимое обычно сильными и умелыми предводителями (главами орд).

В результате длительного тесного общения и сотрудничества, общих хозяйственных навыков, а значит и быта, политических интересов (в основном по захвату все новых земель и сопутствующим этому грабёжам) постепенно начинала складываться новая этническая общность, члены которой, возможно, общались между собой на одном языке, обогащённом новыми словами и понятиями, взятыми из других языков. То же происходило и с культурой. Первичная культура завоевателей почти полностью исчезала. От нее оставались только те особенности, которые касались усовершенствований в военном деле, т.е. то, что делало завоевателей непобедимыми. В новом сообществе общая культура еще не сложилась, она состояла из многих культур и влияний. При сильной разрозненности кочующих подразделений религиозные культы приобрели “частный” характер. Широко распространился культ предков, а обряды, связанные с ним, выполнялись главами семей — семейными жрецами. Жречества как специализированной прослойки, исполнявшей культы, связанные с силами природы, не было, хотя шаманы и всякого рода прорицатели существовали, но не объединялись в единый, всегда влиятельный в любом сообществе массив.

Верховными жрецами у кочевников первой стадии были главы (вожди) орд. Они же руководили не только военными действиями, но и собраниями “старейшин” и народными сходками, что свидетельствует о том, что общественным строем их была военная демократия. Военизированный народ был в постоянной готовности к любым военным действиям: захвату земли и уничтожению у сопротивляющегося народа всего владеющего оружием мужского населения, взятию небольших городов и ультимативных требований откупов и выкупов или просто перегону скота и захвату урожая у разбежавшегося сельского земледельческого населения.

Что же остается археологам от культуры кочевников, находившихся на первой стадии кочевания? У них не было ни постоянных становищ, ни неизбежно возникавших около них родовых кладбищ. Хоронили они своих мертвых, как правило, в крупных насыпях-курганах предыдущих эпох — эпохи бронзы или скифской. Таких курганов по степям было рассыпано тысячи, и возле каждого кратковременного стойбища, и на маршруте перекочевки всегда попадалась подходящая насыпь для сооружения в ней могилы. Такие могилы были недоступны вражеским грабителям, — найти их в покрытых высокой травой курганах было почти невозможно. Однако для сокрытия погребений богатых и знатных покойников, сопровождавшихся массой дорогих вещей, применялись и более кардиналь-

ные приемы. Так, нередко могилы вырывали в открытой степи или даже на дне отведенного в сторону русла реки. После совершения всех необходимых обрядов могилу тщательно засыпали и заравнивали: в степи покрывали дерном и прогоняли неоднократно табуны лошадей, а реку вновь направляли в старое русло. Следует добавить, что всех, кто сооружал эти сложные “усыпальницы”, убивали (иногда несколько тысяч рабов-военнопленных). В будущем, может быть, космическая съемка поможет археологам открыть эти замечательные памятники.

Только в конце первой стадии кочевники начинали сооружать над могилами курганы, оградки и пр., поскольку с освоением земель у них появлялась возможность как-то охранять своих умерших родичей. К сожалению, это им редко удавалось, — обычно одиночные захоронения в курганах достаются археологам в разграбленном виде.

Материалы из впускных, а иногда и подкурганных могил дают археологам возможность отметить, во-первых, разнообразность (а значит, и разноэтничность) погребальных комплексов и, во-вторых, характерное для периода военной демократии экономическое равенство погребенных воинов. Могилы вождей и ханов до нас не дошли, поэтому мы не можем сравнивать их с вещевыми комплексами из могил воинов, похороненных по общим для того времени канонам.

Поскольку открываемые могилы бывают чаще всего разграбленными, скелеты погребенных сохраняются плохо и только в исключительных случаях в руки археологов попадает антропологический материал. Однако даже разрозненные и единичные находки дают нам некоторое представление об этносе, половой принадлежности умерших и о предметах, ритуально сопровождавших их.

Значительно большее количество материалов археологи получают при исследовании кочевнических памятников, оставшихся от второй стадии кочевания. Период “нашествия” затухал медленно. После захвата пастбищ, “относительного урегулирования” отношений с завоеванными народами и сильными соседними государствами кочевники-скотоводы начинали активно осваивать занятые ими территории. Наступил период, который условно можно называть “периодом обретения родины”.

2. Вторая стадия

Вторая стадия отличается от первой прежде всего ограничением территории кочевания для каждой орды или рода (курения). Распределение кочевий приводило к изменению состава стада. Если на первой стадии стада состояли из лошадей и овец (средств передвижения и пищи), то во второй — пополнились крупным рогатым скотом, верблюдами, а

также разведением высокопородных коней, требующих специальных знаний и ухода.

Размеры кочевых участков зависели от величины кочевой группы, владевшей ими. Сначала участки были большими, на них кочевали крупные кровнородственные коллективы — “курени”.

По мнению В. Я. Владимирцова [1934, с. 36—37], формирование куреней типично для периода разложения родоплеменного строя, т.е. еще в рамках военной демократии. Однако возникавшее внутри куреней неравенство экономических отношений, обнищание одних входивших в курень семей — “аилов” и накопление богатств в других аилах приводили к распаду куреней, к выделению из них богатых семей, захватывающих лучшие кочевые маршруты, на которых паслись громадные (в тысячи голов) стада. Бедняки постепенно переходили в разряд простых пастухов, служивших в богатых семьях — аилах. На определенных маршрутах появились и стационарные стойбища: зимники и летники. Следует отметить, что беднейшая часть населения, а также пленные (домашние рабы) нередко на лето оставались в “зимниках” и начинали заниматься на окрестных землях земледелием, а также запастись сеном для некоторых видов и пород скота.

Богатая часть населения — родовая аристократия, занимая ведущее положение, прикрывала свои тенденции к захвату власти своеобразной “вуалью патриархальности”. Наиболее богатые аристократы становились во главе крупных объединений, причем по древней традиции “выбирались” на сходках, правда, уже не общенародных, а аристократических. Выбранные вожди-ханы выполняли функции верховных жрецов. Таким образом, возникали новые объединения, состоящие из самостоятельных аилов (кошей), которые можно называть ордой.

Каждая орда, судя по данным русских летописей и других источников, не превышала 40 000 человек, из которых примерно пятую часть составляли воины (8000). На любые военные действия такие объединения были готовы всегда.

Но изменился характер военных действий. На первой стадии, как мы знаем, в поход шел весь народ со всем имуществом и стадами, на второй — в поход отправлялись только воины. Правда, большой обоз, часть стада (для питания в пути) создавали впечатление, что кочевники двигались всей массой, но на самом деле ни женщины, ни дети, ни старики не принимали участия в военных предприятиях. Это были уже не нашествия, а набеги, ставящие целью грабеж и угон пленных для получения выкупов или продажи их на восточных рынках.

Набеги не всегда были удачными, кончаясь полным разгромом, что, естественно, освобождало дорогу в степь. В таких случаях попавшие на

пути кочевья грабились, людей в них также захватывали в плен, стада угоняли.

Чем больше локализовались места постоянных кочевий, тем легче было ответить ударом за удар целенаправленно по той орде, которая организовала набег на соседнее пограничное государство или княжество.

Нередко грабежи и угоны скота практиковались и в кочевнической среде, т.е. набег айлом или даже ордой организовывался на другой, возможно, менее сильный аил. Этот обычай баранты (барамты) прослеживался этнографами у кочевников вплоть до конца XIX в.

Неудачные набеги, внутренние стычки не способствовали стабилизации ни экономики, ни общественных отношений. Появлялась необходимость создания какой-то крупной, стоявшей над ордами организации, объединяющей их, регулирующей внутренние и внешние отношения. Так появились в степях “союзы орд” — зародыши будущих государств или “объединения государственного типа”. В них не было ни регулярных армий (только ополчения), ни администрации, ни податной системы. Однако именно на этой стадии начинают активно формироваться единая культура, единое мировоззрение (религия), единый язык. Создавались предпосылки к сложению в степях этнических общностей — прообразов будущих народов. Четких “административных” границ у этих объединений, достигавших иногда громадных размеров, не было. Но значительные воинские силы и энергичные умные руководители — ханы делали их могущественными и нередко в своих сочинениях современники именовали такие объединения (по существу, просто союзы орд) “империями”.

Остановимся на краткой характеристике археологических материалов, которые мы можем обнаружить от кочевников второй стадии.

Выше мы уже говорили, что на территории куреней и айлов были постоянные зимовки и летовки. Вдоль маршрутов перекочевок также возникали на определенных, особенно удобных местах постоянные стойбища. На них, несмотря на часто прерываемую “обитаемость”, остаются на поверхности какие-то “следы пребывания”: обломки разбитой посуды, разбитые кости съеденных животных, различные мелкие потерянные вещи (ножики, наконечники стрел, пряслица, а изредка даже перстенок, бусина или серьга). От наземных легких юрт никаких остатков не сохраняется. Если в конце второй стадии стойбище начинало превращаться в полуоседлое поселение, т.е. часть населения на нем жила уже круглый год, то на поверхности мог накапливаться культурный слой, находок в котором было, конечно, больше, хотя они обычно столь же маловыразительны. Жилища на таких “поселениях” соору-

лись более фундаментально, и их следы археолог может обнаружить при раскопках.

Кроме того, рядом с зимниками возникали стационарные могильники. Часто они бывали бескурганными, но в более позднее время (период развитого средневековья) над погребениями, как правило, насыпались земляные или смешанные из земли и камня небольшие курганы.

Тот факт, что могильники располагались именно у зимников, подтверждается сезонной зимней ориентировкой захороненных, а именно — все, долженствующие быть уложенными в могилы головами на запад, на самом деле ориентированы головами на зимний заход солнца, т.е. на юго-запад. Поскольку языческие погребения, как правило, сопровождалась более или менее обильным или даже богатым инвентарем, раскопки могильников дают довольно существенный материал для исследования как материальной, так и духовной культуры.

Необходимо подчеркнуть, что археологические источники по выявлению второй стадии кочевания должны привлекаться и интерпретироваться очень осторожно, обязательно с привлечением сохранившихся письменных свидетельств, поскольку стационарные кладбища, святилища и даже сезонные стойбища с почти отсутствовавшим культурным слоем могли быть и у населения, переходящего или уже перешедшего к третьей стадии кочевания.

3. Третья стадия

Третья стадия кочевания по существу уже не является кочевнической в полном смысле этого понятия. Она характеризуется оседло-земледельческим укладом с сохранением развитого скотоводческого хозяйства (полукошевого—полупастушеского). Пожалуй, от первых двух стадий здесь сохранились только яркие черты военизированной “всаднической” культуры: облавные охоты, склонность к грабительским набегам на соседнее пограничье, некоторые обряды и обычаи. Таким образом, наиболее существенными для третьей стадии признаками явились возникновение оседлых поселений, иногда перераставших в города, деятельное включение в жизнь захваченных земель и городов. Не только в городах, но и на рядовых поселениях развивались разнообразные ремесла, особенно гончарное, железоплавильное и кузнечное; в них изготавливались великолепная посуда, орудия труда и прекрасное оружие. В городах, под надежной защитой власти, работали ювелиры различных специальностей и профессиональных уровней. Все это создавало условия для интенсификации торговли как внутренней, так и внешней, а значит для развития экономики и государственности.

Богатая аристократия стремилась к отделению своих жилищ от рядового населения; для этого они ограждали участки земли (обычно на высоких береговых холмах). Так возникли своеобразные замки. Обычно владельцы проводили в них зиму, а летом откочевывали из замка в степь. Около замков группировались поселения, образуя как бы гнезда. Если замок стоял на удачном месте (при скрещении торговых путей), то гнездо в целом постепенно перерастало в степной город. Таков был путь “от кочевий к городам”.

Высокоразвитая экономика, общественные отношения, культура, естественно, могли существовать только в рамках государств. В письменных источниках эти степные государства именовали “каганатами”.

Изучение замков, городов, поселений, могильников этой стадии дает нам обширный материал для исследования быта, культуры, духовности, мастерства ремесленников, торговых связей с богатыми цивилизованными странами того времени. К сожалению, “поселенческие” материалы с небольшим культурным слоем и городские с массивной толщей слоя дают очень, на первый взгляд, скудный материал: это по-прежнему, как и на памятниках второй стадии, обломки керамической посуды и редкие следы других ремесленных или привозных изделий.

Однако раскопки позволяют судить о приемах домостроительства, о бытовых особенностях жизнедеятельности населения исследуемого памятника и, что особенно важно, об архитектурных навыках и знаниях мастеров, возводивших крепостные стены и храмы. В целом, информативность материалов кочевнических городов и поселений столь же обширна и разнообразна, что и сведения, получаемые археологами при раскопках поселений обычных оседлых земледельцев.

Другое дело раскопки могильников. В эпоху средневековья подавляющее большинство земледельцев приняли одну из мировых религий: христианство или мусульманство, и погребения их, согласно канону, совершались без сопровождающего инвентаря. Может быть, только в первые десятилетия принятия новой религии люди еще придерживались древних обычаев, укладывая с мертвым хотя бы самые необходимые или дорогие вещи.

Кочевники Восточной Европы вплоть до монголо-татарского завоевания придерживались в массе своей древнего погребального обряда, в котором, помимо нередко богатого сопровождающего набора, помещали, в зависимости от принятого обычая, убитого коня или его “чучело”, от которого в могиле оставалась взнузданная голова, отчлененные по первый или второй сустав ноги и шкура. Обычай этот — одно из очевидных проявлений “всадничества”, сохранявшегося даже у людей,

перешедших к оседлости и земледелию: конь необходим был человеку и на том свете не только как средство передвижения, но и как проводник и друг.

Кочевнические могильники, как отмечалось, были сосредоточены вокруг населенных пунктов, но не всегда в непосредственной близости от них; в степях попадались и одиночные кочевнические курганы.

Очевидно, что переход к земледелию, а иногда и смена религии, не мешали бывшим кочевникам оставаться лихими всадниками, готовыми в любое время перейти к кочевничеству, войнам и набегам.

Закономерности, более или менее четко прослеживаемые в кочевнических обществах, позволяют нам сравнивать все три стадии друг с другом:

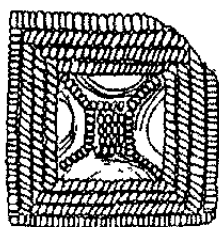
во-первых, заметно, по сравнению с первой стадией, увеличилось количество определяющих признаков во второй и еще более — в третьей стадиях, что означает, очевидно, развитие всех направлений жизнедеятельности кочевнических, а вернее, степных сообществ и даже их археологическое отражение;

во-вторых, значительно изменились формы, т.е. реальное выражение ряда признаков каждого направления (блока);

в-третьих, увеличилось количество связей признаков друг с другом, что свидетельствует о постепенном усилении и трансформации кочевнических сообществ.

В дальнейшем изложении мы рассмотрим кочевнические материалы не в последовательной сменяемости стадий, а хронологически, т.е. в соответствии с требованиями археологии, но при этом попытаемся учитывать определенную стадию, в которой обитал тот или иной народ (этнос, сообщество) в определенный хронологический период.





Г л а в а II ГУННСКАЯ ЭПОХА (IV — начало VI века)

1. Вторжение

Гунны, вторгшиеся в восточноевропейские степи в 370 г., органически влились в процессы так называемого “великого переселения народов”, начавшегося в Европе примерно на столетие ранее (рис. 1).

События, приведшие процветающую державу Хунну к расколу и откочевке из родных степей на далекий Запад, происходили еще раньше. Так, в середине I в. вследствие многих бедствий (засух, эпидемий), длительных междоусобиц, неудачных войн с Китаем империя Хунну разделилась на две державы: Северную и Южную. Южная сразу встала в вассальные отношения к Китаю, а Северная еще целое столетие сохраняла относительное единство и самостоятельность. Вокруг них кипели страсти — все неизвестные ранее народы, освобождаясь из-под власти еще недавно всемогущих хунну, начинали свой исторический путь. Более других выделились восточные соседи — сяньбийцы. Им необходимы были новые пастбища, и наиболее доступными для захвата оказались земли слабеющего с каждым десятилетием государства северных хунну.

Во главе сяньби встал молодой и энергичный воин из знатного рода Таншихай. В период с 155 по 166 г. он овладел всей территорией Северной державы хунну и стал главой громадной, но недолговечной империи. Что же касается хунну, то все спасшиеся от уничтожения и рабства, сбившись в крепкое военизированное объединение, двинулись в далекий, казавшийся бесконечным и полным опасностей западный поход. Тысячи километров двигались хунну по сибирским и уральским степям сквозь владения угрозязычных и тюркоязычных народов. Поход занял более 200 лет.

За эти столетия сменилось уже несколько поколений — потомков,

оставивших родину. За время движения хуннская волна постоянно пополнялась народами, побежденными и разоренными ими. Все они переходили к таборному кочеванию и военной демократии, участвуя в общем движении — нашествии, неуклонно приближавшемся к европейским степям.

Такое объединение, возглавляемое хунну в то время, нельзя было даже назвать, согласно классификации Л. П. Лашука [1968, с. 98—99], “союзом родственных племен” или “этнолингвистической группой”, поскольку “племена”, а вернее — этносы были разноразличные и разноразличные.

Такими они ворвались в восточноевропейские степи Донского бассейна, где в то время мирно пасли стада сарматы (аланы), находившиеся, видимо, на второй стадии кочевания. Несмотря на воинственность, прекрасное вооружение и очевидное нежелание отдавать свои земли пришельцам, последние без труда разгромили их, частью уничтожив, а частично присоединив к своему рыцарскому, но мощному объединению. Далее они двинулись в Центральную Европу и, остановившись в Дунайской Паннонии, основали там центр своей громадной державы (империи), возглавленной ханом-объединителем Ругилой. Он умер в 433 г., и власть над империей приняли два его племянника — Бледа и Аттила, однако в том же году Аттила убил брата и принял власть над гуннской державой один. Аттила всеми возможными силами старался сплотить свое объединение. Его власть признавали не только ближайшие к центру народы и этносы, но и кочевавшие в далеких “восточных” землях Волго-Днепровского междуречья орды. Все они, как и сама “империя”, в которую они входили, назывались уже не хунну, а гунны (Гуннская держава). Однако многие из входивших в державу группировок сохраняли свои самонаименования, которые дошли до нас в письменных источниках немного более позднего времени, и мы остановимся на этом ниже. Здесь же весьма существенно отметить, что все разместившиеся в восточноевропейских степях орды продолжали в течение сравнительно долгого времени вести “таборное” кочевание. Этот вывод мы основываем прежде всего на данных археологии. Дело в том, что на этой, судя по сведениям письменных источников, громадной территории, населенной весьма густо, археологам почти не попадаются памятники той эпохи. Ни разу не зафиксированы остатки (или следы) более или менее обитаемых зимников, только обнаружены разбросанные по всей степи около полусотни погребальных комплексов.

2. Погребальные комплексы гуннов

Обычно погребения обнаруживают случайно местные жители во время сельхозработ или при строительстве. Если поблизости нет ни одного

человека, способного хотя бы отчасти понять ценность находки и воспрепятствовать разграблению, то погребения разрушаются полностью (особенно если в них попадают золотые вещи). Большинство дошедших до нас комплексов тоже основательно разрушены, но, несмотря на это, И. П. Засецкой удалось по сохранившимся данным выявить главные признаки погребального обряда и создать хотя бы предварительную схематическую классификацию господствовавшим в то время погребальным обрядностям [Засецкая, 1994, с. 12—22].

Ею и ее предшественниками достаточно убедительно выделены три основные группы степных погребений гуннской эпохи:

I — погребения с трупосожжением (кремацией) или иным ярко выраженным культом огня.

II — погребения с трупоположением (ингумацией) под курганной насыпью.

III — погребения с трупоположением без курганной насыпи.

В I группу входят три подгруппы (с вариантами). *Первая подгруппа* представлена погребениями, совершенными в насыпи кургана. В варианте “а” этой подгруппы кострища помещены в насыпь кургана, а в варианте “б” — на древнем горизонте — под насыпью. *Во вторую подгруппу* включены погребения под каменной выкладкой с кремацией на стороне [Самоквасов, 1908, с. 132—136]. *Третья подгруппа* — погребения под курганной насыпью с трупоположением и ритуальным кострищем на стороне [Скарбовенко, 1979, с. 164—165].

Приведем несколько примеров. Погребения первой подгруппы были обнаружены П. Д. Рау и И. В. Сеницыным на ряде могильников Нижнего Поволжья [Рау, 1928, с. 431—436; Сеницын, 1936, с. 82]. Кострища захоронений помещались под небольшими земляными насыпями (диам. 8—12 м), не превышающими 0,6 м; изредка удавалось проследить крайние плахи кострищ, образующих квадратную раму (3×3 или 4×4 м). То, что почва под кострищем обожжена, свидетельствует о длительном горении на месте сооружения кургана.

Сооружались кострища в целом одинаково: на ровной площадке ставился невысокий сруб или рама из дубовых или березовых плах, внутри которых разводился костер, и после сожжения трупа в затухающий огонь бросали различные сопровождающие вещи и забрасывали их землей (слой земли, как правило, обуглен). Затем над всем этим насыпали небольшой курган. Следует отметить, что в большинстве таких кострищ не было обнаружено обгорелых (даже очень мелких) обломков косточек человека. Конечно, они могли не сохраниться, так как и сопровождающих вещей очень мало: курганчики были основательно разрыты и ограблены. Однако многие кострища были совершенно “чис-

тыми” от находок, хотя наличие кургана свидетельствует о принадлежности всего сооружения к погребальному комплексу. Возможно, это были просто кенотафы — поминальные памятники, а отсутствие находок не всегда позволяет нам уверенно относить эти комплексы к гуннской эпохе.

II группа (ингумации) делится на две подгруппы: в первую включены захоронения с останками коня: вариант “а” — погребение чучела коня, вариант “б” — отдельные кости коня. Вторая подгруппа — погребения без останков коня.

III группа — также ингумации, но бескурганные. Разделена на две подгруппы. Первая характеризуется наличием останков коня: вариант “а” — захоронение целого остова, вариант “б” — отдельные кости конского скелета. Погребения второй подгруппы — без останков коня.

Разнообразие деталей погребального обряда, что особенно заметно при выявлении подгрупп и вариантов трупосожжений, позволяет говорить о многообразии этносов, кочевавших в степях того времени. Материалы погребальной обрядности подтверждают некоторую общность этих этносов только кремированием погребений и иных следов “огненного ритуала” при захоронениях.

Ингумационные захоронения более однотипны и, по существу, представляют собой единую группу, поскольку наличие останков захоронений коня, отдельных конских костей или полное отсутствие их вряд ли связано с разнородностью погребенных. По-видимому, вернее предполагать какие-то социальные (экономические?) различия похороненных. Впрочем, это тоже только гипотеза, подтвердить которую достаточным количеством материала пока невозможно, так как вещи и даже останки коня могли быть сожжены на другом месте. Именно так, как нам кажется, случилось с погребением ребенка в Самарском Заволжье (Владимирский мог., кург. 4), похороненного по обряду ингумации на спине, головой на запад—северо-запад. Вещей при нем не было, но поблизости от могилы был обнаружен “комочек” сгоревших в огне предметов с остатками золы и угля, явно вынутого из костра и уложенного затем рядом с погребением владельца [Скарбовенко, 1979]. Характерно, что вещи в “комке” представлены набором взрослого воина (оружием, сбруей коня, что свидетельствует о знатном происхождении ребенка, принадлежавшего к семье богатого воина-кочевника).

Следует сказать, что детские погребения, по-видимому, чаще совершались путем ингумации [Айбабин, 1999, с. 73—75]. В частности, в Крыму на Беляусе было обнаружено два детских гуннских труположения. Оба похоронены на спине, головами ориентированы на север

или северо-запад. Сопровождавший их инвентарь не подвергался очищению огнем, т.е. не обуглен, и сохранился хорошо.

Может быть, это объясняется отсутствием в погребениях оружия, хотя части конской сбруи были положены в оба захоронения. В более богатом погребении, открытом в 1967 г., к мальчику была помещена, видимо, его любимая игрушка — небольшая фигурка деревянной лошади, сохранившейся почти полностью благодаря золотым обкладкам головы, шеи и туловища (рис. 2).

Существенно, что в погребальной обрядности европейских “гуннов” фактически нет ничего общего с древнехуннской. Там рядовых хунну хоронили в крепко сбитых деревянных гробах с массивными дном и крышкой, с жертвенными ямами в головах гробовища. В то же время для всех степных народов характерны какие-то общие черты как в погребальной обрядности, так и в наборе сопровождавшего инвентаря (оружие, сбруя). Поэтому у каждого народа, обитавшего в степях на протяжении более 1500 лет (в основном в эпоху средневековья), можно найти особенности, сближающие их друг с другом. Это нередко является причиной значительной путаницы при этнической интерпретации погребальной обрядности того или иного кочевого (степного) сообщества, с чем мы неоднократно встретимся в последующих главах.

3. Вещевой комплекс погребений гуннов

Несмотря на сильные разрушения и разорение в целом очень небольшого количества обнаруженных археологами погребений гуннского времени, дошедшие до нас предметы сопровождающего инвентаря позволяют составить довольно ясную картину вещевого комплекса гуннов, которым они пользовались как на войне, так и в быту.

Вооружение того времени представлено отдельными экземплярами сохранившихся мечей и кинжалов, остатками луков (костяными накладками), довольно значительным количеством наконечников разнотипных стрел.

К этой группе вещей, естественно, примыкают предметы конской сбруи: удила с псалиями, остатки седел, уздечные и сбруйные гарнитур и бляхи. Классификация материала дает ясное представление о многообразии различных видов оружия, особенно наконечников стрел [Засецкая, 1994, с. 23—49] (рис. 3).

Характерно, что часть мечей аналогична сарматским или является незначительным их “перерождением”, отличаясь обычно формой перекрестия. К собственно гуннским мечам относится небольшая группа мечей, не имеющая прототипов в сарматской культуре. Это мечи с ромбовидным перекрестием центральноазиатского происхождения. Появление

ние их в южнорусских степях связано с гуннским племенным союзом. Тогда же появились у гуннов длинные мечи с массивными прямоугольными перекрестиями, сильно выходящими за пределы ширины клинка. Обычно они богато украшены инкрустацией. Интересно отметить, что, наряду с обычными двулезвийными клинками, попадаются и однолезвийные клинки, правда, очень редко. Это, несомненно, прототипы будущих палашей и в конечном счете сабель, ставших буквально через два-три столетия единственным и грозным оружием ближнего боя у степных воинов. К оружию ближнего боя относятся, помимо мечей, кинжалы, которые иногда бывали однолезвийными, а также копья. Впрочем, последние не были типичным оружием и использовались, вероятно, в качестве трофейного оружия в боях и на охоте редко. Иногда в могилах попадались остатки оборонительного доспеха — кольчуг, и их, как и пышно украшенные инкрустациями мечи, помещали, очевидно, только в могилы к знатым и богатым воинам.

Длинные тугие луки с костяными накладками, сопровождавшиеся стрелами с разнотипными наконечниками, были главным оружием всех воинов той беспокойной эпохи.

Красивая, богато украшенная конская сбруя являлась одной из наиболее характерных черт всаднической культуры во все эпохи. В гуннское время все детали сбруи — от псалий до седел декорировались инкрустациями, золотыми и серебряными накладками с тонким чешуйчатым орнаментом (рис. 4). В конце V — начале VI в. распространение получили характерные тисненные накладки с изображением человеческих лиц: одинарные круглые или продолговатые с рядом нескольких таких же круглых лиц, обрамленных единой прямоугольной рамкой. Их общее типологическое сходство позволяет, вероятно, предположить, что эти лица представляют сильно стилизованный, но единый этнический тип: круглолицый, с узкими глазами, небольшим ртом и прямым носом. На лоб у них до бровей начесаны челки, а на подбородке у некоторых — небольшие бородки. Это обобщенный образ степного владыки той эпохи. Попадались и обломки, явно подражавшие этим накладкам (прямоугольным с несколькими лицами). Но сами лица совершенно иные — они “грушевидные”, с узкими подбородками (без бород), круглыми глазами, большим ртом. Каждое лицо окружено мелкими кружочками. Эта вещь сделана не очень умелым мастером, а заказчик ее относился, видимо, к иной этнической группе, судя по типу изображенных лиц.

Естественно, что столь же пышно и богато изготовлялись и женские украшения: диадемы покрывались орнаментированными накладками и рядами инкрустированных драгоценных камней преимущественно

красных оттенков. К диадемам прикреплялись на серебряных цепочках великолепные колты в виде лунниц, обрамленных виноградными гроздьями. Поверхность лунниц сплошь покрывалась вставками драгоценных камней, иногда, правда, попадались среди них и простые стеклянные вставки. Типологически близкие — такие же луновидные серьги, но меньшего размера и обычно без “обрамления”, входили в состав женского гарнитура. Не менее роскошными были и женские нагрудные украшения.

В погребениях богачей нередко встречаются украшенные инкрустациями и вставками камней и стекол простые поясные пряжки и бляшки. Изредка попадаются небольшие круглые зеркала с петлей в центре и мелким концентрическим зигзагообразным орнаментом (рис. 5).

В целом, по мнению И. П. Засецкой, одним из главных признаков культуры кочевников южнорусских степей в эпоху господства гуннского союза являлось широкое распространение украшений своеобразного полихромного стиля, отличающегося от близких к нему изделий предшествующей и последующей эпох.

Другим не менее ярким признаком пребывания гуннов на исследуемой территории являются литые бронзовые котлы “гуннского типа” (см. рис. 1). Это крупные тяжелые полуяйцевидные сосуды с массивными ручками с двух сторон венчика. Как правило, все они на небольших конусовидных полых поддонах. Котел на таком основании не слишком устойчив, если не предполагать, что поддон ставился в золу очага. Поддоны сохраняются значительно хуже самих сосудов — не исключено, что они быстро перегорали, и их по мере надобности заменяли новыми.

Котлы — довольно консервативный вид посуды, однако и они подвергались со временем некоторым изменениям. В результате появлялись новые типы котлов, отличающиеся от первоначальных хуннских (II в. до н.э. — II в. н.э.). Известные в южнорусских степях котлы IV—V вв. делятся в основном по форме тулова на два типа, но по остальным признакам они почти идентичны. Наиболее близки южнорусским котлы из Приуралья и Поволжья, датирующиеся II—III вв.

4. Хронология гуннских древностей

Вопросы более дробной хронологии гуннских восточноевропейских древностей поднимались в археологической науке неоднократно.

Разногласия по поводу отдельных вещей и целых комплексов продолжают существовать и поныне. Хотя следует признать, что в книге, специально посвященной археологии южнорусских степей гуннской эпохи, ее автору, И. П. Засецкой, удалось достаточно убедительно датировать

гуннские древности в пределах конца IV — начала VI в. и, что особенно ценно, разделить их на две хронологические группы:

I группа — конец IV — первая половина V в. Группа разделена на две подгруппы: А и Б. Подгруппа А характеризуется находками в инвентаре погребений полихромных изделий. Погребения локализуются в Северном Причерноморье, Крыму, Ставрополье, в Нижнем Поволжье, Казахстане и даже на Алтае. Существенно, что полихромные изделия в восточных регионах представляют собой местные варианты таких предметов и могут рассматриваться как разновидности западных образцов. Следует отметить также, что в этой группе преобладают женские захоронения, в которых и сохранились великолепные образцы полихромного стиля.

В погребениях подгруппы Б заметное место занимают предметы типичного для гуннской эпохи конского снаряжения: от железных удилищ нередко с серебряными наконечниками до богатых уздечек с накладками, выполненными в полихромном стиле.

Обе подгруппы почти синхронны: первая половина V в., но в подгруппе А попадаются вещи конца IV в., а в Б — их нет, зато встречаются вещи середины V в.

Заметим также, что погребения подгруппы Б встречаются в Северном Причерноморье и Крыму, однако на восток они заходят не далее правого берега Волги, а на западе распространены в Прикарпатье и Дунайском бассейне, Молдавии, Венгрии, Румынии, изредка — в Польше, т.е. на широкой территории империи Аттилы и на прилегающих к ней землях.

II группа датирована И. П. Засецкой второй половиной V — началом VI в. В настоящее время погребения этой группы (всего 7) известны в Саратовском и Самарском Заволжье и Южном Приуралье. Исключение всего одно: в Приднепровье в Новогригорьевском могильнике наряду с более ранними захоронениями I группы обнаружена могила VII с инвентарем, относящемся ко второй половине V в. Следует отметить, что в этой могиле и в нескольких других синхронных ей погребениях были обнаружены сбруйные бляхи с “личинами”, о которых говорилось выше. Очевидно, можно считать их надежным датированным признаком комплексов II группы.

В целом, захоронений гуннского периода, конечно, очень мало для окончательного решения хронологии этих комплексов. Представляется очевидным, что разногласия ученых относительно конкретных датировок будут продолжаться и, пожалуй, только коллекции новых находок помогут разрешить некоторые, казалось бы, непримиримые противоречия. Наиболее серьезная дискуссия о датировках некоторых комплексов

этой эпохи разгорелась между двумя исследователями: И. П. Засецкой и А. К. Амброза.

Несмотря на стройность построений А. К. Амброза [1971, 1981], решительно относившего ряд вещей и погребений к VII в., И. П. Засецкой, взявшей для своей работы целый комплекс единой эпохи, характеризующийся определенным набором признаков, хронология более обоснована, и ее выводы соответствуют тем историческим процессам, которые происходили тогда, как мы знаем из письменных источников, в южнорусской степи.

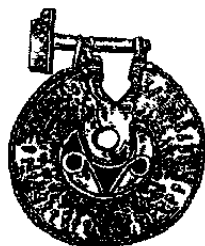
Как бы то ни было, но владельцем южнорусских степей и громадных территорий, простиравшихся к востоку и западу от них, оставался гуннский союз орд. По различиям в погребальных обрядах, по разнообразию полихромных стилей можно уверенно говорить о многоэтничности этих орд. Малое количество памятников этой эпохи свидетельствует о постоянных их передвижениях по степи, что способствовало сложению какой-то своеобразной, хотя и рыхлой, культурной общности. Она, прежде всего, характеризовалась ярко выраженным “всадничеством”: захоронениями коней, богатством сбруи и воинского инвентаря.

Представляют несомненный интерес прослеженные в сохранившихся детских захоронениях следы ранней инициации воинов-всадников (погребения подростков сопровождалась конями, а иногда и оружием). Не столь ярко, но все же запечатлено в погребальном обряде высокое социальное положение женщины в гуннских ордах. Во всяком случае, хоронили их столь же пышно, с богатым инвентарем, а также нередко, как и мужчин, снабжали уздечкой и седлом.

С начала VI в. как будто устоявшаяся и склонная к объединению общность начала распадаться на отдельные группировки, постепенно складывавшиеся в народы со своим языком и этническим именем.

В следующей главе попытаемся выявить археологические следы этих новых явлений, результаты которых стали особенно заметны в VII — первой половине VIII в.





Г л а в а III

ПЕРЕЩЕПИНСКО-ВОЗНЕСЕНСКИЙ ЭТАП (КОНЕЦ VI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА VIII ВЕКА)

В хронике Захария Ритора, написание которой он закончил в 569 г., перечислен ряд имен “гуннских наследников”: оногуры (авнагур), кутригуры (куртаргар), болгары (бургар), хазары (хасар), авары (авар), савиры (сабир), сарагуры (сиругур) и др. [Пигулевская, 1941 с. 165]. Всех их он поместил в Предкавказских степях, но оногуры в некоторых более поздних источниках локализовались в Приазовье-Причерноморье еще в V в., а кутригуры — в Причерноморских степях, болгары, по данным Иордана, — “севернее Понта” и т.д. [Иордан, 1960, с. 72, комментарии: с. 222—223; Прокопий из Кесарии, 1950, с. 381, 385]. Из различных, разноязыких более или менее достоверных сообщений можно сделать вывод, что все эти этносы или народы постоянно воевали друг с другом, об их “вынужденных передвижениях” (бегстве, отступлении и просто откочевке) сохранились сведения в сочинениях нескольких средневековых авторов [Артамонов, 1962, с. 62—115; Айбабин, 1999, с. 95—97].

Вся эта беспокойная, вечно бурлящая, полная опасностей жизнь долгое время не создавала, конечно, никаких условий для хотя бы относительной стабилизации экономики, хозяйства и быта. Согласно свидетельствам нескольких средневековых авторов, обративших внимание в своих сочинениях на внутреннюю жизнь (быт) нескольких наиболее часто упоминавшихся в источниках этих формировавшихся этнических группировок, ясно, что, как и гунны, они продолжали вести кочевническое хозяйство в рамках все той же весьма устойчивой и единственно возможной тогда первой — “таборной” стадии кочевания.

Из этого следует, что так же, как и в прошедшую эпоху, кочевники не оставляли или почти не оставляли после себя никаких уловимых археологами следов пребывания. Памятников этого времени обнаружено больше, но они столь же часто разрушены и разграблены или про-

сто “стерты” с лица земли. Правда, часть даже “полуразрушенных” дошедших до нас “богатых” комплексов дает достаточно обширный материал для хронологических определений не только отдельных памятников, но и в целом всей эпохи, а следовательно, является ценнейшим источником, уточняющим и дополняющим лаконичные сведения письменных источников о степном мире того времени.

1. Степи Причерноморья в VI — начале VII века

Открываемые археологами в Северном Причерноморье и Приазовье погребения, — как правило, впускные в насыпи древних курганов. Могильные ямы неглубокие, перекрытые деревянными плахами. Скелеты захороненных ориентированы головами на северо-восток или северо-запад. Наиболее ранние из них датированы второй половиной VI — началом VII в. Они находились в Северном Приазовье в бассейне р. Молочной у сел Большой Токмак, Малая Терновка, Виноградное [Айбабин, 1999, с. 97, рис. 34 (карта)] (рис. 6).

Примерно этим же временем датируется погребение у с. Изобильного (Крым), в котором, помимо бронзового поясного набора, были обнаружены палаш и амфора второй половины VI — первой половины VII в. [Айбабин, 1999, с. 97, рис. 35].

На территории Крыма кроме Изобильного известно еще несколько кочевнических погребений VII в., которые исследователи считают, как и комплексы на Молочной и у Изобильного, болгарскими [Баранов, 1990, с. 11, рис. 38]. Все они также впускные. Могилы характеризуются наличием незначительного подбоя с одной стороны и узкой ступеньки вдоль противоположной стенки. Скелеты ориентированы головами в основном на северо-восток. Особенностью погребений являются кости овец и коз — остатки заgrabной пищи. Обычно это черепа, попадают ребра, лопатки, обрубленные ножки. Иногда вместе с мясной пищей в могилу помещали сосуды с питьем или иной едой. Вещевой комплекс этих погребений скуден. Так, даже в довольно богатом захоронении женщины (у с. Наташино) помимо разных железных вещей (нож, несколько пряжек) обнаружены лишь проволочные серебряные колечки и овальный золотой медальон с вставкой из синей пасты.

В степи правобережной Кубани (Восточное Приазовье) тоже в насыпях древних курганов обнаружено шесть кочевнических погребений, в основном относящихся к VII в. Остановимся на их более подробной характеристике [Атавин, 1996, с. 208—264].

Четыре захоронения произведены с останками коней. Конструкцию могил проследить практически не удалось, только в одном случае сохранились очертания прямоугольного дна, а в другом кости коня были

расположены справа и выше погребения человека, что дает некоторые основания предполагать о положении их на приступке. Похороненные воины, согласно принятому в степях обряду, уложены на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентировка разнообразна: головой на восток (два), на северо-восток (два) и один — на север. Кости коней в трех могилах лежали рядом с захоронением человека. В могилу помещали не полный труп коня, а только голову и ноги, отчлененные у нижних бедренных эпифизов. Почти все погребения отличаются богатыми воинскими поясными наборами — серебряными и золотыми накладками и пряжками, а также обычным для кочевника оружием: мечами, стрелами и луками. Как правило, погребения сопровождалось запасом заgrabной пищи, сохранившейся в виде костей овец, коз и коров. Даже самый бедный (безлошадный) из похороненных (пятое погребение), уложенный в могилу с одним небольшим ножиком, был снабжен головой козы, череп которой, как и другая пища, лежал в области левого плеча, и воинским поясом с серебряными бляшками, пряжкой и наконечником.

В шестом захоронении этой группы погребение человека отсутствует. Не исключено, что это был кенотаф, в который поместили воинский пояс, украшенный серебряными бляшками конца VII — первой половины VIII в., пластинку от панциря и три крупные стрелы (хорошо сохранившиеся трехперые наконечники).

Все эти захоронения, несмотря на малочисленность, удалось убедительно разделить на три хронологические группы: I — середина VII в., II — вторая половина VII в., III — конец VII — первая половина VIII в., а также связать их с письменными источниками. В последних содержатся сведения об обитавших в эти столетия на этой земле болгарах и о существовавшей там в 30—50-е гг. VII в. под властью хана Кубрата “Великой Болгарии”.

Следует признать, что болгарских и родственных им кутригурских и утигурских погребений очень немного, однако территория их разбросанности по степи дает представление о распространении этих родственных этносов в конце VI — начале второй половины VII в. (см. рис. 6).

Открытые в степях Восточного Приазовья болгарские комплексы относились, как мы видели, и к более позднему периоду, который следует, очевидно, связывать с хазарской экспансией. Хазары, судя по данным письменных источников, вторглись в приазовские кочевья болгар в самом начале второй половины VII в. Часть болгар, видимо, осталась в Приазовье [Плетнёва, 1981]. Болгарские воины вошли в хазарские военные соединения (им, вероятно, принадлежали захоронения с богатыми воинскими поясами и оружием второй половины VII в. и

кенотаф). Но подавляющее большинство орд откочевало в степные области Крыма, в бассейн Дона и Приднепровья. Крупная орда ушла на Нижний Дунай, где под главенством хана Аспаруха образовала государство Болгария. Характерно, что на Дунае степные пространства весьма ограничены и вести на них привычное “таборное” кочевание было невозможно. Традиционно его поддерживали там не более нескольких десятков лет: фактически от времени Аспаруха не сохранилось ни постоянных стойбищ, ни могильников. Тем не менее они появились примерно в конце VII — начале VIII в., в частности, могильник Нови Пазар [Станчев, 1957]. Началось создание государства, которое не могло существовать в условиях “таборного” кочевания.

Следует отметить, что и в Приазовье именно этим временем можно датировать более или менее постоянные стойбища, расположенные вдоль берега Азовского моря [Плетнёва, 1967, с. 15, рис. 3]. Хазары захватили у болгар лучшие пастбища и, очевидно, “прижали” болгар к засушливым (с сухим травостоем) берегам.

По-видимому, то же произошло и в Крыму. Вслед за болгарями в Крым ворвались хазары, под нашествием которых, лишаясь необходимых для кочевания земель, болгары начали активно оседать и заниматься земледелием. Так появились у болгар поселения. Одно из них — Тау-Кипчак было почти полностью исследовано И. А. Барановым [Баранов, 1990, с. 26—37; Айбабин, 1999, с. 190—192]. Люди селились там аилами (большими семьями, каждая из которых занимала территорию, отделенную от других расстоянием от 15 до 100 м). Жилища поставлены крепкие, с немного заглубленным основанием и, вероятно, сложенными из камня стенами. Кровли из камыша или соломы укладывались на лаги и многократно обмазывались глиной. Печи из камня и глины сооружались редко, обычным для Тау-Кипчака отопительным устройством был круглый открытый “тарелкообразный” очаг, вырытый посередине пола или в углу. Такие очаги типичны для кочевников всех эпох (почти до современности).

Необычной для болгарского поселения является система выкладки камней “в елочку” при строительстве цоколей и стен построек. Этот прием в Крыму всюду появился одновременно с вторжением хазар. Очевидно, в Крым сразу после захвата Приазовья двинулись не только военные отряды хазар, но и сопутствовавшие им аилы, которые и заняли пригодные пастбищные угодья. Но кочевание требовало значительно больших пространств для свободного передвижения больших стад. В результате хазары, видимо, почти сразу начали селиться на ранее уже существовавших поселениях (на развалинах Илурата) или ставили свои

домики и юрты на свободных незаселенных местах (Героевка, Пташкино) [Айбабин, 1999, рис. 74 (карта)].

2. Хазарская экспансия

Это были, вероятно, первые шаги хазар ко второй стадии кочевания. Могильников около их поселений не образовывалось. Их погребения, как и ранние болгарские, оставались впускными в древние насыпи, разбросанные по степи [Айбабин, 1999, с. 173, рис. 75, 76].

Так, во впускном погребении у с. Портовое (рис. 7) могила была, очевидно, подбойная. В подбое был уложен вооруженный всадник с мечом, луком и колчаном со стрелами. Военский пояс богато украшен серебряными и золотыми, инкрустированными стеклянными вставками. Похороненный был ориентирован головой на северо-запад. В головах у него был поставлен лощеный кувшин, рядом с ним — череп овцы, косточки ног овцы лежали кучкой у левого плеча погребенного. Слева вдоль всего подбоя возвышалась “ступенька” шириной 0,8 м и высотой 0,4 м. На ней был помещен труп коня, ориентированный, как и человек, головой на северо-запад. У конского скелета были обломки удила и стремени и серебряные бляхи от узды и подхвостного ремня. А. И. Айбабин считает, что это богатое воинское захоронение было хазарским.

К кругу хазарских он также относит и погребение женщины у с. Новопокровка (см. рис. 7). Детали богато украшенного костюма (золотые височные подвески, нашивка, а также зеркало, пинцет, нож с волютообразным окончанием рукоятки) отличаются от ритуально более скромных ранних болгарских захоронений. Однако форма могильной ямы и ориентировка скелета головой на север сближает погребение с болгарскими. Могила явно без подбоя, никаких следов входной ямы нет. На ее месте оставлена узкая ступенька, как в могилах предыдущего времени, только не слева, а справа от погребенной. Вполне возможно, что это была не хазарка, а болгарка, жившая в хазарское время и одетая так пышно, как принято было в хазарском обществе.

Приднепровская или же, шире, Северопричерноморская интереснейшая группа погребений, относимых рядом исследователей к хазарским, охватывает всю степь от Южного Буга до Приазовья. Большинство их впускные, обнаружены “мимоходом”, т.е. при исследовании древних насыпей и погребений под ними. К сожалению, археологи, раскопавшие их, редко публикуют “поздние” для них материалы и потому привлекать их в своих работах археологи-мидиевисты могут только в исклю-

чительных случаях. В данном пособии привлечены только хорошо обработанные и изданные материалы.

В частности, весьма характерным для группы в целом является впускное захоронение у с. Виноградное, обнаруженное в курганной насыпи, возвышающейся на берегу р. Молочной (в Северном Приазовье) [Орлов, Рассемакин, 1996]. Могильная яма — с подбоем, мужчина похоронен в обычной позе — вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован головой на запад. Погребенный сопровождался полным характерным набором оружия: палашом, луком, колчаном со стрелами (рис. 8). Два воинских пояса декорированы бронзовыми, медными накладками и накладками из сплава золота и серебра. Дно подбоя всего на 0,15 м ниже дна входной ямы, ширина которой 0,6 м. В заполнении ямы, выше дна на 0,15 м, был уложен на брюхо с подогнутыми ногами труп коня, ориентированный, как и человек, головой на запад. У морды коня были обнаружены остатки удила, бляхи от оголовья и раздавленный череп барана. Под конем, возможно на настиле из деревянных плашек, находились косточки обрубленных бараньих ножек. В целом захоронение датируется первой половиной VII в. и, несомненно, весьма близко по обряду и инвентарю к описанному выше погребению у с. Портовое.

Ближих типологически или полностью аналогичных захоронений в степях Северного Причерноморья в настоящее время известно уже более десяти, но, к сожалению, материалы о многих из них не изданы, а лишь упомянуты в информативных ежегодных заметках АО. Ряд погребений, отличавшихся особым богатством сопровождавшего инвентаря, открытых еще в первые десятилетия XX в., был разрушен и сильно разграблен случайно обнаружившими их крестьянами. Таково захоронение в Келегеях, открытое между дюнами левобережья низовий Днепра [Айбабин, 1991; Prichodnjuk, Chardaev, 2001]. Там были обнаружены остатки довольно значительного кострища над могильной ямой. Погребение было совершено с конем (или частями коня?), от которого сохранились обломки черепа, в частности зубы, окрашенные бронзовой окисью, видимо, от псалий. Грызло сохранилось — оно было железное. Сбруя была украшена золотыми бубенчиками и крупными штампованными выпуклыми золотыми бляхами. В погребении обнаружены остатки не менее четырех поясных наборов, украшенных золотыми накладками и инкрустированными цветным стеклом пряжками.

Помимо драгоценностей, входивших в облачение всадника, в комплекс входили различные золотые предметы — кулоны, серьги, перстни, гривна с нанизанным на нее крестом, явно византийского произ-

водства (см. рис. 8). Дошли до археологов и обломки железных предметов, как правило, очень плохой сохранности, а именно — спекшиеся обрывки кольчуги, куски лезвий меча и кинжала. Ножны обоих украшены золотыми обкладками, вставками для драгоценных камней или стекла, обрамленными сканью и зернью.

В целом, можно уверенно говорить, что это было одно из самых богатых из открытых ныне захоронений воина-всадника.

Впрочем, ему немного уступает ясиновский комплекс, обнаруженный у с. Ясиново на верхнем Ингуле (в 150 км от Келегеев) [Айбабин, 1985]. Это тоже остатки захоронения воина с мечом, золотыми перстнем и серьгой, с обломком меча и верхней частью стремени, с необычным креплением для ремня. Особый интерес представляет поясной набор, состоящий из массивных литых блях и наконечников, украшенных орнаментом, позволяющим связать этот комплекс с широко известным в археологической науке богатейшим Перещепинским “кладом” (рис. 9).

3. Перещепинский клад

Клад был обнаружен в 1912 г. на песчаном левом берегу р. Ворсклы у с. Малая Перещепина близ Полтавы [Бобринский, 1914]. Как и подавляющее большинство кладов, его “случайно открыли” игравшие на берегу пастушата. Находка была настолько впечатляюща, что о ней почти сразу же узнали в селе. Сокровища быстро разошлись по рукам, и в дальнейшем его собирали в коллекцию Эрмитажа частями. Следует отметить, что уже через два дня после находки в село был послан Полтавской Архивной Комиссией археолог И. А. Зарецкий. Он составил первое описание местности, вещей, собрал у крестьян мелкие вещи. Крупные золотые сосуды, уникальные предметы были собраны у жителей полицией и губернским начальством. В результате И. А. Зарецкому удалось описать их и сфотографировать в виде “натюрморта”. В том же году “клад” был опубликован этим исследователем в местном археологическом издании.

При извлечении вещей клада из земли крестьяне поломали многие драгоценные предметы, а стеклянные сосуды (кубки?) были разбиты и выброшены. Вероятно, та же судьба постигла и многие железные проржавевшие вещи — остатки оружия, конской сбруи и пр. До нас дошли только единичные экземпляры — топорик, куски меча.

Несмотря на все бедствия, обрушившиеся на клад, большая его часть в количестве более ста предметов (включая мелкие вещи и монеты) была несколькими партиями сдана в Государственный Эрмитаж. В настоящее время коллекция прекрасно обработана и полностью опубликована

[Залесская, Львова, Маршак, Соколова, Фонякова, 1997]: великолепные золотые и серебряные сосуды (кувшины, кубки, блюда, ковши, чаши), меч в роскошных ножнах, тяжелые поясные пряжки и наконечники пояса, браслеты, перстни, разнообразные бляшки на воинский пояс и сбрую коня, пряжки, нашивки и подвески, золотые монеты, использовавшиеся в качестве подвесок, накладки (вся гарнитура из золота).

Естественно, клад привлек внимание ученых и широкой общественности. В среде ученых интерес к нему не затухает и поныне. С самого начала даже предварительное знакомство с кладом позволяло говорить о преобладании в нем вещей, сделанных в Византии, а византийские монеты дали основание датировать зарытие клада не позже середины VII в.: самые поздние монеты — солиды Константа II (642—646 гг. чеканки).

При этом существен тот факт, что солиды Константа II, как и многие другие монеты клада, по краям пробиты двумя дырочками, т.е. какое-то время их использовали в качестве нашивок на одежду, в ожерельях и пр.

При датировке отдельных вещей клада следует учитывать, что собрание драгоценностей никогда не было единовременным, — его накапливали в течение всей жизни владельца или даже нескольких поколений. В него могли попадать в качестве даров предметы значительно более ранние, уже вышедшие из употребления и моды при византийском дворе, а также изготовленные в сасанидских мастерских V—VI вв. и, возможно, при дворах степных властителей. К последней — “степной группе” относятся некоторые предметы (кружки, бокалы, накладки, бляшки), отличающиеся своеобразным “кочевническим” орнаментом, получившим распространение в степях примерно во второй половине VII в. Основным образующим элементом этого орнамента была пальмета с округлыми изогнутыми листьями-волютами (см. рис. 9). Гармоничное сочетание пальмет давало пышный и разнообразный узор, обычно сплошь покрывавший поверхность сосудов, поясных блях и других крупных и мелких предметов.

Именно этот орнамент связывает Перещепинский клад с Ясиновским погребением, в котором был обнаружен поясной набор с характерным орнаментом из изогнутых листьев-волют.

Таким образом, весь комплекс захоронений, синхронных Ясинову, а следовательно, и Перещепинскому кладу, можно уверенно датировать второй половиной VII — первым десятилетием VIII в.

Прежде чем перейти к другим близким Перещепинскому комплексам, остановимся на определении характера самого Перещепинского сокровища. Долгое время, а “по привычке” и по сей день, его имену-

ют “кладом”. Затем возникла гипотеза о принадлежности его поминальному храму и, наконец, погребальному комплексу или жертвенному захоронению драгоценностей одному из крупных властителей степи того времени.

Два последних предположения представляются наиболее вероятными. Сокровище было зарыто в сравнительно небольшой яме — в поперечнике 1,42 м и глубиной 1,06 м. Помимо драгоценностей из этой ямы были извлечены куски дубовых “досчатых брусьев”, остатки сгнившей, видимо, шелковой ткани, пронизанной золотыми нитями, золотые тонкие квадратные пластины с дырочками по углам, которые явно были набиты на какую-то основу, обтянутую шелковой тканью. Этих пластин хватило бы для большого саркофага или носилок размерами 290×72,5×51,8 см. Авторы гипотезы о погребальном характере памятника считают все эти факты свидетельством правильности и правомерности своего предположения. Для дополнительного доказательства они привлекают аналогию — близкое по типу сокровище-погребение, открытое в Венгрии в Кунбобони, тоже основательно разоренное местными жителями. Поскольку останков погребения в обоих возможных захоронениях не было обнаружено, предполагается, что имело место трупосожжение на стороне или просто поминальник типа кенотафа.

Кто же был умерший, которому посвящено сокровище? Й. Вернер полагает, что это был хан “Великой Болгарии” Куврат (Кубрат) [Вернер, 1987]. “Великая Болгария”, по данным письменных источников, находилась в Приазовских и Прикубанских степях. Хан умер, будучи правителем этой страны, и вряд ли его сыновья решили хоронить умершего в далекой земле кочевий кутригуров, примерно на 500—700 км севернее его личного владения. Правда, на одном из золотых перстней читается монограмма “Бат Орханы патрикия” (Органа был дядей Кубрата) или даже вероятнее — “Куврата патрикия”. Если прочтение правильно, то, несомненно, сокровище имело отношение к Кубрату или, более вероятно, одному из его наследников, у которого оно было отобрано захватившими во второй половине VII в. степи хазарами. Хазарский военачальник или хан (Каган?) пополнил захваченное сокровище новыми включениями в него золотых и серебряных сосудов, изготовленных и орнаментированных в соответствии с его вкусами и модой. Так и попали в Перещепино вещи, датирующиеся концом VII — началом VIII в. Хазарский хан умер, и часть его сокровищ была погребена вместе с ним. Погребение расположили как-то странно — на низком песчаном берегу, возможно, даже в заливной его части, поскольку среди дюн кое-где в начале XX в. поблескивали небольшие озерца. Этот факт позволил авторам последней публикации Перещепинского “клада” вы-

сказать (очень осторожно) гипотезу о том, что погребение было совершено в русле временно отведенной реки. Именно так, согласно письменным источникам, хоронили хазары своего кагана, а возможно, и других представителей аристократии. Если погребение более 1000 лет находилось под водой, то оно, безусловно, было сильно размыто. При этом пострадала в основном погребальная камера, а сокровище, состоящее из тяжелых предметов и хорошо засыпанное и затянутое илом, сохранилось до его открытия, видимо, в не тронutom размывом виде.

Как бы там ни было, но вполне возможно, что Перещепинское сокровище — первая, зафиксированная археологами находка захоронения, совершенного на дне реки. Впрочем, не исключено, что келегейское погребение также могло быть “донным”, т.е. аналогичным Перещепинскому не только отдельными предметами вещевого комплекса и его общего богатства, но и способом захоронения. Яма с драгоценностями и здесь была сопровождающим тайником или “поминальником”, расположенным в самой могиле или рядом с ней. Приходится пожалеть, что это только гипотеза, не подкрепленная конкретными полевыми наблюдениями археолога.

В целом, весь этот комплекс погребений, включая и Перещепино, ряд археологов считает возможным называть “сивашевским” по богатому погребению у с. Сиваш на Нижнем Днепре. Это не вполне правомерно, поскольку сивашевское захоронение еще не опубликовано и приходится только верить, что оно столь же выразительно и великолепно, как и остальные захоронения.

Вслед за М. И. Артамоновым и А. И. Айбабиным [Айбабин, 1985, с. 196—202] я считаю более обоснованным весь комплекс называть “Перещепинским”, богатство которого и длительность накопления сокровища позволяют судить о начале формирования новой яркой культуры [Комар, 2002, с.18]. Хронологически (вторая половина VII — начало VIII в.) она, несомненно, связывается с движением хазарских военных подразделений по степям Северного Причерноморья. Захоронения их военачальников и наиболее богатых и выдающихся воинов, погибших в боях, разбросаны, как мы видели, по этим степям, во всяком случае, до Поднепровья.

Таким образом, первый этап образования культуры народов европейских степей, объединенных властью хазарского кагана, можно пока условно именовать “перещепинским этапом”.

Очевидно, к нему же следует отнести “поминальные храмы”, относящиеся, правда, к немного более позднему времени (конец VII — первая половина VIII в.).

4. Поминальный храм у Вознесенки

Прежде всего обратимся к дошедшему до археологов в относительно хорошей сохранности памятнику, расположенному на левом высоком берегу Днепра у с. Вознесенка (в настоящее время территория г. Запорожье). В 1930 г. его полностью раскопал В. А. Гринченко [Грінченко, 1950].

Памятник представлял собой сильно расплывшийся вал из перемешанной земли и камня, преимущественно гранитных глыб и гальки, окружавший ровную прямоугольную площадку размером 62×31 м. В восточной части этой площадки было обнаружено выложенное камнем кольцо (диаметром около 10 м) и рядом с ним две ямы (рис. 10). Одна (меньшая) была забита оружием, железными частями конской сбруи: 52 стремени и 40 удила, значительным количеством драгоценных украшений воинских поясов и сбруйных ремней (только золотых изделий обнаружено более 1 кг, а серебряных — 1,8 кг). Вместе с этим богатейшим набором разнообразного всаднического снаряжения попадались угли, зола, кусочки обожженного дерева, мелкие обломки обожженных косточек, преимущественно лошади.

Вторая яма в два раза больше в поперечнике, и в три — в глубину, заполнена слоями камня с прослойками земли. В камнях, вперемешку с ними, попадались кости животных, в основном коней, сожженные обломки косточек, обломки керамики, куски обгорелой глины, угольки, обгорелые плашки и 22 наконечника стрел.

Интерпретация памятника была самая разнообразная, но все исследователи долгое время придерживались убеждения, что это остатки укрепления (временного “лагеря”) с погребенными в нем воинами. Погребения были кремациями на стороне: костер также был найден в виде обширного кострища на северо-восточной стороне вала. Одни ученые полагали, что это славянское сооружение, другие считали его кочевническим, третьи писали о сугубо тюркском его происхождении.

Представляется, что только в начале 80-х гг. XX в. А. К. Амброз поставил точку в этих затянувшихся “прениях” [Амброз, 1982]. Прежде всего, он категорически отверг версию о “временном лагере”. Судя по количеству камня в валу и его весьма значительным размерам (общая длина — 190 м, высота — около 1 м, ширина — 11 м), постройка этого сооружения была трудной и длительной. Камень, покрывавший поверхность вала, удерживал его от разрушения, что также свидетельствует о расчете строителей на долгое его функционирование. Однако внутри этой “крепости” культурного слоя не было. Площадка была практически пустой, и только в ее северо-восточном конце, как говорилось выше, стояла какая-то постройка и ямы рядом с ней.

Не исключено, что каменное кольцо было основанием легкого сооружения типа шатра или юрты. Видимо, она сгорела или просто истлела и была развеяна полностью. Обе ямы, одна из которых (меньшая) была “врезана” в каменное кольцо основания юрты, считались остатками трупосожжений целой группы воинов во главе с их вождем. А. К. Амброз, основываясь на очень малом количестве сожженных костей и их неопределимости, убедительно показал, что ямы являются частью поминального ритуала, совершенного и продолжавшего совершаться в течение сравнительно долгого времени (нескольких десятилетий?). В постройке (юрте) и рядом с ней, вокруг большой ямы с камнями было набросано много обломков лошадиных костей и обломков амфор. Существенно также заполнение большой ямы десятью слоями камня, перемежавшимися тонкими земляными прослойками. Камни у многих тюркских народов считались полноценной жертвой духам. Археологически установлено, что обряды поминовения умершего не были однократными. Через определенный промежуток времени их повторяли. Скорее всего, слоистость каменного заполнения объясняется десятикратно повторенными поминками. Наряду с камнями в яму бросали и сгоревшие или просто разбитые кости животных — съеденных на поминках лошадей и овец, мелкие предметы (стрелы), обломки разбитых на пиру сосудов. Прослойки земли накапливались в промежутках между поминками.

Остатки поминальных трапез разбрасывались и вокруг ямы, а кострище на валу было постоянным местом приготовления поминальной пищи. Забитая всадническими драгоценными уборами, малая яма содержала посмертные дары погибшему знатному военачальнику-хану.

Сравнение с тюркскими большими и малыми поминальными храмами [Войтов, 1996] не оставляет сомнения в принадлежности Вознесенского комплекса к храму-поминальнику, хотя, подчеркивал А. К. Амброз, громадная территориальная удаленность храмов Тюркского каганата и Вознесенки явилась причиной заметных различий между ними. Общими между ним были не детали сооружения, а идея поминального комплекса, возведенного в память сильного и, несомненно, богатого хана.

5. Поминальный храм Глodosы

Второй памятник, который связывался А. К. Амброзом с поминальным храмом, находился в бассейне Южного Буга на пологом берегу р. Сухой Ташлык. Памятник сильно разрушен (размыт) водохранилищем. Сохранилась только его северо-восточная часть. Однако с полной уверенностью можно констатировать, что, по сравнению с Вознесен-

кой, он сооружен значительно менее фундаментально [Сміленко, 1975, с. 109—111].

Там между двух береговых оврагов, устьями впадающих в Сухой Ташлык и расположенных примерно в 40 м друг от друга, вырыты два параллельных, сильно заплывших в настоящее время рва (шириной 1,3 и 2,8 м). Представляется вероятным, что овраги (особенно восточный), обрамляющие вместе с этими рвами почти правильный прямоугольник, образовались из рвов, упиравшихся в береговой обрыв с южной стороны этого сооружения. Яма с поминальными дарами находилась в восточной части площадки. Берег водохранилища почти вплотную подошел к ней, и яма стала активно разрушаться образующимся небольшим, но длинным, перерезавшим всю оставшуюся площадь памятника оврагом. Обнаружили ее случайно местные жители, а исследование памятника было проведено киевским археологом А. Т. Смиленко, интерпретировавшей эту находку как захоронение вождя, произведенное по обряду трупосожжения. Вещевой комплекс позволил ей связать памятник с Вознесенским, ямы которого она также считала славянскими захоронениями. Однако если в Вознесенском сильно обгорелые обломки косточек были неопределимы, а определимые принадлежали лошадям, то в Глудосах на дне ямы были обнаружены как будто следы трупосожжения — две кучки перегорелых костей, смешанных с золой. Над ним были уложены: конская сбруя — удила, стремяна, золотые бляхи узды; оружие — обломки меча в золоченых ножнах, копье, кинжал; украшения — в основном составленные из золотых византийских монет; оплавленные сасанидские сосуды. Многие другие вещи комплекса также в той или иной степени несли следы пребывания в сильном огне.

Что касается костей, то из 100 извлеченных из золы обломков 22 были определены: 20 из них принадлежали человеку возмужалого возраста, 2 — овце. На сохранившихся кусочках черепа и бедра заметны зарубки, что, видимо, может быть свидетельством гибели человека от тяжелых нанесенных ему ран. Все эти факты дают основание считать Глудосы погребальным памятником. Тем не менее А. К. Амброз предлагает иное решение, а именно — убитый и сожженный вместе с “дарами” человек был частью поминальной жертвы [Амброз, 1982]. У тюркоязычных народов широко был принят обычай убивать на поминках пленных, о чем сохранились многочисленные свидетельства в письменных источниках. Это тоже вполне возможное толкование глудосского комплекса. Как бы там ни было, но аналогичность вещевого набора и его датировки позволяют связать его с Вознесенским храмовым поминальником, а значит — с тюркским степным миром. Датировка он по ряду вещей немного раньше Вознесенки — примерно рубежом VII и VIII вв.

6. Северо-восточные степные памятники перещепинской эпохи

Обратимся далее к ряду захоронений, разбросанных в различных более восточных регионах европейской степи и, судя по вещевым находкам, относящихся к концу “перещепинского этапа”.

Прежде всего, это несколько могильников подкурганых захоронений, локализующихся в Самарской Луке. Все они исследованы и опубликованы [Матвеева, 1997; Багаутдинов и др., 1998].

Курганы характеризуются круглыми в плане ровиками под насыпью. На окаймленной ровиком площадке обычно находятся несколько могил, а над ними — наброски камней, бывших как бы основой или ядром кургана. Впрочем, такие наброски вполне могли играть и ритуальную роль, являясь “поминальным даром” умершему (как в Вознесенском храме-поминальнике). Верхняя дата погребений не выходит за рамки конца VIII в.

Одно из (хронологически близких) подкурганых захоронений, обнаруженное у с. Шиловка вне Самарской Луки, севернее ее на 100 км, — выше Луки по правому берегу Волги, отличается, во-первых, квадратным ровиком, не свойственным для этого региона, во-вторых, устройством могилы: с входной широкой овальной ямой, соединенной входом с еще более обширной овальной камерой (рис. 11).

Погребение частично ограблено, а насыпь нарушена мелиораторами, но удалось выяснить, что в камере на толстой угольной подсыпке были похоронены юноша, девушка и мальчик, а во входной яме — конь. Сбруя коня была, судя по обломкам, украшена бляхами из золотой фольги. Несмотря на ограбление, вещей в камере осталось достаточно, чтобы говорить о богатстве погребального инвентаря. Помимо палаша, остатков лука (костяных накладок), кроме роскошных костяных накладок на седло, украшенных сложными сценами битв людей, животных, драконов, были обнаружены железные трехперые наконечники стрел, массивные поясные пряжки, серьги. Весьма существенна находка в погребении двух византийских золотых монет: солид чекана 610—641 гг. и монета-оттиск с византийского солида, оттиснутый очень неумело. Обе были подвесками (с одной пробитой дырочкой). Дошедший до нас солид позволяет датировать комплекс примерно серединой — второй половиной VII в. Этой дате не противоречат и другие находки, обнаруженные в могиле [Багаутдинов и др. 1998, с. 26—29, 81—82, табл. V, VII, VIII, VIIIa, IX—XIV].

Шиловский комплекс — один из самых северных комплексов этого типа и времени.

Почти на той же широте известно захоронение, обнаруженное еще в 1903 г. у с. Арцибашево на Оке (ныне Московская обл.). Погребение было совершено в глубокой яме, на дне которой были уложены покойник, конь и сопровождавший их инвентарь [Монгайт, 1951]. Погребение было обнаружено случайно местными жителями, и поэтому обряд практически остался неизвестным, а вещи, вероятно, дошли до нас не полностью, некоторые из них были сильно поломаны. Тем не менее, очевидно, что захоронение принадлежало богатому воину-всаднику с прекрасно сохранившимся длинным палахом с остатками ножен, удилами с кольцами для псалий (видимо, деревянных?), серебряными наременными украшениями (сбруйными), пряжками разной величины, костяным острием для развязывания пут стреноженных коней, а также золотой серьгой с конической зернёной подвеской и золотым поясным набором с орнаментом из мелкой зерни или ее имитации в виде тонкой проволоочки с нарезками. Дошедший до нас вещевой комплекс позволяет датировать захоронение концом VII, может быть, началом VIII в., т.е. оно лет на 40—50 моложе Шиловского и хронологически ближе всего к Вознесенскому комплексу.

Мы остановились на двух последних комплексах потому, что их время совпадает с эпохой формирования и экспансии хазарского каганата по всей восточноевропейской степи. Естественно, что захват лесистой холодной страны не был их целью, но, очевидно, разведки в том направлении велись, и воины (в том числе богатые предводители отрядов) погибали в походах и захоранивались на чужой земле. У себя же в степях им сооружали поминальнички — курганы, о которых мы говорили выше.

Вопросы хронологии памятников конца VI — первой половины VIII в., которые мы условно называем “памятниками перещепинского круга”, или, вернее, “перещепинско-вознесенского круга”, в настоящее время почти не вызывают дискуссий. Много сложнее решение проблемы этнического определения погребенных. Необходимость привлечения письменных свидетельств к работе над ней очевидна. Впрочем, большую роль играют здесь антропологические исследования, данные этнографии, топонимики, сохранившиеся надписи или хотя бы отдельные слова языка.

Разобраться в десятках разноязыких этносов, кочевавших в степях и воевавших в них, естественно, можно только гипотетически.

Два народа чаще других упоминались в источниках в качестве основных обитателей степных угодий, постоянно участвовавших в тюрко-византийских или ирано-византийских войнах. Это болгары (булгары) и хазары. Вместе с первыми нередко упоминались родственные и, как

правило, союзничавшие с ними оногуры, кутригуры, утигуры, а со вторыми — барсилы и савиры. Местопребывание этих формирующихся народов в VI — начале VII в. указывалось средневековыми авторами весьма определенно. Болгары, утигуры, оногуры локализовались в восточном Приазовье и низовьях Кубани, частично в Крыму и в северном Приазовье, кутригуры — в степях Северного Причерноморья на правобережье Днепра.

Хазары до середины VII в. кочевали, видимо, в степях Дагестана, так как впервые они упоминались в связи с походами западнотюркского кагана на Закавказье в начале VII в. Там же обитали и савиры, несколько десятилетий господствовавшие в Прикаспии и перешедшие уже (как и барсилы) от кочевания к полуседлости. Этому способствовали два основных фактора: незначительность пастбищных угодий при стремительном росте стад и изменения демографического порядка: рост численности народонаселения.

Примерно в середине VII в., как отмечалось выше, в степях произошли значительные передвижки, связанные, прежде всего, с возникновением нового и сильного государственного объединения, возглавленного хазарами. Хазары двинулись на запад и северо-запад, захватывая новые пастбища и расширяя ареал своего влияния и своей власти. Одновременно с экспансией хазар в степях появился еще один этнос — авары. В источниках (греко- и латиноязычных) о них написано много, однако археологических следов от них не осталось. Создается впечатление, что это была, в целом, не очень большая орда, правда, крайне воинственная и состоящая из ядра в 6—8 тысяч опытных и жестоких воинов. В стычках с более слабыми они побеждали всегда и так прослыли непобедимыми, но в южнорусских степях они не задерживались, поскольку там уже вели целенаправленную захватническую политику хазары. Мы видели, что погребальные памятники “перещепинского этапа” кочевнической культуры чрезвычайно разнообразны. Это может быть надежным свидетельством этнической смешанности того населения, которое было охвачено хазарскими военными походами, постоянным захватом женщин и детей, привлечением мужчин-воинов в свои боевые подразделения.

Именно такое “брожение” и смешение этносов и является обычно основой сложения народа, хотя, конечно, не всегда оканчивается появлением его на исторической арене.

Многообразие обрядов и зафиксированная источниками этническая пестрота до настоящего времени не позволяют нам с полной уверенностью сопоставлять определенные обряды той эпохи с упоминаемыми в письменных источниках этносами. Так А. И. Айбабин, казалось бы,

убедительно выделил в Крыму и Северном Причерноморье несколько хазарских памятников. Однако многие исследователи категорически отрицают принадлежность выделенной им “перещепинской группы” хазарам.

7. Хазары в Дагестане

Те же скепсис и недоверие к гипотезам и выводам ученых, пытающихся исторически осмыслить изучаемые ими памятники, отчетливо выявились, в частности, при попытке М. Г. Магомедова связать ряд раннесредневековых памятников Дагестана с хазарскими государственностью и этногенезом [Магомедов, 1983] (рис. 12).

Некоторые из городищ, расположенных на болотистых поймах низовий Акташа и Сулака, действительно представляют собой совсем небольшие круглые в плане крепости, окруженные глубокими рвами, служившими не столько оборонительными рубежами, сколько осушительно-отводными каналами. Оплывшие мощные сырцовые стены также защищали внутреннюю площадку от затопления и в то же время были, несомненно, недоступными укреплениями. По-видимому, культурный слой в этих крепостицах отсутствовал, находки керамических обломков единичны и мелки, и по ним определить время постройки и жизни этих своеобразных сооружений представляется пока маловероятным.

Значительно более убедительна принадлежность больших городищ дагестанских предгорий Кавказа к хазарской эпохе. Их размеры (от 30 до 120 га) позволяют считать их остатками городов. Все они прекрасно укреплены сырцово-глинобитными или каменно-глинобитными стенами и рвами [Магомедов, 1983, глава I]. Одним из наиболее крупных и давно (с XIX в.) известных городищ такого типа является Чир-Юртовское, стоявшее на правом берегу р. Сулак (рис. 13). С напольной, менее защищенной естественными рубежами стороны, оно было ограждено рвом и стеной, сложенной из рваного камня и сырцовых кирпичей. Стена дополнительно укреплена полукруглыми башнями, а кроме того, выносными внешними круглыми башнями, соединенными со стеной перемычками.

К сожалению, древний город был перекрыт современным аулом и часть его затоплена водохранилищем, поэтому работы в самом городе были проведены небольшие. Однако все-таки удалось обнаружить на городище культурный слой и остатки нескольких жилищ: сложенные “в елочку” каменные цоколи, видимо, глинобитных стен. Вокруг этого города было обнаружено и в значительной части раскопано несколько синхронных могильников, состоявших из разных типов погребальных сооружений. Это свидетельствует о большой заселенности города раз-

ноэтническим населением. Два могильника, занимавших очень большую площадь, характеризуются бескурганными могилами: ямными, подбойными и катакомбными. Их основной исследователь Н. Д. Путинцева датировала погребения V—VII вв. и считала, что в одном из могильников прослеживаются глубокие кавказские традиции [Путинцева, 1961]. Однако другие ученые считают тот же могильник савирским. Ямные захоронения с погребенными в них брахикранами-европеоидами так называемого “зливкинского типа” связывают с болгарами, а захороненных в катакомбах долихокранов — с аланами [Кондукторова, 1967].

Наибольший интерес представляет третий могильник, отличающийся от двух первых, прежде всего, курганными насыпями. Курганы расположены на предгорной террасе правого берега Сулака двумя группами: I группа состояла из 65 насыпей (5 раскопано), II — из 96 (54 раскопано). В каждой группе выделяются “гнезда” из одного-двух больших курганов, окруженных малыми. Большие курганы были разграблены: центр каждого прорезан воронкообразной ямой.

Под подавляющим большинством курганов находились катакомбные захоронения. Дромосы ориентированы по оси С—Ю, забутованы, как правило, сырцовыми кладками или рваным камнем. Входы в погребальные камеры заложены стенками из сырца или камня. Камеры перпендикулярны дромосам. Своды камер сводчатые, иногда — двускатные, стены побелены, полы ровные, в некоторых они вымощены известняковыми плитками, на которых насыпан слой угля, перекрытого камышовым настилом. Изредка попадались остатки “гробов” из туго сплетенных жгутов камыша. Несмотря на разграбленность богатых погребений, можно из оставшихся обломков железных и других предметов, брошенных за ненадобностью мелким вещичкам или просто потерянными грабителями вещами составить довольно ясное представление об изобилии самого разнообразного погребального инвентаря (оружия, сбруйных наборов, гарнитуры воинских поясов, украшений). В самых богатых захоронениях попадались золотые византийские солиды первой половины VII в., обычно пробитые или с напаянной петлей, т.е. использовавшиеся в качестве подвесок. В целом, обнаруженный материал позволяет датировать могильник второй половиной VII — первой половиной VIII в.

Особую известность получили многократно опубликованные обломки костяных накладок на седло с искусным изображением на них охотившегося всадника с развевающимися косами, кабана, волка (см. рис. 13).

Обе курганные группы связываются М. Г. Магомедовым с хазарским этносом. Это одна из возможных гипотез, правомерность которой автор видит в некоторых чертах погребального обряда и в характере

сопровождающего инвентаря. Так, катакомбы отличаются от аланских строго выдержанной ориентировкой, заполнением дромосов камнем и сырцом, “кибиткообразной” формой некоторых камер, плетением своеобразных гробов из камыша. Существенно также, что, в отличие от аланских погребений (коллективных), в катакомбах этого могильника захоронения только одиночные, причем, судя по богатству конской сбруи и оружия, они принадлежали знатым воинам.

Полных аналогий этим захоронениям пока в том регионе неизвестно, но следует упомянуть, что катакомбное подкурганное захоронение воина (правда, погребенного с женщиной и ребенком) мы знаем в Поволжье (Шиловский могильник). Погребение почти синхронное, с солидами-подвесками, с богатыми наборами оружия и конской сбруи, украшенной также костяными накладками с изображениями сцен борьбы людей, животных, драконов.

Оригинальной особенностью II группы Чирюртовского могильника являются открытые исследователями каменные цоколи двух маленьких церквей, вернее, часовен, поставленные между курганами и синхронные им (см. рис. 13). Это прямоугольные бесфундаментные постройки, сложенные из камня на глиняном растворе. Ориентированы по длинной оси В—З, входы были в западной и южной сторонах, в восточном конце — алтарь. Вокруг алтаря в обеих часовнях обнаружены обломки массивных, тщательно изваянных крестов с фигурными концами. Датируются эти сооружения по крестам не позже VIII в. М. Г. Магомедов полагает, что разрушены они были одновременно с разграблением богатых курганов, которое было произведено арабскими воинами после взятия города, отождествляемого этим автором с одной из первых хазарских “столиц” — Беленджером, а все городища в долине Сулака входили, по его мнению, в “хазарское владение Беленджер”.

В долинах Акташа и Ярыску также известны крупные городища, поставленные на пограничных со степью отрогах Кавказского хребта. Они как бы “запирают” долины рек. На Акташе это громадное городище, укрепленное системой рвов и сырцово-глинобитными стенами и валами. У подножия мыса располагалась гончарная мастерская с двухъярусными круглыми небольшими горнами, аналогичными горнам в конце VIII—IX вв., распространившимся в степях Донского бассейна и других районах, входивших в Хазарский каганат. Небольшими раскопками на городище выявлен насыщенный обломками керамики культурный слой и каменные цоколи прямоугольных домиков с материковыми полами, тарелкообразными очагами в центре пола и, видимо, турлучными стенами. И в жилищах, и рядом с ними вырывались большие хозяйственные ямы: погребя и зернохранилища.

Второе городище — на Арыску также раскапывалось, но оно более чем наполовину разрушено размывами реки. Среди местного населения городище получило название Азар-кала (или Хазар-кала). На всех этих памятниках нет полноценных и достоверных датирующих материалов. Керамические обломки как будто свидетельствуют о сходстве керамических комплексов этих городищ с комплексом более поздней посуды, хорошо известной в Хазарии в последующее время (см. главу IV). Однако хронологическая разница между ними так значительна (100—150 лет), что абсолютного сходства гончарных изделий быть не может. Как бы там ни было, но следует признать, что как большие “узловые” городища, так и связанные с ними приречные укрепления мы можем считать хазарскими памятниками “перешепинско-вознесенского этапа”.

Помимо всех этих стационарных оседло-земледельческих населенных пунктов, по-видимому, к тому же времени относятся и расположенные много севернее — на левом берегу Терека еще два крепостных сооружения, солидные размеры которых уже давно привлекали внимание исследователей. Это прежде всего городище у станицы Шелковской (см. рис. 13), находящееся на ровной незаливной террасе реки. В плане оно квадратное, ориентированное углами по странам света, размеры его — 500×500 м. Оборонительные сооружения, прослеженные по всему периметру квадрата, сохранились в виде валов, достигающих высоты 8 м, а ширины — 30 м. На каждой из сторон прослеживаются проемы ворот между двух близко стоящих оплывших башнеобразных выступов. Кроме них, на углах и по стенам, несмотря на расплывчатость очертаний, четко выделяются аналогичные выступы башен (расстояние между ними около 40 м). С юго-западной и северо-восточной сторон вдоль стен сохранились западины громадных рвов.

Разрез позволил установить, что стены возводили из чередующихся слоев глинобита и сырцовых кирпичей, подобных кирпичам всех других памятников Дагестана.

Культурный слой на городище очень незначителен, поэтому, несмотря на величину памятника, у нас нет данных о том, что памятник можно считать остатками города. Городище ни разу не раскапывалось и не шурфовалось, поэтому все, что было, возможно, углублено в материк, затянута дерновым слоем, поэтому не только внутренняя планировка этой крепости, но и планировка отдельных усадеб или даже домов остаются пока невыясненными.

Представляется очевидным, что это городище было одной из самых крупных крепостей в Хазарии, стоявшей, судя по данным письменных свидетельств, на пути, соединявшем Дербент со столицей Хазарии Итилем. Это был прекрасно защищенный от нападений торговый и, воз-

можно, таможенный пункт, в котором у ворот сооружались таможни, караван-сарай и пр., а в центре раскинулась большая базарная площадь. Возможно, потому и не накапливался здесь культурный слой, характерный для обычных городов и поселений.

Представляет интерес факт сооружения еще одной аналогичной крепости на Тереке у ст. Некрасовской (см. рис. 13), примерно в 55—60 км от Шелковской вниз по реке. Она тоже поставлена на правом берегу, опоясана глубоким рвом, ее массивные стены сложены из сырцовых кирпичей. Правда, в отличие от великолепно спланированной квадратной Шелковской крепости, она в плане неправильно трапециевидная со слегка закругленными углами (без башен), размеры ее значительно меньше (230×330 м), ворота всего одни, тоже без башен, которых нет не только на углах, но и вдоль стен. Тем не менее это было сильное укрепление, способное выдержать и набег, и осаду. Культурного слоя в крепости не было. Видимо, это также был «оборонно-таможенный» пункт, синхронный Шелковскому, с которым он был связан прекрасной дорогой, функционирующей до сих пор. Некрасовская крепость охраняла эту дорогу, ведущую посуху к Каспийскому морю, находившемуся в то время примерно в 10—15 км от крепости. Возможно, что морские караваны останавливались в ней и оттуда морским путем следовали в хазарский центр — Итиль.

Очевидно, Терек в то время был пограничной рекой между землями хазарского каганата и захваченными арабами южными прикаспийскими владениями хазар. Таким образом, можно предположить, что обе крепости были поставлены на Тереке уже после окончания войны с арабами, т.е. где-то во второй половине VIII в. Благодаря идеально правильной планировке первой крепости некоторые ученые склонны были считать, что она выстроена арабами. Однако для каких целей выполнили эту громадную работу арабы и затем, уходя, оставили ее хазарам, ни логически, ни практически необъяснимо. До проведения здесь настоящих исследований следует, видимо, воздерживаться от любых недоказуемых гипотез.

Географически Прикаспийский регион граничит с севера степями Калмыкии и Нижнего Поволжья, к которым с восточной стороны примыкают обширные степные пространства Заволжья.

8. Прикаспийские степи в VI—VII веках

Следует отметить, что на этих землях уже более столетия из года в год (исключая военное время) ведутся исследования курганов и курганных могильников разных эпох — от бронзы до Золотой Орды.

Традиция систематических ежегодных полевых работ возникла и утвердилась благодаря созданной П. С. Рыковым Саратовской школе ар-

хеологов-единомышленников, в которую входили такие известные ученые, как П. Д. Рау, Н. К. Арзютов, Т. М. Минаева, А. Н. Кушева-Грозевская, П. Д. Степанов, И. В. Сеницын и др. Многие из них погибли в периоды репрессий, иные были перемещены в другие регионы страны или сами сменили место жительства и работы, продолжая там свою научную деятельность. Из всех учеников П. С. Рыкова судьба “пощадила” только И. В. Сеницына, который, продолжая дело “саратовской школы”, проводил раскопки каждый год вплоть до своей смерти в 1972 г. [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998].

Наряду с ним в Поволжье в послевоенные десятилетия активно работали широкомасштабные экспедиции К. Ф. Смирнова и В. П. Шилова [Сеницын, 1959; Смирнов, 1959; Шилов, 1959].

Среди тысяч раскопанных погребений памятники, относящиеся к векам “перещепинско-вознесенского” этапа, встречаются редко. Несмотря на хронологические рамки (V—VII вв.), соответствующие времени раннего средневековья, исследователи называют их позднесарматскими. В статье о позднейших сармато-аланских погребениях на территории Нижнего Поволжья Е. К. Максимов, приняв общераспространенное мнение о сарматской принадлежности захоронений V—VII вв., отмечает, что сарматский погребальный обряд в те столетия сильно меняется под воздействием, очевидно, тюркоязычных племен, пришедших с гуннами: возрастает количество захоронений с костями коня (головой и отчлененными ногами), почти исчезают меловые подсыпки, меняется форма могилы — преобладают подбойные с узкими входными ямами, устойчивой становится ориентировка покойников головами на С, СВ, СЗ. Наряду с труположениями довольно широко распространилась кремация. Явно преобладают впускные захоронения, а индивидуальные подкурганые — единичны. Все эти выводы, как и датировка погребений, сделаны на очень небольшом материале (всего 15 комплексов), поэтому заключения автора носят предварительный характер, что он сам подчеркивает неоднократно [Максимов, 1956]. Однако добавим, что исследование большой серии черепов из Калиновского могильника [Гинзбург, 1959, с. 571, 572, 582] позволило автору говорить, во-первых, о возможной примеси монголоидных элементов в европеоидных черепах из позднесарматских захоронений и, во-вторых, о встречаемости в этих погребениях черепов, аналогичных “эливкинскому типу” или Среднеазиатскому междуречью, что сближает их с черепами сармат астраханской группы и значительно более поздними черепами из могильников Саркела—Белой Вежи.

Представляется очевидным, что прикаспийские и заволжские степи были охвачены такими же бурными этногенетическими процессами,

какие прослеживаются по всей степи вплоть до Дуная. Несомненно, большую роль в этногенезе степного населения эпохи раннего средневековья играли остатки разбитых гуннами алано-сарматских объединений. Об аланских корнях “салтовской культуры” писал еще Н. Я. Мерперт [1951] в специально посвященной генезису “салтовской культуры” статье.

Тем не менее аланы не стали создателями новой степной культуры — в ее фундамент легли элементы разноязыких и антропологически нередко различных этносов.

Характерно, что ни один из ранее средневековых авторов, писавших о степных народах того времени, ни разу не упомянул ни сармат, ни алан. Очевидно, они просто “растворились” в массе тюркоязычных этносов, хлынувших в восточноевропейские степи.

Значительное разнообразие в устройстве могильных сооружений и пока еще очень небольшое количество открытых раннесредневековых погребальных памятников делает невозможным их исследование, а тем более — сравнительный анализ погребальной обрядности разных групп степного населения. Видимо, это обстоятельство привело археологов к необходимости разобраться в материалах богатого вещевого комплекса из захоронений и поминальников эпохи раннего средневековья.

В результате в настоящее время вопросы датировки, т.е. хронологизация кочевнического комплекса VI—VIII вв., в целом завершена. Споры ведутся уже о каких-либо “неточностях” длиной примерно в четверть столетия (а иногда и менее того).

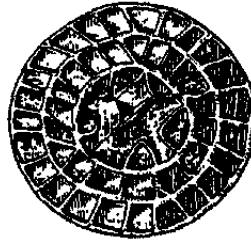
Поскольку датирующие вещи в основном относятся к предметам одежды и украшениям, то вряд ли, опираясь на них (как и на монеты), стоит добиваться невероятной псевдоточности. Тем не менее необходимо помнить, что дорогие вещи, как и в наши дни, жили гораздо дольше людей, их передавали по наследству, они составляли материальный фонд семьи (ее “сокровище”) и поэтому в могилах нередко попадаются уже сильно потертые или даже сломанные (со следами починки) предметы. Так избавлялись от драгоценного “старья”, очищая “сокровище” и в то же время принося богатые дары умершему родичу.

Но следует признать, что вещи перещелинско-вознесенского этапа дают нам в целом убедительно точную хронологическую шкалу степных древностей VI — середины VIII в., которая вряд ли будет кардинально изменена в будущем.

Во второй половине VIII в. начался новый этап развития хазарской государственности и, что особенно важно для археологов, развития эко-

номики, материальной и духовной культуры. Этому периоду жизни степного населения под властью и защитой сильного государства, подчинившего и включившего в свою орбиту многие степные этносы и народы, будет посвящена следующая глава.





Г л а в а IV

ХАЗАРСКИЙ КАГНАТ. САЛТОВО-МАЯЦКИЙ ЭТАП (вторая половина VIII — начало X века)

1. На новом этапе истории

Из предыдущей главы мы уже знаем о начале формирования первого этапа культуры, ставшей культурой государства, возглавленного хазарами. К концу первого периода хазары практически заняли всю южнорусскую степь, но следует учитывать, что при этом отнюдь не происходило тотального уничтожения прежних владельцев захваченных территорий. Просто их немного оттеснили на окраины степи или в горные Предкавказские районы, на западные пастбища Придунавья и в северную лесостепь Прикамья. Существенно, что в Придунавье и Прикамье болгарам удалось создать собственные государства и сохранить в их названиях свое этническое имя, а в кавказских предгорьях — свой этнос и язык [Златарски, 1970, с. 165—167; Артамонов, 1962, с. 172—174; Плетнёва, 1981 с. 17—18; Федоров Л. А., Федоров Г. С., 1978, с. 76 и сл.].

Однако подавляющее большинство болгар и родственных им этносов влилось в хазарское “сообщество”: в воинские и в хозяйственно-административные формирования каганата. В сложении культуры, о которой пойдет речь в этой главе, значительную, а нередко и преобладающую роль играли именно болгары, в большом количестве осевшие на землях Донского бассейна, Приазовья и Крыма. При этом их этническое имя как бы “стерлось” и возникло вновь только после ослабления и гибели каганата (черные болгары в Приазовье и Крыму стали упоминаться только с середины X в.).

Другим, не менее значительным компонентом в каганате были аланы. Они по-прежнему, как в предыдущий период, не упоминались в источниках, но их археологические памятники весомо свидетельствовали об их пребывании в донской лесостепи. Их погребальный обряд, ант-

ропология, бытовая культура, дошедшие до нас благодаря громадному количеству раскопанных погребений, по существу, аналогичны кавказским аланским памятникам синхронного и более позднего времени.

А вот вопрос о том, как же попали кавказские аланы где-то примерно во второй половине VIII в. в донскую лесостепь, решался разными путями: 1 — аланы отступили из своих владений в среднем Предкавказье под давлением хазар, которым они мешали беспрепятственно проходить к Азовскому морю или через хребет — в Закавказье; 2 — хазары по приказу кагана выселили наиболее сильную и дееспособную часть алан из Предкавказья и поселили их на своем наиболее отдаленном и опасном северо-западном пограничье; 3 — аланы сами отошли с обжитых владений из-за постоянных нападений на них арабских войск, части которых, видимо, зорко следили за непокорными кавказскими народами и при необходимости уничтожали целые поселенья и уводили сотни пленных. Представляется, что все эти три причины имели место в совокупности при перемещении алан на север. Следует отметить, что в VIII в. в среднем Предкавказье почти полностью исчезли могильники алан. Это подтверждает факт их массового переселения из данного региона.

Как бы там ни было, но несомненно, что сложнейший этнический конгломерат заселял в VIII, IX и вплоть до середины X в. обширные земли, завоеванные и подчиненные хазарами. Степень подчиненности была разной: были подданные, были и данники. Попытаемся разобраться в этническом составе населения каганата, опираясь на известные в настоящее время археологические открытия. Обнаруженные большие материалы из раскопок могильников и поселений, из множества проведенных вдоль берегов рек маршрутов позволили разделить культуру всей территории степей от бассейна Северского Донца до Волги — по горизонтали и от верховий Донца и Среднего Дона до Кавказских Предгорий и Крыма на несколько вариантов (рис. 14). Каждый из них отличается оригинальными чертами и одновременно имеет характерные особенности, связывающие его в единый культурный массив со всеми остальными вариантами [Плетнёва, 1967, рис. 50; 2000, с. 11—13 и сл.].

2. Лесостепной вариант

Начнем описание вариантов с самого северного “лесостепного Донского”, наиболее хорошо изученного, а значит давшего наибольшее количество информационного материала как о собственных характерных особенностях алан, так и обо всей культуре в целом.

Наиболее насыщенными памятниками оказались берега двух рек: Северского Донца и Оскола. На Донце в середине 80-х годов XX в.

было учтено больше 120 памятников (развалин городищ, могильников и селищ), а в бассейне Оскола — 110 [Афанасьев, 1987, с. 10—20; Плетнёва, 2000, рис. 2, 33].

Самым знаменитым, более других подвергшимся полевым исследованиям на Донце, является комплекс памятников у с. Верхний Салтов, давший первую часть названия всей этой культуре: салтово-маяцкая. Раскопки на нем, начатые почти столетие назад учителем местной школы В. А. Бабенко, дали громадное количество материалов [Бабенко, 1907; 1914; Федоровский, 1913, с. 4; 1914, с. 75—84; Ляпушкин, 1958, с. 86 и сл.]. Комплекс включает городище с остатками белокаменных стен, большое поселение, примыкавшее к нему (посад?), и обширный могильник, состоявший, видимо, из нескольких тысяч захоронений, произведенных в катакомбах. В комплекс входит еще одно поселение, расположенное напротив городища — на левом берегу, и рядом с ним ямный могильник, известный в археологической литературе под названием “Нетайловский”.

Особенный интерес вызвал у ученых катакомбный могильник из-за обилия в захоронениях вещей самого различного назначения и формы. Нетайловский могильник, открытый Д. Т. Березовцом [1962 и др.], в настоящее время также достаточно полно исследован, но, как и Салтовский, далеко не полностью опубликован. Этот памятник остается “полудоступным” археологам. Несмотря на богатство инвентаря и вариабельность погребальной обрядности, он не стал для исследователей эталонным.

Поэтому сейчас мы попытались сделать “эталонным” значительно менее крупный и богатый Дмитриевский комплекс, находящийся всего в 50 км севернее Верхнего Салтова на берегах р. Корочи. Конечно, он охватывает значительно менее разнообразный материал, который труднее поддается хронологической обработке. Этот комплекс, как и Верхнесалтовский, включает все три типа памятников, т.е. городище, поселение и могильник [Плетнёва, 1989] (рис. 15).

Городище расположено на крутосклонном мысу, заселенном и укрепленном еще в скифское время (примерно в VII в. до н.э.). Вторично мыс был укреплен напольными валами и белокаменной стеной по периметру в хазарское время. Стена из известняка состояла из двух панцирей, сложенных из крупных ломаных (не обтесанных) камней и забитого между ними смешанного с глиной щебня, скрепленного своеобразным жердевым “каркасом”. Толщина стены достигала 4,5 м. Подобные остатки стен были обнаружены на мысовых городищах правого берега верховой Донца почти повсюду, и только изредка вместо белого камня использовался песчаник.

Культурного слоя (за исключением скифского) на городище не было, но на поверхности попадались обломки средневековых амфор. Эта особенность также весьма характерна для донецких городищ, которые служили, видимо, только крепостями и в какой-то мере “убежищами” для местного населения в случаях опасности. Жили люди на поселении, находившемся выше по течению Корочи примерно на 400 м в уютном ложке между двумя холмами. По дну ложка протекал ручеек, впадавший в реку.

Жилища на поселении — прямоугольные полуземлянки столбовых конструкций. Глубина их более 0,6—0,8 м от древней поверхности. Очаги “открытые”, обложенные камнем, расположены в углах или на середине длины одной из стен.

Представляет интерес и тот факт, что на поселении строились иногда и так называемые “юртообразные жилища”. Они были круглые в плане, и в центре пола в них помещался круглый “тарелкообразный” очаг, изредка обмазанный глиной, но чаще это было просто углубление в полу. Как и полуземлянки, “юрты” углублены в грунт. В полу по всему периметру прослеживаются ямки от жердей каркаса. Жилища явно стационарные, хотя сооружены согласно канонам кочевого населения.

На поселении постройки располагались группами, или “дворами”. В каждый двор входило основное жилище, в котором всегда помещали ручной гончарный круг с запасом глины и песка, реже в полу вырывали хозяйственную небольшую усеченно-коническую яму, закрывавшуюся деревянной крышкой. Как правило, здесь же было полуземляночное прямоугольное помещение (видимо, сарай или амбар) иногда с хозяйственной ямой в полу, а также две-три большие конусовидные ямы для хранения в них зерна или иных продуктов.

Помимо жилых дворов на поселении располагалось еще несколько гончарных мастерских, а также несколько небольших ритуальных построек.

Наибольший материал для изучения всех вопросов, связанных с материальной и духовной культурой лесостепного варианта, дают, безусловно, могильники.

Дмитриевский могильник, расположен на склоне мелового холма рядом с поселением (см. рис. 15). Он, по сравнению с Салтовским, занимал очень небольшую территорию (около 15 000 м²). На нем было вскрыто примерно 20 % всей площади, на которой обнаружено 152 катакомбных, 9 ямных захоронений, 9 трупосожжений и 52 остатка поминальных тризн.

Катакомбы представлены классическим типом, ближайшие аналогии

которым мы находим на Нижнелубянском могильнике, расположенном на р. Оскол (рис. 16).

Каждая катакомба состоит из узкого входного коридора — “дромоса”, ориентированного в соответствии со склоном холма, в связи с чем глубина дромоса в нижней части склона не превышает 0,2—0,4 м, а в верхней доходит до 4 м. Стенки дромосов тщательно заглажены, вертикальны, дно немного наклонное в направлении входа в погребальную камеру, сооруженную в торцовой стенке верхнего конца дромоса. Камера от дромоса отделена узким арочным входом, иногда довольно длинным. Как правило, вход тщательно закладывается массивными дубовыми плахами. Камеры — основная часть катакомбы — обычно овальные или неправильно-овальные, свод полусферический, высота его около 1 м. Следует отметить, что половина раскопанных камер оказалась забитой материковой глиной, обычно неотличимой от материка. Это наиболее богатые вещами захоронения. Всего в катакомбах было обнаружено 345 скелетов. Поскольку погребальный обряд здесь редко нарушался грабителями, удалось проследить ряд ранее неизвестных (или мало известных) погребальных обрядов.

В каждой катакомбе хоронили умерших одной семьи: мужчин и женщин. Парные захоронения (возможно, война с молодой убитой рабыней?) совершали на угольной подстилке, игравшей, видимо, объединяющую роль: “вхождения” рабыни в семью хозяина. Впрочем, попадались и захоронения семейные на угольных подсыпках и в единичных случаях — даже одиночные. Последних на могильнике вообще встречалось мало. Мужчин укладывали в могилу вытянутыми на спине, женщин, за редкими исключениями, — скорченно на правом или левом боку. Ориентированы скелеты всегда головами влево от входа. Впрочем, проследить это не всегда возможно из-за очень сильной в большинстве катакомб разрушенности скелетов, из-за перемешанности их костей на полу камеры. Разрушение скелетов явно ритуальное [Плетнёва, 1967, с. 83], так как следов ограбления в камерах не было — дорогие вещи лежали или *in situ*, или перемешку с костями похороненных.

Детали процесса прохождения этого крайне неприятного ритуала остаются пока не вполне ясными [Флеров, 1993, с. 42—60; 2000, с. 65—88].

В дромосы иногда укладывали труп лошади, взнузданной и оседланной, и, что интересно, лошадиный скелет также подвергался обезвреживанию: вырубалась спина, убирались пястные кости, копыта и пр.

В дромосах перед входом и, реже, в самой камере — в головах погребенного ставились разнообразные керамические сосуды. В основном это были кувшины, кружки и горшки. Последние обычно сопровождали женские погребения.

Мужские богатые погребения сопровождалось оружием: саблей, топориками, луком с колчаном со стрелами. В области таза у мужчин находились остатки воинского пояса — обычно это до десятка серебряных или бронзовых бляшек, один-два наконечника и пряжка (см. рис. 23; 35). Существенно отметить, что резко изменилась орнаментация наборов: основой ее стал лотосовидный узор, постепенно заменявшийся “кустиком” мелких лотосовидных фигур, а еще позднее (к концу IX в.) распространился и геометрический орнамент.

Те же явления мы наблюдаем и на металлической гарнитуре конской узда. Все вместе позволяет ориентироваться в хронологии этого второго периода культуры, возникшей в Хазарском каганате (рис. 17; 18).

Наряду с катакомбным обрядом на могильнике встречались и обычные ямные могилы: четыре женских скорченных захоронения и пять мужских, а также три подбойных погребения. Мужские захоронения очень бедны вещами. Женские погребения, принадлежавшие аланкам, немного богаче — в них попадаются дешевые мелкие украшения из бронзы, сосуды, иногда бусы.

Все они синхронны катакомбам, располагаются на площади могильника параллельно дромосам и, как правило, по краям свободных “полос”, отделявших группы кактакомб друг от друга. Именно на этих же “полосах” удалось обнаружить девять трупосожжений в урнах.

Урны представлены крупными остросереберными горшками, имеющими аналогии в пеньковских древностях, прототипы которых следует искать в черняховских памятниках.

Только в одном погребении с остросереберным горшком была помещена хорошо сохранившаяся (правда, с отбитыми ручками) большая лощеная корчага, украшенная двумя параллельными валиками. Эта находка уже позволила считать трупосожжение синхронным могильнику. Тот факт, что трупосожжения помещались только в свободных от катакомб зонах, может свидетельствовать в пользу их появления на могильнике уже после вполне сформировавшегося плана аланского могильника, т.е. не ранее начала IX в.

Помимо катакомбных и иных захоронений на раскопанной площади могильника были обнаружены остатки поминальных тризн. Все они помещались в неглубокие ямки, вырытые в дерновом слое, и располагались беспорядочно: в непосредственной близости от катакомб, на свободной от катакомб площадке, на краю разделительной “полосы” и пр. По содержанию можно разделить тризны на три группы: 1 — состоящие только из костей животных: коров, коз, изредка — лошадей. Большинство костей расколоты, т.е. это остатки ритуальной трапезы; 2 — состоящие исключительно из сосудов. Иногда это всего один небольшой

горшок, кувшин или даже кружка, но, как правило, в тризну входило от трех до пяти разных сосудов, в том числе великолепные лощеные пифосы и пифосы-кувшины, украшенные наклепными тонкими валиками; 3 — смешанная группа, в которую входили как кости животных, так и сосуды. Поскольку тризны закопаны в землю неглубоко, то их долгое время не замечали раскапывающие могильники археологи, видимо, считая обломки горшка или костей просто включениями в “культурный слой” могильника. В Дмитриевском могильнике впервые открыт этот интереснейший поминальный обряд, характерный для аланских могильников лесостепи.

Следует отметить, что при исследовании разнообразных обрядов, прослеженных в настоящее время на ряде аналогичных могильников, возникает тем больше вопросов, чем больше у нас в руках окажется материалов по обрядам, а также вещей, связанных с ритуалами и верованиями хоронивших на могильниках людей.

При исследовании этого в общем небольшого могильника мы столкнулись с существенным фактом разноэтничности его населения. При несомненном преобладании аланских захоронений, здесь, как мы уже отмечали, попадаются и брахикранные черепа, принадлежавшие, очевидно, степному населению, где они на каждом могильнике в абсолютном большинстве. Интерес представляет еще одна антропологическая группа — мезокраны — люди от смешанных браков. К тому же не исключено, что в этом процессе этногенеза принимали участие и “пеньковские” этнические элементы. Им разрешали хоронить своих мертвых на семейных, в основном аланских, участках могильника. Кроме того, на левом берегу речки, напротив городища, находилось поселение, на котором наряду с обычной для этого времени и региона керамики, попадались и обломки лепной “пеньковской” посуды. Очевидно, все это население не только погребалось на одном могильнике, но и жило в непосредственной близости друг от друга.

3. К вопросу о многоэтничности

Естественно, встает вопрос, уникально ли совместное существование и тесное взаимодействие, так выразительно выявившееся в Дмитриевском комплексе, или оно закономерно распространено по всей донской лесостепи? Оказалось, что сосуществование на этой территории различных типов погребальных обрядов — весьма характерное явление. Так, в Верхнем Салтове на левом берегу Донца расположен, как указывалось выше, большой ямный могильник (Нетайловский). Очевидно, этот памятник оставлен одним из болгарских этносов, хоронивших своих родичей в неглубоких ямах головами на север и, по-видимому,

подвергавших покойников ритуальному разрушению скелетов. Как правило, вещей в могилах почти так же много, как и в катакомбных захоронениях.

Ниже по Донцу, вплоть до границы со степью, попадаются иногда отдельные ямные захоронения, чаще могильники, но мало раскапываемые и, как и Нетайловский могильник, почти не издаваемые. Но все они более “классические” по погребальному обряду, а именно — ориентированы головами на запад или юго-запад без ритуальных разрушений скелетов, почти без вещей.

Однако в ареале катакомбных могильников обнаружены не только ямные захоронения, но и более 10 могильников с трупосожжениями. Первый из них (у с. Новопокровское) был открыт на берегу р. Уды, впадающей в Донец [Кухаренко, 1951]. Остатки трупосожжений, произведенных на стороне, были засыпаны в небольшие и неглубокие могилы (без урн). Вещей в них практически не было, все они плохой сохранности. Зато рядом с некоторыми могилами находились так называемые “тайнички”, в которых были сложены все вещи, необходимые всаднику: сбруя коня, оружие, в том числе копьё, что не свойственно ни аланам, ни степным праболгарским этносам.

Вариантом этого обряда были кремированные захоронения в урнах, помещенных в неглубокие грунтовые ямки. Рядом с ними также находились “тайнички” со сбруей и оружием всадника. Нередко вещи помещали и в ямку с урной. В таком случае длинной саблей, видимо, в сильно накаленном виде обвивали урну. В обычных “тайничках” сабли также сгибались в один или даже два поворота.

Самым исследованным из подобных могильников является могильник у городища, расположенного у с. Сухая Гомольша [Михеев, 1985, с. 6—10, рис. 5—10] (рис. 19). Вещевой и керамический комплекс этих захоронений хронологически абсолютно совпадает с окружающими его комплексами катакомбных погребений. Различие заключается в большей “военизированности” кремированных погребенных, как бы готовых к длительному походу: в инвентарь входили серпы (для накоса травы коню на ночь на время стоянки), цепи и котлы для варки пищи над кострами в пути и т.д.

Этнос этих людей уже долгие десятилетия остается неопределенным и спорным. Пока мы можем только констатировать наличие аналогичных захоронений, относившихся к VIII—IX вв. и немного более позднему времени (вплоть до XII в.) в западном Предкавказье. Думается, что археологи в ближайшие годы смогут доказательно определить этническую принадлежность этих воинов, но для этого необходимы тщательная обработка и сравнительный анализ материала всех открытых в обо-

их регионах комплексов. Гипотез о них уже так много, что не будем говорить здесь еще об одной догадке, даже если она более или менее представляется правдоподобной.

Следует подчеркнуть, что никакого сходства эти захоронения не имеют с урновыми трупосожжениями, обнаруженными на Дмитриевском могильнике. Как керамический комплекс, так и оружейные всаднические наборы резко отличают эти две группы друг от друга. “Дмитриевцы”, — очевидно, остатки “пеньковского” населения, сильно славянизированного.

Помимо Верхнего Салтова и Дмитриевки, на правом высоком берегу Донца расположены еще девять крепостей, близких внешне и конструктивно к описанным. Вокруг каждой создаются неукрепленные поселения, синхронные городищам. На некоторых из городищ, в частности на Мохначевском и городище у Коробовых хуторов, наряду с обломками характерной для “салтовцев” посуды находят обломки славянских сосудов VIII—IX вв. (роменских). Такие находки свидетельствуют о тесных взаимоотношениях этих двух этнически разных народов. Правда, следует учитывать, что, согласно древнерусской летописи, “роменцы”, именуемые в летописи “северянами”, в IX в. вплоть до 884 г. платили дань хазарам. От дани они были освобождены князем Олегом, присоединившим земли северян к своему тогда еще небольшому княжеству. Фактически с тех пор северяне стали платить уже не дань завоевателям, а подать главе начавшего формироваться Русского государства. Однако общение славян с хазарами продолжалось вплоть до первых десятилетий X в.

4. Поосколье и пограничные земли вдоль Тихой Сосны

Иную картину мы наблюдаем на близкой к Донцу, параллельно с ним текущей р. Оскол (см. рис. 14). Приосколье было одним из провинциальных, внутренних регионов Хазарии. Там обнаружено всего два городища. Это крупные, прекрасно защищенные валами и рвами, стоявшие на высоких правобережных мысах поселения. Вокруг них также создавались неукрепленные поселения и могильники, причем на левом берегу, напротив городища, преобладали могильники ямные, а на правом — катакомбные. Интерес представляет тот факт, что у подножия большого холма Ютановского городища и далее выше по реке около каждого заметного поселения располагались плавильные печи. Район был явно индустриальным. Характерно, что даже отошающие примеси в гончарной глине здесь не из дробленого шамота или дресвы, а из дробленого шлака.

Несмотря на отсутствие крепостей-городищ, поселения концентри-

руются здесь также в группы вокруг более или менее крупных поселений, особенно с остатками развитого индустриального производства [Афанасьев, 1987, с. 21 и сл.].

Катакомбные могильники в этой области встречены пока в меньшем количестве, чем на Донце, а ямные отдельные захоронения попадаются на левом берегу столь же часто, что и в более западном районе. Трупопожжение обнаружено всего одно; типологически оно абсолютно то же, что и на Сухогомольшанском и других подобных донецких могильниках. Пеньковские погребения здесь не встречены, но зато попадают пеньковские поселения, также с остатками индустриального и кузнечного дела. Удалось проследить, что пеньковские слои на поселениях перекрыты более поздними наслоениями VIII—IX вв. То же наблюдение было сделано и при исследовании плавильных горнов: “салтовцы” нередко ставили свои горны рядом с более древними или даже прямо в них.

Таким образом, Оскольский регион уже с глубокой древности (не менее 1300 лет) и до наших дней остается одной из наиболее развитых железоплавильных областей Европейской равнины [Афанасьев, Николаенко, 1982, 1984].

К востоку от Оскола довольно длинным (более 100 км) и узким “протуберанцем” протянулся последний регион лесостепного варианта. Все поселения на нем связаны в единую “цепочку” Тихой Сосной — небольшой речкой, впадающей в Дон. Городища сильно отличаются от оскольских и донецких. Все они стоят на более или менее возвышенных местах правого (одно — левого) берега реки и представляют собой прекрасно укрепленные крепости, прямоугольные в плане, размерами от 7000 до 11 000 м². Стены крепостей сложены из меловых обтесанных блоков или из смеси сырцового кирпича с пахсой. Наиболее исследованным, хорошо сравнительно сохранившимся и несомненно выстроенным с особой тщательностью является так называемое Маяцкое городище, находящееся при впадении Тихой Сосны в Дон на высоком холме, возвышающемся над обширной поймой Дона. У его подножия раскинулся современный хут. Дивногорье [Плетнёва, 2000, с. 54—60]. Происхождение названия холма и памятника на нем в настоящее время неясно. Очевидно, на горе стоял когда-то маяк для кораблей, плывущих ночью по причудливым изгибам Дона. Нам важно то, что этот памятник, наряду с Верхним Салтовом, дал имя целому этапу степной культуры — салтово-маяцкому.

Крепость была окружена громадным, довольно плотно заселенным поселением [Винников, Плетнёва, 1998] (рис. 20). Раскопками на нем открыто около 50 различных построек: полуземлянок со столбовыми кон-

струкциями стен, погребов, “амбаров”, очень больших хозяйственных ям, предназначенных для хранения зерна, трех святилищ, расположенных вокруг них катакомб двух типов — с прямоугольными обычными дромосами и дромосами в виде хозяйственных больших и глубоких ям [Винников, Афанасьев, 1991]. Помимо этих захоронений на территории поселения, на пологом склоне холма находился катакомбный могильник, типологически несколько отличавшийся от “классических”. Дромосы в нем неглубокие, сравнительно короткие и широкие, а камеры, как правило, расположены асимметрично относительно дромоса. Погребенные ритуально разрушены, но вещей с ними было помещено немного. Ограбления при ритуальных действиях вряд ли практиковались, поэтому отсутствие наборов разнообразных предметов в камере тоже можно считать ритуальным отличием от классических катакомб Донца и Оскола [Флеров, 1993].

Представляют интерес антропологические различия черепов Маяцкого могильника от “дмитриевских”. Сравнительно с последними они довольно сильно метизированы [Кондукторова, 1984].

Крепость на поселении (как и на всех остальных памятниках по Тихой Сосне) построили на уже заселенной территории. Это был явно “замок” феодала или хазарского тудуна (рис. 21). Он был отделен от поселения мощным рвом и весьма престижно выглядевшими белокаменными стенами, сложенными насухо в два панциря из хорошо обтесанных блоков. Пространство между панцирями было заполнено меловым раствором, смешанным с глиной и укрепленным деревянным каркасом, а также щебнем и кусками камня. Толщина стены достигала 6,5 м. Такова же была, вероятно, и ее высота. Внутри крепости выстроили несколько небольших жилых и хозяйственных зданий, явно предназначенных для одной семьи.

Стены были покрыты многочисленными граффити: тамгами, буквами, целыми надписями и рисунками в основном лошадей и всадников (рис. 21; 22). Предназначение их также вызывает разногласия. Одни ученые считают их обычными бытовыми метками, рисунками, словами [Плетнёва, 1984, с. 91 и сл.]. Другие придают им магический смысл [Флерова В. Е., 1997, с. 52 и сл.]. Стены, освященные силой и властью хана, обладали способностью как-то помочь прикоснувшемуся к ним человеку. Возможно, этот “спор” может быть разрешен только после прочтения надписей, которые написаны пока нечитаемыми рунами, фонетически не имеющими ничего общего с сибирским письмом [Кызласов, 1990].

Отметим еще одну особенность Маяцкого поселения: на нем выделен специальный гончарный участок на склоне крайнего оврага, в об-

нажениях которого видны выходы прекрасной глины, а на дне течет небольшой ручеек. На участке раскопано несколько гончарных мастерских и гончарных горнов. В мастерских сохранились остатки замесов производственной глины, следы от крупных гончарных кругов, специальные “полки” для сушки готовой продукции и очаги, служившие для отопления.

Никаких следов хозяйственно-бытовой деятельности здесь не было. В мастерских только работали. Многочисленные обломки случайно разбитых или бракованных сосудов дают представление об ассортименте изготавливаемой продукции и об искусстве мастеров [Плетнёва, Красильников, 1990].

Значительные размеры, довольно плотное заселение, мощная крепость, принадлежавшая хану, распространенность собственного рунического письма, выделение отдельных ремесел свидетельствуют, возможно, о том, что на Маяцком мысу располагался один из типичных городов. Такими же были в лесостепном варианте торгово-ремесленный центр в Верхнем Салтове или металлургический центр у Ютановки.

5. Степные варианты Донского бассейна

Громадные пространства степей (примерно 160 тыс. м²), естественно, охвачены археологическими исследованиями не так полно по сравнению с лесостепным вариантом. Изучение степных памятников (стационарное и разведки) ведется выборочно, хотя, как правило, довольно обширными участками.

Наиболее близким географически к лесостепи является подробно исследованный регион Среднего Донца и его притоков. По Донцу и особенно его правым притокам известно более 500 памятников. Это крупные стационарные поселения, ямные могильники и несколько больших городищ.

Самым крупным, а главное, наиболее изученным городищем является городище “Маяки”, расположенное на правобережном мысу, рядом с с. Маяки [Михеев, 1985, с. 12—18, рис. 2, 4, 13, 15, 16, 19—25, 27—35]. Укрепления этого памятника сохранились в виде расплывшегося вала и чуть заметной впадины (ложбины) рва, сооруженных с напольной стороны мыса. К укреплению с внешней стороны примыкает обширное поселение, как бы “посад” при крепости. Культурный слой в обеих частях этого комплекса толщиной 0,6 м насыщен находками — обломками характерной для степного региона посуды: горшков, сделанных из глины, отощенной речным крупным кварцевым песком, и орнаментированных глубоко врезаемым в поверхность линейным орнаментом, а также некоторое количество лошенных сосудов и привозных

крымских амфор. Кроме керамических находок, встречаются в слое каменные поделки (жернова, литейные формы, пряслица) и исключительно богатая коллекция самых разнообразных железных орудий труда и быта, изредка предметы вооружения или конской сбруи.

Железо сохранилось в слое прекрасно, поэтому весь ассортимент орудий, которыми работали жители, в том числе и мастера разных специальностей, представлен очень полно. Это — мотыги и мотыжки, лопаты, серпы, косы, кузнечные инструменты: шипцы, ножницы для резки металла, молотки, напильники, наковальни и пр., а также столярные инструменты: тесла, сверла, ложки и пр. Замечательная коллекция из Маяков выдвинула городище в ряд с самыми крупными открытиями археологов за последние 50 лет. К сожалению, площадка мыса долгие годы активно распахивалась, и на нем не только почти исчезли остатки укрепления, но и полностью уничтожены жилища, которые, очевидно, были наземными и легкими. Удалось проследить следы только одной постройки — сгоревшей юрты с тарелкообразным очагом в центре. Не исключено, что подавляющее количество жилищ здесь были аналогичны этой обычной для степей постройке. В нескольких местах на пашне выявились зольные пятна, по-видимому, остатки “зольников”, о которых будет сказано подробнее в следующем разделе этой главы.

Вокруг городища расположено несколько характерных для всего степного региона ямных могильников. Погребения в них совершались в ямах, покойников укладывали на спину, головой на запад или юго-запад с весьма скромным сопровождающим инвентарем: в головах ставили один или два сосуда с пищей и рядом с ними кусок баранины, от которого оставалась обычно бедренная кость. На поясе нередко находился один небольшой нож, в женских погребениях изредка попадались бронзовые серьги “салтово-маяцких” типов, простенькие перстеньки.

Помимо Маяков, В. К. Михеев исследовал соседние с этим памятником аналогичные четыре городища. Почти на всех он заложил небольшие раскопы, давшие нам представление о фортификационных приемах, применяемых при сооружении валов, о жилищах, вещевом и керамическом комплексах этих памятников. Так, разрезы валов показали, что это остатки развалившихся стен, сооруженных в виде двух деревянных “панцирей” и глиняной забутовки между ними. Для устойчивости панцири стягивали поперечными перегородками. Жилища представлены полуземлянками с очагом в центре пола. Керамический материал на них почти не отличается от вышеописанного комплекса городища Маяки, а на самом близком к Маякам территориально Сидоровском городище, на котором также хорошо сохранялось железо, об-

наружен практически тот же набор орудий труда и быта. Рядом с этим городищем находился ямный могильник. Следует отметить, что и на других городищах попадались железные орудия, но в меньшем количестве и разнообразии. Впрочем, это, скорее всего, зависело от небольших размеров вскрытых на них раскопками площадей.

Восточнее и северо-восточнее, т.е. немного ниже по Донцу и на его в основном левых притоках, в пределах Среднего Донца, разведками и раскопками К. И. Красильникова открыт значительный, заселенный в VIII—IX вв. явно сельскохозяйственный район степи [Красильников, 1981]. Вдоль рек, на второй незаливной террасе, располагались большие (иногда длиной до 500—600 м) поселения с насыщенным находками культурным слоем, примерно таким же, какой был зафиксирован на городищах (0,6 м). В раскопках на нескольких таких поселениях открыты жилые полуземлянки с открытым очагом в центре пола, а изредка и с печами-каменками, с тандырами для выпечки хлеба, а во многих жилищах сохранились следы деятельности гончаров — характерные круглые ямки от гончарных ручных кругов, запасы глины и песка в углу и производственные замесы глины рядом с остатками кругов [Красильников, 1976; 1980; 1986]. В непосредственной близости от жилищ находились предпечные ямы с отходящими от них круглыми в плане двухъярусными горнами (рис. 24). Кроме таких жилых и полужилых-полупроизводственных помещений, на поселении строились и хозяйственные постройки — тоже полуземляночные, но меньшие по размерам, а также выкапывалось громадное количество хозяйственных полуконусовидных, расширявшихся ко дну ям различной величины — больших — хлебных и меньших — для хранения необходимых в хозяйстве других продуктов. Отметим, что все старые, разрушающиеся постройки, особенно ямы, жители поселения использовали в качестве помоек. Это была одна из причин медленного накопления культурного слоя, который в значительной части попадал в ямы и старые котлованы заброшенных жилищ.

В горнах, как правило, обжигались типичные для степных жителей Хазарии горшки, описанные выше. Их обломки и целые экземпляры в изобилии встречаются на поселениях. Характерно, что, несмотря на величину многих поселений и, вероятно, обеспеченное существование населения, находки привозных сосудов (амфор) немногочисленны, а это значит, что внешние связи этого региона были ограничены.

Регион процветал. Основой хозяйства было, несомненно, пашенное земледелие и, вероятно, садоводство, а также, судя по многочисленным находкам костей животных (овец, коров, лошадей, свиней, коз и пр.), скотоводство, которое было, видимо, не кочевым, а отгонным.

Об этом свидетельствуют, по нашему мнению, следы летовок (летних стойбищ) поблизости от больших стационарных поселений, обычно располагавшихся в незатопляемой части поймы, где много пастбищных угодий. Стойбища небольшие, с тонким культурным слоем или совсем без него. Обломков керамики и костей животных немного, но существенно, что среди керамики преобладают обломки лепных горшков, а амфор нет совершенно.

Мы уверенно называем эти памятники болгарскими, а вернее, праболгарскими или древнеболгарскими благодаря характерному погребальному обряду. Хоронили, как правило, в неглубоких (0,6—0,8 м) овальных ямах, длинные стены которых нередко усложнены приступками, служившими опорой доскам перекрытия (рис. 25). Иногда в ямах фиксируются подбойчики в головной части могилы, а также остатки дощатых гробов или долбленых колод. Погребенные (мужчины и женщины) укладывались вытянуто на спине, с уложенными вдоль тела руками; ориентированы они головами на запад, юго-запад, реже — на север. Сопровождающих погребение вещей немного, иногда совсем нет или в головах поставлен один горшочек. Только изредка попадаются и более “богатые” погребения. Женские — с украшениями: серебряными или бронзовыми серьгами, перстеньками, бусами; мужские — с предметами вооружения: длинными ножами, костяными накладками на лук, единичными наконечниками стрел и иногда с саблями. Следует отметить, что в обеих Болгариях (Дунайской и Волжской) инвентарь в захоронениях более разнообразен. Однако в целом очевидно, что все эти погребения объединяет единая ритуальная традиция. Кроме того, следует учитывать и полное антропологическое сходство людей, похороненных в могилах этого типа. Это европеоиды-брахикраны, некоторые черепа отличаются незначительной “примесью монголоидности”.

В области Среднего Донца в настоящее время известно несколько десятков “ямных” могильников. Многие из них частично раскопаны. Первым их исследователем был крупный русский археолог В. А. Городцов, открывший знаменитый Зливкинский могильник, на котором им было вскрыто 35 погребений, обработанных и изданных ученым так квалифицированно и убедительно, что все подобные захоронения и по сей день называют погребениями “зливкинского типа”.

Фактически В. А. Городцов дал новое направление и новый импульс для изучения салтово-маяцкого этапа культуры, связав этот могильник по небогатому, но достаточно характерному вещевому комплексу с уже открытыми в лесостепи памятниками этой культуры, отметив при этом антропологические различия погребенных [Городцов, 1905, с. 211—215, 252—259; Анучин, 1905, с. 509 и сл.].

Значительно богаче разнообразными типологически и функционально памятниками салтово-маяцкого этапа обширные степные регионы Нижнего Дона (с притоками) и Приазовья. Некоторые из этих памятников были хорошо известны российским археологам и краеведам еще в конце XIX в., не только проводившим их визуальное обследование, но и закладывавшим на наиболее заметных из них небольшие раскопы [Ляпушкин, 1958, с. 85—90].

Поскольку материалы, добытые раскопками, были незначительны и слабо исследованы, датировка этих памятников нередко завышалась. Тем не менее известный ростовский краевед Х. И. Попов первый счел возможным отождествить развалины Левобережного Цимлянского городища с неоднократно упоминаемыми в разных источниках Саркелом и Белой Вежей. Кроме того, он же связал культурно-хронологически это городище с несколькими памятниками, расположенными в широкой округе этого городища [Попов, 1895].

Серьезные археологические исследования Саркела — Белой Вежи и других памятников Нижнего Дона были начаты в 20-х гг. XX в. М. И. Артамоновым, проводившим первые систематические разведки в этом регионе, а в середине 30-х заложившим первые сравнительно крупные раскопы на Левобережном городище. Опираясь на археологический материал, он блестяще доказал принадлежность Левобережного городища Саркелу—Белой Веже, четко разделив материалы и слой на два периода и полностью подтвердив высказанное ранее предположение Х. И. Попова [Артамонов, 1935].

6. Саркел

Средневековые города и крепости, расположенные в Восточной Европе, очень редко упоминаются в синхронных им или более поздних историко-географических сочинениях и документах. Саркел же был упомянут неоднократно, и это может служить свидетельством его важной роли в жизни громадного степного региона в хазарскую эпоху. Наибольший интерес представляет рассказ византийского императора Константина Багрянородного, писавшего в середине X в. о постройке Саркела и о значении этой крепости для каганата. Этот рассказ множество раз рассматривался в трудах историков XIX—XX вв., поэтому изложение и анализ его в данной книге не нужны. Напомним только, что, согласно Константину, хазарский каган в 834 г. обратился к византийскому императору Феофилу с просьбой прислать в Хазарию инженеров для постройки крепости. Просьба была удовлетворена, и архитекторы, возглавленные важным чиновником Петроной, поставили на Дону, в месте, указанном им хазарами, великолепную крепость [Константин Ба-

грянородный, 1989, с. 171—173]. Внешние ее стены и постройки внутри были сложены из кирпича, а это значит, что крепость была не только возведена по просьбе кагана, но и принадлежала ему, поскольку никто в Хазарии, кроме кагана, не имел права использовать кирпич в качестве строительного материала [Заходер, 1962, с. 184—185] (рис. 26).

Исследования Саркела, продолженные М. И. Артамоновым в 1949—1951 гг., позволили внести в суховатый рассказ императора множество интереснейших дополнений, заметно изменивших картину, данную Константином Багрянородным [Плетнёва, 1996].

Что же, рассказывая о строительстве, упустил Константин, видимо, не считая некоторые подробности существенными?

Во-первых, он даже не упомянул, что крепость была сооружена на искусственном острове, отрезанном от берега реки глубоким с проточной водой рвом, соединенным с рекой обоими концами.

Во-вторых, стены были поставлены без фундаментов — просто на отnivelированном материке, что не свойственно византийской архитектуре и характерно для хазарской.

В-третьих, в строительстве принимали активное участие местные мастера: кирпич, формировавшийся и обожженный рядом с крепостью (сохранились остатки печей для этого обжига), не соответствует по размерам (0,25×0,25; 0,27×0,27 м) византийскому.

В-четвертых, вероятно, после отъезда византийцев хазары сами достроили ряд помещений внутри крепости: караульни у главных ворот, “будки” у входов в цитадель, казармы для стражи и даже башню-донжон в самой цитадели. Существен факт, что кирпичи и известь в этих “достройках” худшего качества, иногда вместо извести в них использовался раствор глины [Раппопорт, 1959].

Все перечисленное свидетельствует о связях Саркела с местными строительными традициями, позволяющими уверенно включить эту крепость в круг собственно хазарских укреплений.

Поперечной стеной крепость разделена на две почти равные части. Меньшая была цитаделью, в которой помещался военно-таможенный отряд. В другой части с главными воротами находились два вполне благоустроенных караван-сарая, что позволяет считать Саркел пунктом, в котором останавливались купеческие караваны.

Все кирпичные здания и внешние стены с башнями фактически не сохранились: кирпич из Саркела добывали жители всех окрестных станций и хуторов в течение не менее 400 лет. В результате от стен остались только отпечатки нижнего ряда кирпичей, немного вдавленных тяжестью стены в материк. Только кое-где сохранились небольшие,

случайно уцелевшие блоки стен, благодаря чему мы знаем, что стены были сложены из сплошного массива миллионов кирпичей.

Наиболее ранний участок был открыт с внешней стороны юго-западной стены, размещаясь между стеной и рвом. Жизнь здесь проходила весьма интенсивно и была многогранной. В восточной части раскопанной площадки располагались железоплавильные горны, дававшие строителям железо и частично — медь, два гончарные горна для обжига повседневной керамики, три жилища-полуземлянки и хозяйственная постройка-полуземлянка с перегородкой. В одном из жилищ находилась печь для выпечки хлеба, а по всему участку разбросаны хозяйственные хлебные ямы. В некоторых из них были захоронены люди: мужчины — вытянуто на спине, женщины — скорченно на боку, в отдельных ямах совершены ритуальные захоронения собак [Артамонова, 1963, с. 11—19; рис. 3; Плетнёва, 1998, с. 57—92] (рис. 27).

Все это сооружалось и функционировало недолго — до возведения стены, которую, очевидно, ставили последней, так как иначе она мешала бы подвозу стройматериалов к другим строящимся объектам — как внешним, так и внутренним. Строительный мусор и разлив извести вдоль стены (отмостка) заполняют часть ям, свидетельствуя о том, что их засыпали уже после сооружения стены или во время ее строительства, т.е. какое-то время они продолжали использоваться жителями. К этому же немного более позднему времени на участке относятся несколько жертвоприношений. От двух, совершенных в больших прокаленных прямоугольных ямах, сохранились кости овец, лошади, собаки, телят (преимущественно черепа и кости ног) (см. рис. 27). Третье жертвоприношение обнаружено в небольшой круглой яме, врытой в уже забитый материковой глиной котлован хозяйственной постройки. В яме помимо золы и рыбьей чешуи находились остатки скелетов 5 рыб, а также разбитый череп и отдельные кости рук и ног юной женщины. Все сооружения, ямы и производственные комплексы были полностью уничтожены — засыпаны и заровнены материковым грунтом из проведенного вдоль стены глубокого рва.

Выше мы говорили, что в Саркеле, функционировавшем вначале в качестве торгово-перевалочного и таможенного пункта, находились два расположенных рядом кирпичных караван-сарая с помещениями для гостей и скота и широкими дворами. На периферии дворов — постройки “обслуги”. В одном из них было раскрыто целое “гнездо” из полуземляночных построек, традиционно спланированных “по кругу”, т.е. четыре по периметру круга и одна — в центре. В них размещались кузница, два жилища гончаров и два жилых домика. Все они построены

по принятым в степи канонам с каркасными турлучными стенами, камышовыми крышами и открытыми очагами в центре пола.

Во втором караван-сарая в углу двора размещался, видимо, аналогичный комплекс, от которого сохранились всего три котлована жилищ тех же конструкций, что и описанные.

В целом представляется весьма вероятным, что Саркел в этот период был заселен слабо. Кроме 300 воинов — охраны, о которых писал Константин Багрянородный и которые заселяли кирпичные казармы в южной части цитадели, постоянно в крепости жили только те люди, которые были необходимы: ремесленники (кузнецы, гончары), разнообразные служители, возможно, менялы.

Во второй период этот, казалось бы, налаженный порядок был разрушен. Прежде всего, были уничтожены постройки во дворах караван-сарая, и их котлованы были тщательно забиты глиной и заровнены. Сами караван-сарая также по неясной причине перестали существовать: стены были полуразрушены, а в полу комнат для гостей и конюшен были вырыты хозяйственные ямы и даже соорудились овальные полуземляночные жилища с очагом в центре пола.

Столь же непонятно было уничтожение “казармы”, на месте которой были поставлены примыкающие к крепостной стене две турлучные сравнительно крупные постройки, возможно, служившие конюшнями.

Несмотря на эти довольно серьезные разрушения, изменившие, по существу, облик и, видимо, назначение Саркела, жизнь в нем продолжалась, причем со значительной интенсивностью. Крепость начала застраиваться жилыми домиками, отличавшимися от полуземляночных жилищ предыдущего времени. Это были наземные постройки с турлучными стенами, глинобитными полами, нередко неоднократно подмазывавшимися, и печами, сложенными из кирпичей и расположенными в углах домов. Кирпичи брались из разрушенных зданий. Характерны для этого периода выложенные кирпичом площадки и большие хозяйственные ямы, как правило, изнутри тщательно промазанные зеленоватой глиной. Дома строились вдоль крепостных стен, примыкая к ним, или же вдоль них, образуя как бы небольшие “кварталы”. Следует отметить, что сами дома, и особенно печи, конструктивно ближайшие аналогии имеют в крымских синхронных памятниках городского типа.

Связь с Таврикой еще более ярко видна при анализе керамического комплекса, в котором преобладают обломки амфор и своеобразных высоких красноглиняных кувшинов с плоскими ручками (о них подробнее будет сказано ниже). Остальная керамика — местная: характерные горшки с линейно-волнистым орнаментом, близкие им по форме и орна-

ментации котлы с внутренними ручками, немного лепной посуды (в основном горшков) и лощеных столовых сосудов (рис. 28).

Металлические предметы встречаются редко и обычно в очень плохом состоянии. Особенно это касается железа, в большинстве полностью разрушенного коррозией. Вещи из бронзы и серебра — украшения, предметы туалета, пряжки и бляшки воинских поясов сохраняются лучше, но теряли их не часто. Кроме того, мелкие предметы подвергались диффузии, т.е. в слой Саркела попадали вещи из более позднего слоя, а значит, их нельзя использовать при датировке слоя.

Исключением может быть только богатый клад, в который входили два воинских пояса и значительное количество целых и рубленых серебряных диргемов [Артамонов, 1958]. Клад был помещен в лепной довольно большой горшок, зарытый в неглубокой ямке в слое выше материка на +0,64 м, видимо, почти у дневной поверхности Саркела. Наибольшую ценность представляет гарнитура парадного пояса из крупных серебряных с позолотой и чернью блях, пряжки, наконечника и добавленных к ним более мелких тоже серебряных бляшек, украшавших, видимо, дополнительные подвесные ремешки. Все эти вещи изготовлены по заказу, несомненно, в одной из лучших ювелирных мастерских. Точных аналогий им в хазарских степях неизвестно, но стилистически они, несомненно, входят в круг драгоценных изделий, появившихся в Хазарии примерно в середине X в. [Макарова, Плетнёва, 1983].

Что касается диргемов, то, по определению А. А. Быкова, время их чекана — между 907 и 954 гг. Это подтверждает дату пояса, установленную благодаря стилистическому анализу ременной гарнитуры.

Поспешное и небрежное зарытие клада в слое, сильно перемешанном с пожарищем, свидетельствует об экстремальной ситуации, при которой это действие производилось. Такая ситуация скорее всего могла быть только в 965 г., когда князь Святослав Игоревич взял, разграбил и, вероятно, до тла сжег крепость-городок. Существенно, что выше отметки клада, а местами и вдвое ниже ее прослежен слой пожара, после которого, смешиваясь с ним, началось новое строительство и возрождение Саркела, получившего русское название Белая Вежа (калька с тюркского старого имени) [Плетнёва, 1996, с. 140—141].

Мы уделили Саркелу большее внимание по сравнению с другими памятниками этой культуры потому, что он и даже его развалины были хорошо известны нескольким средневековым авторам, упоминавшим о нем в своих сочинениях. Кроме того, это единственное городище, раскопанное широкими площадями, что позволило, несмотря на очень плохую сохранность вскрываемых объектов, восстановить многие фак-

ты жизни саркельцев и истории крепости в целом. К сожалению, в 1952 г. полураскопанный уникальный памятник был затоплен “Цимлянским морем” и вряд ли будет когда-либо доступен для полевых исследований.

Помимо Саркела, на Нижнем Дону были исследованы разведками около полутора десятков разнотипных поселений и укреплений. На некоторых из них производились более или менее крупные раскопочные работы. Кратко остановимся на двух памятниках, находящихся в округе Саркела.

Один из них — хорошо известное и прекрасно изданное Карнауховское поселение. Несмотря на очень небольшую вскрытую на нем площадь, памятник дал весьма значительный материал для исследователя [Ляпушкин, 1958а]. В настоящее время памятник, как и Саркел, затоплен. Он располагался на первой террасе левого берега речки Котлубанки, длина его вдоль реки достигала 1200—1300 м. Поселение состояло из двух частей, разделенных довольно широкой затопляемой низиной и оврагом. Наибольший интерес представляет неукрепленная часть. На ее поверхности, как и на Маяцком поселении, особенно четко выделились западины котлованов различных построек, врытых в материк, и большие кучи золы с включением в них большого количества обломков керамики и костей животных. Все эти следы жизнедеятельности людей располагались на площади обеих частей поселения “гнездами”, отделенными друг от друга свободными от застройки участками. Характерно, что почти каждая “куча” золы являлась как бы обязательной частью жилого комплекса, состоявшего, как удалось выяснить, из нескольких жилых и хозяйственных построек [Ляпушкин, 1958а, рис. 1, 8 и сл.]. Жилища-полуземлянки размерами до 12 м² — обычные типологически для степных стационарных построек IX — начала X в. Посредине пола вырыты довольно большие хозяйственные ямы, а открытые, обложенные камнем очаги помещались в углах. Представляет интерес тот факт, что в жилищах попадаются обломки явно саркельских кирпичей, вынутых из кладок (со следами извести на поверхностях), а это позволяет относить время существования Карнауховского поселения к концу IX — середине X в., поскольку кирпичи могли попасть на это поселение только во второй период жизни в Саркеле, отличительным признаком которого было разрушение некоторых кирпичных зданий. Другая особенность жилищ, в частности расположение очагов в углах, также является довольно поздним для хазарского этапа признаком. Традиционное и даже ритуальное размещение тарелкообразного круглого очага в центре пола стало, видимо, постепенно “забываться”. Впрочем, и на этом поселении традиции не всегда игнорировались. Так, рядом с полуземлянками, а иногда и отдельно сооружались большие на-

земные прямоугольные дома, аналогии которым пока неизвестны в культуре Хазарии. Стены этих построек турлучные. Их каркас установлен и закреплен в канавках, вырытых в материк. После этого каркас с обеих сторон обмазывался глиной и обжигался до красноты. Толщина таких стен достигала 0,3 м, обжиг придавал им почти кирпичную крепость, предохраняя от размывов.

В некоторых постройках стены дополнительно изнутри закреплялись врытыми в пол массивными столбами, которые одновременно служили и опорой для перекрытия, видимо, двускатного. В этих домах очаги находились в центре пола, а рядом с ними ставили наземные тандыры для выпечки хлеба и сооружались кувшинообразные ямки, обмазанные глиной, для запекания мяса. Хозяйственные ямы располагались в углах и у стен и там же стояли пифосы и пифосы-кувшины, обломки которых рассыпаны вдоль стен. Были ли эти оригинальные строения только летними хозяйственными помещениями или некоторые семьи пользовались ими и зимой, и летом, можно только догадываться, но очевидно, что эти дома были значительно более удобными для жилья, чем тесные и душные полуземлянки.

Еще более необычными, не обнаруженными нигде в хазарских степях, были длинные (до 14 м) полуземлянки, в ширину не превышавшие 3,5 м. Это не жилые помещения, очагов в них не было, полы пропитаны на значительную глубину отложениями гумуса, смешанными с золой. Пол немного скошен с обеих длинных сторон к центральной осевой линии, по которой была прорыта узкая канавка. Входы в эти помещения обычно находились на торцевой стороне — это просто выемки с покатым дном. Очевидно, эти постройки предназначались для скота — молодняка или окотных овец.

Постройки в укрепленной части этого поселения не отличаются от вышеописанных, они также сопровождаются “зольниками”, но, судя по отсутствию на поверхности следов больших обожженных пятен, здесь не строились наземные турлучные дома. Возможно, что они были просто уничтожены (стерты) многочисленными дорогами, проходившими по этому участку городища, выпасами, близостью села и кладбища и пр. Тем не менее вал и ров сохранились по всей длине (более 600 м), хотя и сильно оплыли. Разрез показал, что первоначальная глубина рва была 2,4 м при такой же ширине, расплывшийся вал был насыпан выкидом из рва; в настоящее время, его высота всего 1 м, но ширина основания (5 м) позволяет говорить о значительно большей его высоте. Никаких деревянных креплений внутри насыпи, видимо, не было, но с внешней стороны между валом и рвом прослежен золистый слой, смешанный с глиной и, возможно, являвшийся остатками внешней дере-

вянной облицовки вала, обмазанной глиной для предотвращения поджога во время осады. В целом, вместе со рвом, это было довольно серьезное укрепление.

На правом берегу Котлубанки, ниже по течению, у бывшего хут. Среднего находилось еще одно большое поселение, укрепленное рвом и валом по всему периметру (в нем не было деления на две части). На его поверхности так же, как на Карнауховском, было обнаружено множество западин от котлованов полуземляночных построек [Артамонов, 1935, с. 25—26, рис. 10].

Наиболее близкими к Саркелу по назначению и мощным укреплениям являются два памятника: Правобережное Цимлянское и Семикаракорское городища.

Первое находилось в округе Саркела (рис. 29) на правом берегу Дона [Артамонов, 1935, с. 27—30; Ляпушкин, 1958; Плетнёва, 1993; 1994; Флеров, 1994]. Крепость построена на мысу между двумя почти сходящимися друг с другом крутосклонными глубокими оврагами. Небольшая перемычка была перерезана ровиком. Так, почти без сооружения укреплений, мыс оказался прекрасно защищенным естественными преградами. Тем не менее его поверхность была завалена обломками меловых камней и щебня, составлявших высокие “валы” внутри крепости. По сохранившимся документам было известно, что в 1744 г. белокаменные стены крепости были разобраны по постановлению Донского Войскового правительства. Блоки стен предназначались для строительства бастионов Старочеркасской крепости.

Существенно отметить, что еще до начала разрушения крепости казаками один из руководителей работ — инженер Санциперов снял ее глазомерный план. В нем много неточностей и неясностей, поэтому интерес представляет не искаженный, отличающийся от фактических данных план крепостных стен, а изображенные на чертеже вдоль стен внутренние “валы”, сохранившиеся и поныне. Долгое время все работавшие на памятнике археологи считали, что это остатки забутовки разрушенных стен, панцири которых, сложенные из великолепных крупных известковых блоков, разбирались и вывозились из городища.

Тщательное исследование культурного слоя городища дало мне возможность предложить свою гипотезу о “валах”, о связях их со слоем и несколькими постройками, которые были перекрыты ими. Добавим также, что не только отвалы забутовки, но и стены перекрывали в нескольких местах разрушенные и засыпанные строительным мусором неглубокие заброшенные котлованы жилых построек. На всех разрезах слоя прекрасно выделяется прослойка строительного мусора, покрывавшая все обнаруженные на мысу котлованы жилищ. По существу, прослойка

отчетливо делит культурный средневековый слой на два: более ранний, к которому относились, прежде всего, раскопанные нами остатки жилищ, и верхний — слой строительства белокаменных стен на мысу.

Итак, нижний (ранний) слой характеризуется довольно плотной застройкой единовременно существовавших жилищ.

Все жилища представляют собой заглубленные в предматериковый слой на 0,2 м стационарные юрты или юртообразные постройки. Форма их в плане преимущественно круглая, встречаются и квадратные постройки с сильно округленными углами. Кроме того, было исследовано несколько жилищ необычной планировки. Они состоят из двух отделений: жилой и дополнительной — “пристройки”. Стены построек всех планировок каркасно-жердевые: в полу каждой по периметру прослежены ямки от неглубоко вбитых жердей. Покрытие каркаса, видимо, было войлочным, как в хорошо известных этнографически юртах. Впрочем, у самых маленьких жилищ такое покрытие могло быть заменено камышовыми или соломенными матами. Материковый пол хорошо выровнен и в его центре помещен тарелкообразный (углубленный на 0,05—0,1 м) или просто кострообразный углубленный в пол очаг. Характерно, что около очагов или у “хозяйского” места вырывались в полу небольшие ямки-тандыры для выпечки хлеба, аналогичные карнауховским. Все пространство пола было “усеяно” ямками от жердей. Одни из них вокруг очага остались от приочажного устройства для подвешивания котла, другие, вероятно, были закрепленными в полу ножками разнообразной “мебели”. Расположение жилищ на поселении в значительной степени беспорядочное. Исключением является размещение жилищ в центральном отсеке по кругу — “курнем” [Плетнёва, 1964] (см. рис. 29). В него входили самые крупные и благоустроенные постройки: 7 — по кругу и 1 — в центре — большая с тремя очагами, выделенным местом для хозяина (напротив входа) и тандырчиком рядом с ним, который мог служить и просто дополнительным “обогревом”.

Выше мы уже говорили, что мыс был великолепным естественным укреплением, однако жители поселения предельно увеличили его обороноспособность. Помимо ровика, перерезавшего узкую перемычку между оврагами, видимо, тогда же были проведены и другие земляные работы, а именно — эскарпирование склонов. В наши дни эскарп прослеживается только в виде чуть заметной ступени на двух овражных склонах. Со стороны “моря” склон активно размывается и постоянно обваливается. Можно предположить, что были сооружены какие-то стены по периметру мыса. Данных для такого предположения немного, но они все-таки есть. Дело в том, что от стен сохранились всюду на поверхности длинные чуть заметные “выемки”. Разрезы показали, что эти

выемки с обеих сторон обрамлены заплатами и скоплениями глины. Возможно, что это остатки обмазки деревянных стен, ширина которых достигала 4 м. Ясно только, что никакого отношения к белокаменному строительству эти затеки глины не имели, но эта первая стена нигде не сохранилась и ее конструкцию даже предположительно трудно представить.

Несмотря на укрепленность поселения, оно было взято и беспощадно уничтожено — сожжено. Мужчины были перебиты на поле боя, женщины и дети убиты у своих очагов, в своих юртах.

Поселение, как и Карнаухово, связано с Саркелом находками в юртах кирпичей со следами извести на них. Казалось бы, можно датировать его тоже вторым периодом жизни Саркела, т.е. самым концом IX — первой половиной X в. Но установлению этой даты мешают два факта. Один из них — открытие у ног одной из убитых женщин клада серебряных диргемов, самый поздний из которых чеканен при Харуне ар-Рашиде в 799—780 гг., а древнейшей монетой клада являлась драхма Хормизда IV (579—590 гг.) [Быков, 1974]. Ясно, что серебро это так же, как Перещепинский и иныеклады, было частью “сокровища” семьи, спрятанного в данном случае в сапогах старой женщины. Оно накапливалось долго и сохранялось еще дольше. Тем не менее, судя по поздней монете, женщина была убита не позже начала IX в. или его первой половины. Это подтверждается и почти полным отсутствием (за исключением нескольких обломков) красноглиняных кувшинов, которые в Саркеле получили распространение в последней четверти IX в., а впервые появились здесь, по-видимому, с прибытием на Дон византийских строителей.

Сожженный поселок какое-то время, лет 10—20, оставался пустым, затягиваясь песком, зарастая травой.

Крепость на этом мысу была необходима, поскольку с него просматривался большой отрезок водного пути вверх и вниз по Дону и вся пойма вдоль реки. На этот раз крепость начали сооружать из тщательно обработанных белокаменных блоков, укладывавшихся в виде двух панцирей, поставленных на песчаниковые плиты. Пространство между панцирями должно было заполняться обломками камня, щебнем и, возможно, глиняным раствором, в какой-то степени цементирующим эту рыхлую массу.

По-видимому, камень возили на мыс необработанными глыбами, и блоки изготовляли из них на месте. Весь стесанный материал накапливался внутри возводившихся стен — вдоль них. Так образовались “валы”, которые должны были стать основой заполнения стены. Они всюду перекрыли слой разрушенного поселения, стратиграфически сливаясь со

слоем строительного мусора, заполнившего всю площадь мыса тонкой, но заметной в разрезах прослойкой, выровневшей чуть заметные в то время западинки сгоревших юрт.

Тот факт, что валы после окончания строительства стен должны были полностью исчезнуть, — очевиден. Но поскольку они остались, во всяком случае неиспользованными, приходится предположить, что строительство крепости не было закончено по неясной для нас причине. Жить в ней при таких завалах было невозможно.

В отличие от Саркела, Правобережное городище необычайно богато находками. Дело в том, что основой мыса является песчаный сухой грунт. В нем прекрасно сохраняются прежде всего железные предметы, комплекс которых столь же многообразен, как и комплекс на городище Маяки (на Среднем Донце). Это орудия земледельческого и ремесленного труда, ножи, кресала, виноградные ножи-серпы, мотыжки, масса рыболовных крючков для крупной и средней рыбы, обломки железных клепаных котлов и обрывки цепей к ним. Особенный интерес представляют виноградные ножи, свидетельствующие о развитии на Нижнем Дону в IX в. виноградарстве и, видимо, виноделии [Потапенко Л. П., Потапенко А. И., 1989]. Оружия совсем немного: наконечники стрел, топорик, листовидные копья, а также остатки конской сбруи (удила, стремяна, пряжки) (рис. 30, 31).

Изготовление этого множества вещей, как правило, отмечено высоким техническим уровнем. Они мало отличаются от аналогичных по назначению предметов, хорошо известных нам по сохранившимся изделиям кузнецов XIX в.

Тем не менее все эти вещи встречаются в комплексах или в единичных экземплярах на многих степных памятниках салтово-маяцкого этапа. Так же датируются и находки мелких предметов: украшений, туалетных принадлежностей, нашивок на одежду и многочисленных пряслиц, выточенных из обломков амфор.

Керамика дает нам некоторые основания датировать первый период жизни на мысу более ранним временем, а именно — первой половиной IX в., синхронным первому периоду жизни в Саркеле. Об этом свидетельствует довольно значительный процент лепной посуды, в том числе лепных котлов с внутренними ушками, а также большое количество обломков гончарных котлов с внутренними ушками, по форме тулова и орнаментации линейно-волнистым узором аналогичных обычным кухонным горшкам, широко распространенным в степях в хазарское время. Для уточнения датировки существенны, как уже говорилось, находки кирпичей в жилищах, игравшие там, несомненно, сакральную (защитную) роль: их укладывали обычно у входа — на пороге или у оча-

га. Большое значение для датировки имеют также многочисленные находки обломков амфор, относившихся только к IX в.

Помимо Правобережного городища, на правом берегу Дона было еще в 30-е гг. [Артамонов, 1935, с. 31—32, 48, 49] открыто несколько поселений (Потайновский, Крутой, Хороший). Долгое время разведки в этом районе не производились. Лишь недавно рядом с Правобережным городищем, на соседнем мысу, в обвале берега и вдоль краев мыса были обнаружены остатки белокаменной кладки [Ларенок, Семенов, 1999]. Вполне возможно, что это следы целой фортификационной системы, укреплявшей береговую линию обороны. Но до раскопок судить об этом вряд ли целесообразно. В целом, следует отметить, что район этот постепенно начинает наполняться памятниками хазарской эпохи [Ларенок, Семенов, 1999, с. 26—27, 30, рис. 1, 2, 4]. Помимо давно известных памятников и возможного открытия нового белокаменного (второго) замка, здесь обнаружено еще не менее 7 неукрепленных поселений и около 10 курганных могильников. Следует признать, что все эти памятники мало или совсем не исследованы. И если по подъемному материалу хотя бы можно говорить о дате поселения, то любой не раскопанный курган может быть сарматским или позднекочевническим.

Ниже по Дону известно еще одно городище, функционально, видимо, близкое к крепостям — Саркелу и Правобережному Цимлянскому городищу. Оно расположено у станции Семикаракорской близ устья р. Сал, впадающей в Дон слева, на большом холме с пологими склонами, возможно, в древности с трех сторон окруженном болотом, а с одной — речушкой Салок (притоком Сала). Как и Саркел, крепость сровнена с поверхностью, и план ее угадывается только по цвету покрывающей холм травы [Плетнёва, 1967, с. 39, рис. 9]. Крепость больше Саркела, она квадратная в плане, с квадратной цитаделью внутри, примыкавшей к восточной стене крепости (как на Маяцком городище). Сравнительно небольшие раскопки были проведены на этом памятнике В. С. Флеровым [2001]. Были вскрыты остатки сырцовых стен с вкраплениями в сырцовый массив обожженных кирпичей, очевидно, игравших роль оберегов, подобно оберегам в жилищах Саркела, Карнауховского, Правобережного поселений. В башне у внешней стены были обнаружены остатки, видимо, кузнечной мастерской и несколько безинвентарных захоронений, ориентированных головами на запад. По немногочисленным находкам керамических обломков и по кирпичам памятник можно датировать IX в.

Почти напротив Семикаракорского городища, на правобережье Дона, на берегу древней протоки, именуемой Сухой Донец, у хут. Крымский был открыт целый комплекс памятников, состоявший из двух городищ,

четырёх селищ и большого бескурганного могильника [Савченко, 1986, с. 70]. К сожалению, сведения об исследованиях поселений пока не опубликованы. Можно только отметить, что укрепления на городищах сохранились очень плохо: и рвы, и валы расплылись и заплыли. По-видимому, валы так же, как и на Карнаухове и Среднем, были земляными. На могильнике были проведены довольно большие раскопки, результаты которых довольно полно отражены в статье.

Аналогичных Крымским крупным поселениям в регионе Нижнего Дона известно еще несколько памятников, открытых еще М. И. Артамоновым у станиц Мариинской, Константиновской, Николаевской [Артамонов, 1935]. К этой же группе относится и обнаруженное в 60—70-х гг. поселение у Багаевской, рядом с которым расположен синхронный ему могильник.

Все это оседлые земледельческие поселения, свидетельствующие о развитых земледелии и скотоводстве на плодородных берегах с богатейшими черноземами и пойменных долинах со всегда обеспеченными водой травостоями.

Со всех сторон этот большой экономически развитый регион был окружен степью с иными следами и остатками поселений. Так, на юг от него были проведены разведки по берегам р. Сал [Плетнева, 1967, рис. 3, с. 195—196]. Там были обнаружены остатки кочевий, характеризующиеся очень большими размерами (до 1 км в длину), отсутствием культурного слоя и редко попадающимися на поверхности обломками керамики и костей животных. Многие из выявляемых кочевий почти неуловимы — так мало на них следов пребывания человека. Такие участки берега удачнее именовать “обитаемыми полосами”, образовавшимися в периоды кратковременных стойбищ. Только одно кочевье можно относить к стационарному типу. Оно отличалось от остальных более определенными границами, значительно меньшими размерами и большим количеством керамики на поверхности. Находилось кочевье поблизости от Семикаракорского городища — у самого устья Сала.

С севера Нижнедонской регион также обрамлен кочевьями, открытыми по берегам притоков Северского Донца — Кундрючей, Быстрой, Белой Калитве [Плетнёва, 1967, рис. 3, с. 194], а также на правом притоке Дона — Аксае. Все это были кочевья “стационарного” типа. На одном из них А. В. Гадло заложил небольшой раскоп и расчистил несколько кострообразных очажков (остатков юрт выявить не удалось) [Гадло, 1978]. Существенно отметить, что на кочевье преобладали обломки лепной посуды, в том числе лепных массивных котлов с внутренними ушками.

Поскольку раскопки на всех остальных выявленных кочевьях не про-

водились, мы не всегда с полной уверенностью можем определять тип памятника: стационарное это кочевье или обычное поселение земледельцев-скотоводов.

К востоку от “цимлянского блока” памятников разведки выявили на Дону и по его притоку — р. Чиру несколько более или менее стационарных небольших кочевий, а также следы больших, вытянувшихся вдоль реки стойбищ и “обитаемых полос” [Плетнева, 1967, рис. 3, с. 192]. На двух стационарных поселениях, входивших в зону затопления Цимлянским морем, И. И. Ляпушкин провел небольшие раскопки (у бывш. хуторов Суворовский и Ближняя Мельница) [Ляпушкин, 1958, с. 323—347]. На Суворовском были открыты котлованы обычных для жителей степных поселков жилищ и две печи для обжига керамики. Судя по находкам обломков и целых крупных прекрасно сформированных горшков, керамическое производство здесь процветало. Но малое количество обломков амфор говорит о незначительности торговых связей этого поселения с экономически развитыми соседними районами.

Что касается Ближней Мельницы, то это единственное на Нижнем Дону боршевское поселение. Славянский поселок жил обособленной жизнью. Характерно, что в его слое преобладает лепная боршевская керамика, а амфор и даже гончарных горшков из соседнего поселения почти не было.

Как правило, долговременные поселения сопровождаются могильниками. Однако если могильник бескурганый, то обнаружить его, так же, как и одиночное захоронение или клад, можно только случайно, открыв в срезе берега реки или оврага остатки полуразрушенного погребения или просто рассыпавшиеся по склону кости скелета и некоторые вещи. Если могилы были неглубокие, то их нередко “выбивают” колеи сельских дорог, а в песчаном грунте — развеивает ветер. В наше время активного строительства могильники нередко попадают в зону застройки и археологи дослеживают оставшиеся нетронутыми могилы.

Наиболее исследованный могильник, первые захоронения которого были обнаружены в дорожной колее, находится рядом с поселениями и городищами у хут. Крымского. Всего на нем вскрыто 140 погребений, из них 10 — отдельные захоронения лошадей с оружием и сбруей, аналогичные погребениям Красногорского могильника на Северском Донце. Эти захоронения являются основным отличием могильника от остальных бескурганых синхронных погребений степной зоны: прямоугольная или овальная форма могил с поперечными или продольными заплечиками, а чаще — без них, ориентировка умерших головами на запад (с сезонными отклонениями), совместные захоронения, частичная или полная ритуальная разрушенность скелетов. Типичен и

довольно бедный инвентарь, причем в половине захоронений в него входят керамические сосуды различных видов и категорий: гончарные горшки, столовая лощеная посуда, лепные грубые и тяжелые горшки. Судя по инвентарю, могильник датируется IX в. Дата эта подтверждается громадным количеством обломков и целых экземпляров амфор IX в., обнаруженных на поселениях [Савченко, 1986].

Ниже по Дону, почти в устье Маныча, у станицы Багаевской был разрушен при проведении шоссе аналогичный могильник, состоявший из захоронений “зливкинского типа”. Исследовать на нем удалось не более 10 комплексов [Братченко, Швецов, 1984].

Отдельные захоронения того же типа известны на нескольких памятниках Нижнего Дона: в Саркеле — у юго-западной стены, на Правобережном Цимлянском городище — среди юрт, в Семикаракорах. Они позволяют уверенно говорить о широком распространении этого обряда погребения в данном регионе. Выше уже говорилось, что “зливкинский тип” подавляющим большинством ученых вполне обоснованно связывается с распространенным в степных и лесостепных областях Хазарии болгарским этносом, влившимся в Хазарский каганат в качестве наиболее крупного и дееспособного компонента.

Близкородственные тюркоязычным болгарам хазары были, очевидно, меньшинством в возглавляемом ими государственном образовании, а затем и государстве.

7. Курганы с ровиками

Если в VII в. воинственные отряды хазар рыскали в Восточной Европе в поисках новых земель, доступных завоеванию, данников и оживленных торговых путей, приносивших богатые пошлины в казну кагана, то в рассматриваемую в данной главе эпоху территория собственно хазарских владений в значительной степени определилась. Это были земли по Нижнему Дону (с притоками), частично — Прикаспийские (Калмыцкие) и Нижневолжские.

Именно в этом обширном регионе сосредоточены курганы с квадратными и круглыми ровиками и синхронные им подкурганые “кострища” (кенотафы?).

Поскольку материалы из них издаются нечасто и неполно, а в архивах и музеях они пока практически недоступны, то мы только по небольшому количеству добросовестно опубликованных комплексов можем судить о типологическом разнообразии их погребальных обрядов и изредка — о сопровождающем погребение инвентаре.

Изучение и первое “осмысление” этих исключительно интересных и оригинальных памятников восточноевропейских степей началось с откры-

тия под г. Новочеркасском в 1971 г. экспедицией Л. С. Клейна большого кургана, под которым был обнаружен квадратный в плане ров с жертвоприношениями животных, а в центре квадрата — подбойное сильно разоренное погребение. Среди разрушенных останков были обнаружены солид чекана 725—732 гг. и мелкие украшения, относящиеся ко второй половине VIII в. [Клейн и др., 1972].

За прошедшие 30 лет накопился материал из нескольких десятков хорошо раскопанных и более или менее сохранившихся подкурганых захоронений с ровиками [Власкин, Ильюков, 1990; Мошкова, Максименко, 1974; Семенов, 1983; 1988; 1993; Круглов, 1992; Федоров-Давыдов, 1984, Комар, Пiоро, 1999, с. 150—159]. Следует сказать, что и сейчас их открывают случайно при раскопках сарматских могильников, но публикуют обычно в сжатом до предела виде в серии АО.

Наиболее яркой особенностью этой группы захоронений является перекрытая земляной насыпью кургана квадратная или круглая в плане площадка, окруженная по периметру рвом. В центре площадки помещалась подбойная могила с захоронением умершего, сопровождающего его убитого коня, уложенного во входной яме (преимущественно) и разнообразного, нередко богатого, инвентаря. Погребения, как правило, разграблены, поэтому судить об их первоначальном облике и заполнении можно только предположительно.

Зато ровики сохранились очень хорошо (рис. 32). Прежде всего они прекрасно прослеживались в плане. Размеры огражденных ими площадок весьма разнообразны — от 42 до 170 м², а одна достигала даже величины 560 м². Ширина ровиков не превышала 1,0—1,5 м, глубина обычно равнялась ширине, но изредка ровики выкапывались “двухступенчатыми”, в таких случаях более узкая часть углублялась еще на 0,7—1,0 м. В плане, как говорилось, большинство ровиков квадратные, но нередко они бывали слегка искривленные, имели на всех четырех углах перемычки (входы?), иногда входы располагались на северной или западной сторонах, один раз к ровику с запада была приделана небольшая квадратная пристрочка.

Таким образом, каких-либо строгих канонических строительных приемов не соблюдалось или они могли при желании нарушаться.

Ровики служили местами совершения жертвоприношений. Их заполнение, особенно в нижней части, забито костями лошадей и овец. Чаще это были разрозненные кости, но нередко попадались и полные скелеты животных — целые или ритуально нарушенные. Помимо очевидной роли вместилищ для совершения жертвоприношений, рвы, несмотря на абсолютную (до верха) засыпанность после принесения жертв, несом-

ненно, играли роль своеобразного “оберега”: они отделяли мир живых от мира мертвых, т.е. служили преградой для проникновения одного мира в другой. Однако “живым” эти символические ровики не помешали ограбить большинство погребений.

Несмотря на почти повсеместное разрушение могил, удалось установить, что они относятся к двум типам: 1 — с входной ямой, служившей ступенькой для глубокого подбоя, вырытого в одной из длинных стенок входной ямы; 2 — с продольными уступами (плечиками), на которые опирались поперечные деревянные плахи перекрытия.

Погребенные были уложены вытянуто на спине, причем в ямах с заплечиками преобладает ориентировка головами на восток, а в подбоях — головами на запад. Изредка попадались захоронения, ориентированные головами на юг.

Естественно, что в разграбленных могилах, а их подавляющее большинство, вещей находок очень мало. Чаще всего попадаются разбитые лепные горшки. От сруби остаются обломки удила с гвоздевидными псалями и обломками стремян. Из оружия до археолога доходят обломки сабельных клинков, кинжалов, ножей, наконечники стрел, железные пряжки, остатки кольчуг и пластин от панцирей. Нередки находки кубиков игральные кости, — видимо, одной из популярнейших игр того времени. Менее всего в таких могилах встречается украшений или даже их обломков. Судя по обломкам, это были драгоценные золотые предметы, иногда попадались пряжки и бляхи от дорогих наборных воинских поясов.

Примерно в половине захоронений этой группы попадают золотые византийские солиды, нередко пробитые двумя или одной дырочками для подвешивания или нашивки на одежду. Большая часть солидов относится к концу VII — первым десятилетиям VIII в., что дает возможность части археологов датировать захоронения временем “перещепинского этапа”. Однако представляется необходимым учитывать не только использование монет в качестве подвесок, но и то, что многие солиды сильно потертые, т.е. время их чеканки и попадания в руки воина, и тем более в его могилу, явно не синхронно. Споры о датировке погребений по обнаруженным в них монетам ведутся давно. Пока большинство археологов считают, что “запаздывание монет” может быть очень значительным — до полстолетия и более. А это значит, что к датировке необходимо привлекать все более или менее уцелевшие вещи комплекса и датировать его по наиболее поздним предметам, хронология которых не вызывает сомнений.

Далее остановимся на характеристике двух захоронений, относящих-

ся, по всей вероятности, к наиболее поздним памятникам этой группы (рис. 33). Существенно, что солидов в них не было.

Первое обнаружено в так называемой “Веселовской курганной группе” на левом берегу нижнего Маныча [Мошкова, Максименко, 1974, с. 45—48, табл. XXVIII—XXIX]. Высота курганной сильно распаханной насыпи всего 0,5 м, а диаметр достигает 18 м. После снятия насыпи на материке выявлен квадратный ровик, ориентированный углами по странам света. Ширина его — 0,6 м, глубина — 1,2 м. На восточном углу — вход в погребальную площадку. В ее центре четко выделена входная яма подбойной могилы (глубиной до 2 м). Подбой широкий, свод его почти полностью обвалился. В заполнении входной ямы, почти у дна, были обнаружены разрозненные кости лошади: ребра, кости ног (пястные суставы с копытами). Все остальные лошадиные кости, а именно — череп, позвонки, ребра, крупные кости ног и обломки таза скатились по наклонному обвалу в погребальную камеру. Вещей при останках коня не было, исключая обломка железа и бронзового крупного сбруйного бубенчика.

В подбое на сложном многослойном “сооружении” из меловой подсыпки, деревянного помоста, покрывающем его слоем травы или циновкой, был уложен мужчина на спине, ориентированный головой на северо-запад. Верхняя часть скелета, видимо, ритуально разрушена, кости перемешаны, череп откинут в сторону. Таз и ноги лежали в анатомическом порядке.

Соответственно располагались в могиле и вещи. В северо-западном конце были обнаружены только лепной массивный горшок, баранья косточка и нож. Все вещи находились *in situ*, т.е. были поставлены и положены справа от черепа и не были затем подвергнуты разгрому, которому подверглась эта половина могилы.

Воин был лучником: сабля у него отсутствует, зато справа от скелета прекрасно сохранился набор, состоящий из берестяного колчана с трехперыми наконечниками стрел, костяных накладок на лук и костяного сильно поломанного трехконечного “реликвария”, по-видимому, имевшего отношение к вооружению лучника.

Все железные предметы сохранились очень плохо, но можно констатировать, что при погребенном находилось не менее пяти—семи ножей разного назначения (от столовых до боевых — длинных). Интерес представляет поясной набор, состоявший из крупной литой серебряной пряжки, двух крупных прямоугольных серебряных ажурных пряжек, серебряного наконечника и, видимо, небольшой тонкой серебряной скобочки. Все они объединены стилистически единым орнаментом, не связанным с предшествующим ему “перещепинским” узором. В то же

время варианты сочетаний лотосовидного узора позволяют предполагать, что это были первые попавшие в степь лотосовидные мотивы, привезенные сюда, скорее всего, из Византии. К поясу относились, вероятно, еще две серебряные небольшие пряжки без узорчатого оформления.

В ногах, у самой юго-восточной стенки, стоял железный котел с бронзовым дном, а в нем был найден игральный кубик с нанесенными на его грани циркульными кружочками (от одного до шести).

Итак, даже краткое описание материала, открытого в данной могиле, позволяет предполагать, что воин, судя по серебряным накладкам на пояс, принадлежал к обеспеченной семье и пользовался несомненным уважением: котлы в могилы ставились обычно главам кошей-аилов, хотя, возможно, по молодости он оставался еще в легкой коннице лучников, а не воином тяжеловооруженной конницы, рубившейся обычно саблями. С подобным обычаем посмертного деления воинов по родам войск мы встретимся в последующих главах о поздних кочевниках.

Веселовский курган в регионе Нижнего Дона относится, пожалуй, к числу самых западных курганов с квадратными ровиками.

Одним из самых восточных является курганное захоронение, обнаруженное на могильнике в низовьях Волги, у одного из ее правых рукавов в урочище “Кривая Лука” (см. рис. 33) [Федоров-Давыдов, 1984; Плетнёва, 2000, рис. 117].

Насыпь кургана плоская, диаметр — более 40 м. Под насыпью находился квадратный ровик без перемычек-входов, ориентированный сторонами по странам света. Верхняя часть рва — “чашевидная”, нижняя — со строго вертикальными стенками и ровным дном. Общая его глубина — 1,2 м, ширина верха — 2,0—2,6 м, низа — 1,0 м.

Дно рва покрыто голубоватой глиной, на которую уложен труп барана с закинутой на спину головой и поджатыми ногами. После этого жертвоприношения вся нижняя часть рва была засыпана комьями голубовато-буроватого грунта и утрамбована. В верхней части было расчищено 15 жертвоприношений — скоплений костей баранов и крупного рогатого скота. Затем и эта половина рва была также засыпана и утрамбована глиной.

Подбойная могила была помещена в западной половине, она как бы отделена помостом от остальной территории квадратной площадки. Подбой широкий, дно покрыто меловой крошкой и сверху — тростниковой подстилкой. Интересно, что сверху умерший был покрыт тонкими деревянными плашками, уложенными вдоль тела. Погребенный лежал головой на юг, вытянуто на спине. Справа, рядом с ним, тоже

головой на юг было уложено чучело коня, взнузданное и оседланное (седло сохранилось плохо), шкура не сохранилась, но кости ног, отчлененные по коленный сустав, лежали в анатомическом порядке. Рядом с конем находилось чучело барана: череп и косточки ног лежали в анатомическом порядке. И конь, и баран несомненно были жертвенными животными, предназначенными для переправы на тот свет вместе с умершим хозяином. Помимо того, в головах погребенного уложено громадное количество пищи: 25 кусков мяса барана и коня (вырезки из спины и курдюки). Под мясом стоял кухонный горшок, рядом — кость барана с ножом и деревянная окованная серебром чашечка. Воин погребен с палахом и луком с массивными костяными обкладками. У левого плеча поставлен кувшинчик. Там же, поблизости от лука, положен мраморный шарик с отверстием — возможно, кистень или деталь аркана, утяжеляющая конец. Единственный наконечник стрелки — небольшой трехперый. Псалии удил сохранились плохо, но все-таки можно судить, что они были S-овидные. Воинский пояс, хотя и серебряный, но набор небогатый. Интерес представляет только серебряная тяжелая пряжка, почти аналогичная пряжке Веселовского кургана. Она связывает хронологически эти два кургана, отдаленные друг от друга сотнями километров.

После захоронения и засыпки могилы вся территория огражденной ровом площадки была покрыта слоем глины толщиной до 0,1 м, а в центре площадки, рядом с могилой, была сооружена прямоугольная площадка (помост?) из толстого слоя листьев и травы, перекрытых деревянным настилом. Размеры настила — 4,8×5,7 м.

Дата данного погребения устанавливается по некоторым сопровождающим предметам. Аналогии им хорошо известны в древностях салтово-маяцкого этапа, т.е. второй половины VIII — первой половины IX в., — это палах, стремя, псалии, “жуковидные” бляшки воинского пояса, кувшин с налетами.

Основной массив захоронений в “курганах с ровиками” и близких им типологически кенотафов и ритуальных площадок сосредоточен, как говорилось выше, на территории Нижнего Дона, где они сооружались на надпойменных террасах отдельными группами, причем нередко в сочетании с сарматскими курганами, внешне похожими на них. Отдельные захоронения и группы из двух-трех курганов разбросаны по всей степной территории бассейна Дона.

Помимо курганов с ровиками, в курганных группах попадались аналогичные синхронные захоронения, произведенные без ритуальных ровиков и даже без убитых коней. Вместо них в могилу положена сбруя:

седло со стременами, узда. Инвентарь в целом бедноватый, погребенные в основном лучники.

Значительный интерес представляет широко распространенный обычай сооружения кенотафов, т.е. подкурганных захоронений без покойника, а только с небольшим количеством мелких предметов или совсем без них. Ритуальные площадки под курганом ограничены обычно квадратным в плане ровиком. Площадка, как правило, сильно обожжена (прокалена), и создается впечатление, что это действительно поминальник с поминальным костром и остатками набросанных в него мелких приношений.

Что касается этнической принадлежности “курганов с ровиками”, то чем больше о них будут знать, тем чаще начнут возникать споры и по этому вопросу. Однако пока переплетение ряда фактов, о которых мы уже говорили в предыдущем разделе, позволяют с известной долей вероятности считать их собственно хазарскими памятниками.

Примыкающие с востока к нижнедонским степям Нижневолжские и Прикаспийские земли исследованы пока недостаточно. Упомянутый и описанный в письменных источниках город Итиль — столица Хазарского каганата, занимавший значительную площадь где-то, видимо, в дельте Волги, до сих пор не найден. Предположений о его локализации много, но все это пока только недоказуемые гипотезы.

До сих пор, несмотря на самые тщательные поиски, археологам не удалось найти развалины или хотя бы остатки развалин поселения, которое можно было бы достоверно связывать с этим городом. Мы знаем о нем не только по компилятивным рассказам арабо-персидских авторов [Заходер, 1962, с. 183—202], но и по описанию царя Иосифа в ответном письме Хасдаю ибн-Шафруту [Коковцов, 1932, с. 84—85].

В предыдущей главе мы рассмотрели некоторые памятники заволжских степей, которые можно отнести к “перещепинскому этапу” хазарского владычества, отметив при этом несомненные изменения антропологического типа населения нескольких регионов этой обширной территории.

Волны наступавших из Азии кочевников привели к полной смене населения в Заволжье, способствуя образованию новых этнических общностей и народов. Вместе с тем менялись бытовая культура, экономика, оружие, художественные вкусы, религиозные представления, сказавшиеся, прежде всего, на изменении погребальной обрядности. Все это позволяет утверждать, что в период расцвета салтово-маяцкого этапа хазарской культуры здесь почти не было даже следов какого-либо воздействия Хазарии на формирование новых культур.

Очевидно, Заволжье в конце VIII — первой половине X в. не вхо-

дило в состав каганата и, как мы увидим ниже, было даже враждебно ему.

Итиль фактически был городом-крепостью, стоявшей на пересечении многих дорог, сухопутных и водных, связывающих Восток с Западом. Саркел, выстроенный, как и каганский дворец в Итиле, из обожженного кирпича, играя также весьма важную роль в таможенной службе государства, принадлежал кагану. Он контролировал, видимо, в основном западную часть сухопутных дорог, конкретно связывавших Хазарию с Крымом. Недаром при перечислении крымских городов, подчинявшихся тогда власти кагана, царь Иосиф первым назвал “Ш-р-кил” (Саркел.—С.Л.) [Коквцов, 1932, с. 102].

8. Западные земли каганата. Крым

Захваченные хазарами еще в VII в. земли Приазовья, Таманского полуострова и Крыма более 200 лет были крайними западными владениями Хазарского каганата (см. рис. 14).

Уже два столетия археологи исследуют многочисленные разновременные памятники Крыма и отчасти Тамани, в которых наибольший интерес несомненно возбуждали памятники античного времени. Ряд открытий, сделанных при раскопках развалин античных городов, волею неволей вскрывавших перекрывающие древность более поздние наслоения, привлек внимание многих исследователей к средневековым материалам. Так постепенно стал выявляться все более четко и многообразно пласт средневековых древностей и памятников, в том числе и памятников салтово-маяцкого этапа хазарской культуры.

Рассмотрим сначала крымские памятники VIII—IX вв., на которых прослеживаются явные следы хазарского присутствия.

Это, прежде всего, древний Боспор, или хазарский “К-р-ц” [Коквцов, 1932, с. 102]. Средневековые наслоения были впервые открыты в 60—80-х гг. Т. И. Макаровой в раскопе на Рыночной площади поблизости от церкви Иоанна Предтечи [Макарова, 1998]. Средневековая стратиграфия прослежена ею с III до XIII в. включительно. Интенсивное строительство там началось византийцами в VI в. (были вскрыты остатки базилики). Выше разрушенной базилики лежал хазарский слой VIII—IX вв., хорошо датированный амфорами и кувшинами конца VIII—IX в. С этим слоем связаны остатки мощной каменной стены, сохранившейся на высоту пяти рядов. Она бесфундаментная, двухпанцирная, пространство между панцирями забито щебнем и мелкими камнями. Панцири сложены на растворе глины на многих участках “в елочку”, приемом, характерным для Хазарского строительства. Толщина стены небольшая (1,1 м), но вдоль ее внутренней стороны на расстоя-

нии около 0,7 м прослежена кладка еще одной аналогичной стены, служившая, видимо, дополнительным креплением первой. Судя по стратиграфии, эта постройка была разрушена в конце IX в. Эта дата подтверждается и разрушенными до основания цоколей домиками в том же районе Рыночной площади (в Кооперативном переулке), как и стена, прекрасно датированными обломками характерного для того времени керамического комплекса (горшки с линейным орнаментом, кувшины, амфоры). Существенно, что камни цоколей были сложены “в елочку” [Айбабин, 1999, с. 185, 186, рис. 79].

В Керченском музее хранятся несколько надгробий с иудейской символикой. Видимо, они происходят из находившегося где-то поблизости от города кладбища. Но местоположение последнего до настоящего времени точно не установлено, и мы не можем сказать, к какому времени оно относилось, а значит, нет пока данных о датировке обнаруженных в окрестностях Керчи надгробий.

На развалинах многих античных городков восточной части Таврики были обнаружены слои и сооружения, относящиеся к VIII—IX вв. Наибольшее количество материала было получено при исследовании древней Тиритаки [Гайдукевич, 1952, с. 47, 50—52, 67—72, 100—105, 127—131, 134]. Культурный слой VIII—IX вв. был прослежен на нескольких участках городища. Он датируется обломками керамики, типичной для поселений Таманского и Керченского полуостровов хазарского времени: амфорами конца VIII—IX вв., кувшинами с плоскими ручками, пифосообразными сосудами серого обжига, покрытыми лощением, а также горшками с линейным орнаментом. Сохранились и остатки построек: сложенные “в елочку” кладки цоколей. Очаги в этих жилищах всегда помещались в углах и сооружались из плитняка. На территории античной Тиритаки располагались, видимо, и могильники, состоявшие из плитовых могил. Об одной из могил можно уверенно говорить, что она была христианской, так как на плите у изголовья был вырезан крест. Стратиграфически эта могила датируется не позже IX в.

Кроме Тиритаки, на Керченском полуострове известно еще несколько античных приморских городищ, верхний слой на которых синхронен слою Тиритаки. Особый интерес представляет поселение у с. Героевка, раскопанное А. В. Гадло [1969]. Это тоже оседлое земледельческое поселение, как и все остальные. Жилища представлены домиками на каменных цоколях с печами, идентичными печам Тиритаки. Удалось проследить планировку поселения “гнездами”, причем каждое “гнездо” отделено от соседнего свободным от застройки пространством, достигающим ширины 15 м. Разведками выявлено на Керченском полу-

острове еще не менее 10 поселений такого же устойчиво стационарного типа и по подъемному материалу относившихся к тому же времени.

Несколько десятков поселений было открыто разведками и в центральном степном районе полуострова. Существенно, что многие из них возникли на незаселенных местах, локализуясь около речушек и источников. Только одно хазарское поселение обосновалось на античных развалинах Илурата: там прямо на древних развалинах был построен дом, остатки которого представлены цокольными кладками, сложенными “в елочку”, и печью в углу из обтесанных каменных плит. Других построек конца VIII—IX в. на городище не было, но к югу и юго-востоку от него были обнаружены почти на поверхности “каменные круги”, диаметр которых колебался от 3 до 30 м. Круги малого диаметра могли быть основаниями юрт, а большие — загонами для скота [Гайдукевич, 1958].

Другим крымским районом, столь же плотно освоенным хазарами, была территория юго-восточного побережья Черного моря и южные предгорья Крымских гор. Здесь тоже было открыто и частично исследовано более 20 пунктов, в которых прослеживались следы хазарского или хазаро-болгарского присутствия (рис. 34).

Так, в IX в. были заново отстроены стены основательно разрушенной византийской крепости в Сугдее. Стены были бесфундаментными — кладки ставились на широкие плоские плиты, нивелировавшие поверхность. Типичные хазарские жилища со стенами или цоколями, сложенными “в елочку”, перекрывали разрушенные византийские постройки [Баранов, 1990, с. 55—57]. Планировка города была “гнездовая” — типичная для хазарских городов. Обломки керамики в слое позволяют датировать город IX в. Находки двух византийских солидов Феофила (829—842) и трех херсоно-византийских монет Константина Багрянородного (913—959) свидетельствуют, видимо, о тесных торговых связях Сугдеи с Византией как в хазарскую эпоху, так и позже (в X в.). Следует упомянуть, что в Сугдее была найдена плита обкладки могилы с нанесенными на нее тамгами и стилизованным семисвечником. Не исключено, что в могиле с этой плитой был захоронен хазарин-иудей. Таких хазар, как и иудеев-евреев, было в ту эпоху много в торговых морских городах Крыма, поэтому следов иудейской религии в данном городе могло быть значительно больше.

Выше мы уже не раз упоминали о списке хазарских городов, который помещен в так называемой “пространной редакции” письма царя Иосифа Хаслаю ибн-Шафруту. Сугдея названа там “Суг-рай”. Не менее крупным городищем, активно раскапывавшимся крымскими архе-

ологами [Герцен, 1990, с. 88—167, 242—271], был Мангуп (“Манк-т” — в письме Иосифа).

Город, как и все крымские города, был построен на месте византийской крепости-поселения, но хазарский слой явственно отделен от нижнего стерильной прослойкой, а это значит, что поставили его на чистой свободной от развалин жилых домов площадке. Хазарский слой на городище прослежен не сплошь, а “пятнами”, хотя подъемный материал встречается на всей обширной площади городища. Часть крепостных стен была поставлена в хазарское время. Они бесфундаментные, двухпанцирные, причем внешний панцирь состоит из крупных белокаменных блоков, а внутренний — из “рваных” камней. Пространство между панцирями, как обычно, забито щебнем и мелкими камнями. На одном из участков хазарской стены был обнаружен клад из 8 медных монет — варварских подражаний солидам Льва III (717—741). Следует отметить, что на стенах Мангупа чаще, чем на других памятниках, попадаются знаки, сопоставимые с обычными тюркскими тамгами. И. А. Баранов считал этот факт решающим свидетельством принадлежности всех крепостных сооружений города хазарам или хронологически относившимся к хазарской эпохе. Мангуп не был портовым городом, он стоял на западном склоне одного из горных отрогов и был, по-видимому, одним из самых западных хазарских форпостов (наряду с Баклой, Чуфут-кале, Эски-Керменом), откуда они могли вести дальнейшее “освоение” Крыма — его западные порты и степь.

Судея, Керчь, Мангуп (см. рис. 34) были наиболее крупными городами, принадлежавшими какое-то время хазарам, о пребывании которых все-таки сохранились более или менее выразительные черты их культуры. Пожалуй, только Херсон оставался византийским городом, несмотря на то, что в нем, судя по данным письменных источников, сидели неоднократно овладевавшие городом хазары и хозяином города был каганский управитель — тудун. Никаких следов пребывания хазар в этом типично имперском, провинциальном городе до сих пор не обнаружено, хотя раскопки в Херсонесе-Херсоне ведутся уже более столетия и, как правило, высококвалифицированными археологами.

Среди неукрепленных поселений приморской полосы, по керамическому комплексу датирующихся IX в., следует упомянуть два особенно крупных и довольно хорошо исследованных.

Конструкции домов и даже усадеб, раскрытых на поселениях Кордон-Оба и Тепсень, идентичны. Дома сооружены на цоколях, опущенных в неглубокие котлованы и сложенных “в елочку”, с глинобитными стенами, а иногда, судя по завалам камней, стены были каменными. Печи обычно поставлены в углах. Характерно, что, в отличие от бо-

лее ранних однокамерных жилищ (VII — первой половины VIII в.), подавляющее большинство жилищ IX — X вв. — двухкамерные, т.е. “пятистенки”. Печь ставилась в большей — жилой комнате, второе помещение было, видимо, хозяйственным. Усадьбы сооружались и планировались вполне благоустроенными и хорошо защищенными от нежелательных вторжений. Рядом с домом ставился большой амбар, двор огораживался каменным забором, объединяющим жилой комплекс в своеобразный “замок”.

В центральной части обоих поселений находились христианские храмы. На Тепсене большая трехнефная базилика была выстроена на более древнем тоже трехнефном храме, меньшего размера (см. рис. 34) [Баранов, 1990, с. 136—139].

В центре апсиды раннего храма удалось проследить кладку из сырцовых кирпичей, уложенных “в елочку”, на которой сохранились следы обмазки-штукатурки; пол в апсиде был выложен плитами известняка. В обоих храмах в полу сохранились плитовые могилы, несомненно, христианские. Остатки первого (раннего) храма свидетельствуют о том, что захватившие крымские земли хазары не только не преследовали “чуждую” им религию, но и участвовали в постройке церкви, в которой затем производились христианские захоронения.

На поселении Кордон-оба также примерно в то же время была отстроена одноапсидная с длинным нартексом церковь, от которой сохранились нижние ряды кладок. По ним хорошо видно, что рухнувшая или разрушенная византийская церковь была полностью восстановлена в хазарское время: два нижних слоя кладки уложены ровными горизонтальными рядами, а два сохранившихся верхних — “в елочку” [Баранов, 1990, с. 134—135]. От церкви в Тепсене эта постройка отличается не только “упрощенным” планом и другими более мелкими деталями интерьера, но и отсутствием в ней и рядом с ней христианских плитовых и иных погребений.

Помимо этих двух храмов, известны церкви, построенные при хазарах на развалинах византийских базилик на поселениях у сел Поворотное и Героевское [Гадло, 1980].

Кроме того, интересно отметить, что на поселении у Пташкино хазарские архитекторы сами начали сооружать церковь, но, не окончив строительство, забросили ее. Возможно, это последняя крупная хазарская постройка, которую они попытались возвести на своих прежних, но уже почти утерянных землях, вновь ставших византийскими. Произошло это, очевидно, не ранее конца X в., когда Хазарский каганат практически уже перестал существовать.

Погребальные обряды в Крыму IX—X вв. очень однообразны. Это,

во-первых, почти безынвентарные захоронения в плитовых могилах. Покойники в них ритуально разрушены, чему способствовал обычай хоронить в каменном “саркофаге” нескольких покойников, помещая их обычно один на другой или рядом. Во-вторых, еще более широко практиковался, особенно среди сельского населения, обряд погребения в обычных прямоугольных ямах, нередко усложненных заплечиками, на которые опирались концы досок перекрытия. Дно ям посыпалось песком или углем, часто использовались дощатые гробы. Покойников погребали вытянуто на спине, ориентировали головами на запад или северо-запад. Большинство скелетов также было подвергнуто ритуальному разрушению. Сопровождавший их инвентарь очень беден: остатки ритуальной пищи (кости барана) и один-два сосуда. В виде исключения попадаются захоронения воинов с чучелом коня, скромным набором сбруи и оружием. Такие погребения сгруппированы обычно в довольно крупные могильники. Погребальная обрядность позволяет, как нам представляется, без сомнения считать эти захоронения праболгарскими. Константин Багрянородный, писавший свое сочинение в первой половине X в., называл их “черными болгарами”, отделяя их этим от свободных дунайских и волжских болгар. Черные болгары в Крыму, видимо, до конца оставались верными своему сюзерену — хазарскому кагану, служа в его войсках, таможах и других административных учреждениях. Основная их масса была давно осевшим на землю земледельческим населением.

Следует, по-видимому, признать, что пребывание собственно хазар в Крыму, следы их присутствия, археологически прослеживаются слабо, а на ряде памятников они и совсем незаметны. По всей вероятности, их было немного в Крыму, однако какое-то количество ремесленников (искусных гончаров, строителей, кузнецов) и предводителей воинских отрядов, состоявших в основном, как говорилось, из болгар, не оставили после себя ни постоянных могильников, ни отдельных погребений, какие встречались иногда в крымских древних курганных насыпях (впускниками).

Наследники многих тюркских традиций и навыков, хазары с особенным вниманием относились к железоплавильному и кузнечному делу. Мы видели, какой громадный район был охвачен этими ремеслами в бассейне Северского Донца — Оскола. Таким же рудодобывающим и железоплавильным районом были, видимо, и окрестности Керчи. К сожалению, железоплавильных горнов не было обнаружено вокруг этого древнего города, но анализ криц, шлаков и обломков железных орудий из Саркельских кузнечных мастерских свидетельствует о производ-

стве их из керченской руды [Бирюков, 1959, с. 208—210; Плетнёва, 1996, с. 96].

9. Таманский полуостров и Предкавказье

Таманский полуостров, отделенный от Крыма узким проливом, исследован археологами так же обстоятельно, как и крымские земли (рис. 36). Карта археологических памятников полуострова начала составляться еще в 20-х гг. сотрудниками Темрюкского музея, а в 80-е гг. была значительно дополнена и скорректирована Я. М. Паромовым, проведшем там многосезонные разведки [Паромов, 1992, с. 140—145; Паромов, 1993, с. 111—148]. В результате он разделил все открытые памятники на несколько хронологических периодов. Хронологическая периодизация опирается в подавляющем большинстве на подъемном материале — в основном амфорных обломках. Для нас представляют интерес два достаточно убедительно выделенные им этапа: VI—VII и VIII—IX вв., соответствующие двум этапам развития культуры народов Хазарского каганата. К первому этапу Я. М. Паромов отнес всего 22 памятника, и фактически все они являются остатками византийских поселений. Количество их так невелико, что создается впечатление о “затухании” жизни на полуострове того времени. У морских берегов эти поселения располагались на развалинах античных городов — Гермонассы, Фанагории, Патрея и др.; остальные размещались вдоль дорог или речушек. По материалам, собранным с них, невозможно определить тип поселения, т.е. было ли поселение стационарным, кочевым или даже просто “обитаемой полосой”.

Зато в следующий период жизнь здесь вновь закипела. Слои и находки VIII—IX вв. встречены на 69 памятниках. Они, как и предыдущее время, локализуются в портах и вдоль дорог, которые удается проследить благодаря цепочкам поселений, явно связанных дорогой, а также на берегах крутосклонных глубоких балок, служивших им естественной защитой. По дну балок нередко текли ручейки из источников. В удобных для земледелия (виноградства) местах возникали поселения. В то же время на землях, пригодных для скотоводства, население занималось пастушеством. В портовых городах помимо торговли развивались ремесла. Подъемный материал позволяет говорить, что прекрасно сформированные из отощенных разными примесями глин сосуды расходились по всему полуострову. Это была не только хозяйственная посуда, но и тарная: амфоры для вина и высокие красноглиняные кувшины с плоскими ручками для транспортировки нефти (рис. 37). Громадное количество их обломков и целых экземпляров на Таманском городище (хазарской Таматархе), очевидно, может быть косвенным доказательством

массового производства этих сосудов именно в этом городе. Производство это продолжалось и в следующие века, когда город стал называться Тмутараканью и поэтому мне представляется правомерным именовать эти кувшины “тмутараканскими”, хотя, конечно, они изготовлялись во многих городах и поселениях Тамани и Крыма [Плетнёва, 1963, с. 54—58].

Таматарха стала в VIII—IX вв. крупным хазарским портовым городом. Культурный слой этого этапа покрывает всю центральную площадь древнего города Гермонасса (примерно 400×200 м) (рис. 38). К сожалению, Таманское городище сильно пострадало от позднейших строительных работ на нем, в частности, при строительстве на городище в XVIII в. по приказу А. В. Суворова береговой крепости. Тем не менее можно уверенно говорить о Таматархе как об одном из наиболее развитых экономически и богатых городов Хазарии [Плетнева, 1963, с. 66—68; Макарова, 1963, с. 94], связанном торговыми путями с Византией, Сирией, всем хазарским миром и своим ближайшим соседом — Крымом и его не менее богатыми городами, в особенности с Херсоном. Недаром в культурном слое Таматархи были найдены монеты херсоно-византийского чекана 60—80 гг. IX в. [Кропоткин, 1963].

Что касается городского строительства IX — начала X в., то от него в городе сохранились только отдельные небольшие не тронутые перекопками участки или же обрывки кладок, по которым можно только предположительно восстановить план или только направление стен жилищ хазарского времени. Тем не менее дошедшие до нас материалы позволяют констатировать, что жилища были неглубокими полуземлянками с опущенными на дно котлованов каменными цоколями, сложенными “в елочку”. Печи, сооруженные из камней и глинобита, располагались всегда в углах жилища. Иногда, несмотря на присутствие вполне благоустроенной печи, в центре пола помещался, следуя древней кочевой традиции, открытый тарелкообразный очажок. Стены у домиков были глинобитные; кровли, в отличие от великолепных черепичных византийских, всегда были соломенными с глиняной обмазкой. Что касается расположения домов (или усадеб?) в городе, то, возможно, что оно было “квартальным” или уличным, хотя данных у нас для такого предположения или “реконструкции” немного. Во всяком случае, перепутанность разновременных кладок на раскопках не дает возможности уловить характерную для хазарского времени “гнездовую” планировку.

В 21 км восточнее Таматархи, на том же берегу Таманского залива, находился другой город-порт, также процветавший в хазарское время — Фанагория. В первые века средневековья жизнь в нем медленно затухала: слой VI—VII вв. прослеживается на первой террасе (в берего-

вых обрезках) далеко не всюду. Берег и в наши дни сильно размывается, так что, возможно, часть города тех веков была просто смыта морем. Расцвет жизнедеятельности средневековой Фанагории следует, видимо, относить ко второй половине VIII — первой половине IX в. Город тогда занимал всю первую террасу берега (в античное время он поднимался по склонам холмов и на вторую террасу, занимая втрое большую площадь, чем в средневековье). Тем не менее размеры были и в позднее время внушительны: в длину — вдоль берега 1000 м, в ширину — от кромки берега в наше время до подножия холмов — 200 м. Отметим, что такие размеры и расположение характерны для поселений и кочевий хазарской эпохи как в Приазовье, так и в бассейне Дона.

Раскопки городища ведутся уже более 150 лет (с 1853 г.). С тех пор на городище заложено громадное количество разрозненных раскопов [Кобылина, 1956, с. 15 и сл.; Паромов, 1993, с. 111—148] (рис. 39). Большинство раскопов было заложено вне территории средневекового города, культурный слой которого достигает здесь 2 м и является препятствием для исследования античного города, раскопки которого многие годы вели и ведут антиковеды. Наиболее полно средневековый участок города VIII—IX вв. представлен в раскопе, заложенном почти в центральной его части. Там на площади в 600 м² [Плетнёва, 1981, с. 16, рис. 6] прослежен длинный (20 м) отрезок улицы, шириной 3 м и примыкающие к ней с севера три переулка. К северу же, т.е. к морю, сворачивала и мостовая самой улицы. Мостовые замощены черепками посуды (в основном, хорошего обжига амфор) и костями животных. Мостовая улицы четырехслойная, что свидетельствует о длительном и активном использовании этой дороги, которую приходилось время от времени ремонтировать и подновлять. Вдоль улицы и переулков сохранились остатки домов: в основном каменных цоколей, сложенных “в елочку”. Вокруг них сохранились заплывы глины, видимо, от саманных или глинобитных стен. Дома, как правило, были двухкамерные, к ним примыкали дворики, огороженные стенами, аналогичными стенам домов. Внутри дворики вкопаны громадные пифосы или же выкопаны большие ямы, обмазанные глиной и часто обожженные. В полу одного из домов было совершено захоронение мужчины брахикрана “зливкинско-го типа”.

Находок в культурном слое, помимо множества обломков керамики и обломков костей животных, немного. Исключение составляет замечательный набор каменных литейных форм, свидетельствующих о развитии литейного производства в Фанагории. В формах отливались серьги, подвески, копоушки, наконечники ременной гарнитуры. Все эти

вещи находят аналогии в могильных инвентарях погребений на территории степной и лесостепной Хазарии (см. рис. 39).

Керамический комплекс изобилует обломками кухонных горшков с линейным орнаментом и прекрасно выполненными и разнообразными лощеными столовыми сосудами. Изредка среди кухонной посуды попадаются обломки котлов с внутренними ручками, типологически близких к обычным горшкам. Значительное количество обломков амфор типично для всех крымских и таманских городов, а также связанных с ними торговыми отношениями поселений и крепостей Нижнего Дона. Однако в Фанагории очень немного обломков «тмутараканских кувшинов». Очевидно, причина состоит в разнице хронологий слоя Фанагории со временем расцвета производства и распространения кувшинов: конец IX—X в. По-видимому, на рубеже двух веков слой в городе перестал нарастать, и жизнь в нем постепенно затухала. Причины этого явления различны. Вполне вероятны изменения геофизической обстановки: уничтожение морем гавани и значительного района города, отмеление моря на этом участке берега, усыхание речек (источников), снабжавших город пресной водой, и пр. [Атавин, 1987]. Может быть, и более тотальное и внезапное разрушение города ворвавшимися в конце IX в. в степи печенегами. Ослабевший город, вероятно, с резко уменьшившимся населением не смог защищаться. Как бы там ни было, но слой X в. в Фанагории не прослеживается.

Средневековые Фанагорийские могильники фактически не раскапываются, хотя можно говорить о местах их расположения. Обычно их открывают при исследовании античных могильников. Как правило, это несколько безынвентарных захоронений, которые трудно связать с какими-либо определенными эпохой, этносом, религией. До нас дошли следы только одного религиозного обряда, а именно иудейские надгробия, кое-где попадавшиеся на городище, но не связанные с конкретными захоронениями. На обратной стороне некоторых из этих надгробий — глубоко врезанные в поверхность камня знаки, напоминающие тюркские тамги. Можно было бы предположить, что это надгробия хазар-прозелитов, но тамги по начертанию напоминают сарматские, а потому время самих надгробий возможно много старше — минимум на полтысячелетия.

Помимо Таматархи и Фанагории, на морском берегу большие работы проводились еще на двух античных поселениях — в Кехах и Патрее. На обоих античный слой перекрыт культурными наслоениями V—VII и VIII—IX вв. В Патрее было обнаружено погребение, ориентированное головой на юго-запад [Паромов, 1993а, с. 148]. В одном из них находились лощеная кубышка, бедро барана, два ножика и в черепе (ви-

димо, положенная в рот) обнаружена византийская золотая монета второй половины VIII в. Судя по погребальному обряду, погребение принадлежало болгарину.

В отличие от больших городов, в Патрее, видимо, не соблюдалась чуждая кочевническим традициям квартальная планировка. Там было обнаружено хорошо датированное обломками керамики семейное “гнездо” из нескольких жилищ, спланированных относительно друг друга “по кругу”. Таким образом, несмотря на склонность населения Таманского полуострова к земледельческо-пастушескому хозяйству, кочевнические традиции не исчезали полностью. Что касается этнической принадлежности, то вполне вероятно, что в основном это были болгары. Оставаясь под властью хазар, они немного изменили домостроительство, внесли некоторые новшества в погребальный обряд, иногда сопровождая умерших оружием и даже останками коней и, главное, заметно преобразовали хозяйство, в котором значительную роль стало играть пастушество с короткими маршрутами перекочевок и возвращением на зиму в свои постоянные поселения.

Следует отметить, что сложившаяся в салтово-маяцкий этап хазарская культура получила очень широкое распространение по восточноевропейским степям и даже в Предкавказье, где столкнулась с не менее стойкой и богатой культурой алан. Интересно, что, несмотря на несомненное влияние, а точнее, вливание аланской культуры в салтово-маяцкую, процессы диффузии проходили также и в обратном направлении, в значительной степени нивелируя эти две культуры.

Большую роль в этом процессе слияния сыграли болгары, продвигнувшиеся из Приазовья вдоль Кубани к ее среднему течению. Там, на берегах водохранилища, было обнаружено разведками несколько крупных поселений, подъемный материал с которых представлен типичной салтово-маяцкой керамикой (кухонной и столовой), а также большим количеством обломков амфор IX — начала X в.

Кроме того, там же был открыт и исследован Казазовский могильник [Тарабанов, 1983]. Погребения в нем произведены по традиционному “зливкинскому” обряду, но ориентированы головами на север, северо-восток, восток. Во многих погребениях попадаются предметы вооружения (сабли, копья, луки и пр.), детали конской сбруи, украшения. Такое изобилие вещей, сопровождавших мужские и иногда женские погребения, объясняется, очевидно, тем, что здесь, на южном хазарском пограничье, нужны были сильные военизированные отряды.

Памятником, подтверждающим процесс укрепления южной границы каганата, является знаменитое Хумаринское городище [Биджиев, 1983]. Крепость обнесена каменными стенами с башнями. Двухпанцир-

ные стены поставлены без фундаментов, сложены из крупных песчаниковых блоков и забутовки щебнем между панцирей. Датируется памятник IX—X вв. Жилища в крепости юртообразные и прямоугольные турлучные, обычно с очагами в центре пола. Керамический комплекс аналогичен остальным памятникам этого этапа хазарской культуры.

Интересной находкой на городище являются развалины небольшого квадратного святилища (7,0×6,2 м) со входом на летний восход солнца. Стены постройки сложены панцирной кладкой, без фундамента. Внутри внешнего квадрата сооружен из двойного ряда блоков еще один квадрат, на дне которого сохранились следы долгого горения. Святилища с близкой планировкой обнаружены на Маяцком поселении.

Этническая принадлежность строителей и жителей крепости, видимо, болгарская, но приказали строить ее хазары для контроля и охраны верховий Кубани и перевала через горный хребет. На стенах крепости сохранились граффити, написанные руническим “кубанским” или болгарским алфавитом [Кызласов, 1994, с. 13—35], что подтверждает болгарскую принадлежность ее обитателей.

Особенно много типичного хазарского вооружения и украшений попали в кремированные погребения, могильники которых — одна из характерных особенностей Западного Предкавказья. Аналогии им, как мы видели, часто встречаются в Донецком пограничном со славянами регионе. Этническая их принадлежность остается пока неопределенно гипотетичной, хотя ряд молодых исследователей склонны считать их кассогами. Мы можем только констатировать факт насильственного переселения части населения, кремировавшего своих умерших родичей, из Предкавказья в хазарское западное пограничье (на Северский Донец). Подобное переселение случилось и с некоторой частью алан, занимавших Центральное Предкавказье, о чем мы говорили выше.

Необходимо отметить, что после арабского погрома некоторое количество хазар и других тюркоязычных народов, обитавших в дагестанских степях и предгорьях, под давлением арабов отступило в предгорные районы. Правда, археологических следов они оставили немного. По мнению М. Г. Магомедова, памятниками, оставленными этим, преимущественно хазарским населением, являются склеповые и грунтовые могилы, относящиеся к VII—XI вв. Наиболее известный памятник этого типа — Агачкалинский могильник [Смирнов, 1951], состоявший из богатых предгорных склеповых могил с разнообразным, нередко драгоценным инвентарем и расположенными рядом со склепами грунтовыми могилами коней. К этой же группе относится еще ряд могильников и отдельных захоронений, разбросанных в предгорьях (Тарки, Каранай, Урцеки и др.). Несомненно, есть некоторые основания

считать эти богатые вещевыми комплексами и сопровождаемые погребениями коней захоронения хазарскими. Они появились на дагестанских предгорьях в VII в. (век появления на исторической арене Хазарского каганата) и полностью исчезли после окончательной гибели этого мощного государства [Магомедов, 1983, с. 92—94]. Добавим, что в хазарские войска, как в Тамани и Крыму, могли входить и другие тюркоязычные народы, и не исключено, что часть склепов оставлена была ими. Однако это требует самого тщательного анализа как уже имеющихся материалов, так и новых раскопок подобных памятников.

Итак, заключая главу, следует признать, что мы уделили особенно пристальное внимание салтово-маяцкому этапу хазарской культуры, датирующемуся концом VIII — первой половиной X в. Причины этого — несомненные сила и жизнестойкость хазарского государства.

Несмотря на весьма значительные его территориальные размеры, на этническую, а иногда и языковую пестроту населения, разбросанного по необъятным пространствам степей и лесостепей, на ряд военных неудач, политических ошибок, вероятно, не очень организованного, стоявшего у власти административного аппарата, государство просуществовало на этой громадной захваченной территории более 300 лет. Каганат заставил платить себе дань все соседние народы, в том числе и крупное объединение государственного типа — Волжскую Болгарию. Кроме того, многочисленные пошлины текли в каганскую казну от караванов, проходивших по сухопутным и водным путям через хазарские степи.

Однако мы видели, что каганат отнюдь не был паразитирующим на других странах и народах военизированным объединением.

Согласно выявленным в первой главе закономерностям развития кочевнических сообществ, Хазарский каганат в Восточной Европе представлял собой заключительную стадию развития кочевничества, самым ярким проявлением которого является переход большинства населения данного государственного образования к оседлости и земледелию. Занимаясь земледелием, бывшие кочевники изменяли и форму скотоводства: вместо постоянных перекочевков они перешли к пастушескому.

В это опиравшееся на крепкую сельскохозяйственную базу государство входили десятки древних городов и значительно больше вновь возникавших городов “степного типа”. В городах, кроме использования и развития архитектурно-строительных приемов, люди занимались самыми разными ремеслами и торговлей, связывающей все регионы Хазарии в одно экономическое целое. В то же время в каганате на раз-

ных территориях создавались специализированные ремесленные центры: железоплавильные, кузнечные, нефтепромыслы и гончарство. Впрочем, последнее развивалось всюду, но в разных регионах существовала своя специфическая направленность. Так, в отдаленных провинциальных районах предпочитали ограничивать свою деятельность изготовлением горшков с линейным орнаментом и довольно однообразным набором лощеной столовой посуды: кувшинами, кружками, иногда мисками. Нередко пользовались и просто лепной посудой. В городах посуда была много разнообразнее и изготовлена, как правило, качественно. Особенно пышно расцвело гончарство в Крыму. Здесь делали сложные крупные сосуды — пифосы, а также характерную для эпохи в целом амфорную тару и красноглиняные “тмутараканские” тоже тарные кувшины, фляжки для вина, а в некоторых мастерских осваивали уже поливную керамику.

В каганате широко распространилось руническое письмо двух палеографических школ: “донской” и “кубанской”, которые с некоторым “допуском” можно считать хазарской и болгарской [Кызласов, 1994].

Наконец, в Хазарии под воздействием и влиянием Византии, Ирана, Согда, отчасти Китая зародился и развивался собственный сложный и пышный стиль в прикладном искусстве. Изделия, украшенные узорами этого стиля (в основном, гарнитура воинских поясов), расходились по всей восточноевропейской степи (рис. 40). Последние два фактора играли особо объединяющую роль в каганате.

Такую же роль, как и многие традиции, играли обряды и идеалы. В частности, жива была идея “всадничества” — своеобразного степного рыцарства, а это означало, что каждый житель Хазарии готов был в любое время стать под бунчук своего хана и превратиться в воина. Каждый всадник, если возвращался домой с удачного похода, становился на более высокую общественную ступень, тем более, что обычно он привозил с собой и добычу. Так образовывалось и сплачивалось среднее хазарское воинское сословие, на котором держалась мощь этого государства.

Тем не менее различные исторические события и, возможно, климатические изменения привели Хазарию к упадку. С востока на ослабевшую страну ринулись из-за Волги сначала венгры, затем печенег, разрушившие в степях земледельческую базу каганата. Гузы, оставшиеся еще на левобережье Волги, постоянно зимой (по льду) подходили к Итилю и понемногу грабили и ослабляли его.

А в 965 г. случилась трагедия. Князь Святослав Игоревич решил очистить пути по Дону и Волге от хазар. И с этой целью он двинулся вниз по Оке и Волге к Итилю. Несмотря на то, что сам каган возглавил свое

войско, Святослав разбил его, взял город, разграбил его и далее, видимо, по Дону спустился к Саркелу, также взял его, разорил и сжег. После этого удара Хазария, очевидно, уже не восстановилась. Археологические данные подтверждают гибель этого государства, хотя, возможно, в отдельных районах этой обширной страны жизнь еще как-то теплилась.





Глава V

ВЕНГРЫ, ПЕЧЕНЕГИ И ГУЗЫ

(X — первая половина XI века)

Слабеющий с каждым годом Хазарский каганат уже в конце IX в. не смог сопротивляться неистовому натиску нового кочевнического “нашествия”, хлынувшего в европейские степи.

1. Венгры

Первыми в этом неудержимом стремлении на запад были венгры. К началу своего движения венгерский народ, насколько это позволяют судить источники, был уже вполне сложившимся объединением, состоявшем в основной массе из угрозычных группировок [Шушарин, 1997]. Несмотря на неизбежные во всяком “нашествии” включения в процесс различных этнических компонентов, языком нового этнообразования стал угорский — венгерский.

О предках венгерского народа, о размещении их в евразийских степях и по сей день идут дискуссии, причем почти каждый исследователь указывает на культуру, которая, кажется ему, более остальных имеет основание считаться правенгерской. Так, Н. А. Мажитов считает возможным связывать с венграми “бахмутинскую” культуру. В. А. Иванов — “караякуповскую”, Е. А. Халикова, И. Фодор — “кушнаренковскую”, а ученые, привлекающие к решению этого вопроса западносибирские материалы, усматривают возможность сопоставлять с венграми “молчановскую”, “потчевашскую”, “юдинскую” культуры [Иванов, 1999].

В настоящее время трудно разобраться во всех приводимых авторами доказательствах и гипотезах, поскольку они опираются не на комплекс признаков, который мог быть сопоставлен с памятниками, оставленными венгерскими народом, а на различные предметы или детали погребального обряда, которые, как правило, можно найти у кочевников по всей евразийской степи.

Приходится сожалеть, что сведения письменных источников о венграх, вторгшихся в южнорусские степи, крайне ограничены. Единственно связный, хотя и краткий, рассказ о венграх содержится у Константина Багрянородного [1989, с. 159—167]. Император помещает “народ турок”, как он называет венгров, поблизости от Хазарии в местности Леведия, получившей имя от ее главы — воеводы Леведи (см. рис. 14). В Леведии, писал он далее, протекает р. Хингулус. Не исключено, что это р. Ингулец — правый приток Днепра, или же Ингул — левый приток Южного Буга, текущий параллельно Ингульцу на расстоянии всего 45—60 км от последнего. На юге это междуречье упирается в Днепровский лиман Черного моря, а на севере — в кряжи Приднепровской возвышенности. Общая длина района, очень удобного для кочевки сравнительно небольшой орды, примерно 250 км.

Следует оговорить, что относительно местоположения Леведии существует столь же громадное количество мнений и вариантов, сколь о происхождении венгров. Подавляющее большинство ученых располагают ее в разных регионах Хазарского каганата, хотя Константин ясно написал, что Леведия находилась “близ” Хазарского каганата, а не на его земле. Вероятно, каган пропустил орду Леведия через свои владения и дал возможность поселиться у западных границ каганата. Это был как бы дополнительный заслон от нападений со стороны Дунайской Болгарии и, возможно, активно набиравшего силу Русского государства.

Константин Багрянородный отметил, что в течение ряда лет* венгры жили в Леведии и выполняли взятые на себя обязательства “воюя в качестве союзников хазар во всех их войнах”. Соблюдая справедливость, добавим, что высказанное нами толкование сообщения Константина о местоположении Леведии, безусловно, только гипотеза, пополнившая список столь же слабо подкрепленных фактами исторических построений о венграх той эпохи.

Где бы ни располагалась Леведия, но оттуда ее вытеснили следующие буквально по пятам за ними печенеги. Венгры вместе со своим воеводой Леведием отступили в степи, расположенные явно западнее Леведии в местности, названной “Ателькузу”, что означало “Междуречье”.

Фактически Леведия тоже была “междуречьем” (ингульским), следующее степное “междуречье”, вероятно, можно локализовать между Южным Бугом и Прутом. Интересно, что и после этого переселения каган оставался “сюзереном” Леведия: он вызвал Леведия в свою став-

* У Константина написано: “в течение трех лет”, но это вызывает у ученых сомнения и желание полностью изменить цифру: от 20 до 300 лет. Представляется рациональнее и вернее исходить из источника: скорее всего, прав император, называя точную цифру “три”.

ку и предложил ему стать избранным властителем своего народа, обещая помощь в избрании и за это “повиноваться слову и велению нашему”. Леведий отказался, предложив избрать правителем венгров молодого, умного и способного властвовать сына воеводы Алмуца — Арпада, который был избран и, согласно обычаю кочевников, поднят на щит. Так Арпад стал родоначальником династии венгерских королей.

Однако на новой более широкой для кочевания территории венгры удержались недолго. Печенеги, уже захватившие половину хазарских степей, рвались далее на запад и только ждали случая для нападения на венгров и захвата Ателькузы.

Уже при преемнике и сыне Арпада Лиундике царь дунайских болгар Симеон договорился с печенегами относительно нападения и уничтожения венгров. Последние, не подозревая о сговоре, отправились в военный поход, оставив для защиты страны небольшое количество воинов. В результате кочевья венгров были уничтожены, а семьи истреблены.

Вернувшись из похода на пепелища, венгры под напором печенегов прошли вдоль Дуная в Среднедунайскую низменность и “поселились в земле, в которой живут теперь”, — заканчивает свой рассказ о венграх Константин Багрянородный. Добавим, что живут они там и поныне, обретя там свою землю и свою родину.

Это более чем краткое введение к сложнейшим и до сих пор не до конца решенным и исследованным вопросам формирования, передвижений этого народа, взаимоотношений его с остальными степняками, наконец, образования на крайнем западе европейской степи сильного государства необходимо нам для постановки археологических проблем, касающихся венгерских памятников на территории южнорусских степей и в Поволжье.

Очевидно, мы с достаточной долей вероятности можем говорить, что дохристианские погребения на территории Венгрии, относящиеся к периоду завоевания (или обретения) родины, принадлежали, в основном, собственно венграм, хотя, конечно, в венгерский союз орд при передвижениях могли входить какие-то иноязычные и иноэтничные группы.

Венгерский погребальный обряд на территории Венгрии (обнаружено уже свыше 2000 захоронений) весьма устойчив. Погребения бескурганые, совершены в прямоугольных ямах (часто с заплечиками), покойники укладывались вытянуто на спине с руками вдоль тела, головами ориентированы преимущественно на запад с сезонными отклонениями. Это общие признаки, характеризующие как богатые, так и бедные инвентарем захоронения. Последние практически мало отличают-

ся от синхронных им (и немного более ранних) болгарских погребений так называемого “зливкинского типа”.

Богатые воины сопровождаются, как и все кочевники высокого ранга, набором оружия и погребением в могиле частей коня (головы и отчлененных обычно по третий сустав ног) с необходимым сбруйным набором. Нередко попадаются и захоронения (в основном, женские) без останков коня, но со сбруйным набором [Балинт, 1972] (рис. 41).

Вот эти то захоронения наиболее богатой части общества — воинов и членов их семей позволяют выявить некоторые особенности собственно венгерского погребального обряда. Это прежде всего помещение конских останков “кучкой” непременно в ногах погребенного, причем, даже сбрую в погребениях без останков коня предпочитали помещать у ног умершего.

Второй также немаловажный признак — маски, закрывавшие лицо покойника, или же какие-либо части, прикрывавшие глаза и рот погребенного [Фодор, 1972]. Существенно, что этот обычай связывает венгров с народами и этносами финно-угорского ареала: Среднего Поволжья, Верхнего Прикамья и Зауралья (см. рис. 41).

Этнографические материалы обских угров позволяют понять ритуальное значение масок: во-первых, они охраняют покойника от живых, служат ему оберегом и, во-вторых, отгораживают мертвого от окружающих его людей, чтобы они не боялись покойника.

В Венгрии полных масок, прикрывающих все лицо, не было обнаружено ни разу. Очевидно, там маски были кожаные или из плотной материи, и только на глаза и рот помещались тонкие серебряные пластинки, небольшие бляшки, монетки, пуговицы, прикрывающие эти части лица. Полные маски, сделанные из тонкого листа серебра обнаружены преимущественно в Среднем Поволжье, где в начале 70-х гг. XX в. был открыт и начал исследоваться первый могильник, который можно было сопоставить с могильниками, обнаруженными в Венгрии и хорошо и давно известными археологам. Это могильник у с. Большие Тиганы, расположенный в низовьях Камы, т.е. фактически в центре Волжской Болгарии [Халикова, 1976]. Погребальный обряд в нем аналогичен захоронениям в Венгрии, а обнаруженный в нем инвентарь также соответствует вещам из венгерских могильников, т.е., очевидно, синхронен ему. Только в большетиганских погребениях серебряные маски покрывали все лицо покойника.

В последующие десятилетия на территории Волжской Болгарии (современного Татарстана) было открыто еще около 10 местонахождений могильников и отдельных погребений, характеризующихся основными признаками, типичными для венгерского погребального обряда.

Обратимся к одному из самых крупных, исследованных татарскими археологами могильников — Танкеевскому [Халикова, 1976, с. 36—42; Khalikova, Kazakov, 1977, с. 21—223]. Могильник, как и предыдущий, находится в центральной области Волжской Болгарии. В начале его исследования у археологов создалось впечатление, что это один из мусульманских могильников, которых на территории Татарстана было открыто уже довольно много. Действительно, некоторые участки на могильнике полностью были заполнены мусульманскими захоронениями.

Тем не менее на могильнике, несомненно, преобладали языческие захоронения. Большинство отличается скудностью сопровождавшего их инвентаря: сосуд, кость барана, изредка — нож, железная пряжка пояса. Бескурганность, простая форма могильной ямы, правда, нередко “усложненная” заплечиками с одной или с двух длинных сторон, положение скелетов, как правило, вытянуто на спине головами на запад, хотя около 10 % погребенных ориентированы головами на восток (и те, и другие со значительными сезонными отклонениями). Всего на могильнике вскрыто 866 захоронений, из них с останками коней более 50, а с серебряными масками — более 20. Как правило, кони сопровождали только мужские погребения, в женских — кости коня попадались в виде исключения. То же можно сказать и о масках — маски прикрывали лица мужчин; только один раз маской было прикрыто лицо подростка. Серебряные маски из погребений Танкеевки и других аналогичных захоронений, типологически и географически близких к Танкеевке, вырезаны из очень тонкого листа, в целом повторявшего черты лица умершего. Однако те части лица, которые специально прикрывались, как бы “запечатывались” накладками, т.е. рот и глаза, в масках наоборот — открыты: для них специально прорезаны продолговатые отверстия. Судя по этому, маски служили не для защиты живых, а для усиления обороны умерших от враждебных сил, видимо, потусторонних.

Женщин хоронили со сравнительно скромным набором украшений, мелкими бытовыми предметами, амулетами и только один раз — с зеркалом, предметом, широко использовавшимся в то время в степях. Мужчин погребали всегда с набором оружия, стрелами (железными и костяными), боевыми топорами, копьями, редко — почти прямыми саблями, воинскими поясами, стилистически резко отличавшимися от поясов салтово-маяцкого этапа. Кости коня: голова и ноги, отчлененные по третий сустав, всегда укладывались в ногах умершего, причем довольно беспорядочно (сбрасывались в отведенную для них часть могилы). В отдельных случаях это действие производилось более тщательно. Для костей коня оставляли нередко большое пространство, делали даже небольшой подбой для правильной укладки костей и, возможно,

шкуры коня. С особой старательностью в ногах было вырыто дополнительное овальное помещение и в нем были положены череп быка и кости его ног. Это не было запасом пищи, поскольку в головах данного довольно бедного погребения обнаружено несколько овечьих костей, нож и сосуд, т.е. полный набор загробной пищи.

Вместе с частями коня бросали сбрую: седло со стременами и пряжкой, узду с удилами: обычными кольчатыми или с железными гвоздевидными или костяными псалиями.

Почти в каждом захоронении оставлен запас пищи, помещенной в сосуды. Керамика резко делится на две группы. Первая представлена сосудами, сделанными на кругу. Это в основном кувшины разнообразных форм и пропорций, часть из них покрыта лощением, характерным для керамики салтово-маяцкого этапа. Помимо кувшинов в эту группу входят кубышки, кружки, миски и пр. Вторая группа состоит из лепных круглодонных низких горшков, почти всегда по плечикам, горлу или венчику покрытых более или менее сложным орнаментом (рис. 42). Это угро-финская керамика, свидетельствующая, как и некоторые женские украшения, в частности коньковые и шумящие привески, о безусловных и тесных связях погребенных в могильнике людей с угро-финским этническим массивом, окружавших Волжскую Болгарию.

Далее перейдем к двум вопросам, которые еще какое-то время будут, вероятно, дискутироваться в нашей науке.

Первый вопрос касается широко распространенного в степях ритуала посмертного разрушения скелета или иной возможности лишения его передвижений по свету после смерти, что, несомненно, представляло бы большое неудобство и опасность для оставшихся в живых. Авторы работы о Танкеевском могильнике отрицают ритуальное разрушение скелетов. Судя по изданным чертежам погребений [Khalikova, Kazakov, 1977, с. 175—201], языческие погребения Танкеевского могильника все были подвергнуты этому ритуалу, широко распространенному в европейских степях в I тысячелетии н.э. [Плетнёва, 1967, с. 88; Флеров, 1993, с. 42—60; Флеров, 2000, с. 65—84]. Разрушение скелетов различно: разрушается верхняя часть — грудная клетка, руки, отбрасывается череп; нижняя часть — рубят ноги, ломают таз; кости скелета полностью разбрасывают в могиле. Единственный случай, видимо, целиком сохранившегося скелета в могиле 522, но и там ноги были связаны (такое частичное обезвреживание встречается и в степных регионах). Не исключено, что этот обряд существовал и в Венгрии “эпохи завоевания”, но уже в меньшей степени. Большая часть скелетов разрушению не подвергалась.

Пожалуй, второй “спорный” вопрос еще более сложный. Это воп-

рос хронологии всех памятников этого типа, сгруппированных на территории Волжской Болгарии. Характерно, что все они сосредоточены на левом берегу Волги, а болгарские могильники, в частности самый крупный и известный из них Больше-Тарханский, — на правом. Несмотря на это, казалось бы, очень четкое разделение двух этносов широкой рекой, на самом деле такого резкого деления не было. Близкое соприкосновение двух этносов приводило, вероятно, к их слиянию, что прекрасно прослеживается, прежде всего, по погребальному обряду. Так, в болгарском Больше-Тарханском могильнике 17 % от числа всех раскопанных погребений совершены с сопровождением останков лошади, причем голова и отчлененные по третий сустав ноги коней аккуратно уложены в ногах умершего, т.е. в соответствии с венгерским обрядом [Генинг, Халиков, 1964, с. 23, рис. 10]. В то же время этот могильник по вещевому комплексу, в целом, много беднее венгерских (левобережных), что характерно для болгарских погребений южнорусских степей и Дунайской Болгарии. Очень много в Больше-Тарханском могильнике лощенных сосудов: кувшинов и типичных для болгар кубышек с ручками и без них; в Танкеевке обнаружена была всего одна кубышка. Зато там многие погребения сопровождаются характерной угрофинской посудой, а в Тарханах она попадает редко. Среди керамики, связывающей Тарханский могильник со степными болгарскими, в одном погребении был обнаружен всего один гончарный горшок, сделанный из теста с примесью песка и сплошь орнаментированный линейно-волнистым орнаментом. В Танкеевке, несмотря на то, что количество исследованных погребений там вдвое больше, таких горшков не встречено ни разу.

Несмотря на разницу обрядов и сопровождающего инвентаря (особенно кувшинов), следует подчеркнуть сходство их оружия: топоры, сабли, стрелы в колчанах обычно неправильно ромбовидной формы, очень скромные (за редкими исключениями) гарнитурные пояса, причем если в Тарханах встречаются иногда бляшки, аналогичные гарнитурам степных поясов, то в Танкеевке они отсутствуют. Наибольшее сходство со степными древностями и между собой могильники обнаруживают в украшениях женщин: в серьгах с длинными бусинными подвесками и коромыслообразными копоушками и пуговицами. Различия же в женских украшениях заключаются, во-первых, в значительно большем количестве бус в танкеевских захоронениях по сравнению с тарханскими, во-вторых, заметно большим количеством и красотой “шумящих” подвесок (см. рис. 41).

К сожалению, не сохранилось никаких письменных источников об этом периоде становления государства Волжских Болгар. Поэтому при-

ходится пользоваться только археологическими материалами для гипотез о процессах, происходивших на территории Волго-Камья. Краткий сравнительный анализ свидетельствует, прежде всего, о культурных и обрядовых, а значит, и этнических различиях обоих могильников и аналогичных им групп. Аналогии с древностями салтово-маяцкого этапа позволяют датировать их IX в. Можно только догадываться, что постепенное слияние двух народов привело к “демографическому взрыву”, т.е. сильному перенаселению на небольшой территории Волго-Камья. Стало просто негде заниматься земледелием, пастушествовать. Подобные обстоятельства у всех народов всегда вызывали один и тот же исход, а именно: часть наиболее дееспособных и воинственных “пассионариев” начинала поход — завоевательное движение в поисках земли, которую можно было отобрать и поселиться там. Так сформировалась, видимо, орда Леведия, состоявшая из 7 крупных куреней. Естественно, что они пошли на юго-запад, где были и травостойные степи, и сравнительно более теплый климат, пригодный для круглогодичного выпаса стад. Событие это произошло в первой половине IX в. Некоторым основанием для этой даты является постройка Саркела в конце 30-х гг. IX в. Константин Багрянородный писал, что Саркел строился для защиты от венгров. Кстати, не исключено, что поселение на Правобережном Цимлянском городище было разгромлено и сожжено не печенегами [Плетнева, 1993, с. 65], а именно венграми. Далее, следуя рассказу Константина Багрянородного, каган принял решительные меры против неожиданных “захватчиков”, появившихся фактически в самом центре Хазарского государства. Он, вероятно, просто откупился от Леведия и направил его на запад, где они и приостановились в местности, названной по имени вождя — Леведией, о чем уже говорилось выше.

В Волжской Болгарии остались болгары и, несмотря на угро-финское окружение, занимавшее земли “в лесах и на горах”, язык в формирующемся государстве остался тюркским. В то столетие, несколькими десятилетиями ранее, хазарский каган и его окружение приняли иудаизм [Артамонов, 1962, с. 266], и болгарский правитель, вероятно, в противовес кагану, которому платил дань, обратился к мусульманству. Скорее всего, это произошло уже после ухода венгерских “пассионариев” на поиски новых территорий для жизни.

Что касается венгров, то об их жизни в южнорусских степях судить весьма затруднительно. Дело в том, что на огромной степной территории до настоящего времени обнаружено всего пять захоронений, которые можно связать с венграми. Одно из них обнаружено в 1935 г., описано Я. Пастернаком и издано Н. Феттихом [Fettich, 1937]. Находилось оно в Прикарпатье, т.е. на крайнем западном рубеже Ателькузы.

Три захоронения, представляющие собой, по существу, небольшой семейный могильник, были открыты в 1983—1986 гг. [Бокий, Плетнёва, 1988]. Большое первое погребение было обнаружено случайно рабочими при прокладке водовода и оказалось полностью разрушенным. Два других, расположенных рядом, дошли до археологов хорошо сохранившимися. Располагалось это небольшое кладбище на восточном пограничье Ателькузы — на левом берегу Ингула. Могильник бескурганный, но погребения связаны между собой строгим расположением могил по линии север—юг и в непосредственной близости друг к другу.

Разоренное погребение, очевидно, было женским. От него дошли некоторые украшения, характерные для женских захоронений: два бронзовых браслета, несколько бусин, серьга с подвеской из дутых шариков. Значительно богаче была конская сбруя, от которой сохранились великолепно сделанные серебряные украшения.

Второе погребение — центральное. Оно произведено в прямоугольной могиле с ровными вертикальными стенками. Ни подстилок, ни следов гроба на дне не было. Скелет мужчины, ориентированный головой на запад, уложен на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Существенно отметить, что скелет не был подвергнут никакому ритуальному разрушению. В ногах человека слева были помещены голова и отчлененные по четвертый сустав ноги коня, сложенные аккуратной кучкой. В северо-западном углу могилы были оставлены запас пищи на дорогу, от которой сохранились кости коровы, нож и крупный кувшин “тмутараканского типа” с отбитой верхней частью горла. Там же в головах скелета находились остатки сбруи коня: два стремени, удила и подпружная пряжка. Вдоль левой руки был положен колчан, видимо, кожаный, с восемью стрелами и костяной накладкой на крышку. С обеих сторон черепа обнаружены золотые кольчатые серьги, на пальце правой руки — серебряный перстень с “лапками”, у шейных и поясных позвонков находились следы от круглых деревянных пуговиц, обтянутых тонким пышно орнаментированным золотым листом. Никаких следов серебряной маски или хотя бы отдельных ее металлических частей на черепе или рядом с ним обнаружено не было. Возможно, лицо было прикрыто куском тонкой кожи или материи.

Самым замечательным предметом этого погребения является серебряный с позолотой гарнитур воинского пояса, состоявший из пряжки с массивным щитком, 17 разнотипных блях и двух наконечников в виде стилизованных звериных головок. Весьма характерно оформление бордюра щитка и 17 блях в виде чередующихся выпуклых овалов и кружков (см. рис. 40). Этот декоративный прием практически завершает развитие прикладного искусства салтово-маяцкого этапа. В то же время

он прекрасно гармонирует с изображенными на всех этих предметах фигурами. На пряжке изображен с необычайным искусством и тщательностью длиннобородый и длинноусый старик с длинными распущенными волосами, в головном уборе с отходящими от него в обе стороны широкими концами (лентами?). В левой руке старик держит скипетр или топорик, а правую руку приподнял и двумя пальцами показывает вверх. Старик сидит как бы в позе лотоса, но ступни его перекрыты бородой, и непонятно, перекрещиваются ли они друг с другом. В семи округло-шестиугольных бляхах помещена умело вписанная в этот неправильный круг фигурка танцующего или, вероятнее, — молящегося молодого безбородого человека, стоящего на одном колене, руки согнуты в локтях и, сжатые в кулачки, крепко прижаты один к другому.

Бляхи с кольцом — неправильно овальной формы, однако фигура человека прекрасно вписывается в овал. Повязка на его голове с концами, раскинутыми по обе стороны головы, пышные складчатые детали одежды (не вполне ясны по назначению), руки, согнутые в локтях, сжатые в кулачки, но не соприкасающиеся друг с другом. Человек молодой, без бороды, но он сидит в той же позе, что и старик на пряжке, т.е. поджав ноги.

Третья поза этого же, по-видимому, молодого человека как бы “летающая”. Несмотря на большую прорезь в этой бляшке, рисунок не затронут ею, а наоборот, детали одежды обрамляют прорезь, заполняя пустое пространство с обеих ее сторон. Летящий обеими руками держит это длинное полотнище, и его концы спускаются вниз вдоль прорези. Судя по развевающимся над ним концом головной повязки, представляется, что человек находится в стремительном движении, т.е. в полете. Вероятно, могут быть и иные толкования, но, как бы там ни было, в целом весь набор изображений дает нам живую динамику какого-то действия. Легендарного или реально существовавшего? Это еще предстоит исследовать.

Уникальность этого изделия прикладного искусства очевидна. Интересно, что почти одновременно с ним в знаменитом Верхнесалтовском могильнике (кат 40) были обнаружены стилистически близкие две целые и десяток обломков подвесок-амулетов, сделанных из оловянистой бронзы и обтянутых затем тонкой серебряной фольгой; на ней отпечатался не менее содержательный сюжет. Правда, из-за плохого качества и сохранности серебряного листа изображения дошли до нас значительно менее четкими, в обломках, трудно связываемых друг с другом [Аксенов, 2001].

Прежде чем перейти к датировке ингульского могильника, кратко остановимся на третьем захоронении, расположенном рядом с мужским,

к югу от него. Погребение совершено в обширной, прямоугольной яме. Как и в предыдущем погребении, никаких следов какой-либо подсыпки или подстилки на полу не было. Погребение принадлежало мальчику 7—8 лет: уложен на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ориентирован головой на северо-запад. Ритуальному разрушению скелет не подвергался. Между черепом и стенкой могилы находились бедренная баранья кость и ножик рядом с ней. В ногах были помещены голова и две передние ноги молодого коня (почти жеребенка). Там же лежали удила с гвоздевидными псалиями. На черепе коня, у костей его ног, вдоль правой ноги мальчика обнаружены вырезанные из серебряной фольги 30 небольших листовидных бляшек и 6 пятиугольных вытянутых наконечников.

По обеим сторонам черепа находились небольшие бронзовые колечки, на левой руке — серебряный незамкнутый перстенок с большим щитком, а на правой руке — бронзовый проволочный браслет. Под рукой и у тазовой кости были обнаружены пять бараньих астрагалов, служивших для мальчишек того времени одной из любимых игрушек.

Вещи из детского погребения, к сожалению, не дают никакого определенного материала для датировки открытого комплекса из трех могил. Основания для даты мы получили только из сопровождающего инвентаря мужского погребения.

Хронологическим показателем являются, прежде всего, пряжка и бляхи воинского пояса. Бордюр у них аналогичен окаймлению подвесок и блях из погребений X в., исследованных в Венгрии [Hampel, 1905, т. 2, с. 654, 660; т. 3, табл. 334, 383]. Изредка попадались они и в разноэтничных погребениях восточноевропейских степей. В частности, круглая бляха-подвеска с типологически близким окаймлением и центральной розеткой была обнаружена в Танкеевском могильнике [Khaliikova, Kazakov, 1977, табл. 41, 10] или же в Ишимбаевском могильнике в Башкирии [Мажитов, 1977, с. 29, табл. 1, 208, 209, 211]. Авторы уверенно датируют комплексы с украшениями этого типа X в., а в отдельных случаях даже началом XI в. Следует отметить, что так называемые “луновидные” бляшечки с круглыми одинарными или двойными выступами по краям не противоречат этой дате, попадаясь в комплексах X в. (особенно в Башкирии) в значительно большем количестве, чем подвески и бляхи с рельефной окантовкой. Стремена, аналогичные обнаруженным в ингульском захоронении, хорошо известны в захоронениях X в. в Венгрии [Hampel, 1905, т. 3, табл. 336, 339, 343, 344, 355 и др.]. Наконец, несомненно, что ко второй половине X в. относится красноглиняный высокий кувшин. Горло у него отбито, но по рыхловатому тесту, из которого он был сделан, и оранжево-

му, не всюду ровному обжигу кувшин явно относится к финальному этапу существования этого типа сосудов, т.е. к концу X в. и, возможно, началу XI в.

Что касается вещей из женского погребения, то уникальные крупные бляхи-“тройчатки” (см. рис. 40) не имеют аналогий: это произведения мастеров высокого класса. Остальные вещи связывают этот разоренный комплекс как с расположенным рядом мужским захоронением, так и с миром кочевнических древностей X в.

На территории приднепровских степей у с. Менвеловка были случайно обнаружены остатки еще одного явно венгерского погребения. Погребение разрушено полностью и определить его венгерским позволяет только сохранившаяся серебряная маска с прорезями для рта и глаз.

Благодаря письменным источникам мы хорошо осведомлены о появлении и пребывании венгров — уже вполне сформировавшегося этнического образования в южнорусских степях. Однако археологический материал не подтверждает как будто этого вполне достоверного факта.

Дело в том, что только погребение в Менвеловке (в Приднепровье) может быть синхронно с Танкеевскими погребениями с масками, т.е. у нас есть основания отнести его к IX в., когда венгры появились в пределах Хазарского каганата.

Крылосское погребение с поясом, аналогичным саркельскому [Макарова, Плетнёва, 1983], датируется серединой X в., а семейный могильник на Ингуле — концом X в. Погребений венгров времен Левдии и Ателькузы до сих пор не обнаружено.

Одна из весьма вероятных причин этого заключается в том, что миграционная волна венгров была, как отмечалось выше, действительно немногочисленная (не более одной орды). Трудно даже назвать наше движение передвижением по степи такой небольшой группы. Вернее назвать это действие переселением части народа под непосредственное покровительство хазарского кагана. Недаром вместе с венграми переселилась на Дунай и часть хазар иудеев-кабаров [Bunardzic Radovan, 1980].

Второй причиной отсутствия погребений являлось несомненно кочевническое ведение хозяйства, которое стало вполне доступно орде в широком просторе днепровского Правобережья. А мы знаем, что кочевники обычно не оставляли постоянных кладбищ или заметных в степи единичных курганных захоронений.

Наконец, третьей причиной была, видимо, недолговременность пребывания основной массы венгров в степях Приднепровья — не более одного поколения — примерно 25—30 лет. Следует учитывать, что многие воины из этого поколения погибали в частых походах, участвуя в них против нескольких сильных противников, и остались не погребен-

ными в чужой земле. К тому же часть мирного населения была буквально истреблена печенегами, и могил от этих убитых тоже не могло остаться.

Кому же в таком случае принадлежали поздние венгерские погребения из Крылоса и с Ингула?

Можно предположить, что это венгры, оставшиеся по неясным для нас обстоятельствам в пределах своей первой занятой ими территории — в Леведии и Ателькузе. Очевидно, это произошло с согласия одного из печенежских ханов, поскольку все восточноевропейские степи были во второй половине X в. полностью во владении печенегов.

2. Печенеги и гузы (краткий исторический обзор)

Итак, венгры были “первыми ласточками” новой, после гуннов, волны кочевнического нашествия, обрушившегося на восточноевропейские степи на рубеже двух тысячелетий. Однако не они, а печенеги, фактически возглавившие это движение, привлекли, как в свое время гунны, особенное внимание современников. Многие страницы латиноязычных и византийских хроник, арабских и персидских сочинений, русских летописей заполнены описаниями их нравов, общественного устройства, обстоятельств их появления на исторической арене и, главное, рассказами о принесенных ими бедствиях. Слава об их силе и беспощадности прошла по всей Европе, упоминание об “ордах диких печенегов”, входивших отдельным “полком” в армию эмира, попало даже в “песнь о Роланде”.

Наиболее подробные сведения о печенегах даются, естественно, в сочинениях авторов, чьи страны близко соприкасались с этим народом, страдали от грабительских набегов и непрерывных откупов, т.е. ведущих постоянную дипломатическую и военную борьбу с ними. Необычайно информативные и ценные описания представлены в сочинении уже неоднократно упоминавшегося выше Константина Багрянородного, писавшего примерно в середине X в., т.е. через 50 лет после вторжения печенегов в восточноевропейские степи. В его распоряжении были рассказы еще живых свидетелей печенежских набегов и архивные записи и отчеты.

Константин Багрянородный касается вопроса происхождения печенегов, упоминая, что три “фемы” (орды) считались среди них наиболее мужественными и благородными и назывались “кангар”. Константин не объясняет, как возникло это подразделение, но большинство историков полагают, что это древнее наименование протопеченегов, которое впервые было упомянуто в китайской хронике рубежа I—II вв. до н.э. в качестве самостоятельного владения, существовавшего где-то в бассейне Сырдарьи. В более поздней тоже китайской хронике пери-

ода от 386 до 618 гг. снова упомянут Кангюй, но уже зависимый от одного из крупных китайских мандаринов. В 641 г. Кангюй был завоеван Западнотюркским каганатом и был поглощен им [Гарустович, Иванов, 2001, с. 8, 9]. Только в X в. орды “кангар” вновь появляются на исторической арене, но уже в новом объединении. Именно они повели за собой остальные присоединившиеся к ним орды и возглавили движение на Запад (все три орды заняли крайние западные рубежи восточноевропейской степи).

Формирование печенежского объединения началось, по-видимому, в заволжских степях. Зажатые там между более сильными соседями: кипчаками (с востока), гузами (с юго-востока), волжскими болгарами и двинувшимися в западный поход венграми — с севера, печенеги, зная о некотором ослаблении хазарского каганата, ринулись по степям на запад — к рубежам Хазарии.

Каган заключил союз с гузами, надеясь с их помощью справиться с печенегами, но результат этого союза был прямо противоположен. Гузы, начав войну, отобрали у печенегов их лучшие пастбища, и тогда печенеги в поисках новых земель вынуждены были форсировать Волгу и вторгнуться на основные территории Хазарского каганата. Путь печенегов по захватываемым землям был отмечен пожарищами и гибелью большинства степных и лесостепных поселений и крепостей. Многие поселения, судя по отсутствию вещей в них, были просто оставлены жителями, забравшими свое “движимое” имущество и отошедшими в далекие от печенежских маршрутов районы. Вот таким возникшим в результате переселения поселком представляется селище, расположенное фактически уже среди леса на р. Короче у с. Большое Городище [Афанасьев, 1987, с. 173]. Поселение обустроилось на древнем скифском городище и заняло отнюдь не всю его громадную площадь. Другим степным жителям повезло меньше. Как говорилось выше, поселенческих памятников раскопано и прошурфовано очень немного, но одно из них несет явные следы варварского разгрома и пожара. Интересно, что в момент взятия поселка в нем еще работали керамические горны, загруженные полуобожженной посудой. Захватчики разбили их большими камнями, естественно, перебив и все в них находившееся. Так печенеги стремились освободить степь под пастбища, уничтожив, по возможности, все, что мешало движению скота [Красильников, 1976; 1980].

К середине X в. печенеги заняли в степях от Волги до Дуная громадные территории (рис. 43). Границы их земель восстанавливаются

благодаря Константину Багрянородному [1989, с. 157]. Четыре “фемы”-орды располагались на землях западнее Днепра: первая соседит с Болгарией, находясь всего в полдня пути от ее границ (примерно 20 км), вторая кочевала от границ Венгрии в четырех днях пути, третья — в одном дне пути от “России” и четвертая соседила с древлянами и другими славянами. Остальные четыре орды занимали пространство от Днепра до Волги. Расстояние их от Хазарии, т.е. от той земли, которую хазары сумели еще удержать за собой, — 5 дней пути, а от гузов — также 5 дней, от Алании — 6 дней, от “Мордии” — 10. Зная, хотя бы примерно, размещение каждой страны, соседящей с печенегами, определить размещение печенегов в степях не представляет особого труда.

Следует к тому же учитывать, что далеко не все орды печенегов ушли в днепровско-донские степи. Некоторая их часть по собственному желанию осталась на старых “обжитых” землях в Заволжье, мирно сосуществовая с гузами. О них писал не только византийский император; их встретил в своем путешествии в Волжскую Болгарию Ибн-Фадлан. Предполагается, что они попались ему на пути вблизи оз. Челкар (это соленое озеро существует и поныне). Ибн-Фадлан подчеркнул их бедность сравнительно с гузами, жившими рядом [Ковалевский, 1956, с. 130]. Интересна этнографическая особенность костюма этих заволжских печенегов, о которой написал Константин, а именно — они укоротили свою одежду до колен, а рукава обрезали до плеч, подчеркивая этим, что они отрезаны от основных сил своих соплеменников [Константин Багрянородный, 1989, с. 157]. Мы упомянули об этом потому, что погребения печенегов в Заволжье продолжали совершаться вплоть до XI в. (а возможно, и позже).

В своем сочинении Константин Багрянородный недаром так много места уделил расстояниям печенежских конкретных орд от соседей, большинство которых очень беспокоило Империю постоянными нападениями, грабежами, богатыми откупам. Он писал, что никто из перечисленных им народов не может нападать на Византию, если не заключит мир с печенегами. Существенно, что и печенеги не рисковали походом на Византию без согласования и союза с ее неверными соседями и врагами.

Наиболее опасным и сильным соседом печенегов, граница с которым тянулась на сотни километров, была Русь, ставшая на пути печенежского нашествия на европейские государства.

В течение почти всего X в. печенеги не отваживались заходить далеко на русские земли. Летописец только в одной записи под 968 г. описал небывалое событие — осаду печенегами самого Киева. Князь Святослав, силы и отваги которого печенеги боялись, воевал тогда в

Болгарии, и, видимо, это было причиной необычной дерзости печенегов. Киев был спасен черниговским воеводой Претичем с дружиной. Печенеги, увидев русских воинов и полагая, что это подошел Святослав, поспешили уйти в степь. Печенежский хан в знак мира обменялся с Претичем оружием, дав тому коня, саблю и стрелы и получив от русича кольчугу, щит и меч [Плетнёва, 1990, с. 18]. Этот эпизод интересен фактом “нивеллировки” наиболее необходимых в то беспокойное время “орудий труда” — предметов вооружения. Взаимопроникновение основного оружейного набора этих двух очень различных миров было повсеместным. После каждого военного столкновения на поле оставались убитые с оружием, которое доставалось победителям. Благодаря летописи мы можем уверенно говорить о том, что русичи в походах пересели уже с ладей на коней. Изменился и облик русского воина, и его поведение в походе. В качестве образца степного рыцаря князь Святослав был широко известен в степных кочевьях [Липец, 1977]. Несмотря на безусловное признание его доблести, печенегам удалось устроить на днепровских порогах засаду и убить в 972 г. Святослава.

После его смерти наступательная деятельность печенегов усилилась. В ответ на это киевский князь Владимир Святославич занялся активным укреплением южных границ своего государства — строительством крепостей и сооружением мощных валов и рвов вдоль всего пограничья [Кучера, 1987].

Однако только при Ярославе Владимировиче напор печенегов настолько ослабел, что ему удалось продвинуть в степь южную границу Киевского княжества, начав строить крепости вдоль левого берега Роси — притока Днепра.

В 1036 г. печенеги попытались как-то восстановить славу непобедимых врагов и пошли в поход на Киев. Ярослав, тщательно подготовившись к битве, наголову разбил соединенные силы нескольких печенежских орд [ПСРЛ, II, с. 138—139]. Полная победа русичей фактически уничтожила печенежскую опасность. Однако они еще неоднократно будут встречаться в последующие века в записях русских летописцев, в византийских и венгерских сочинениях и хрониках.

В конце IX в., как отмечалось выше, печенеги были вытеснены из заволжских степей продвинувшимися в Нижневолжское левобережье гугами. Этот сформировавшийся в Приаральских степях в государственном огузском объединении народ в дальнейшем сыграл значительную роль в истории нескольких тюркоязычных народов и государств, распространившись на громадных азиатских просторах. Движение их в заволжские степи и столкновение с печенегами были, по-видимому, первыми шагами на пути захвата чужих земель и стад.

Сразу после захвата заволжских степей гузы стали проявлять активный интерес к богатствам основного, тогда еще сильного государства — Хазарскому каганату. Уже в середине X в. они грабили каганат, переходя к городу Итилю через реку зимой по льду. В трагический для хазар год похода Святослава (965) гузы, по-видимому, также не преминули пограбить обессиленное разгромом государство.

В 985 г., когда Владимир Святославич на ладьях по Оке пошел на волжских болгар, гузы (в русских летописях именующиеся торками), участвуя в походе, шли “берегом” на конях [ПВЛ, I, с. 59].

За помощь в битвах руководитель военных действий обыкновенно разрешал союзникам грабить побежденных. Вероятно, так было в обоих походах русичей на степных восточных соседей.

Как бы там ни было, но торки (гузы) даже во времена Владимира еще не перешли на правый берег Волги. Нашествие было впереди: только в 30-х гг. XI в., когда началось мощное движение гузов под руководством Сельджука и Сельджукидов на Запад. Движение осуществлялось двумя путями.

Главные силы были направлены на запад—юго-запад. Огибая Каспий по южному берегу, они ринулись на переднеазиатские владения Византии. Конечным результатом этого завоевания (нашествия) было образование тюркского государства Сельджукидов в Передней Азии [Гордлевский, 1960]. Турция на захваченных землях существует и поныне.

Северным ответвлением этого стремительного броска гузов на запад стало продвижение их в донские и днепровские степи. Очевидно, их конечной целью было соединение с южным крылом где-то на территории Византийской империи [Плетнёва, 1990а].

Печенеги, как оставшиеся в Заволжье, так и кочевавшие в донских степях, влились в это мощное движение, присоединяясь к гузским ордам аилами, а то и крупными куренями.

Интересно, что попавшие в степи, непосредственно подходившие к русским границам, торки предпочитали не набеги на русское пограничье, а борьбу с равным противником — печенегами (ордами, находившимися на Правобережье Днепра), отвоевывая у них пастбища.

Русские земли лежали в стороне от направления основного пути гузов — к Византии. Задержка их в степях объяснялась, скорее всего, необходимостью полного подчинения оставшихся на этой земле печенегов для обеспечения себе спокойного и безопасного тыла. Этой же цели они добивались и сторонясь от пограничья сильного государства — Руси. Однако в 1055 г. какая-то орда гузов-торков подошла к устью Сулы, где тогда уже стоял русский городок Воинь. Орда остановилась

там на зимовье. Это не понравилось князю Всеволоду Ярославичу, сюзерену пограничного Переяславского княжества. Торки, по свидетельству летописи, были побеждены и отогнаны в степь. А через пять лет после этого Всеволод организовал большой поход из соединенных сил своих соправителей, к которым присоединился и полоцкий князь Все-слав. Войска двинулись в степь в ладьях (по Днепру) и на конях. Торки не приняли боя и бежали в глубь степи. От холодной зимы, падежа скота, от голода и эпидемии (от “мора” — писал летописец) множество их погибло. К тому же с востока на южнорусскую степь шла новая кочевая волна: половецкая. Все вместе взятое, и особенно последнее обстоятельство, заставило подавляющее большинство торков и кочевавших там же печенегов искать покровителей на западе — в Византии, Болгарии, Венгрии и на севере — у недавних врагов — русских князей. Все страны охотно принимали на пограничную службу эти сильные воинские подразделения, давая им за это земли вдоль границ своих основных территорий.

Итак, более столетия (X — первая половина XI в.) занявшие восточноевропейские степи печенеги были постоянной угрозой всем соседям — византийской провинции в Крыму, Дунайской Болгарии, Венгрии и особенно — имевшему с ними почти 1000-километровую границу Древнерусскому государству.

Очевидно, именно поэтому не только в древнерусской летописи, но и в трудах русских ученых XIX—XX вв. печенеги, а также следовавшие за ними торки (узы, гузы) и половцы (кипчаки) стали предметом пристального и пристального изучения.

Свидетельства письменных источников позволили историкам еще во второй половине XIX в. написать и опубликовать несколько крупных фундаментальных трудов и статей, посвященных этим народам, — их этнической принадлежности и политической истории — взаимоотношениям с соседями [Березин И., 1854; Куник А., 1855; Аристов Н., 1877; Голубовский П. В., 1883, 1884, 1889, и др.]. В те же десятилетия приступили к исследованию кочевнических погребений и русские археологи: Э. К. Витковский (1878), А. А. Бобринский (1887), Д. Я. Самоквасов (1908), Н. Е. Бранденбург (1908), В. А. Городцов (1905, 1907), Е. П. Трефилов (1905, 1905а).

3. Археологические исследования древностей печенегов и гузов

Среди множества курганов, заполнявших степи и лесостепи Восточной Европы, выделялись группы сравнительно небольших насыпей (не более 1 м в высоту), под которыми и находились погребения так называемых “поздних кочевников”, датирующиеся в основной массе

XII — XIV вв., хотя попадались среди них и более ранние — X — XI вв. Значительное количество захоронений помещалось не под курганами, а в насыпях курганов предыдущих эпох (бронзы и скифской). Изредка в одной насыпи находилось до десяти “впускников”, но попадались и одиночные погребения.

Работа по изучению малых курганов поздних кочевников активизировалась в начале XX в. Н. Е. Бранденбург раскопал около ста курганов в Поросье (Правобережье Днепра), Д. И. Эварницкий — на Левобережье Днепра, В. А. Городцов исследовал кочевнические погребения в бассейне Северского Донца [Бранденбург, 1908; Эварницкий, 1907; Городцов, 1905а, 1907]. Археологи сразу попытались этнически определить открытые ими материалы. В этой работе принял деятельное участие крупнейший русский археолог А. А. Спицын [1899], который разделил все раскопанные в Поросье погребения на печенежские, торчешские и берендеевы. Он возвращался к этой теме и в советское время, сопоставляя выделенные им типы погребений с народами, известными в степях по письменным источникам [Спицын, 1927].

Несмотря на катаклизмы, обрушившиеся на нашу страну начиная с 1914 г., археологи уже в 1918 г. вновь начали исследования средневековых степных памятников и древностей. Центр их переместился в Поволжье, где группу археологов вплоть до ареста (1937 г.) возглавлял П. С. Рыков. Репрессиям подверглись не только сам Рыков, но и его ученики и сотрудники, в результате чего с 1938 г. до начала Великой Отечественной войны (1941 г.) небольшие экспедиции здесь проводил один И. В. Сеницын [Гарустович и др., 1998, с. 40—50, 286]. В целом, вклад саратовских археологов в исследования погребений “поздних кочевников” очень значителен — всего за несколько сезонов были раскопаны сотни кочевнических захоронений. Преобладали среди них погребения конца XIII — середины XIV в., относящиеся к золотоордынскому времени. Комплексов X—XIII вв. среди них было открыто немного более 20, т.е. около 10 %.

Раскопки больших курганов, относящихся к эпохам бронзы, сарматских могильников и изредка отдельных средневековых небольших курганов возобновились только после войны. Их по-прежнему вели И. В. Сеницын, а также К. Ф. Смирнов и вернувшийся с фронта В. П. Шилов. Все трое, как правило, издавали результаты своих раскопок почти в отчетных вариантах и поэтому подавляющее большинство вскрытых ими погребений стали доступны для дальнейшего более углубленного исследования специалистам, изучающим материалы разных хронологических периодов — от эпохи бронзы до позднего средневековья [Смирнов, 1959; Сеницын, 1959; Шилов, 1959].

В 60—70-х гг. с организацией крупных новостроечных экспедиций, целенаправленно работавших на курганах в степях Донского и Днепровского бассейнов, Причерноморья и Приазовья, появилась реальная возможность обнаружения и изучения погребений средневековых кочевников в этих обширных регионах. Частично наиболее яркие, богатые или уникальные погребения публиковались. Однако описания в них не всегда полные, чертежи небрежные и неясные, что снижает уровень информации иногда до 50 % и более. Впрочем, и здесь, на западных землях обитания “поздних кочевников”, количество их захоронений и сведений о них в печати растет с каждым новым сезоном.

Таким образом, в настоящее время на громадной территории восточноевропейской степи от приуральских и заволжских степей до Северного Кавказа, Приднепровья и далее — до Приднестровья-Побужья известно уже около 2000 погребений XI—XIII вв., относимых исследователями к печенежским, гузским и половецким (кипчакским).

Казалось бы, что такое количество материала вполне достаточно для обработки и решений нередко возникающих спорных вопросов, касающихся как хронологии отдельных погребений или целых групп погребальных памятников, так и их этнической принадлежности.

Однако практически значительная часть этой массы материала не дает всего объема необходимой информации для полного представления об открытых комплексах. Многие из них доходят до нас, как отмечалось, в кратких информационных сообщениях [АО], от других сохраняются только неполные комплексы (или отдельные вещи) сопровождающего погребения инвентаря.

К необходимости начать типолого-хронологическую обработку позднекочевнических материалов археологи пришли еще в середине XX в. Тогда же в ряде работ они продолжили начатое еще А. А. Спициным осмысление курганных материалов, попытку связать их с кочевавшими в те столетия по степи определенные, хорошо локализуемые в письменных источниках народы. В 1948 г. небольшую статью о торческих погребениях написала Н. Д. Мец, а в 1952 г. были защищены две диссертации Л. П. Зяблиным и С. А. Плетнёвой о кочевнических древностях восточноевропейских степей. Вслед за А. А. Спициным все три автора исходили при разделении материалов на группы, прежде всего, из того, казалось бы, неоспоримого факта, что каждый народ имел вполне определенный погребальный обряд. В статье, написанной по материалам диссертации [1958 г.], мы развили эту тему, разделив все включенные в диссертацию комплексы на этнохронологические группы.

В 1966 г. вышла в свет большая книга Г. А. Федорова-Давыдова, в которой автор, вновь обработав более 1000 известных в то время ком-

плексов, прежде всего, смог разделить весь этот весьма значительный вещевой материал на датированные блоки: I — X—XI вв., II — XII в., III — конец XII — начало XIII в. В четвертый блок автор включил материалы XIII—XIV вв., время господства и расцвета Золотой Орды, археология которой нуждается, по нашему мнению, в иных критериях как при исследовании погребального обряда (сильно мусульманизированного), так и при датировках громадного количества разнообразнейших изделий прикладного искусства, изготовленных в основном пленными мастерами разных стран или же просто захваченными сокровищами у побежденных народов [Крамаровский, 2001].

Что же касается датировок первых трех блоков, то нам представляются они излишне хронологически “расширенными”. Так, очевидно, что в первый блок входят две группы захоронений.

Первая группа датируется последней четвертью X — первыми десятилетиями XI в. Она довольно четко характеризуется следующими основными признаками:

1. Небольшими курганными земляными насыпями.
2. Впускными захоронениями в крупных насыпях предыдущих эпох.
3. Неглубокими и сравнительно небольшими могильными ямами, в которых захоронения производились, как правило, без гробов.
4. Погребение человека вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками, только изредка одна рука немного согнута в локте — кисть на тазовых костях. Ориентировка всегда головой на запад (с сезонными отклонениями).
5. Подавляющее большинство подобных захоронений совершено в сопровождении останков коня. Могильные ямы в этих случаях вдвое шире. Кости коня разложены слева от погребенного на дне могилы или на невысокой (0,2 м) приступке.
6. Останки коня представлены в могиле черепом, помещенным в западной части могилы (рядом с черепом человека), и отчлененными по первый или второй сустав передними и задними костями ног, разложенными вдоль покойника [Атавин, 1984]. Иногда на дне могилы можно заметить отпечатки кожи — шкуры коня и в ногах похороненного — позвонки конского хвоста. Очевидно, все вместе представляло собой тщательно размещенное в могиле набитое сеном чучело убитого на поминках коня.
7. Одной из оригинальных черт погребального обряда этой группы являются кенотафы — поминальные захоронения под курганами в обычной неглубокой могиле взнузданного и оседланного чучела, от которого сохранялись в могиле череп, разложенные в анатомическом порядке

кости ног, иногда попадаются остатки шкуры или ее отпечатки на дне, а у задних ног — позвонки хвоста (рис. 44).

Вторая группа типологически очень близка к первой:

1. Погребения в ней также совершены под небольшими земляными насыпями, изредка не круглыми, а слегка овальными в плане.

2. Могилы небольшие, но значительно более глубокие, нередко на их длинных сторонах (примерно на середине глубины) оставлены приступки, на которые, видимо, опирались концы досок перекрытия.

3. Погребение человека совершено на дне, иногда в гробу-колоде. Положение покойников и их ориентация аналогичны захоронениям первой группы.

4. Более половины погребений этой группы сопровождаются останками коней: головой, отчлененными по первый или второй сустав ногами, шкурой. Вполне возможно, что и здесь сооружалось чучело коня. Останки коня укладывали сверху — на доски перекрытия, поэтому ямы рылись обычно узкими и, естественно, более глубокими. Если деревянного перекрытия не было, то конь отделялся от захоронения человека слоем земли (до 0,6 м). Редко возможно было проследить, что на человека просто укладывали шкуру коня, на которой раскладывали положенные, согласно ритуалу, кости (см. рис. 44).

Таким образом, главным отличием первой группы погребений от второй являлось размещение коня на одном уровне с умершим хозяином, т.е. размещение “по горизонтали”, а “по вертикали” хоронили умерших, относящихся ко второй группе [Круглов, 2001]. Все остальные признаки настолько близки, что установить принадлежность многих захоронений к определенной группе невозможно. Довольно часто при тесном общении этносов даже положение коня в какой-то степени менялось. Так, отнесенный нами признак первой группы — захоронение коня на низенькой приступке почти рядом с умершим, но все-таки выше его, как бы в “отдельном помещении”, вполне мог быть признаком второй группы или же появление его могло быть смешением двух обрядов.

Обе группы практически сосуществовали, но все же в первой из них чаще попадаются ранние вещи, восходящие к IX в. Некоторые основания для предположения о неполной синхронности дают нам также наблюдения за расположением курганов на кочевническом могильнике, находившимся рядом с обширным Беловежским кладбищем, относящимся к XI в.

Кладбище раскинулось на искусственных холмах, образованных при создании грандиозного проточного рва. Кочевнический могильник находился у подножия этих холмов на ровной большой площадке

(320×200 м). Причем следует учитывать, что первоначально могильник был, во всяком случае, вдвое больше: в 30-х гг. М. И. Артамонов насчитал в нем около 100 курганов высотой от 0,5 до 1,0 м. В 1950 г. был снова произведен подсчет насыпей, — их оказалось всего 53. Очевидно, значительная часть могильника была с юго-запада уничтожена проходившими по нему дорогами. Сохранившаяся часть также весьма пострадала от возможных распашек, выгонов скота и более мелких дорог и тропинок. В результате бывшие курганы превратились в сильно расплывшиеся всхолмления (скорее — “неровности”), заметные только при “косых” лучах солнца (рано утром и при закате).

Тем не менее этот могильник по-прежнему остается единственным крупным кочевническим “стационарным” могильником этого времени в европейской степи и поэтому заслуживает более подробной характеристики в данной работе.

Захоронения в могильнике вполне соответствуют тем признакам, которые были перечислены выше для обеих групп, но первая группа представлена подавляющим количеством погребений, тогда как ко второй относятся всего три захоронения.

Территориально сохранившаяся часть могильника четко делится на два участка: западный и восточный [Плетнёва, 1990а, рис. 1]. Все курганы западного участка раскопаны (18), а на восточном, более обширном участке, 11 насыпей из 33 не были вскрыты (рис. 45).

Наиболее существенным представляется распределение на участках антропологических типов. Оказалось, что западный участок принадлежал фактически европеоидному типу САМ (тип среднеазиатского междуречья), широко распространенному по всей европейской степи. Антрополог Л. Г. Вуич [1963] отметила в них несколько большую, чем в других степных черепах, примесь монголоидности. Два погребения на этом участке принадлежали четко выраженному смешанному европеоидно-монголоидному типу.

Восточный участок антропологически значительно разнообразнее западного, отличаясь от последнего прежде всего преобладанием монголоидного антропологического типа (50 %). Кроме того, в него входили четыре европеоидных захоронения и четыре смешанных (европеоидно-монголоидных).

Антропологическая разница групп, похороненных на разных участках, в какой-то степени подкрепляется одним весьма устойчивым и выразительным этнографическим признаком. Дело в том, что в погребениях западного участка черепа коней, как правило, взнузданы оригинальной формой удила с грызлом без перегиба. Это очень жесткая форма, использующаяся и поныне в качестве трензелей для тренировок молодых коней.

В восточном участке таких удил нет, исключая два крайне восточных кургана, которые, возможно, относились еще к одной аналогичной описанным курганной группе.

Остальной инвентарь обеих групп весьма однообразен, и различия в нем экономические или социально-экономические: так, несколько погребений отличаются сравнительно “богатым” набором или отдельными предметами, высоко ценимыми у воинов-кочевников, в частности, саблями или копьями, а у женщин — золотыми серьгами, серебряными браслетами и перстнями (рис. 46).

Для археологов особенную ценность имеет обнаруженный в кургане 10 лепной шаровидный с плоским дном горшочек, украшенный по венчику насечкой, а по плечикам — насечкой и гирляндами. Он связывает могильник с Белой Вежей, культурный слой которой X и XI вв. богат находками отдельных обломков и целых сосудов, как правило, пышно украшенных разнообразными вариантами орнамента из арок, гирлянд, насечек, кружочков и пр. В целом, эта керамика, а также различные ломаные полуфабрикаты, целые костяные изделия, в основном относившиеся к вооружению, сосредоточены в Белой Веже в полуразрушенной, но все же, видимо, менее доступной для врагов цитадели. Там же было обнаружено довольно большое количество оригинальных очажков, сложенных из четырех или пяти кирпичей. Они попадались и на других участках городища в слое, в основном относившемся к концу X—XI в.

Представляется очевидным, что две сравнительно небольшие кочевнические группы, обитавшие в Белой Веже и хоронившие своих мертвых на ее земле, были печенего-гузским военным гарнизоном, который по мере сил оберегал городок от половецких грабительских набегов. И только в 1116 г., согласно записи в русской летописи, они не смогли выдержать сражение со значительно более сильным половецким отрядом, и после двух суток битвы оставшиеся в живых ушли на Русь под защиту князя Владимира [ПВЛ, 1950, с. 201].

Еще в начале XX в. на Северском Донце вели довольно активные раскопки погребальных памятников В. А. Городцов [1905а] и Е. П. Трефилов [1905]. Судя по публикациям, сделанными обоими археологами, три из раскопанных ими погребений, согласно типологии, принадлежали гузам. Все они произведены под земляными насыпями в довольно глубоких могилах, видимо, с заплечиками, на которые концами упираются доски (плахи) перекрытия над погребением человека. На перекрытиях в обеих могилах помещены останки коней (череп и ноги, отчлененные по третий сустав). Третий курган отличается некоторым своеобразием. Могильная яма в нем широкая, и на массивном широком настиле над погребенным уложено было чучело коня, взнузданное

и оседланное, а также шесть убитых телят. На дне могилы были обнаружены остатки сильно истлевшего гроба, в котором находился скелет мужчины-брахикрана, уложенного вытянуто на спине, головой на запад. В ногах и у головы погребенного вне гроба были поставлены две примитивные деревянные статуэтки: конусы с шаровидной головой и двумя палочками-руками, вставленными перпендикулярно телу. Слева от гроба на дне могилы была поставлена небольшая кружечка или горшочек. В гробу, слева от погребенного, положены длинная сабля и круглая железная пряжка, а слева от черепа — кусок спины барана — запас пищи. Вдоль правой ноги — прикрытый кистью руки длинный берестяной колчан.

Следует отметить, что кроме этих трех захоронений, принадлежавших гузам, в донских степях было известно (не считая беловежского могильника) не более 40 захоронений поздних кочевников [Федоров-Давыдов, 1966, с. 256—257]. Причем нужно учитывать, что это были в основном захоронения конца XI—XII в. Ранних погребений, синхронных с беловежскими, рассмотренными выше, очень мало. В последние десятилетия количество материала значительно выросло. Это касается всей степи — от Заволжья до Приднестровья. Причина заключается в том, что в степях вот уже почти столетие идет массовое уничтожение (распашка и поспешные раскопки) больших курганных насыпей. Именно в таких насыпях и хоронили находившиеся на стадии нашествия печенеги, а немного позднее — гузы.

К сожалению, публикации таких захоронений единичны и неполны, но все-таки можно в ряде случаев понять, печенег или гуз похоронен в насыпи (обычно по форме могилы и размещению в ней коня). Преобладание печенежских “впускников” очевидно. Судя по частому захоронению в могилах сабель, все они были хорошо вооруженными воинами [Евглевский, Потемкина, 2000, рис. 7, с. 156]. Исследования этими учеными клинков показали, что ранних (X — XI вв.) среди них очень мало. Подавляющее большинство относилось к XII — началу XIII в.

Интересный материал тем же исследователям дало изучение и картографирование кресал разных типов [Евглевский, Потемкина, 2000а].

Распространение погребений с кресалами ранних типов (конца X—XI в.) позволяет наметить в степях от Волги до Прута ареал погребений этого времени, что для нас особенно важно, так как полную карту погребений кочевников X — первой половины XIII в. без сбора материала и громадной исследовательской работы с ним археологи не могли составить в наши дни так же, как и полстолетия назад, когда такого количества материала, какой накоплен в наше время, просто еще не было известно (см. рис. 43).

4. Печенеги и гузы в Заволжье

Какой же из антропологических типов принадлежал печенегам и какой — гузам? Очевидно, в данном случае можно только высказать предварительную гипотезу о сложении печенежского этноса в Заволжье на базе обитавших и кочевавших там сарматов. В результате там образовался европеоидный степной тип с некоторой примесью монголоидности. Монголоидный тип, вероятно, огузский, хотя столь отчетливо выраженная их монголоидность для исследователей остается пока не вполне объяснимой, так как, казалось бы, оба этноса варились в одном этнообразующем котле.

Для того чтобы как-то разобраться в этом вопросе, обратимся к заволжским материалам, которые хронологически относятся в значительной части к тому же I блоку позднекочевнических древностей, что и кочевнический Беловежский могильник.

Исследователи Заволжских древностей в наше время датируют первый хронологический период концом IX—XI в., что, как мы видели, значительно шире времени, устанавливаемого по материалам кочевнического Беловежского могильника (конец X — первая половина XI в.). Судя по изданным материалам в комплексах и общих типологических таблицах [Гарустович, Иванов, 2001, с. 132—160], а также в статьях И. В. Сеницына, К. Ф. Смирнова и В. П. Шиловой, вещей IX в. в позднекочевнических захоронениях Заволжья нет, хотя предметы первой половины X в. встречаются довольно часто.

Весьма вероятно, что авторы, “удревняющие” первую хронологическую группу, нередко датируют комплексы с обнаруженными в них стрелами салтово-маяцкого этапа, удилами с гвоздевидными псалиями, саблями с прямыми (без изгиба) клинками, трехперыми наконечниками стрел и некоторыми другими вещами, “пережившими” свою эпоху, устаревшими и истертыми. Это так же неприемлемо, как датировать ранней монетой, украшением или пряжкой VII—VIII вв. комплексы, по вещам относящиеся к развитому IX в.

Типологически обряд погребения печенегов и гузов заволжских степей в общих, наиболее значительных чертах вполне соответствует предложенной выше характеристике обряда обоих народов. Причем в печенежских погребениях, как правило, кони взнузданы удилами без перегиба, а это значит, видимо, что устойчивость этнографического признака означает образование достаточно четкого этноса уже в заволжский период его существования.

Выявился здесь и огузский этнографический признак, привнесенный ими от кимаков — с Обско-Иртышского междуречья. Это великолеп-

ные литые бронзовые наборы, несомненно, игравшие важную роль амулетов. Недаром их помещали в могилы к женщинам, которых у огузов чтили много выше, чем в печенежском обществе, отводя им, вероятно, обязанности домашних жриц.

У кимаков подвески значительно более разнообразные и, как правило, очень сложные по рисунку. Датируются они там VIII—IX вв. Видимо, из-за этой даты и появилась в хронологии заволжских древностей “заниженность” дат, равная примерно 30—50 годам.

Огузские подвески, несмотря на упрощенность формы, также отличаются законченностью и красотой. Особенно привлекательны копоушки, овальные крупные ручки которых украшены богатым и сложным орнаментом. Ведущей фигурой в этом орнаменте является летящая птица (реже — древо жизни), обрамленная, вероятно, змеями: узор объединяет, возможно, идею единства неба и воды. Впрочем, рисунки настолько причудливо разнообразны, что работать над их смысловой расшифровкой (семантикой) — дело будущих исследователей.

Следует учитывать и тот факт, что огузы, теснимые с востока кипчаками, были, естественно, в постоянном взаимодействии с соседями-врагами. Вещи попадали к огузам не только из сравнительно “близкого” Прииртышья, но и с Енисея — из Кыргызского каганата. Многие вещи, особенно украшения поясов и сбруи, кое-какие женские украшения датируются там рубежом VIII—IX вв. [Могильников, 2002, рис. 215—218 и др.]. В Заволжские степи они попали, несомненно, позднее, хотя общего у них много, особенно в художественном стиле, подчеркивавшем значительную общность этих народов в быту и культуре.

Не меньшее влияние на огузов оказывали и культуры Южного Урала, особенно в период X — начала XI в. [Мажитов, 1977, группы Г, Д, Е, табл. 1, с. 196—198].

Интересно, что печенеги, занявшие заволжские степи всего на несколько десятилетий раньше гузов, совсем не отличались таким стремлением к украшательству своих коней, своего оружия и жен. Думается, что объяснить эту “скромность” можно только стадией “нашествия”, в которой они пребывали практически все время своего “владения” южнорусской степью. Недаром, по-видимому, и своими боевыми конями они управляли жесткими, рвущими губы “трэнзелями”.

К сожалению, антропологические определения заволжских печенегов и гуннов не производились, и поэтому остается неизвестным, делились ли они и там так же четко на два антропологических типа, как в Беловежском могильнике. Поэтому при определении принадлежности захоронения тому или другому народу следует учитывать погребальный обряд и, конечно, характерные для каждого народа сопровождаю-

щие предметы. У печенегов это удила без перегиба, у гузов — разнообразные предметы “украшательства”.

Существенно, что в ряде случаев, особенно в низовьях Волги, попадались как бы небольшие могильники, состоявшие из 3—5 гузских курганов или впускных захоронений. Появление этих могильников свидетельствует о некоторой стабильности, возникшей в гузском обществе. Факт стабилизации подтверждается и более весомыми обстоятельствами и находками, а именно — возникновением на дюнах левого берега реки стойбищ. Последние обнаружены благодаря большому количеству разбитой весьма характерной посуды, обломки которой хорошо выявляются среди дюн и бугров Волги.

Все сосуды лепные, изготовлены из глины с примесью шамота и травы, обожжены часто до кирпично-красного цвета. Большое количество обломков на стойбищах объясняется хрупкостью изделий, нередко чрезмерно пережженных. Сосуды представлены горшками разных пропорций, котлами с наклепными ручками — “раковинками”, кружечками и кувшинами. Все они покрыты пышным орнаментом, абсолютно аналогичным узорам на керамике, обнаруженной в Белой Вежи [Плетнёва, 1963]. Западнее Белой Вежи они попадают в небольшом количестве — в культурном слое X в. в Таматархе [Плетнёва, 2001].

Зато на юго-восток от заволжских степей типологически близкий к этой оригинальной посуде керамический комплекс уже давно стал предметом внимания и изучения ученых, занимавшихся средневековыми памятниками Средней Азии.

Еще в 1947 г. вышла в свет большая статья С. П. Толстова “Города гузов” [1947]. Со свойственными этому ученому уверенностью и широтой он определил только что открытые его экспедицией городища в низовьях Сырдарьи “гузскими”. В Хорезмийской экспедиции городища получили название “Джеты-Асар” (№ 1—9), а их культура, прослеженная и на других городищах и могильниках, — “джеты-асарской культуры” [Левина, 1971, рис. 20—23].

Действительно, джеты-асарская керамика, особенно периода VIII—IX вв., несомненно, несет в себе многие черты, аналогичные обнаруженным в керамике Заволжья и Белой Вежи. Особенно ярко выявляется это сходство в орнаментике сосудов, хотя следует признать, что керамика Заволжья и Белой Вежи украшена более сложными элементами узора, что делает орнамент более “пышным”, а посуду — более нарядной.

Таким образом, по-видимому, керамический комплекс с пышной орнаментикой мы вправе связывать с гузами, подкочевавшими к волжским берегам в первой половине X в., вытеснив оттуда почти полностью печенегов.

Упомянем еще об одном обряде, который в последнее время “фиксируется” рядом ученых и у гузов, и у печенегов. Это обряд ритуального разрушения скелетов. В тех случаях, когда я сама раскапывала погребения кочевников, расчищала и зачерчивала их в сезоны 1950 и 1951 гг. [Плетнёва, 1990а], могу уверенно говорить об отсутствии следов ритуального разрушения. Остатки курганных насыпей, материк под ними, заполнение могилы — все было прорезано многочисленными сурчинами, а иногда и норами. Фаланги рук и ног, видимо, растаскивались по норам, изредка попадались они и в длинных сурчинах. Поскольку я тогда еще не столкнулась с этим странным и неприятным обрядом ритуального разрушения на аланском Дмитриевском могильнике [Плетнёва, 1967, с. 83, 84], то в чертежах Беловежского могильника редко обозначала следы работы сурков, так как это явление не относилось совершенно к факту захоронения, а только к его разрушению полевым зверьком.

О погребениях, раскопанных другими археологами, которые тоже не отмечали сурчин, уверенно говорить о происхождении нарушения скелетов в раскрытых могилах затруднительно. Но надо еще помнить, что большие насыпи в степях снимались скреперами (или бульдозерами), и впускные погребения “поздних кочевников” нередко вскрывались буквально под ножом машины. В таких случаях, естественно, нарушенность скелета была закономерной, но не древней.

Все это не позволяет пока согласиться с авторами, настаивающими на существовании у “поздних кочевников” ритуального разрушения скелетов.

Нередко при тотальном сносе громадных курганных насыпей археологи открывают буквально десятки “впускных” погребений с сопровождающими вещами, чаще — с очень скромным инвентарем: ножиком, кресалом с кремнем и пр. Часто среди впускников попадаются погребения, ориентированные на восток или юг, что не соответствует печенего-гузскому обряду. Однако их без всяких оснований считают гузскими. Очевидно, при определении этноса или культуры следует придерживаться уже известной и “работающей” схемы. Отклонения от принятой схемы вносят ненужную путаницу.

То же следует, видимо, сказать о существовании у гузов коллектив-

ных или парных захоронений. Если это единичные находки, то они, конечно, допустимы (случай одновременно умерших от эпидемии членов одной семьи). В целом же традиции погребального обряда не могли столь резко варьироваться.

Тем не менее мы должны учитывать, что в степях того беспокойного времени происходили постоянные смещения и смешения народов, этносов, орд и племен.

Трудности в этноопределении и датировках, по существу неразрешимые, возникают главным образом с захоронением людей без сопровождающих останков коня и хотя бы скромного инвентаря.

Несмотря на это, распространение курганов печенегов и гузов в Заволжье в нескольких работах определяется весьма уверенно и даже сопровождается пронумерованным списком памятников [Круглов, 2001, с. 396—397; Гарустович, Иванов, 2001, рис. 1, с. 162—211]. Списки памятников не дают представления о характере, а значит, и о принадлежности памятника к тому или иному народу и к эпохе, в которую он был сооружен. Кроме того, приходится признать, что карта памятников, составленная Г. Н. Гарустовичем и В. А. Ивановым, не может быть использована как источник по причине многочисленных небрежностей (ошибок), допущенных при ее составлении. Карта Е. В. Круглова, очевидно, точная, но на ней обозначены только гузские курганы и погребения, а также не вполне ясно, все ли они действительно принадлежали гузам, так как автор статьи ряд погребений с “отклонениями” от обычных обрядов считает гузскими. Очень хорошо и убедительно разобрались в материалах старых раскопок Г. Н. Гарустович, Я. И. Ракушин, А. Ф. Яминов [1998]. Было бы весьма желательно, чтобы эти авторы продолжили свою работу по упорядочению уже раскопанных и пылящихся в музеях и архивах заволжских древностей в том же стиле, какой они предложили в своей первой книге.

Как бы там ни было, но даже и на неудачной карте хорошо видна концентрация огузских погребений вдоль берега Волги, т.е. там же, где в разведках археологам удалось обнаружить остатки гузских стойбищ.

Правда, в данном случае следует помнить, что количество печенево-гузских захоронений остается не вполне выясненным. Здесь, несомненно, преобладали захоронения конца X — первой половины XI в., но могли быть и более поздние — вплоть до монголо-татарского нашествия и Золотой Орды.

5. “Поздние кочевники” в низовьях Прута и Днестра

Самым “темным” участком степи до сих пор остается район низовий Прута и Днестра. Попытка наполнить его конкретными материалами, относящимися к эпохе поздних кочевников, не вполне удалась занявшемуся этой темой А. О. Добролюбскому [1986]. В его книге (докторской диссертации) нет анализа или хотя бы издания основных комплексов, на которых он обязан был строить свои выводы. Датировки вещей, погребальный обряд он взял у своих предшественников, зашифровав совершенно нечитабельно и, видимо, оттого и неубедительно весь более или менее сохранившийся материал. В результате треть погребений датируется им концом IX—XIV в. Такая датировка неприемлема для археологов-мидиевистов, тем более в таком беспокойном регионе, каким были степи, в западном конце которых на границе с сильными государствами этнообразующий процесс проходил особенно активно. Карты, приложенные к тексту книги, абсолютно не соответствуют данным таблицы, опубликованной им, и пользоваться ими для представления о заселенности Прутско-Днестровского междуречья (особенно двух первых периодов) вряд ли возможно или целесообразно.

В 1981 г. А. О. Добролюбский вместе с А. Н. Дзиговским в небольшой статье издали еще одну карту [1981, с. 136], на которой обозначено сравнительно большое количество памятников, относимых авторами к поздним кочевникам. Оказалось, что памятников конца IX—XI в. на изученной ими территории всего четыре и одно — разоренное захоронение в устье Днепра. В остатках этого погребения были обнаружены три подвески — пробитые и истертые милиарисии императоров Никифора Фоки (963—969) и Иоанна Цимисхия (969—976).

Предложенная авторами дата комплексов (конец IX—XI в.) не может быть принята, так как для этого у них нет никаких данных, кроме письменных свидетельств, охватывающих слишком широкий диапазон для первого периода. Вероятно, следовало бы доказать правомерность предложенной хронологии конкретным анализом вещей из “датированных” ими погребений?

Погребений второго периода (XII — начало XIII в.) также мало (4). Остальные датируются авторами IX—XIV вв. (14) или относятся к категории “условно кочевнических памятников” (17). Памятников на этой карте оказалось зафиксировано значительно меньше, чем в докторской диссертации одного из авторов, но погребения на карте, опубликованной в статье, совпадают с приложенным списком использованного материала, и у нас нет данных подвергать их сомнению.

Таким образом, весьма “общее” ознакомление с позднекочевническими материалами крайне западного района южнорусской степи свидетельствует, во-первых, что все открытые захоронения были впускными в древние курганы, во-вторых, один из кратко описанных раскопанных комплексов принадлежал печенегам, а другие — гузам, хоронившим останки убитых коней, как в Заволжье и на Донце, выше захоронения человека, и, в-третьих, погребения, как правило, были, видимо, очень бедные, и определить их дату не было никакой возможности. Именно по этой причине подавляющее большинство захоронений практически не датируется авторами.

Следует еще раз подчеркнуть, что, за редчайшими исключениями, кочевники X — первой половины XI в. (в основной массе печенеги и гузы) хоронили мертвых в древних насыпях. Это свидетельствует, как мы знаем, о явном преобладании в степях первой стадии кочевания — стадии нашествия.

Могильники типа Беловежского кочевнического не могли существовать в открытой степи с неустоявшимися маршрутами кочевков, с более или менее постоянными летовками и зимовками. Только в Белой Веже какая-то небольшая орда или даже ее часть освоила полукочевой образ жизни, приобретая постоянное, хорошо защищенное становище в крепости, активно заселявшейся местным и пришлым из Руси населением. Это население охотно приняло в свою среду воинов-всадников, защищавших крепость от постоянных налетов и разорений со стороны бушующей вокруг степи. Крепость превращалась в маленький ремесленно-торговый городок и, возможно, охраняемую стоянку для проходивших и проплывавших мимо нее купеческих караванов.

Фактически этот небольшой отряд кочевников играл для городка роль пограничных отрядов, которыми окружали свои границы в особенно уязвимых для врагов местах все соседние со степью страны: Византия, Венгрия, Дунайская Болгария [Васильевский, 1908; Голубовский, 1884; Расовский, 1933, и др.]. В это же время или немного позднее — примерно во второй половине XI в. начался этот процесс стягивания у своих границ кочевников-вассалов на Руси.

В южнорусскую степь хлынула новая волна нашествия, сметающая или втягивающая в себя оставшихся в степи и подчинившихся новым властителям небольшие отряды (возможно, курени или даже айлы). Новыми хозяевами степи стали кипчаки. Появление их в степях способствовало стремительной миграции печенегов и гузов на крайние западные рубежи европейской степи, где они создавали своеобразный не-

спокойный и часто непокорный, но все-таки щит от стремившихся к войне и захвату новых земель кипчакских орд.

История и археология кипчаков, или, как их называли русские летописцы, половцев богата самыми разнообразными материалами, поэтому им уделена последняя глава этой книги. Следующую же главу мы посвятим остаткам печенего-торческих орд, просившим защиты и помощи у великого Киевского князя, который, учитывая опыт соседних стран, поставил на своей земле живой заслон, необходимый для успешного сопротивления и возможных побед над новым врагом.





Глава VI ЧЕРНЫЕ КЛОБУКИ (XII — НАЧАЛО XIII ВЕКА)

1. Начало исследования

Единственным полноценным письменным источником о печенегах, торках и других степных группировках, не желавших быть под властью кипчакских ханов и из последних сил боровшихся за свои пастбища, скот и вежи, являются дошедшие до нас записи русских летописцев. Как уже отмечалось, где-то в середине XI в. многие кочевые группировки, спасаясь от половцев, обратились за защитой к русским князьям, прося выделить им земли в пограничных со степью районах.

Южные русские княжества и сами страдали от частых, нередко сокрушающих ударов (налетов, набегов) половцев на окраины их земель. Так, в Киевском княжестве грабились села и небольшие крепости, выстроенные вдоль р. Рось князем Владимиром Святославичем. Непосредственно соседствовавшие со степью селения и пашни Переяславского княжества особенно часто подвергались грабежам. Высокие валы и глубокие рвы, отделявшие степь от лесостепных переяславских владений, практически мало способствовали безопасности богатых переяславских сел. Очевидно, то же происходило и в Черниговских южных областях, князья которых также выделили просившим помощи степнякам земли, необходимые для ведения полукочевого-полуоседлого хозяйства.

Как и во всех странах и государствах той эпохи, земли выделялись владетелями только на условиях вассалитета. Не все заключавшие договоры кочевники были довольны полученными наделами. В Летописи сохранилась интересная запись, датированная 1080 г.: “заратишася торци Переяславлестии на Русь”, т.е. поднялись на рать против князя Всеволода. Последний даже не захотел сам усмирять восставших вассалов, а послал юношу — сына Владимира (будущего Владимира Моно-

маха), который быстро прекратил смуту. В позднейших записях о переславских торках нет ни одного сообщения. Наибольшее внимание летописцев было обращено на южные земли Киевского княжества — в бассейн правого притока Днепра — р. Роси. Эта совсем небольшая область прекрасно защищена с юга обширным, вторгшимся в степь бором, р. Росью, валами и серией городков-крепостей [Кучера, 1987]. Ее заселил разноэтничным воинством еще Владимир Святославич.

Судя по данным летописи, на эту богатую плодородной землей и водоемами территорию с широкими пустошами, видимо, в 90-х гг. XI в. было разрешено подкочевать и расселиться трем уже хорошо известным на Руси народам, но впервые упомянутым в качестве вассалов Руси: гузам (торкам) — в 1093 г., печенегам — в 1097 г., и впервые упомянутым вообще берендеям — в 1096 г. Вести кочевнический образ жизни здесь было вряд ли возможно, и кочевники перешли к оседлости, отчасти земледелию и, главное, развитому пастбищному скотоводству. Селились они первоначально, вероятно, так же, как в Белой Веже, т.е. в полупустые поросские пограничные крепости.

Очевидно, главным городом этой новой вассальной Киеву области стал г. Торческ. Именно его осадили в 1093 г. половцы, взяли, ограбили и угнали в плен большое количество людей и скота. Киевский князь Святополк на этот раз не смог защитить город, был разбит и сам с трудом спасся от пленения.

Так началась в Поросье беспокойная жизнь пограничников-вассалов. Почти столетия каждое из трех упомянутых кочевых подразделений участвовало в битвах и налетах на половецкие кочевья (вежи) вместе с русскими полками, но порознь друг от друга даже в тех случаях, когда поход был общий (см. записи 1116, 1121 и др.). В 1146 г. впервые в Летописи появилось новое название поросских вассалов — Черные клобуки.

Несомненно, в него вошли все три группировки, из которых наиболее активными были берендеи. Их деятельность особенно усилилась после образования черноклобуцкого союза. Судя по летописным записям, они участвовали в боях вдвое, а то и втрое чаще торков и печенегов. До археологических исследований массы небольших курганчиков, разбросанных по Поросью, говорить о том, кто из трех превалировал в союзе, вряд ли было бы возможно. Правда, следует все-таки учитывать, что главным городом в области был Торческ, а значит, торки были преобладающей силой в союзе; печенеги же выступали в половецкое поле редко и в 1162 г. последний раз участвовали в походе против половцев. Торки, входя уже в черноклобуцкий союз, самостоятельным отрядом ходили в степь в 1173 г., а берендеи — в 1177 г.

Далее до конца XII в. летописцы писали о поросских вассалах только как о Черных клобуках. Очевидно, к концу 70-х гг. союз стал сплачиваться в единое целое, хотя единым этносом еще не стал. Это подтверждается единственным фактом упоминания торков в записи 1235 г. Интересно, что “сеча люта” между половцами, с одной стороны, и русскими и торками — с другой произошла у г. Торческа. Остатки этого города так и остаются неисследованными, хотя и вполне убедительно локализованы около с. Шарки Киевской обл. [Рыбаков, 1967]. Фактически полностью не исследовано ни одной поросской крепости, и поэтому повседневная жизнь, привычки и хозяйство Черных клобуков не могут до сих пор найти какое-либо подтверждение археологическими материалами, характеризующими их хотя бы в малой степени.

Зато археологи обладают в настоящее время довольно большой коллекцией вещей и прекрасно изданными полевыми дневниковыми записями одного из крупнейших русских археологов Н. Е. Бранденбурга. Он умер в 1903 г., но только в 1908 г. его ученикам и коллегам удалось издать его дневники — “Журнал раскопок”, в котором даны точнейшие “фотографические”, как писали его современники, описания всех раскопанных им курганов и погребений, в том числе и кочевнические захоронения Поросья. Вещи из раскопанных погребений изданы в “Журнале” не были, но их взял на хранение Артиллерийский исторический музей в Петербурге, а в 1932 г. они были переданы оттуда в Государственный Эрмитаж, где и пребывают по сей день.

Ученые-мидиевисты не раз обращались к “кочевнической” тематике в своих многочисленных и разнообразных работах, в том числе и в ряде статей по истории и этносу Черных клобуков [Голубовский, 1884; Раковский, 1927, 1933 и др.].

Однако замечательный и богатый информативностью материал раскопок Н. Е. Бранденбурга оставался как бы вне внимания историков, хотя А. А. Спицин попытался расчленить археологические материалы на этнические группы, положив в основу деления форму захоронения останков коня при человеке: с целым остовом или с только с отчлененными головой и ногами.

Мы знаем, что деление стран, народов, этносов, культур или даже отдельных предметов по одному, хотя и бросающемуся в глаза признаку, крайне условно и, как правило, не соответствует действительности.

Попытаемся еще раз вернуться к типологизации погребального обряда и выявить ряд дополнительных признаков, обнаруженных при анализе печенего-торческого обряда первого хронологического периода (или блока).

2. Курганы печенегов и торков в Поросье

Поросские курганы относятся ко второму хронологическому блоку, т.е. датируются концом XI — началом XIII в. [Плетнёва, 1973].

Всего в Поросье Н. Е. Бранденбург раскопал 117 кочевнических погребений: 56 — подкурганных и 61 — впускное (рис. 47; 48). Безусловно, большинство захоронений, как подкурганных, так и впускных, принадлежали печенегам (76 погребений), причем впускных и подкурганных примерно равное количество. Погребений без сопровождения останков коня (33) значительно меньше, чем захоронений с головой коня, взнузданной удилами без перегиба, и аккуратно разложенными слева от скелета человека отчлененными по третий сустав ногами коня (43). Могилы неглубокие, но широкие, так как на дно укладывали и труп человека, и чучело коня рядом, т.е. на одном уровне. Существенно отметить, что погребения обычно совершали в гробах, в основном в колодах, но попадались и дощатые гробы. Сохранялись они намного хуже: от большинства остались только гвозди в углах прямоугольника. Не исключено, что гробы, сделанные без использования гвоздей, совершенно не сохранились. Думается поэтому, что всех покойников хоронили в то время у печенегов в гробах — это был уже, за редкими исключениями, установившийся обряд. Все погребенные уложены вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ориентировка, как правило, головами на запад, череп коня также ориентирован мордой на запад. Изредка вместо чучела коня в беднейших захоронениях (именно они часто бывают без гроба) уложены чучела быка: голова и ноги, размещенные вдоль скелета человека в анатомическом порядке.

У поросских печенегов сохранился и обряд сооружения кенотафов — захоронения под небольшим курганчиком или впускные. Нередко чучела были оседланы и взнузданы.

В отличие от печенежских захоронений, торческие (гузские) погребения, аналогичные выявленным нами в донских степях, попадают, как и там, редко (всего три). Только одно из них по всем признакам совпадает с гузскими захоронениями: погребение совершено без гроба, головой на запад, чучело коня уложено на тонкую земляную подсыпку над покойником. Несмотря на серебряные серьги, могила бедная: очень мелкая, череп лошади стал заметен почти на поверхности, поскольку курганная насыпь над могилой была небольшой и почти стерлась ко времени ее исследования. Удила в этой торческой могиле были без перегиба.

Близко к этой могиле и другое захоронение, тоже с очень скромным инвентарем, но могила глубокая (почти 1 м), скелет лежал в сильно

истлевшем гробу. Над гробом, выше него на 0,7 м, т.е. практически также почти на поверхности, было уложено чучело коня, ориентированное, как и скелет, головой на запад.

Третье торчешское погребение не отличается от двух предыдущих: оно также совершено под небольшой почти полностью стершейся насыпью, но захоронение было без гроба, а как и в первом, перекрыто землей, на которую уложили чучело коня.

Таким образом, мы рассмотрели погребальный обряд поросских печенегов и торков, практически возглавлявших черноклобуцкий союз. Количественно это действительно самая крупная, вошедшая в союз группа, исследованная археологами. Во всяком случае они (в основном, печенеги) оставили после себя наибольшее количество захоронений (65 %).

Существенно, что женские погребения занимают среди них весьма скромное место — 16 %. Остальные — как правило, мужчины-воины, сопровождавшиеся нередко дорогим оружием — саблей, копьем, богатой сбруей. Даже тогда, когда покойники положены без останков коня, их нередко снабжали дорогостоящим оружием, чаще всего — саблей.

Среди погребений без сопровождения чучела коня более половины умерших вообще уложены без вещей. Среди них попадаются иногда скелеты с черепом, лежащим на правом виске, т.е. лицом к югу. Скорее всего это погребения, совершенные по мусульманскому обряду. Не исключено, что ислам стал проникать в кочевую европейскую степь, причем в непосредственной близости от Киева, значительно раньше образования Золотой Орды.

35 % открытых Н. Е. Бранденбургом в Поросье погребений отличаются от вышеописанных заметными различиями обряда и сопровождающего инвентаря. Главным отличием обряда является изменение захоронений коней. Вместо чучела коня рядом с гробом умершего стали укладывать целый остов коня. Естественно, изменилась и могила — ее выкапывали глубже и шире, так как целый остов коня занимал много больше места. Все захоронения совершены были под специальными довольно крупными земляными насыпями, однако большинство из них распаханы до основания, как и более мелкие курганчики.

Гробы — колоды или дощатые, сбитые гвоздями. Скелеты в них лежали вытянуто на спине, ориентированные головами на запад, скелеты коней — слева от покойника, ориентированы также головами на запад. В одной из могил рядом с погребенным воином были уложены два коня. Всего таких погребений было раскопано 13. Следует отметить, что в одной из могил нарушена традиционная ориентировка коня. Последний был уложен мордой на восток, что, безусловно, как и появление захоронений полных остовов коней, является признаком чуждого влияния на устоявшиеся у печенегов и торков за несколько сотен

лет обряды западной ориентации и замены на похоронах целого остова коня его чучелом.

Различия в инвентаре сказываются, прежде всего, в количестве сопровождающих погребенных воинов сабель: в печенего-торческой группе они встречены в 13 % от общего числа погребений, а в рассматриваемой нами группе почти втрое больше — 38 %.

Правда, при этом в могилах почти нет копий, которые изобиловали в печенежских погребениях. В нескольких захоронениях обнаружены были остатки луков (костяные плечевые накладки), несколько черешковых наконечников стрел и остатки истлевших кожаных колчанов, возможно, украшенных вышивкой. Все кони были взнузданы и оседланы, иногда от седел сохраняются не только пара стремян, но и деревянная сильно истлевшая основа. Характерно, что ни разу в группе не было встречено удила без перегиба.

К числу мужских погребений следует отнести и захоронение мальчика с тяжелой витой серебряной гривной. Рядом с ним, слева, как бы немного свернувшись, лежал жеребенок, взнузданный и оседланный. От седла, кроме стремени, остались только несколько обломков тонких костяных оковок и застежка для пут.

Женских погребений среди этой группировки было в процентном выражении (31 %) почти вдвое больше, чем в печенего-торческой группе, но, конечно, общее незначительное количество погребений делает вывод об увеличении женских захоронений условным и предварительным.

По основным признакам очень близки к предыдущим богатым захоронениям воинов погребения данной группы, в которых конь был уложен на довольно высокой ступени (примерно на половину глубины могилы). В одной из могил сохранилось дощатое перекрытие части могильной ямы, в которой был погребен человек.

В могиле, обнаруженной у с. Пешки, приступка отличалась особенной шириной и была на треть, т.е. примерно на 1 м, длиннее ямы, в которой был погребен покойник. А на большой приступке были уложены наискось два коня. Сопутствующий инвентарь разнообразен и богат. Кони взнузданы и оседланы. Поскольку яма для них была вырыта очень глубокая (до 3 м), в ней вертикально было поставлено характерное четырехгранное копьё. Могила для человека глубже конской еще на 0,9 м. В ней находился сильно истлевший скелет в гробу. Справа от человека была положена почти прямая сабля. У головы справа находился кованый шлем с козырьком и бармицей под ним и небольшой железной пряжкой. Рядом, тоже у черепа, обнаружено скопление стрел — около 20 крупных наконечников с остатками древков, обмотанных полосками бересты. Стрелы находились в колчане, который

истлел полностью. У таза слева — кресало и кусок кремня. Вдоль всего скелета и под черепом была прослежена полоса золототканой материи с узором. По-видимому, это была оторочка какого-то плаща или покрывала. Ясно, что это одно из самых богатых захоронений в Поросье.

Два остальных погребения этой группы из категории богатых — женские. Одно из них более скромное, но оно было тщательно перекрыто массивными дубовыми досками, отделявшими покойницу от захоронения лежавшего на приступке остова коня. Инвентарь небогатый: золотое колечко-серьга у черепа, на груди — обрывки витой тонкой серебряной проволочки, у колен — янтарная бусина и два шиферных пряслица.

Второе женское погребение частично разорено (кости коня разбросаны, но ясно, что остов был полным), среди костей обнаружены удила и одно стремя. Инвентарь при женщине интересен, так как дает представление о сложно украшенном, состоявшем из многих деталей головном уборе — матерчатой шапочке с прикрепленными к ней серебряными колечками, соединенными серебряными цепочками. К колечкам подвешены серебряные бубенчики — по три к каждому колечку, на “макушке” было пришито бронзовое колечко, а к одному из колец на цепочке был подвешен большой бронзовый бубенчик, звенящий, конечно, громче серебряных. Справа от черепа лежало большое серебряное кольцо. На шее (на позвонках) были обнаружены две бронзовые пуговицы, слева от таза — еще 6 таких пуговок, а под тазом — два бронзовых кольца. На груди были обнаружены остатки двух ожерелий — одно из 13 обычных круглых стеклянных бусин, второе — из трех лазуритовых подвесок и 8 коралловых. Это второе ожерелье, несомненно, играло роль амулета-оберега, так как оба камня считаются на востоке обладателями волшебной силы.

Представляется весьма вероятным, что рассмотренные выше мужские и женские захоронения с полным остовом коня, уложенного на дне рядом с погребенным, можно считать развитием (или изменением) погребального обряда, очевидно, под мощным влиянием захвативших степи половцев. Тем не менее, несмотря на замену чучела коня на его полный остов, здесь отчетливо выявляется характерный для печенегов принцип “горизонтального погребения”.

Вторая столь же небольшая группа, вероятно, сопоставима с торческими захоронениями, поскольку наиболее характерным для торческих погребений был принцип “вертикального захоронения”, т.е. конь в них должен перекрывать человеческое захоронение или же быть выше него, в частности, на высокой приступке, иногда даже отделенной от

основного захоронения человека плотным перекрытием. Замена чучела коня полным его остовом так же, как у печенегов, объясняется заимствованием этой части обряда у степных соседей. Следует учитывать, что замена чучела конем требовала увеличения размера прежде всего могильной ямы, а величина ямы ставила перед необходимостью насыпать значительно больший по объему курган, поскольку в центре находилась обширная яма.

Заимствование очевидно важной детали погребального обряда и сопровождающие эти действия становятся особенно заметными при ознакомлении с инвентарем, отличающимся, несомненно, большим разнообразием и заметным “богатством”: саблями, наборами оружия копейщика и лучника, шлемом, мелкими золотыми вещами (колечками), остатками дорогих тканей, серебряными украшениями, а в одном из женских погребений — целым набором “волшебных камней”. Все это, начиная с заимствования захоронения полной туши коня, может быть объяснено, прежде всего, иным, более высоким имущественным и, возможно, общественным положением умерших и их семей.

На их фоне особенно выделяются безынварные и безлошадные захоронения, которых довольно много в печенежско-торческом союзе. Следует отметить, что количество бедняков увеличивается, пожалуй, еще за счет погребений, отличающихся от остальной массы восточной ориентировкой.

3. Погребения в Поросье с восточной ориентировкой

Далее перейдем к характеристике погребений, отличающихся от вышеописанных главным ритуальным признаком, а именно: ориентировкой головами на восток. Н. Е. Бранденбург раскопал 15 захоронений с восточной ориентировкой. Самая большая группа, состоящая из 11 погребений, представлена захоронениями в неглубоких узких могилах, в основном в гробах. Сопровождающих умершего останков коней нет, инвентарь очень беден, а в большинстве могил отсутствует: вещи были обнаружены только в трех могилах. Одна из них — видимо, женская, в ней в гробу стоял горшок, и там же — железный нож. Во второй могиле — мужской — в гробу у правой кисти погребенного были положены удила и стремяна (сильно проржавевшие), у левой бедренной кости — нож, на шейных позвонках — бронзовая пуговица, у таза — костяная круглая пуговица и обломки железных колец. В третьей могиле также было погребение мужчины. Вдоль левой руки рукоятью у плеча лежала сабля (в проржавевших обломках), у правого бедра — обломки ножа и кресала, в головах был поставлен горшок.

Все три могилы, глубиной около 0,9 м, были перекрыты земляны-

ми, чуть заметными на поверхности, всхолмлениями. Вероятно, при сооружении эти курганчики достигали высоты 0,5—0,6 м. Остальные восемь погребений этой группы безынвентарные, все в гробах, в неглубоких ямах и под невысокими насыпями.

Следует отметить, что Н. Е. Бранденбург постоянно при описании этих скелетов подчеркивает их “сильную круглоголовость”, по-видимому, отличавшую их от покойников, погребенных головами на запад.

К группе погребений, связанных между собой ориентировкой головой на восток, следует отнести также и четыре богатых захоронения: два женских, два мужских. Первое женское погребение выделяется среди них особенным богатством. Женщина захоронена с целым остовом коня, ориентированного мордой на запад, уложенного рядом с гробом на дно могилы (т.е. горизонтальное захоронение). Конь взнуздан и оседлан. У женщины на пальцах обеих рук золотое и серебряное кольца, у правого бедра — зеркало, бубенчик, несколько янтарных бусин, перержавевший ножик.

Слева от этой могилы, примерно в 1,5 м от нее, в неглубокой могиле был похоронен ребенок 4—5 лет, головой на восток, вытянуто. В ногах у него был поставлен небольшой горшок.

В другой женской могиле, расположенной под соседней с предыдущей насыпью, лежал в гробу-колоде скелет, ориентированный головой на восток. По сторонам черепа у него были положены тяжелые серебряные серьги с конусовидными нанизками. Здесь и в других случаях фиксации в могиле аналогичных серег вернее считать их не серьгами (из-за тяжести), а височными кольцами. На груди умершей была обнаружена целая система связанных друг с другом колокольчиков, бубенчиков, серебряных цепочек. Несмотря на кусочек ткани с тремя приставшими к нему привесками, не удалось установить даже приблизительно общий вид этого сложного украшения. Сочетание серег и нарядного “нагрудника” дает основание считать захоронение женским. Рядом с гробом справа было помещено чучело коня с удилами в зубах. Существенно, что голова коня обращена мордой на запад, как и в предыдущем захоронении.

На гробе было уложено седло. Накладки из кости, сохранившиеся *in situ*, дают представление о его форме, конструкции и размерах. Передняя часть луки была декорирована костяной пластиной с фигурной прорезью. Остальные накладки — тонкие изогнутые пластины были прибиты к деревянной основе седла тонкими железными гвоздиками.

Оба мужских погребения, по существу, абсолютно идентичны по обряду захоронения: оба с чучелами коней, ориентированными мордами на запад и уложенными рядом с гробом на дно могилы. Скелеты людей в обоих ориентированы головами на восток. Интересно, что в

одном из них сабля и лук были уложены на крышку гроба. Крышка осела, и лук поломан на несколько частей, но костяные накладки — срединная и две фронтальные — сохранились хорошо. При конских костях были обнаружены ломаные и целые костяные накладки, возможно, петли налуча, пластины облицовки седла.

Несомненно, что небольшая группа с восточной ориентировкой подвергалась различным обрядам под воздействием преобладавшего в Поросье населения. Не менялся только, по-видимому, важнейший, отличающий их от остальных обряд — ориентировка покойников головой на восток. Во всех 15 погребениях она строго соблюдалась, но почему коней или их чучел всегда хоронили с обратной ориентировкой (мордами на запад), остается необъяснимым.

Ясно, что в Поросье собралось много степного люда, и они вынужденно тесно общались друг с другом. Это и дало такое разнообразие и перемешанность обрядов. Мы хорошо знаем, что там значительную территорию занимали печенеги и гузы — их обряды имеют аналогию как в Саркеле, так и в Заволжье. Кроме них, летопись, как отмечалось, постоянно называет в числе Черных клобуков еще берендеев. Не исключено, что погребения с восточной ориентировкой оставлены берендеями, которые весьма близки к кипчакам (половцам). Естественно, из степи проникали в Поросье многие обычаи и обряды и в, частности, захоронения вместо чучел коней целых туш. Скорее всего, этот обряд принесли печенегам и торкам берендеи, но и сами быстро переняли у них обычай заменять тушу чучелами коней (экономически это было выгодней).

4. Таганча (русские воины и Черные клобуки)

Н. Е. Бранденбург раскопал курганы примерно на $\frac{1}{4}$ всей площади Поросья. Поэтому судить о распространенности каждой из выявленных групп на территории Поросья практически невозможно. На исследованной территории население, судя по погребальным обрядам, было разнообразно, но преобладали здесь, очевидно, печенеги, занимая земли по верхнему и среднему течению Россавы.

Западнее Россавы в Рось впадала р. Гороховатка. Именно на ее берегу стоял г. Торческ. Видимо, вокруг него в основном группировались могильники торков, — это была их земля. Западнее Гороховатки в Рось впадает извилистая, с притоками-ручейками р. Роток. Именно на эту землю не раз нападали половцы и именно там стояли пограничные городки, которые летописец скопом назвал “6 городов берендичь”. Все они были взяты и, видимо, разрушены половцами, о чем и упомянул летописец в записи 1177 г.

В черноклобуцкий союз, сложившийся окончательно, как отмеча-

лось, к 1146 г., вошли и другие более мелкие подразделения кочевников, бежавших из ставшей враждебной степи, возможно, даже просто айлы (большие семьи). Они довольно быстро разрастались. Так, в частности, буквально “на глазах” летописца выросло под энергичным управлением хана Бастия сильное, участвовавшее во многих походах объединение “бастиев”. Аналогичные группировки представляли коуи, турпей, каепичи, служившие в основном черниговскому князю.

Поросье стало вассальным киевскому князю владением. Во главе этого весьма разнородного, а потому нередко и воевавшего друг с другом населения великие князья ставили своих младших сыновей, которые обязаны были поддерживать порядок в своем владении. Так, в 90-е гг. XII в. князем на черноклобуцком Поросье был поставлен сын киевского князя Рюрика Ростислав. Он крепко осел в Поросье, его постоянным местожительством стал Торческ. Матерью Ростислава была половчанка — дочь хана Беглюка, поэтому естественна была склонность этого князя к кочевническим традициям. Очевидно, такое же происхождение, а значит, и склонность к военизированному быту привлекали на степное пограничье и других русских воинов.

В этом отношении интересно поросское погребение, совершенное под курганом у с. Таганча. В нем похоронен мужчина, ориентированный головой на запад, рядом с ним уложена целая туша коня [Sarnowska, 1948—1949]. Инвентарь этого погребения очень богат и разнообразен (рис. 49): остатки узды и седла, сабля, копье, остатки щита, шлем и железная маска, кольчуга, булава, серебряные накладки и серебряная чаша. Датируется погребение по поздним вещам XII в., несмотря на находку в могиле более раннего медальончика с изображением Христа, относившегося к X в. Это, очевидно, не тюркский воин — измерения черепа показали, что умерший был длинноголовым, с некоторыми признаками “средиземноморского типа”. Этот факт, а также наличие в инвентаре щита, которым не пользовались кочевники, и бронзовой литой булавы — символа власти, дата погребения — все это может быть основанием для предположения о том, что в богатом погребении с конем лежал внук Беглюка и сын Рюрика, связанный с двумя знатными фамилиями — русской и половецкой. Время тогда для Поросья было беспокойное, походы русских полков и Черных клобуков в степь на половцев случались почти ежегодно. Половцы отвечали не менее жестокими набегами, и смерть удалого поросского князя была вполне вероятна именно в эти годы.

Следует отметить, что в бассейне Роси обитало много русских поселенцев, могилы которых также хорошо исследованы [Русанова, 1966]. Во всех помещены христианские захоронения, очевидно, бескурганные, хотя над некоторыми иногда, прослеживается остаток, видимо, насып-

ной земли. Вероятно, в их среде были не только воины, но и ремесленники. Мы не можем сейчас уверенно говорить об “этническом” происхождении многих курганов Поросья, но кухонные горшки и кувшины, обнаруженные в них, сделаны, безусловно, руками русских мастеров.

Что касается остальных предметов — от оружия до украшений, то они изготовлялись в степи. Особенно хороши немногочисленные, правда, женские украшения: серебряные височные кольца с биконическими полыми нанизками, иногда украшенные восемью дополнительными малыми конусами, серебряные тонкие изящно изогнутые накладки на косы, наконец, зеркала, которыми в то время вообще не пользовались русские женщины. Следует отметить, что общеупотребительные мелкие предметы изготовлялись, а потому и сохранялись много хуже оружия или конской сбруи. Великолепно сохранилось большинство обнаруженных сабель, хотя, конечно, в сырых могилах даже эти прекрасно откованные клинки распадались на части. В захоронениях печенегов встречаются, причем нередко, копья. Половина их — очень тщательно откованные четырехгранные острия с крепкими втулками, но нередко их отковывали небрежно, не отделяя даже острия от втулки, а иногда вообще они имели вид сужающейся к концу полуполой трубки. Их называют “втоковидными”, поскольку противоположный от острия конец древка укреплялся аналогичным “втоком” многих рыцарских вооружений Европы.

Кольчуги — очень редкая находка в степных курганах. По-видимому, это необычайно трудоемкое оборонительное вооружение получали (тем или иным способом) из Руси. Возможно, что наиболее хорошие шлемы тоже ковались русскими кузнецами. Но не исключено, что и в степи, и в Поросье были мастера высокого класса. Шлемов требовалось великое множество, и некоторые дошедшие до нас шлемы, обнаруженные вместе с железными масками, сделаны превосходно.

Наиболее интересной и неожиданной была для русских археологов находка в 1887 г. у с. Ротмистровка (близ Смелы) великолепно выкованной и позолоченной железной маски, в том же году изданной А. А. Бобринским [1887, табл. XIII].

После этой маски в 1889 г. в Херсоне были обнаружены довольно крупные обломки еще одной железной маски [Пятышева, 1964] с разбитой лицевой частью.

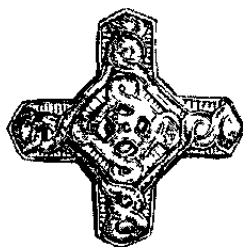
Следующие находки железных масок, являющихся явно “приложением” к шлему для защиты лица от удара (недаром именно лицевая часть разбита на херсонской маске — метили в лицо), были обнаружены на территории черноклобуцкого Поросья. Маски из комплексов Таганчи, Липовец, Ковали производят впечатление “посмертных” — все они передают лица разных людей, правда, похожих. Сходство придают боль-

шие горбатые носы и следы закрученных кверху усов (на маске из Ковалей, кроме усов, изображена еще и бородка). Маски надевали на лицо во время атаки, а в походе или в ожидании битвы они были прикреплены к шлему вверх подбородком. Это были своеобразные, значительно более выразительные забрала, какими пользовались все западноевропейские рыцари той эпохи. Выкованы они с исключительным мастерством и напоминают наиболее удачные изображения лиц на мужских каменных статуях. Их немного, и вряд ли далее они будут попадаться часто, — это было, очевидно, очень дорогое изделие, требующее от исполнителя самой высокой квалификации.

Полумаски, защищавшие лица воинов, частично неоднократно находили на Руси: в Никольском, Киеве [Кирпичников, 1971, табл. XVI], во Вщиже [Пятышева, 1964, табл. XII, XIIa]. Полная маска, закрывавшая все лицо и весьма напоминающая поросские, была найдена в Серенске [Никольская, 1981, рис. 97]. Несмотря на несомненное сходство и даже те же художественные приемы в изображении бровей и носа (Г-образные), нос выкован схематично горбатым (как клюв у птицы), глаза расставлены широко, внешние уголки глаз немного опущены, лицо округлое, а не сужается к подбородку. Это, несомненно, работа русского мастера для русского воина.

Так, тщательные и планомерные работы Н. Е. Бранденбурга в Поросье дали огромный материал для дальнейшей работы над этим ценным и уникальным источником, к которому неизбежно будут обращаться кочевниковеды-мидиевисты. Мы видели, что многие вопросы, встающие перед нами при изучении “Журнала Бранденбурга”, еще требуют дальнейшего серьезного исследования. В частности, необходимо найти (по возможности) и изучить поселения этих полуосевших кочевников, их пограничные городки, и в первую очередь столицу Поросья — город Торческ, расположенный, как отмечалось выше, у с. Шарки [Рыбаков, 1967].





Г л а в а VII КИПЧАКИ И ПОЛОВЦЫ

1. Начало движения на запад. Кипчаки

Арабские и персидские географы, путешественники, историки IX—X вв. нередко посвящали целые разделы своих сочинений тюркоязычным народам, обитавшим в далеких от Халифата евразийских степях. Наибольшее внимание обращали они на кимаков и кипчаков — дееспособных и молодых народов, образовавших в VIII в. крупное государство — Кимакский каганат [Кумеков, 1972].

Первым написал о них знаменитый арабский географ Ибн-Хордадбех (вторая половина IX в.), пользовавшийся при составлении своего труда более ранними источниками. Немного позже Ибн-Хордадбега два ученых — Ал-Истахри и Ибн-Хаукаль, составляя карты, попытались разместить на них и земли, занятые этими народами. В X в. Ал-Масуди и Абу-Дулаф в своих трудах сообщили уже довольно подробно не только об их расселении, но и об их хозяйстве и религиозных представлениях.

Возросшее количество информации сказалось на том, что в известном персидском трактате “Худуд-ал-Алем” (“Границы мира”) о кимаках и кипчаках написаны были целые главы [Minorsky V., 1937], а великий среднеазиатский писатель Ал-Бируни упомянул о них в нескольких сочинениях [Ал-Бируни, 1963].

Громадная территория, занятая ордами и этносами, входившими в Кимакский каганат, раскинулась от Иртыша до Каспия, от тайги до казахских полупустынь [Ахинжанов, 1989, с. 174 и сл.]. Археологические исследования, проводимые в разных районах этих степных просторов, и данные письменных источников позволяют говорить о том, что значительная часть населения каганата вела полuosедлый образ жизни и была хорошо знакома с земледелием [Кумеков, 1972, с. 98].

Ярко выявившаяся в каганате тенденция к оседанию не мешала мно-

гим входившим в него этносам в X в. и даже в начале XI в. продолжать вести привычную для них форму существования — кочевое скотоводство. Наиболее ярко склонность к кочевничеству проявилась у кипчаков.

Среди населения центральных областей Кимацкого каганата, наряду с многочисленными языческими верованиями и шаманизмом, стали распространяться, начиная с X в., мусульманство и манихейство.

Однако кочевавшие на западных окраинах каганата кипчаки не склонны были к чуждым религиям. Пассионарий, стремившийся к решительным действиям народ, нуждался в идеологии, которая давала бы обоснования к активным действиям, ставшим необходимыми в кипчакской степи с появлением и развитием объективных обстоятельств: 1 — выпас растущих стад требовал приобретения новых пастбищ; 2 — развитие экономики привело к центробежным стремлениям ряда отдельных владений, а значит — к междоусобицам; 3 — богатевшая аристократия захватывала кочевья и пастбища, а рядовые кочевники шли в кабалу или занимались разбоем, грабя кочевья более слабых соседей. Центральная кимакская власть уже не могла, видимо, навести порядок в стране.

Кипчаки, фактически получившие самостоятельность уже на рубеже X—XI вв., начали постепенное продвижение к западу. Так, примерно в 30-х гг. XI в. персидский автор Байхани указывает их месторасположение у самых границ Хорезма, а таджикский писатель Насири Хусрау в середине XI в. именует приаральскую степь уже не гузской, как делали его предшественники, а кипчакской (рис. 50).

Несмотря на даты, зафиксированные в письменных источниках об энергичном захвате кипчаками восточного региона европейских степей (Заволжья и Южного Приуралья) в начале XI в., погребения, которые можно было бы отнести к началу или даже ко всему XI в., попадаются редко, и из-за скудности материала уверенно датировать их XI в. практически невозможно. В основном это впускники в древние насыпи, как правило, зарытые небрежно и плохо сохранившиеся.

Редкость захоронений и поспешность (небрежность) их проведения объясняются, возможно, тем, что кипчаки не останавливались тогда кочевать в Заволжских и Уральских степях надолго: они шли через них.

Как это обычно случалось в периоды организации и начала нашего шествия, народ делился на две части. Одна (меньшая и менее энергичная) оставалась на месте. Это явление очень ярко описано Константином Багрянородным в рассказе о печенегах.

Материальная культура и обычаи оставшихся на прежних кочевьях кипчаков претерпели мало изменений за последующие столетия (XII—XIV вв.). Они сохранили свое этническое широко известное в Азии имя,

и монголы, подошедшие к кочевьям кипчаков в начале XIII в., присоединили их к своим надвигавшимся на Европу черной тучей войскам именно под этим именем.

Эта кипчакская группа, вследствие значительной стабильности, оставила несколько десятков подкурганных захоронений, которые удалось исследовать археологам [Иванов, Кригер, 1988, с. 42—53]. Прежде всего выявлен факт деления курганов на две группы: курганы с земляными насыпями и курганы с различными каменными “засыпками” — от простой наброски до окружения насыпи каменным кольцом по периметру, а в позднее время — сооружение в насыпи каменного или сырцового квадратного помещения, внутри которого помещалась могила (это уже “прообраз” мавзолея).

Положение умершего обычное — на спине, преимущественно в дощатых гробах, но попадались и гробы-колоды. Под курганами с каменными конструкциями характерны захоронения в могиле (чаще на приступке) целого остова коня (или же чучела коня с ногами, отчлененными по бедренный сустав). В земляных курганах умерших погребали в дощатых гробах, обычно без сопровождения коня, изредка только с его чучелом. Ориентировка покойников в обеих группах преобладала западная.

Выше мы уже писали, что одним из типичных признаков кипчакской культуры Заволжья и Приуралья были каменные изваяния. Следует отметить, что главным своеобразием этих изваяний являлось абсолютное преобладание так называемых стеловидных статуй, т.е. не делаясь они на стоящих и сидящих, не изображаются на них ни детали одежды, ни оружие, ни украшения, ни прически и пр. [Гарустович и др., 1998, с. 256]. Это были, по существу, только грубо обтесанные каменные столбы, в верхней части которых слабо выделялись черты лица, контуры которого иногда вырезались в виде “сердечка” с закругленной или, наоборот, заостренной в виде башлычка вершиной. Распространение таких “статуй” совпадает с ареалом Дешт-и-Кипчак. Датируются они, как нам представляется, довольно широко: с освоения кипчаками этой своей территории — от конца IX — начала X в. и до прихода на нее монголов.

Характерно, что за такой долгий срок совершенно не развивалось скульптурное мастерство авторов стеловидных истуканов, хотя великолепные образцы для подражания в древнетюркских и уйгурских степях у них были в большом количестве. Очевидно, в данном случае важно было соблюсти обрядовые действия в том исполнении, какое было принято у кипчаков с древности. Никакого стремления сделать памятник более “человекообразным” не требовалось.

Распространение курганов и святилищ, установленное благодаря разведкам в этом обширном регионе, а также редкие находки каменных истуканов, дали возможность наметить границы кипчакской степи (Дешт-и-Кипчак). Далее на запад, вплоть до дунайских равнин, раскинулась степь, в которую и устремилась в первой половине XI в. значительная часть кипчаков (см. рис. 50).

2. Половцы

Начнем рассказ об этом “новом” народе с кратких упоминаний о нем двух авторов, сумевших, несмотря на лаконичность, сообщить, во-первых, о факте начала движения кипчаков на запад, во-вторых, о причинах, вызвавших это движение, и, в-третьих, об этнических группах, которые в нем участвовали.

Так, Ал-Марвази, служивший в конце X — начале XII в. придворным врачом сельджукских шахов, писал, что каи (змеи) и куны потеснили племя шары (желтых), а те, в свою очередь, заняли земли туркмен, гузов и печенегов. Армянский историк Матвей Эдесский, писавший в XI в., добавляет к этому интересную подробность, что народ змей потеснил “рыжеволосых”, и последние двинулись на гузов, которые вместе с печенегами напали на Византию [Кумекон, 1972, с. 20; Ахинжанов, 1989, с. 47, 48].

Думается, что новое звучание имени (славянское) половцы получили не без основания: многие из них были светловолосые и даже рыжие, что считалось среди тюркских и монгольских этносов знаком особого отличия человека-воина (напомним, что Чингисхан был рыжим).

В обоих свидетельствах нам важно то, что в продвижении на запад прямое участие принимали не только собственно половцы, но и еще два этноса (каи и куны), которые “давили” на впереди идущих. Можно предполагать, что они вытеснили их только на правый берег Волги, а сами не пошли далее. Но возможно и другое предположение: часть каев и кунов присоединилась к нашествию, хотя их было значительно меньше половцев.

Границы половецкой земли точно указаны в записи русской Летописи под 1152 г.: “что же их межн Волгою и Днепром”. Это были, конечно, только основные “реперы” половецких владений Великого Междуречья. Логично предположить, что северная граница проходила примерно по границе степи с лесостепью. Южные границы мы можем установить только благодаря археологическим источникам. Главными из них были половецкие каменные изваяния (каменные статуи), картографирование которых дает нам уточнение и дополнение территории, по

которой кочевали и которой владели половецкие орды и более крупные политические образования (союзы орд).

Самые ранние типы статуй — стеловидные плоские со слабой детализацией фигур или совсем без нее. Аналогии им мы рассмотрели выше — это типичные кипчакские изваяния. Правда, часть из них находит больше аналогий в Семиречье [Шер, 1968, табл. XVIII, XX, XXI, XXII, XXVI]. Кроме того, как и в половецких степях, изображения там немного менялись в зависимости от месторасположения каменоломен (т.е. мастерских), в которых вырубались статуи, а также, несомненно, и от хронологического фактора.

Вот такие столбообразные фигуры появились впервые в донских степях примерно в первые десятилетия XI в. У всех их лица отделены от туловища только полукруглой или (чаще) заостренной чертой подбородка. В 20 % черты лица вообще не изображались, но затем появились лица-сердечки, Т-образные брови и нос, глаза и рот в виде овальных углублений. Наиболее существенны изменения, происшедшие с этими столбовидными фигурами, — появление на их передней (фасадной) стороне рук, державших на уровне живота изображение сосуда; на некоторых из них помимо рук на уровне груди помещены круглые выпуклости, видимо, изображавшие грудь, причем такие кружочки были не только на “статуях”, которые можно считать женскими, но и на мужских изваяниях, изображенных с усами и иногда с длинным подбородком, возможно, бородкой [Плетнёва, 1974] (рис. 51).

Весьма существенны исторические данные, которые можно получить, изучая пока только этот ранний тип статуй.

Как мы видим на карте, подавляющее их большинство сосредоточено в степи правого берега Донца в среднем его течении [Гераськова, 1991, рис. 14]. Этим, очевидно, мы можем уверенно говорить о том, что половцы принесли с собой изобразительные каноны статуарного искусства кипчаков.

Второй тип все еще стеловидных статуй, но уже с барельефно-плоско прочерченными руками, держащими сосуд, распространился в этом регионе, видимо, немного позднее. Судя по изваяниям этого типа, частично оставшимся в ранее занятом “междуречье” Среднего Донца, они продвинулись к югу — на Дон и в Приазовье.

Так был занят первый регион ушедших из Заволжья кипчаков-половцев. Дальнейшие исследования каменных изваяний, их типологизация, необычайное разнообразие и распространение по европейской степи различных типов статуй позволяют сделать дальнейшие выводы о жизни и духовных потребностях половецкого общества в следующие периоды их пребывания в Волго-Днепровском междуречье.

Несомненно, что появление “рук с сосудом” свидетельствует о решительном изменении, как бы “очеловечении” столбовидного идола. Это стало началом процесса зарождения и буйного расцвета замечательной половецкой скульптуры.

Тысячи статуй изготовлялись в половецких мастерских [Красильников, 1999]. Мужчины и женщины изображались стоящими и сидящими, всегда с канонизированным положением рук с сосудами для жертвоприношения, а вернее — для “угощения”, для которого в каменном сосуде выдалбливалась неглубокая ямочка. Благодаря точным, а нередко и очень полным изображениям костюма, украшений, оружия мы сейчас неплохо представляем костюмы, материальную и даже духовную жизнь половцев того времени [Веселовский 1915; Плетнёва, 1974; Гераськова, 1991; Красильников, Тельнова, 2000, с. 227—244, и др.]. XII век — век расцвета половецкой скульптуры (рис. 52—54) и наиболее полного ее распространения в половецкой степи (рис. 55). Громадное количество заказов стимулировало рост производства, его развитие и совершенствование, увеличение камнесечцев и скульпторов. Так постепенно проходил процесс перехода от простого ремесла к настоящему искусству. Естественно, что произведения скульпторов изготовлялись по заказам весьма богатых половцев, так как стоили дорого. Менее обеспеченные айлы (коши) заказывали ремесленные подражания им без излишних подробностей и украшательства. Ко второй половине XII в. богачи желали даже иметь портретное сходство статуи с умершим, и нам изредка попадаются среди 2000 с лишним дошедших до нашего времени статуй явные “портреты” или, во всяком случае, изображения с очевидным стремлением скульптора достигнуть портретного сходства.

Мужские лица всегда изображались с усами, три статуи были даже с бородками; женские — полные, круглые, как правило, с маленькими “пухлыми” губами. Спутать пол статуи по лицу невозможно. Мы обращаем на это особое внимание потому, что довольно значительный процент мужских статуй изображен с грудью, абсолютно идентичной женской: грудь у женщин и этих мужских фигур всегда обнажена и свисает на живот, подчеркивая основное значение этого органа — кормление всего рода. Обойти эту особенность ряда мужских фигур практически невозможно, так как она появилась у кипчаков еще в период пребывания их в Приуралье—Заволжье и сохранилась во все время их производства. Эта несомненная странность, уже вызвавшая у ученых много сомнений и возражений, все-таки должна быть отмечена, поскольку она, безусловно, имела большое, очевидно, ритуальное значение.

Несмотря на ряд вышедших работ о половецких изваяниях, впереди у исследователя, серьезно занявшегося этой темой, масса открытий.

Примерно к концу XII в. среди как мужских, так и женских статуй произошли заметные изменения, которые представляются шагом к упрощению изображений, к известной примитивизации их (см. рис. 51). Наступали они медленно и вряд ли сразу были замечены не только заказчиками, но и самими мастерами. Сначала перестали декорировать спины и изображать детали причесок и нарядов, затем убрали детализацию костюмов и с лицевой части. Нередко даже лица статуй оставляли гладкими без необходимых, казалось бы, черт лица. Представляется вполне вероятным, что статуи раскрашивали. Очень редко, но можно увидеть в особенно глубоких вырезках орнамента следы черной или красной красок. Поэтому не исключено, что ваение самых тонких и сложных деталей было заменено простой раскраской. На хорошо отшлифованной поверхности можно было нарисовать более сложный и красивый рисунок, дать большую выразительность лицам и т.д.

Между тем процесс предельного упрощения изображения “предка” продолжался. В конце концов исчезла, стала необязательной, каноническая поза с сосудом в руках. В отличие от ранних статуй без сосудов, поздние изображения отличаются объемностью и стройностью фигур. На них нередко мастерски изображаются даже детали украшений и костюма и в исключительных случаях — сосуд, но без держащих его рук.

Известно, что дерево на воздухе, без надлежащих условий хранения, очень быстро разлагается (рассыпается), поэтому статуи ваились из камня. Однако редкие находки остатков деревянных статуй, аналогичных каменным, убеждают нас в обратном. Деревянные статуи ставили, видимо, небогатые кочевники, но им поклонялись столь же истово, что и каменным.

Выше уже говорилось о том, что статуи предков изготовлялись тысячами. Ставили их не в одиночку на разрозненные древние курганы, а в специально сооруженные для них святилища. Их сооружали обычно на вершинах высоких курганов или холмов. Это были обычные квадратные (или прямоугольные) загородки, сложенные из камня-плитняка. Размеры святилищ зависели, по-видимому, от количества чтимых в нем предков. Чаще других ставили два изваяния лицами, обращенными на восток, — мужское и женское: родоначальников коша. Однако изредка попадались святилища со скоплением статуй — в каждом не менее 12—15. К сожалению, ни один из этих замечательных памятников не дошел до нас хотя бы в полуразрушенном виде. Приходится только с большей или меньшей степенью вероятности реставрировать их на чертежах.

У подножия статуй находили кости баранов, а один раз — кости

ребенка — девочки. Очевидно, каждый проезжавший мимо кочевник оставлял здесь свою жертву. Стоявшие на высоком кургане статуи необычайно впечатляющи. Запечатленные образы выглядели “богоподобно”. Однако многих археологов смущает тот факт, что ноги у статуй (и вообще нижняя часть тела) специально укорочены. Скульпторы, учитывая законы перспективы, делали это вполне сознательно: статуи стояли на возвышении, и, если извять ноги пропорционально всей фигуре, то они будут казаться громадными, порой закрывая собой остальную часть фигуры.

Благодаря данным русских летописей, в которых половцы упоминаются чуть ли не ежегодно, и распространению в степях каменных половецких статуй удалось выделить более десяти самостоятельных орд, а вернее — объединений орд (см. рис. 55). Каждое из них занимает постоянное место в половецкой степи. Названия им летописцы, как правило, давали по месту их пребывания. Так, очень крупное Приднепровское объединение включало в себя три большие орды (Заорельскую, Самарскую, Надпорожнюю); Лукоморское занимало Причерноморскую луку с низовьями Днепра и частично Ингулом; Донецкое располагалось в основном на берегах среднего течения Донца. С юга к нему примыкало Приазовское объединение. Выше мы говорили, что земли именно этих двух последних объединений были ранее остальных территорий заняты половцами.

Нижнедонские половцы появились на Дону почти одновременно с Приазовскими. Можно предполагать, что крымские степи половцы освоили после разгрома русскими полками лукоморцев в 1103 г. — просто часть разбитых куреней и айлов отступила в Крым. Интересно, что они не заняли степь Керченского полуострова и совсем не были на Таманском полуострове. Очевидно, это объясняется значительной заселенностью этих земель людьми, способными отстаивать свое имущество, дома и пашни.

В Предкавказье половцы появились, очевидно, в первой половине XII в. Изгнанные Владимиром Мономахом из степей Верхнего Донца, находясь под постоянной угрозой нападения его сына Мстислава Владимировича, примерно половина этого объединения оставила прежние кочевья и под руководством Атрака откочевала на юг — в Предкавказье. Постоянная угроза грабежей и угона пленных местными “удальцами” из многочисленных горных районов Кавказа побудила грузинских царей обратиться за помощью и защитой к Атраку, который охотно поступил на службу и даже породнился с царем Давидом, отдав свою дочь замуж за него. Добавим, что даже вернувшись в родные степи со своим кошем, Атрак оставил процветающую в Предкавказье орду на захваченных,

но уже ставших родными землях. Практически, как и крымские половцы, эта большая орда приобрела прекрасные кочевья благодаря активной наступательной деятельности Мономаховичей, стремившихся отогнать от своих границ беспокойных и опасных соседей.

Поволжскими половцами можно называть “саксинов” [Ал-Гарнати, 1971, с. 56], но следует учитывать, что громадное пространство степи между Северским Донцом и Волгой очень бедно находками каменных статуй (их всего 20 на площади 1000×250 км). Еще меньше известно погребений соответствующего им времени.

Мы начали этот раздел с изложения истории половецкой скульптуры, а вместе с тем и истории их расселения по южнорусской степи. Ареал половецких кочевий, судя по распространению каменных статуй, очень велик, но погребений, которых можно уверенно считать половецкими, фактически нет. Все исследователи, касающиеся этого материала, предпочитают называть их “погребениями половецкого времени”.

Коротко вернемся к материалам небольшого кочевнического могильника у Саркела—Белой Вежи (см. рис. 56). Там, на расстоянии не менее 70 м от края основного кочевнического могильника, между двух насыпей-выкидов из рва, был помещен небольшой курган, полностью перекрытый полами насыпей. Курган, насыпь которого частично сохранилась в разрезе перекрывающей его земли, невысокий, земляной. Могила — длинная, прямоугольная, с немного закругленными углами (размеры — 2,8×0,8 м), была заполнена желтой глиной, резко отличающейся от темной глины больших насыпей, перекрывших курган. На заполнении были аккуратно в ряд уложены 4 кирпича (обычные саркельские — 0,25×0,25 м), из которых сохранились два средних, а боковые — разбиты. Могила очень мелкая — глубина ее не превышает 0,3 м, дно плоское. Захоронение произведено в гробу, сбитом из довольно тонких досок. Гроб плоский, но с днищем и крышкой, выкрашенной красной краской. Гроб значительно длиннее положенного в нем человека — женщины 25—30 лет, монголоида, возможно, судя по низкому лицу, с примесью европеоидности. Скелет лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Кости очень плохой сохранности, никаких следов ритуального разрушения скелета не было. Ориентирован он головой на запад с сезонным (южным) отклонением.

На крышке гроба, немного сдвинутые к северу, были разложены останки коня, мордой на запад, с ногами, отчлененными по колена, что, как мы видели, для печенегов и гузов не свойственно. Конские останки лежали фактически на уровне подошвы кургана, череп был прикрыт кирпичами, а задние ноги были выявлены при подчистке материкового основания кургана.

Чучело коня было взнуздано и оседлано, гроб заколочен по углам крупными коваными гвоздями. Захоронение женщины богатое: на шее — витая гривна из “электра” — сплава серебра с золотом, на руках — серебряные пластинчатые браслеты, в правой руке она сжимает развернутую витую гривну, у черепа и у плечевой кости — золотые незамкнутые кольца (серьги).

В другом погребении, в насыпи (см. рис. 56), не используемой в качестве городского кладбища, обнаружен воин, тоже монголоид, что связывает его с описанной выше погребенной женщиной. Поза и ориентировка у него те же, т.е. обычные для подавляющего большинства кочевников южнорусской степи. Вдоль левой ноги у него помещен берестяной колчан. Слева уложено чучело коня, мордой на запад, но ноги отчленены по третий сустав. Очевидно, разница в длине оставленных для чучела ног больше зависит от богатства, достаточной обеспеченности скотом захороненного, а не от его “этнохронологического” определения, как это пытался доказать А. Г. Атавин [1984].

Могила, в которой погребен этот воин, также отличается незначительной глубиной, и потому захоронение сильно разрушено, особенно конский череп, лежавший выше человека на 0,2—0,3 м. Главным отличием данного захоронения является значительное количество вещей и обкладок из кости и рога. Все они украшены циркульным орнаментом. Только несколько деталей лука без орнамента: очевидно, они были вклеены в сложный и тугой лук. Накладки из кости, предметы из нее, прилагаемые к тому или иному оружию, характерны для южносибирской гарнитуры лучника [Худяков, 1980, с. 112—117, Флерова, 2001, с. 54—55 и сл.].

Длинная и широкая могила (2,7×0,8 м), при этом очень неглубокая, монголоидность воина, орнаментированные костяные накладки — все это, как нам представляется, позволяет считать данного воина-лучника половцем. В аналогичной насыпи вдоль внешнего беловежского рва было обнаружено произведенное в мелкой могиле еще одно захоронение монголоида в обычной для кочевника позе, с кресалом и кремешком у тазовых костей. Это один из распространенных в половецкое время беднейших типов погребений (пастух или просто домашний раб?).

Мы уже говорили выше еще об одном монголоиде, погребенном на общем Беловежском кладбище, очевидно, кочевническом, и уложенном головой на восток. Судя по времени образования кладбища (не ранее середины XI в.) и о расположении могилы на самом краю этого позднего кладбища, можно предполагать, что и этот всадник пришел в южнорусские степи вместе с какой-либо половецкой ордой.

Следовательно, даже на малом материале, обнаруженном вокруг Белой Вежи, видимо, можно говорить о появлении здесь половцев в XII в.

Однако выявить особенности погребального обряда собственно половцев и тем более отличить их погребения от печенежских и гузских пока преждевременно (рис. 57). Все три рассмотренных нами погребения произведены в мелких могилах, два из них, видимо, без гробов; головами все три ориентированы на запад. Единственное различие, которое можно отметить, — это отчленение по колена ног для чучела коня, но это не обрядовый признак, а социальный, и он мог использоваться на похоронах любого более или менее богатого кочевника.

Таким образом, мы стоим в настоящее время перед фактом почти полной неотличимости погребений доловецкого времени от более ранних. Только в отдельных могилах мы фиксируем черты, не свойственные ни печенегам, ни гузам. Характерно, что эти отличия основываются нередко только на разнице в составе инвентарей и, как правило, датируются XII — началом XIII в., а иногда и почти всем XIII в.

Прошло уже почти столетия с тех пор, как были написаны и опубликованы работы, в которых, опираясь на археологический материал, авторы пытались включить его в исследование в качестве полноценного исторического источника. С тех пор накопилось громадное количество новых материалов, но они пока лежат без движения. Только изредка публикуются материалы роскошных погребений с золотыми и серебряными вещами, редкими украшениями.

Безусловно, с оригинальной стороны в наши дни взялись за публикацию и осмысление материалов из степных курганов (как давно известных, так и массы новых) украинские археологи А. В. Евгелевский и Т. М. Потемкина [2000, 2000a]. Они исследуют не комплексы погребений и сопутствующих им вещей, не пытаются создать собственную хронологию, основанную на новейших методах исследований (хотя бы простой корреляцией отдельных локальных групп кочевнических погребений). Авторы предпочли брать определенные категории предметов из всех известных в степях раскопанных памятников: сабли, кресала и сосуды. Составленные ими карты распространения этих предметов, без достаточной хронологической аргументации, но все же позволяют нам представить распространение в южнорусской степи рядовых (с кресалами) и воинских (с саблями) захоронений. Без этих карт мне пришлось бы еще до написания данной книги начать изучение множества кочевнических древностей и курганов средневековья, раскопанных в последние 50 лет и до сих пор частично не изданных или изданных неполно, что, безусловно, очень затрудняло бы их поиски, тем более, что архивные материалы не всегда доступны. Типология новых материалов, да-

тировка их и, по мере возможности, разделение на этнические или этнохронологические группы — громадная исследовательская работа, требующая энергии, времени, сил и молодости. Только после ее выполнения можно будет ставить вопрос о распространении поздних разноэтничных кочевников в степях. Однако это дело будущих археологов-кочевниковедов.

Можно констатировать, что группировки каменных изваяний в целом совпадают со скоплениями сабельных клинков, обнаруженных в курганах. Погребения с кресалами, но без сабель, естественно, попадаются чаще — это обычные рядовые или “бедные” захоронения. Судя по кратеньким сообщениям в АО и иногда по чертежам погребений в Отчетах, можно говорить о том, что не менее 90—95 % кочевнических захоронений XI — середины XIII в. — впускники в древние насыпи.

Даже очень богатые захоронения совершались в древних насыпях. Возможно, это было стремление, с одной стороны, скрыть свое захоронение в чужой насыпи, а с другой — поднять его над ровной, плоской поверхностью степи. Приведем два примера:

Один из них — знаменитый Чингульский курган, расположенный на берегу р. Чингул в Токмакском районе Приднепровья [Отрошенко, Рассамакин, 1986]. Древняя насыпь бронзового века — среднее по величине сооружение (высотой всего до 1,5 м).

Эта высота была недостаточной для погребаемого кочевника. Совершив на древней вершине тризну, на которой, судя по количеству разбитых амфор, было выпито немало вина, строители соорудили на вершине вал из брикетов дерна. Высота постройки — более 3 м. Она состояла из четырех дуг, разделенных проходами. В центре этого сооружения выкопали могилу, перекрыв ее деревянным настилом и окружив трупами пяти коней. Кони взнузданы и оседланы. Сбруи украшены серебряными бляшками, седла — серебряными позолоченными накладками. Помимо коней во время захоронения была принесена и человеческая жертва: убитый мужчина лежал скорченно, головой на север, поперек западного прохода.

Подножие всего холма было окружено довольно широким и глубоким рвом. В западной части этого рва находились остатки тризны: голова коня и разбитые амфоры, среди которых попадались обломки разбитого поливного кувшинчика.

Могилка основного захоронения довольно большая (4,35×2,1 м), очень глубокая: заплечики — на глубине 3,8 м, а ниже них яма была углублена еще на 5 м. Нижняя часть могилы перекрыта массивными досками, а над этим перекрытием было сооружено еще одно в виде положенных наискось поперек могилы досок.

Вдоль восточной стенки могилы на нижнем перекрытии находились части бараньих туш, наконец, на самом дне могилы был уложен головой на запад труп мужчины 40—50 лет, мощного телосложения, длина скелета — 1,8 м. На его костях, особенно на черепе, хорошо прослеживались следы ран от ударов кистенем и сабельным клинком. Одет воин был в роскошный шелковый кафтан, подпоясанный ремнем. Могила буквально забита разнообразными дорогими и драгоценными предметами. Оружие состоит из шлема, кольчуги, богато украшенной сабли и пр. Вокруг покойника “разбросаны” драгоценные украшения из золота и серебра, как правило, художественно выполненные искусными мастерами. Необычайно привлекательна серебряная золоченая курильница с крышкой и фигуркой прыгающего льва на дне сосуда. Не менее красивы украшенные тончайшим орнаментом поливные и стеклянные сосуды.

В ногах погребенного стояли две амфоры и лежали кости животных — захороненная пища.

Следует специально отметить, что среди всего этого ценнейшего набора погребального инвентаря наряду с обычной золотой гривной воин также, видимо, держал в правой руке, как и беловежская половчанка, витой стержень, явно представляющий собой обычную распрямленную, квадратную в разрезе витую золотую гривну (длина этого массивного стержня — 0,42 м).

Для эпохи “поздних кочевников” это самое богатое из известных нам захоронений. Датируется оно рядом специалистов от конца XII до второй половины XIII в. Его социальная принадлежность не вызывает сомнений, — это захоронение знатного человека, скорее всего хана.

Значительно труднее дать ему этническое определение. В погребальном обряде как будто есть черты гузского обряда (перекрытие могилы досками, заплечиками), но могила необычайно глубокая, кони лежат не над ней, а вокруг нее. Кроме того, абсолютно не свойствен ни одному из народов обычай строить свой курган над древней насыпью. Есть в насыпи кургана и какие-то плохо исследованные или описанные каменные выкладки. На древних курганах ставили святилища половцы, но план, представленный авторами, не похож на половецкое святилище с каменными изваяниями.

Таким образом, следует признать, что этот памятник — один из примеров смешения всех существовавших в степи погребальных обрядов. Причем ров с перемычками, проведенный по периметру подножия кургана и к тому же с жертвоприношениями с западной стороны, напоминает “хазарские” и еще более ранние — сарматские ровики, весьма типичные для значительно более ранних эпох.

Как бы там ни было, но курган этот относится к последним десятилетиям половецкого владычества над степью.

Не меньший интерес представляет погребение кочевницы, обнаруженное и раскопанное учителем школы в с. Новоивановское Донецкой области [Швецов, 1974].

Захоронение произведено под сравнительно небольшой земляной курганной насыпью (высотой 2 м). Под курганом на глубине 1 м от его основания был обнаружен скелет коня, ориентированный головой на юг и находившийся, по-видимому, в не выявленной раскопками яме. Рядом с конем были обнаружены стремяна, удила и обрывки узды, украшенной поперечными скобочками из медной проволоки.

Под конским погребением, очевидно, удалось выявить могильную яму, размеры которой — 3×2 м, а глубина (от погребения коня) — еще 1 м. На дне в гробу была захоронена женщина, ориентированная головой на восток.

Очень большие размеры могильного сооружения объясняются необычным — поперечным положением коня относительно главного погребения. Для размещения содержимого этого крестообразного захоронения требовалась широкая могила. Следует отметить, что во всей степи такое погребение встречено всего единожды, поэтому вряд ли стоит видеть за этим какой-то еще неизвестный нам обряд. Возможно, при сооружении захоронения имели место поспешность и небрежность, связанная с ней. Тем не менее это женское погребение отличалось большим разнообразием и богатством инвентаря. Как и предыдущее захоронение воина, оно отличается от всех женских захоронений необычным набором очень ценных вещей, далеко не всегда встречавшихся даже в погребениях довольно богатых половчанок. Практически обычными здесь были только конский убор, серебряный витой перстень, бубенчик и стеклянный браслет. Остальные вещи изготовлены из дорогого материала — в основном золота и (меньше) серебра, многие из них отличаются мастерским исполнением, а некоторые предметы, в частности “жезл власти”, обладали, очевидно, большим “социальным” значением.

У женщины в Белой Веже этот жезл — развернутая (прямая) гривна — был серебряным; женщина из Новоивановского кургана владела серебряным, но позолоченным жезлом, а мужчина из Чингульского кургана был обладателем золотого жезла. Все эти данные позволяют говорить о значительном социальном и экономическом расслоении половецкого общества. Жезлом имел право владеть руководитель (владелец) большего или меньшего из подразделений. Жезл, положенный женщинам, означает, по-видимому, факт принадлежности к половец-

кому сообществу, так как мы знаем, что среди всех народов, кочевавших в степях, только у половцев женщина обладала той же властью, исполняла те же обязанности, а степные “поляницы”-воины мало чем отличались от своих братьев-мужчин. Предкам-женщинам поклонялись, как и предкам мужчинам.

Другим столь же значимым предметом, обнаруженным при Новоивановском погребении, был котел. Эта вполне как бы обыденная вещь имела и символическое значение. На присутствие котлов в довольно богатых мужских захоронениях впервые обратил внимание М. Л. Швецов [1980]. Котлы при них нередко бывали небольшими и поистине “символическими”, так как что-либо сварить в нем практически было невозможно. Однако котел что-то значил. В понимании этого обряда помогла запись летописца о хане Кончаке: этот могущественный властитель и мощный человек мог, по словам летописца, перенести котел на плечах через Сулу [ПСРЛ, II, с. 716]. Перенести любой обычный котел и через Днепр можно было без большого труда. В то же время фраза летописца звучала комплиментом! В чем же дело? А в том, что Кончак был главой (кошевым) очень крупного подразделения и его “общий” котел, из которого он должен был кормить свой кош, должен был быть огромным и неподъемным. Об этом воображаемом котле и писал летописец, а значит, котел был символом объединения. Его маленькие подражания всюду означали обычно роль объединителя, а умерший хозяин его — главой такого объединения. Возможно, что величина и тщательность отделки обнаруженных в могилах котлов также означали ту или иную ступень на иерархической лестнице половецкого общества.

Изобилие вещей позволяет дать достаточно обоснованную датировку погребению. Начиная с декорирования ременной сбруи проволочными скобочками и кончая гривнами (в том числе и “жезлом”), погребение всего комплекса следует датировать концом XII — первыми годами XIII в.

Что касается этнокультурной принадлежности погребения, то, как представляется, это столь же мало “определимый” комплекс, как и предыдущий. Судя по вертикальному принципу захоронения, это как будто гуз, но тот факт, что это женщина и к тому же “правительница”, мы, учитывая культ предков-женщин у половцев, можем уверенно считать захоронение половецким. Три беловежских самых поздних кочевнических захоронения дали нам три социальных “срезы” общества. К первому относится богатая и знатная половчанка. Два остальных еще более выдающихся погребения людей, обладавших властью и богатством, обнаружены в бассейне Донца и в Приднепровье. Такой разброс богатых и знатных людей в степях свидетельствует о немалом количестве богатей, которые имели возможность заказывать у мастеров самые изыскан-

ные изваяния в память своих предков. Такие богатые захоронения в степях встречаются не часто, но они известны и в Крыму, и на Нижнем Дону, и на Днепре. Некоторые из них, если попадают случайно местным жителям, как правило, растаскиваются по домам и исчезают. Только изредка доходят до нас роскошные конские оголовья (рис. 58), украшенные серебряными позолоченными с чернью крупными “подвесками” или решмами и аналогично сделанными мелкими бляшками и наконечниками для украшения сложных переплетений оголовья [Кирпичников, 1973, табл. VIII—XI].

Кроме воинов-богачей, в степи похоронены тысячи рядовых воинов, владельцев сравнительно небольших стад и глав небольших кошей. Следует отметить, что слово “кош” вошло в русский—казацкий говор: “кошевых” разрешили казакам выбирать даже в наше время. Интересно, что в Древней Руси это слово было немного изменено и стало звучать как Кашей (Кошей). Как страшный враг русских воинов, беспощадный разоритель и похититель красавиц, Кашей вошел почти во все волшебные русские сказки.

Особенно часто в степях попадают, как говорилось, захоронения-впускники с очень ограниченным и бедным инвентарем без захоронения чучела коня. Это пастухи. Правда, любой из них, приобретая коня и саблю, мог получить статус воина в одном из отрядов, возглавляемых известным и удачливым воином, как правило, — “Кашеем”.

Тысячи таких бедных могил разрушены простой распашкой древних курганов, так как могилы были совсем неглубокими. К сожалению, известны случаи, когда такие могилы уничтожались и археологами, стремящимися быстрее добраться до основного погребения (бронзы или скифа). А вообще-то археологу следует помнить об антропологических исследованиях, которые дадут нам громадный материал для изучения вопросов этноса этих погребенных.

Пока же редкие определения кочевнических монголоидных черепов, сопровождаемых вещами XII—XIII вв., дают нам право говорить о наличии монгольского компонента в половецкой среде. Кроме того, мы можем констатировать и некоторое своеобразие инвентаря, сопровождавшего умерших и датированного в основной массе XII — первой половиной XIII в.: искривленные длинные сабли, преобладание овальных кресал, серебряные витые гривны и, что существеннее, сделанные из распрямленных гривен “жезлы” разной ценности и, очевидно, разного достоинства. В половецкое время среди степняков вновь (после хазарской эпохи) распространились зеркала. Помимо зеркал, при определении даты и, как правило, этноса существенную роль играют височные серебряные кольца с дутой (полой) биконической нанизкой, по

шву соединявшей конусы, обычно декорированные сканной провололочкой. Нередко такие нанизки дополнительно украшались 6—8 маленькими конусами, основание которых также обвивалось сканной провололочкой. Эти дополнительные конусы — “рожки” придавали височным кольцам особенно презентативный вид.

В целом, это типичный набор половецкой эпохи (рис. 59; 60). Выше мы видели, что он широко использовался и в среде Черных клобуков, хотя там даже в “богатом” уборе аналогичные вещи были несколько проще и скромнее.

Напомним, что ряд упомянутых выше “половецких” вещей изображался на изваяниях их предков.

Подводя итоги всему сказанному выше о половцах и сравнив эти данные с тем материалом, который мы получили при знакомстве с печенего-гузской группировкой и ее древностями, можно уверенно говорить о сложении в степях с конца X в. тюркоязычной культурно-этнической общности. Эпогея оно достигло ко второй половине XII в. То, что представляется нам беспорядочным смешением, было на самом деле очень закономерным слиянием трех родственных народов. Этот процесс продолжался бы и дальше и, возможно, закончился бы созданием сильного этнического и государственного объединения.

Этого не произошло из-за прихода в степи монгольских войск, не только завоевавших степь, но и подчинивших своей власти большинство русских княжеств и полностью уничтоживших Волжскую Болгарию. Все три степных народа потеряли свое имя и вошли в новое мощное и богатое степное государство, созданное монголами, — Золотую Орду. Как кипчаки на восточной окраине европейской степи, так и половцы стали подданными золотоордынских ханов, кочуя по-прежнему. В степи, вокруг золотоордынских городов, кочевал народ, принадлежавший монголам, но не менее 100 лет они сохраняли, видимо, прежнее культурное или этнокультурное единство. Свидетельством этого служат в первую очередь половецкие изваяния. Монголы, безусловно, разрушили большинство святилищ и запретили создавать новые святилища, посвященные половецким воинам. В последние годы тотальные раскопки и разрушения крупных курганных насыпей привели археологов к открытию необычайных “подземных”, вернее “ямных”, святилищ. Причем чаще статуи изготавливались из дерева, а не из камня, который также запретили, видимо, использовать. Ямы, впрочем, для тех и других выкапывались одинаковые — довольно глубокие (до 3 м), конусообразные (сужающиеся ко дну). Дно небольшое, плоское, и на нем на постаменте (как на воздухе), лицом к востоку, ставили изваяние. Глубоко зарытое дерево без доступа воздуха сохранялось неплохо. К сожалению,

никто из археологов не заинтересовался еще этим материалом, говорящим, прежде всего, о стойкости духа побежденного народа. Многие художники-камнерезцы, переменив специальность, стали великолепными резчиками по рогу и кости, изготавливая прекрасные орнаментированные накладки на колчаны [Малиновская Н. В., 1974] (рис. 61).

Заканчивая раздел о половцах, остановимся еще на одном весьма существенном вопросе, который неизбежно встает и перед исследователем, и перед читателем. Выше нам удалось достаточно убедительно определить границы Половецкой земли: западной ее границей был Ингул. Однако хорошо известно из летописи, что на Руси были отлично осведомлены о том, что южная степь от Ингула до Днестра была заполнена кочевниками, которые летописец называл половцами [Плетнёва, 1990, с. 101 и сл.]. И только один раз в одной из записей их называли не только половцами, но и команам. Следует отметить, что византийцы, а вслед за ними и вся Западная Европа именовали половцев команам. Очевидно, это были те самые куны и каи (кимакские орды), пришедшие, присоединившись к “желтоволосым половцам”, в южнорусские степи, заняв их западные земли, столь же богатые травой и реками. Их языки и нравы, их боеспособность также не уступали половцам Приднепровья и Донского бассейна. В ряде походов на Русь, особенно в конце XI в., они участвовали весьма активно. Но статуи своим предкам они не ставили, и поэтому определить их территорию значительно труднее. Пользуясь только редкими упоминаниями в летописи о побужских половцах или о походе на Ингулец, где, видимо, стояли богатые команские кочевья, можно говорить хотя бы о присутствии на этих землях кочевого населения. Создается впечатление, что команам направили свои интересы на Византию, Болгарию, Венгрию и реже сталкивались с Русью.

Естественно, что кроме каменных статуй в степи должны попадаться погребения, а в виде исключения — особо внимательному археологу — и стойбища. Но стойбища, вероятнее всего, уже давно распаханы, как и большое количество курганов. Поэтому находок впускников в полууничтоженных древних насыпях, конечно, встречается очень мало, и они практически трудно фиксируются, так как сохранность даже дошедших до археолога памятников часто не позволяет уловить хорошо изученные по другим памятникам подробности погребального обряда.

Единственным исключением являются обнаруженные разведкой и частично раскопанные Н. Е. Бранденбургом небольшие курганные мо-

гильники, расположенные на левом берегу Днепра у с. Каменка, на самой границе степи с лесостепью.

Один из них, раскопанный полностью, состоял из 12 малых и нескольких крупных курганов. Последние относились к эпохе бронзы, средневековые погребения впускников в их насыпях отсутствовали. 12 малых курганов были сооружены из земли и камней. Камни различной величины — от очень крупных до почти щебня.

Несмотря на очень небольшое количество материала, полученного при исследовании Каменского могильника, у нас есть основания по погребальному обряду выделить в нем три группы захоронений. Различия в обрядах этих групп настолько выразительны, что позволяют предполагать принадлежность их к разным этническим группировкам.

Первая группа характеризуется глубокими могильными ямами, нередко со ступенькой на одной из сторон. На эту ступеньку опираются концы досок, наискось перекрывающие погребение. Покойники уложены на дно без гроба. Ориентировка погребенных всегда головой на восток (рис. 62). Всего в группу входят пять захоронений.

Вторая группа представлена всего двумя погребениями. По типу она близка к первой, поскольку глубина ям и ориентировка совпадают абсолютно. В заполнениях могил были обнаружены остатки перегнивших досок, возможно, от перекрытия. Основное отличие погребений от первой группы — дощатые плоские гробы, в которые уложены покойники (рис. 62).

Вполне возможно, что эти семь захоронений можно объединить в одну группу, но уверенно об этом можно будет говорить, когда подобных захоронений будет хотя бы два-три десятка.

Третья группа — наиболее оригинальная — “двухмогильная”. В одной из могил погребен умерший в солидном гробу-колоде, головой ориентированный на запад. В расположенной рядом меньшей могиле помещен труп коня в необычной позе — с поднятой шеей и головой, уложенной на край ямы в небольшое углубление (см. рис. 62). Конь мордой обращен на запад. Таких погребений открыто пять.

Все 12 погребений сопровождалось “загробной пищей”, от которой сохранялась обычно кость барана или телянка.

Благодаря сопровождающему, правда, не очень богатому инвентарю, в 10 случаях удалось определить пол погребенных: 4 мужских и 6 женских. Оказалось, что в первой и второй группах преобладают мужские захоронения, ориентированные головами на восток, а в третьей группе — женские погребения, ориентированные головами на запад. Все

женские захоронения сопровождаются дополнительными могилами с погребениями в них коней. Существенно, что ни один из коней не был взнуздан и, тем более, не оседлан.

Второй аналогичный могильник, находившийся всего в 500 м от первого, очевидно, идентичен ему. Он также состоял из нескольких десятков небольших каменно-земляных насыпей, но возможности раскопать его у исследователя не было. В наши дни, если площадь могильника не застроена, его, вероятно, можно обнаружить авиа- или космосъемкой, поскольку насыпи, даже каменные, давно разровнены, а крупные камни растащены на новые строительства.

Раскопанный могильник, судя по сопровождавшим умерших немногочисленным предметам, можно все-таки датировать, а вернее, отнести к определенной эпохе в жизни кочевников южнорусских степей. Так, все женские захоронения по обнаруженным в них серьгам в виде знака вопроса, круглым зеркалам с бортиком и шишечкой или петлей на обратной стороне относятся по многочисленным аналогиям в Сарае и других монгольских городах к XIV в. Мужские погребения характеризуются большими ножами-кинжалами (длина — до 1,8 м), крупными тяжелыми наконечниками стрел, овальными большими кресалами, тяжелыми “втоковидными” копьями. Этот комплекс вещей мог возникнуть на западных окраинах европейской степи только после появления там монгольских войск.

Военизированная группировка, оставившая после себя два могильника, появилась на Днестре только в монгольское время, пытаясь, очевидно, закрепиться на окраине Галицкого княжества для борьбы с наступавшими монголами.

Это была тяжелая эпоха в жизни команов, отчаянно сопротивлявшихся монгольским войскам.

Поскольку галицкие полки дольше и отчаяннее, чем все остальные русские войска, сопротивлялись монголам, команы примкнули, вероятно, в этой неравной борьбе к русичам, образуя, возможно, для галичан такой же живой военный щит, каким для Киева были Черные клобуки. Недаром Каменский могильник находился на Галицком пограничье.

Н. Е. Бранденбургу удалось открыть остатки только незначительной части пограничного Галицкого заслона. По-видимому, здесь был погребен уже наголову разбитый отряд. Началась нелегкая подневольная жизнь в составе Золотой Орды.

Но это уже другая тема, поскольку сильное и богатое государство

монголов шло иным путем, достигло могущества великих империй, но уже через полторы сотни лет фактически перестало существовать. И удар ему нанесли русские воины. Так Руси удалось устоять и сохранить свое имя.

Половцам повезло меньше — их этническое имя исчезло со страниц поздних рукописей, “скрывшись” под общим именем “татары”. И все сведения о происшедших в Восточной Европе событиях в XIV—XV вв. мы узнаем не только из многочисленных письменных источников, но и из археологических открытий, получаемых тяжелым и нередко мало ценным трудом археологов и энтузиастов.



ПОСЛЕСЛОВИЕ

Итак, целое тысячелетие раннего и начала развитого средневековья европейская степь находилась под властью тюркоязычных, в основном, кочевых народов.

Согласно многочисленным, хотя и отрывочным и довольно лаконичным сведениям и упоминаниям в письменных источниках, могущественные массы, двигавшиеся на Европу из азиатских степей и полупустынь, сметали все на своем пути, захватывали громадные пространства, богатые травой и множеством полноводных рек. По рассказам очевидцев и описаниям хронистов, записывавших с их слов данные об этих обрушившихся на Европу в IV в. всадниках, внешне непривычно для европейцев некрасивых, но прекрасно вооруженных и умевших сражаться и побеждать врага. Это была новая после ираноязычных скифов волна кентавров, захвативших европейские степи. Характерно, что во многих средневековых источниках этих новых пришельцев даже спустя почти тысячелетие (в XIII в.) европейские хронисты называли скифами.

Однако более близкие по времени и местожительству народы, постоянно сталкивавшиеся с новыми пришельцами, хорошо знали их наименования, которые в более или менее искаженном виде попадали в исторические сочинения. Естественно, следует учитывать, что чем больше во времени и отдаленнее были авторы от событий и наблюдений, которые они брались описывать, тем больше было ошибок, неточностей и просто фантастических выдумок, нередко взятых из легенд и сказок.

Современные историки, великолепно разбирающиеся в ценности и достаточной исследованности письменных источников, как правило, вполне правомерно используют их при написании своих трудов, но при этом редко привлекают данные лингвистики, топонимики, этнографии (чаще всего — в примечаниях). Богатейшие археологические материалы, многие из которых давно обработаны и превращены в источники, они предпочитают совсем не привлекать в свои работы. Археологические данные представляются им, видимо, собранием фантастических

выдумок. Это иногда снижает уровень исторических трудов и нередко затрудняет работу археологов, которые вынуждены сами разбирать хитросплетения письменных источников, нередко не избегая при этом досадных ошибок.

Однако работать над материалом надо, и мы — медиевисты — пытаемся использовать соответствующие письменные источники, прежде всего в тех случаях, когда сталкиваемся с не вполне понятными явлениями или памятниками, открываемыми раскопками. Приведем несколько примеров такого неизбежного сопоставления разнородных источников.

Из нескольких латино- и грекоязычных сочинений мы знаем, что степь после гуннского нашествия отнюдь не опустела, а наоборот, была занята многими разноэтничными, пришедшими сюда с гуннами народами. Головные части гуннов захватили уже степь Центральной Европы и грозно нависли над соседними европейскими странами и народами. Оставшиеся в восточноевропейской лесостепи многочисленные этнические группировки, начавшие как-то осваивать степь, постоянно сталкивались друг с другом, сражаясь за лучшие пастбища, водопои и, очевидно, за власть над более слабыми соседними этнообъединениями. Таким образом, спокойствия не было и в восточной части гуннской державы: степь была заселена всегда готовыми к военным действиям группировками, формировавшимися в более или менее крупные объединения и народы. Все сказанное позволяет думать, что степь была заполнена многообразными (по обрядам) могильными памятниками: отдельными погребениями и даже могильниками.

Впрочем, могильники в той беспокойной обстановке вряд ли могли существовать, но и погребения в гуннское и последующие периоды нашествий в степях попадают очень редко. Немногочисленные находки убедили нас в том, что погребения богачей осуществлялись в глубоких ямах, тщательно засыпанных и заложанных дерном. Могилы владельцев, буквально засыпанные золотом, как известно из источников, сооружались на дне отведенного русла реки. Еще недавно это казалось маловероятным. Но после находок Перещепинского и Келегейского сокровищ можно, хотя бы предварительно, представить себе возможность таких захоронений, открытых в нашу эпоху, вероятно, вследствие некоторого естественного изменения речных русел.

Что касается рядовых воинов и пастухов, то их хоронили в насыпях древних курганов, которые волнами покрывали всю степь. Только сейчас наиболее добросовестные археологи, вынужденные раскапывать крупные насыпи бульдозерами, находят именно в этих тысячах вскрываемых насыпей могилы эпохи средневековья (иногда по 5—10 могил). Из-за

работы на памятнике тяжелой и грубой машины даже опытным археологам не всегда удастся зафиксировать “впускное” захоронение, сотни их гибнут под гусеницами бульдозеров. Следует также помнить, что многие насыпи в степи, меньшие по размерам и сильно расплывшиеся, просто распахивались со времен освоения русскими степи. Погребения в насыпи, конечно, не замечали, и только отдельные вещи из них — сосуд, топорик, сломанная сабля, стрелки и пр. изредка попадали в провинциальные музеи.

Так нам стал понятен факт отсутствия погребальных памятников в степи, кишавшей воюющими людьми. В определенные эпохи нашествий и некоторое время после них могилы предков необходимо было тщательно скрывать.

Благодаря открытию знаменитого Вознесенского городища и блестяще доказанной А. К. Амброзом его интерпретации как поминального храма, мы можем говорить о глубоких духовных связях тюркоязычных народов, образовавших в эпоху создания этого памятника (первая половина VIII в.) по всей евразийской степи ряд крупных и сильных государств-каганатов.

Одним из них стал Хазарский каганат, окончательно сформировавшийся в период так называемого салтово-маяцкого этапа, длившегося около 200 лет и распространившегося в европейской степи от Днепра до Волги и от верховий основных рек Донского бассейна до Кавказских предгорий. На этой обширной территории распространилась одна *общая* культура. Характерно, что, заимствовав многое от аланской культуры, она поднялась на новую ступень развития, усовершенствовал домостроительство и архитектурные навыки, развил художественное ремесло, духовную культуру и, главное, — письменность, в основу которой были положены начертания букв тюркского алфавита, хорошо известного по всей евразийской степи.

Существование Хазарского каганата, так долго отрицавшееся в трудах крупных советских ученых, стало объективной реальностью, которую, конечно, следует изучать, решая при этом ряд сложнейших вопросов его жизнедеятельности.

В частности, только благодаря разведкам, начатым в 70-е гг. XX в. на Осколе, выявлен большой железоплавильный и кузнечный район, безусловно, снабжавший государство необходимыми орудиями труда и оружием.

Еще ранее — в 30-х гг. археологически было доказано тождество давно открытого (в конце XIX в.) Левобережного Цимлянского городища со знаменитым, благодаря неоднократным упоминаниям в письменных источниках, Саркелом — Белой Вежей. Интересно, что ряд российских и

зарубежных ученых сомневаются в осуществлении князем Святославом отчаянно смелого и победоносного похода на Хазарию в 965 г. Однако культурный слой взятого Святославом Саркела — Белой Вежи четко разделен слоем мощного пожарища, что является серьезным подтверждением похода, совершенного лихим князем.

Следует подчеркнуть, что только археологический анализ керамики позволил археологам выявить в Белой Веже разнородное население и, что весьма существенно, — обнаружить русскую керамику, очевидно, изготовленную в Белой Веже русскими гончарами.

Поскольку Хазарский каганат был буквально открыт археологами в середине — второй половине XX в., важнейших факторов его становления, развития и гибели обнаружено очень много. Мы постарались рассмотреть их в соответствующих главах этой книги, поэтому, чтобы избежать повторов, не будем больше задерживаться на характеристике всего, что было открыто и изучено археологами в Хазарии. Остановимся только на одном очень сложном вопросе, связанном с религией хазар.

Крепкое, боеспособное и богатое государство хазар заставило считаться с собой и Византийскую империю, и арабские Халифаты. Из письменных источников известно, что обе эти страны пытались обратить Хазарию в свою веру и этим хотя бы частично подчинить себе и сделать союзником это мощное государство. Чтобы избежать настойчивых предложений этих держав, каган сделал решительный дипломатический шаг — он и его свита приняли в самом начале IX в. третью мировую религию — иудаизм, к которой враждебно относились и христиане, и мусульмане.

Таким образом, Хазарский каганат стал иудейским государством. Так ли это было на самом деле, могут ответить только археологические материалы. В главе 4 мы видели, что культура в каганате была пронизана язычеством и осталась таковой до конца существования этого государства. Кроме того, археологически прослежена и некоторая склонность хазарских подданных к христианству. Несомненные следы иудаизма прослеживаются только в Крыму и частично на двух Таманских городищах: Таматархе и Фанагории. Это были надгробные стелы с рельефно выбитыми семисвечниками и прочими атрибутами иудейской символики. В Херсонесе в V в. существовала синагога, позднее разрушенная и перекрытая христианской базиликой. Поскольку обнаруженные надгробия никем не датированы, нельзя уверенно говорить об их связи с хазарским временем. В Таматархе в одном из домов в цоколь была вложена такая стела, т.е. свое прямое назначение она уже потеряла. На обратной стороне стел иногда находят знаки (тамги?), возможно, и тюркские, но они могли быть и сарматскими. Существенно, что дата

их в таком случае совпадает со временем существования херсонесской синагоги.

Итак, как нам кажется, в Хазарии практически нет данных о принятии иудейства всем народом или хотя бы его более или менее значительной части. Да и сам каган был сакрализован, и множество языческих обрядов регулировало каждое его движение. Об этом сохранились сведения в нескольких сочинениях арабских авторов.

Все это, вместе взятое, и, главное, отсутствие в народе каких бы то ни было следов иудейской религии позволяет нам уверенно говорить о том, что Хазарский каганат духовно был связан со всем евразийским миром, и никакие чуждые религиозные догмы не играли роли в жизни его народов.

О так называемых “поздних кочевниках” до нас дошло довольно много сведений в письменных источниках, поэтому археологические материалы практически только дополняют данные, уже многократно обработанные историками.

От ворвавшихся на рубеже IX—X вв. печенегов, а за ними гузов (торков) до нас дошло буквально несколько памятников (погребений впускников). Об их присутствии в то время в хазарских степях и об их захватнических действиях можно судить только по косвенным данным, а именно — по исчезновению жизни на большинстве поселений салтовомаяцкого этапа, т.е. полного разгрома экономики на значительной территории каганата. Древние авторы не обратили на этот факт внимания, историки нашего времени также не комментируют его, хотя большинство остатков поселений, раскопанных (частично) археологами, скорее можно считать не сожженными и разграбленными (как, например, сожгли Саркел), а просто оставленными жителями, увезшими с собой все имущество, даже тяжелые каменные жернова. В жилищах нет следов грабежа, разгрома, пожара. Таким образом, наблюдения археологов дают совершенно новые сведения, которые, конечно, необходимо учитывать при характеристике конца хазарской эпохи.

Раскопки Н. Е. Бранденбурга, обнаружившего по р. Россаве более 100 в основном печенежских погребений, подтвердили многочисленные сообщения русской летописи о киевских вассалах — Черных клобуках. Из этого же источника мы знаем, что такие кочевнические объединения были и в Переяславском, и в Черниговском княжествах. Однако курганов с захоронениями, подобными россавским, там до сих пор обнаружено не было. Возможно, что оба княжества предпочитали держать своих кочевых союзников вне своих земель, но поблизости от границ. Мы привели этот пример для того, чтобы показать, к каким шат-

ким гипотезам приводит отсутствие или неразработанность необходимого археологического источника.

С середины XI и весь XII в. русская Летопись наполнена почти ежегодными записями о половцах — новых, значительно более грозных врагах, появившихся у южных и юго-восточных границ Русского государства, которые, в отличие от печенегов и торков, оставили в степи значительно больше захоронений, преимущественно также “впускников”. Впрочем, как мы видели в соответствующей главе, среди погребений этого времени половецкие захоронения не преобладали. В степях по-прежнему кочевали, а значит, и хоронили своих мертвых и печенеги, и гузы, и некоторые другие этнические формирования. Поэтому весь комплекс открытых погребений конца XI—XII в. следует считать не половецким, а “комплексом погребений половецкого времени”. Однако политически половцы действительно господствовали на значительной части европейской степи.

Русский летописец весьма четко определил границы собственно Половецкой земли — *между Волгой и Днепром*: это была собственно половецкая территория. Археологические данные позволили нам подтвердить эти сведения, т.е. выделить из разных, хотя и родственных кочевых орд, размещенных в степях, орды, которые русскими были названы “половцами”. Это одно из самых существенных открытий, сделанных археологами, к сожалению, до сих пор не учитывается историками, предпочитающими рассматривать всю массу орд, кочевавших по европейской степи в “половецкий период”, половцами. Правда, они как бы признают Волгу пограничной рекой, так как вся восточная часть половецкой степи считается кипчакской (Дешт-и-Кипчак).

Картографирование каменных статуй, датирующихся в основном XII в., определение границ их размещения в степи практически совпали с границами, указанными летописцем. Следует отметить, что если ранние типы изваяний еще попадают в Дешт-и-Кипчак, то в XII в. граница определилась — за Волгой каменных статуй XII в. нет.

Нет каменных статуй на всем Правобережье Днепра, вплоть до крайне западных пределов европейской степи (в Подунавье). О том, кому принадлежали орды, кочевавшие там, без глубокого исследования кочевнических погребальных памятников вряд ли сейчас возможно уверенно говорить и писать. Но, видимо, важно помнить, что все западные страны, сталкивавшиеся с этими кочевниками (Византия, Болгария, Венгрия и некоторые другие государства), называли их команам. Гипотез о происхождении команов можно высказать несколько, но все они недоказуемы до исследований хорошо раскопанных, не разоренных погребений с находками аналогий им в кипчакской степи и даже восточ-

нее — у кимаков. Работа над этой проблемой пока остается на самой начальной стадии изучения.

Следует признать, что и половецкие погребения еще далеко недостаточно изучены. Необходимы новые открытия и новые исследования. Помимо погребений, вполне вероятно, что при тщательной разведке берегов рек можно даже сейчас, в период тотального уничтожения археологических памятников, обнаружить остатки половецких стойбищ. По аналогии со временем начала стабилизации в Хазарском каганате, связанного с определением четких границ, в XII в. в Половецкой земле тоже могли уже появиться более или менее постоянные стойбища — “вежи”, как называл их русский летописец.

В данном послесловии мы постарались на нескольких примерах показать еще раз, насколько значительным, а порой и бесценным *историческим* источником является хорошо раскопанный и обработанный материал из средневековых памятников европейской степи. Без данных, которые мы получаем из археологических материалов, невозможно решить множество исторических вопросов, поставить ряд проблем, в частности, провести анализ взаимоотношений земледельческой и кочевой экономики.

В настоящее время мы — кочевниковеды — только в начале этого тяжелого пути, требующего максимальной трудоспособности и знаний.

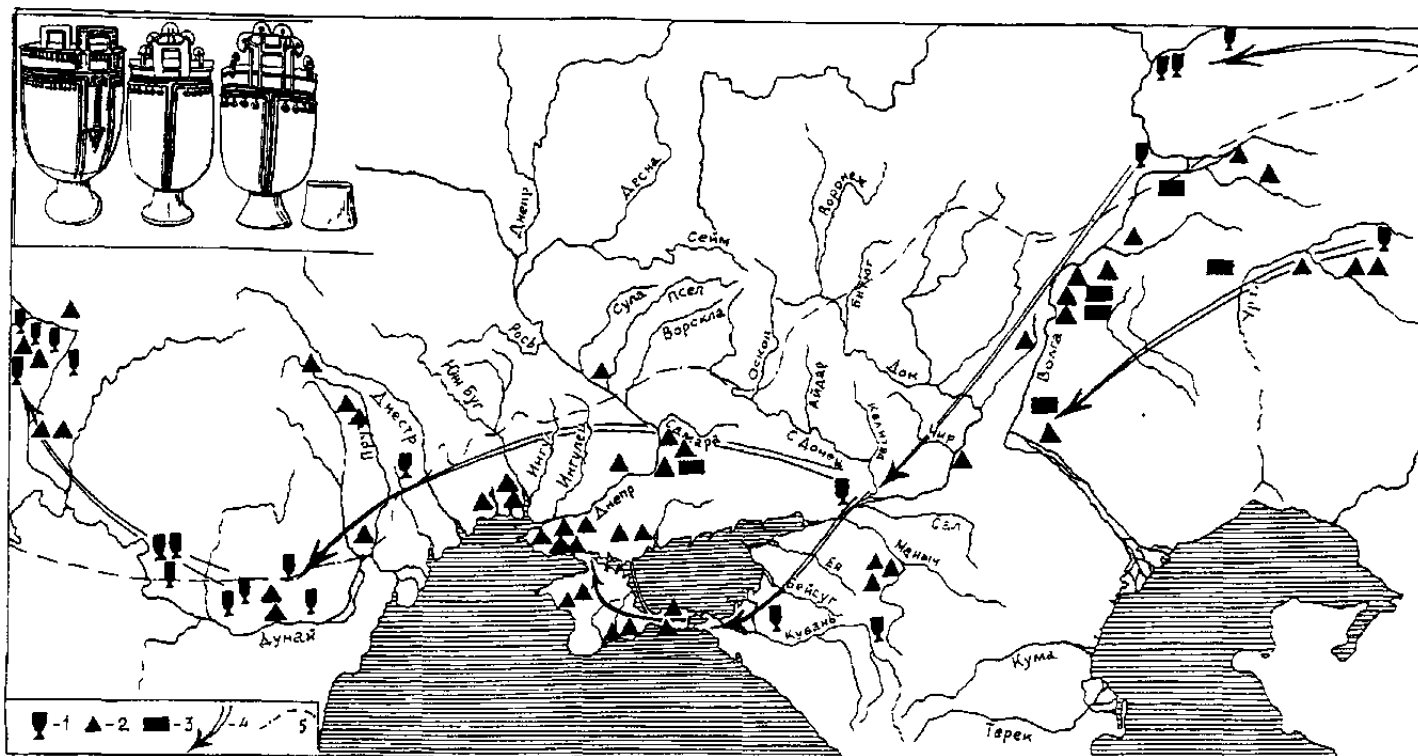


Рис. 1. Карта гунских миграций, распространение их погребальных памятников и котлов в европейских степях. Составлена по данным И. П. Засецкой (1994). Условные обозначения: 1 — котлы; 2 — памятники первой хронологической группы; 3 — памятники второй хронологической группы; 4 — направления основных гунских миграций; 5 — граница степи с лесостепью

ИЛЛЮСТРАЦИИ

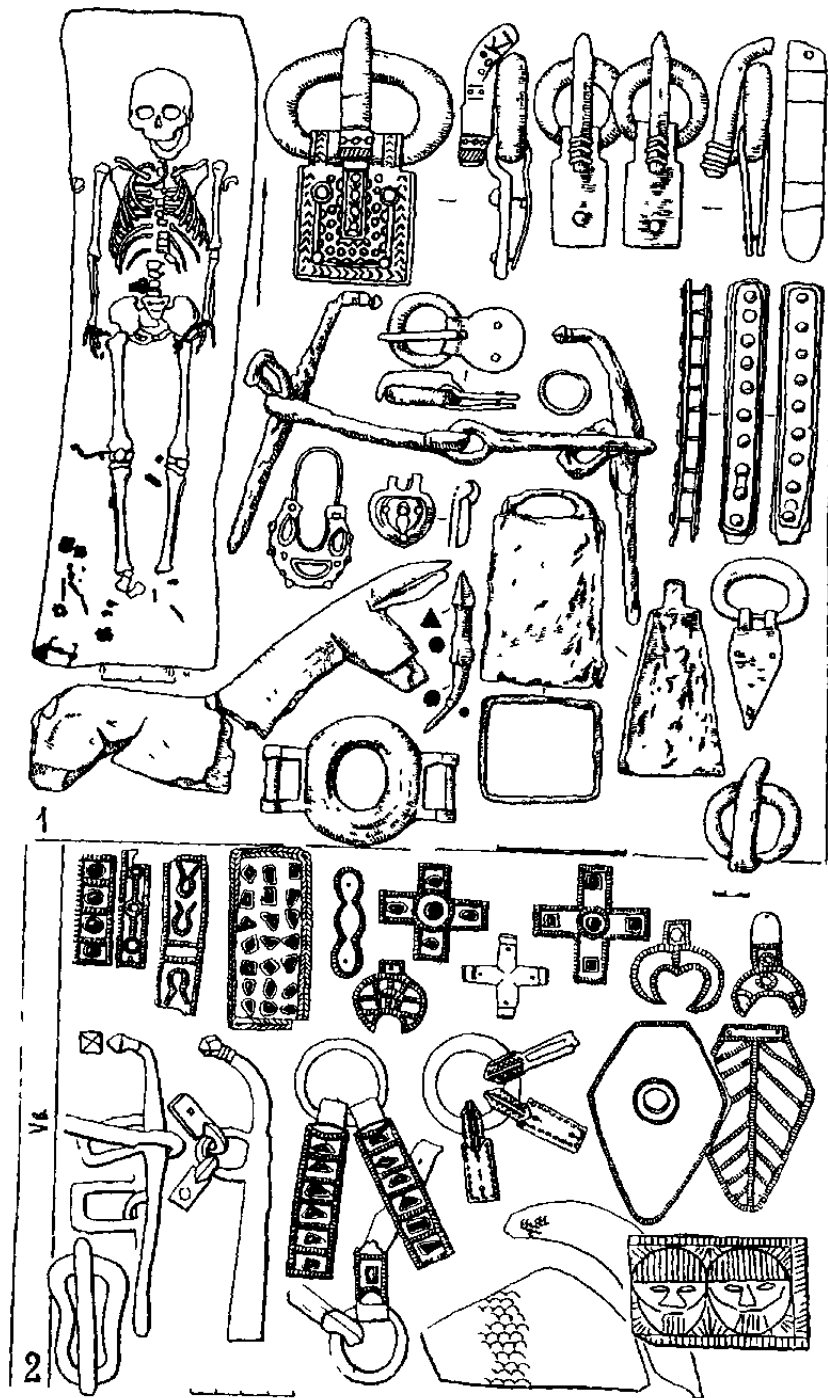


Рис 2 Захоронение гуннского мальчика (Беляус, Крым) и сопровождающий его погребальный инвентарь (1) Наибольший интерес представляет игрушечная деревянная, обтянутая золотым листом лошадка [Айбабин, 1999, рис 27], синхронная беляусскому погребению конская сбруя V в (2) [Амброз, 1981, рис 3]

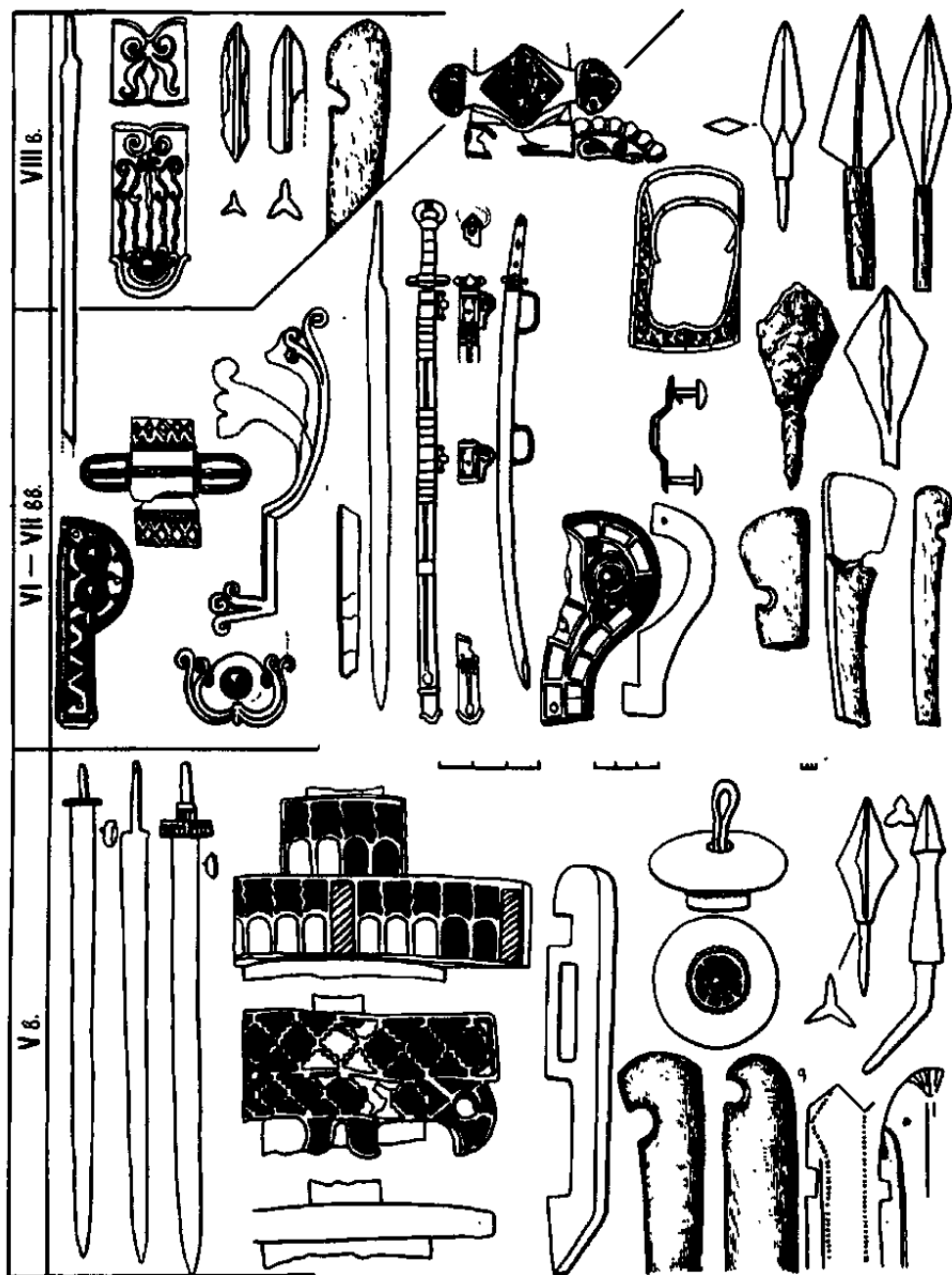


Рис. 3. Хронологическая таблица гуннского оружия [Амброз, 1981, рис. 5]

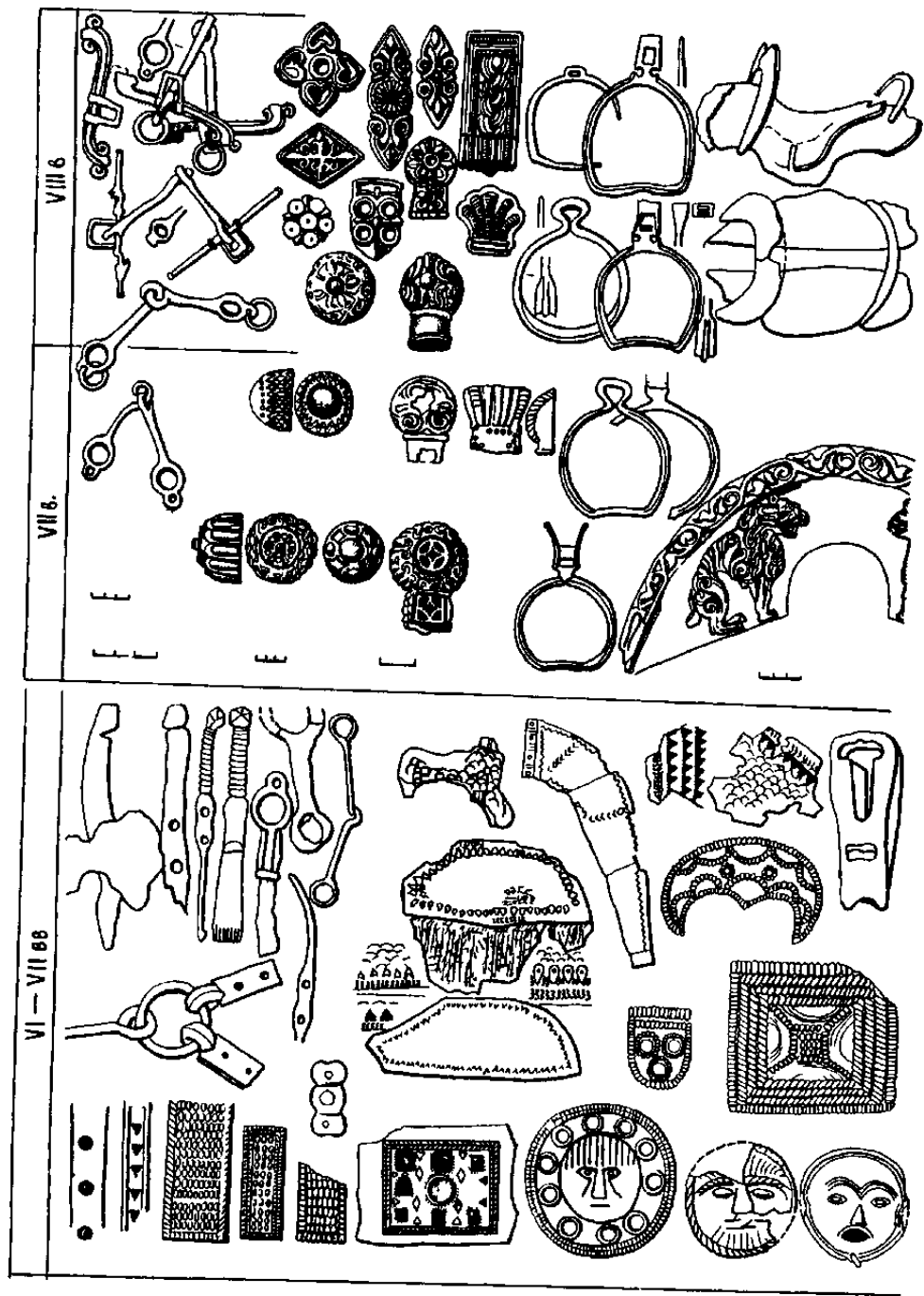


Рис 4 Хронологическая таблица конской сбруи VI — первой половины VIII в [Ам-броз, 1981, рис 3 и 4]

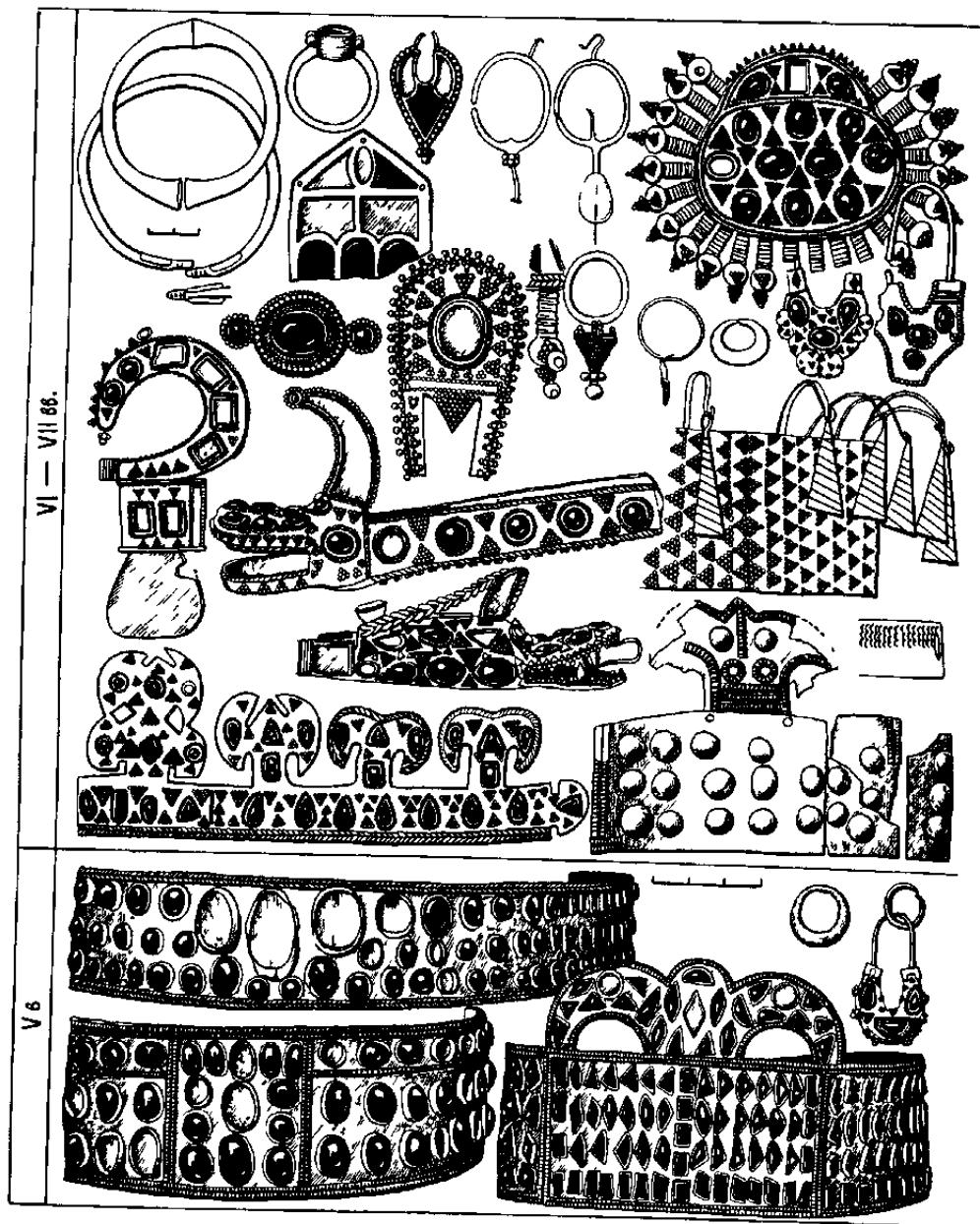


Рис 5 Хронологическая таблица украшений V — начала VIII в [Амброз, 1981, рис 7]

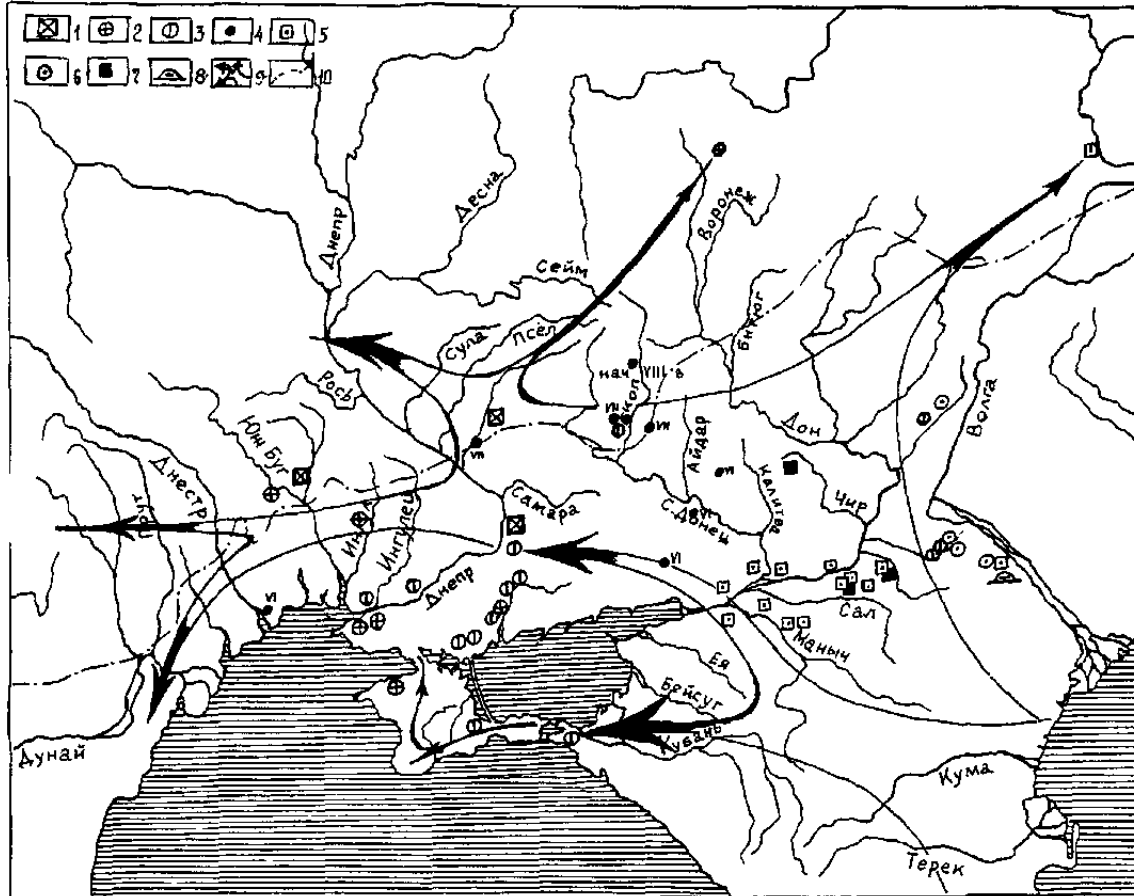


Рис. 6. Карта направлений хазарской экспансии VII—VIII вв. и распространение памятников этого времени в европейских степях. Условные обозначения: 1 — поминальные храмы; 2 — богатые захоронения хазар VII в.; 3 — смешанные хазаро-болгарские богатые захоронения; 4 — монеты; 5 — подкурганные захоронения с квадратными ровиками; 6 — подкурганные захоронения с круглыми ровиками; 7 — поминальные сооружения (сожжения) — кенотафы; 8 — впускное захоронение; 9 — направления хазарской экспансии; 10 — граница степи с лесостепью

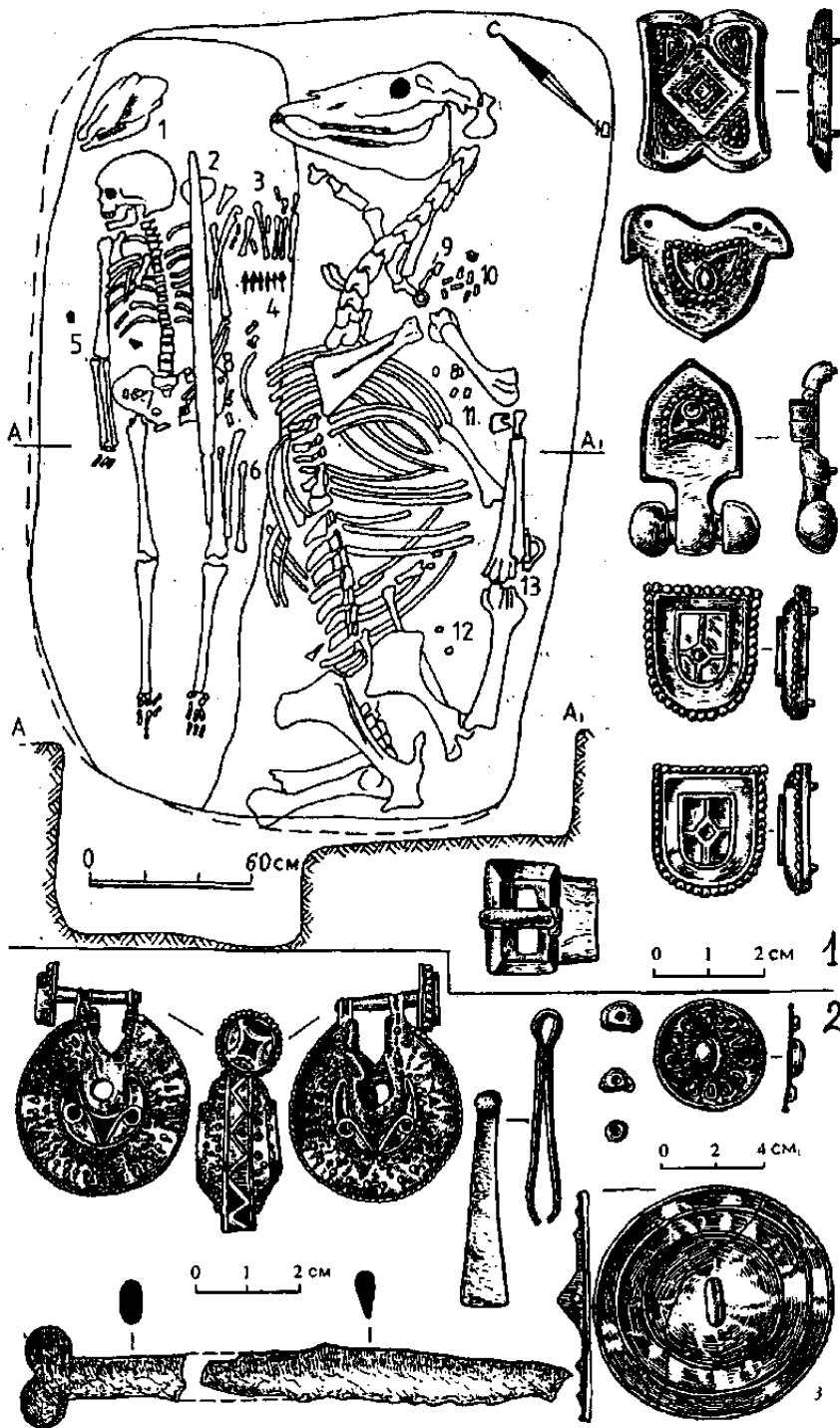


Рис. 7. Впускное погребение хазарского воина у с. Портовое в Крыму (1); инвентарь из женского захоронения у с. Новопокровка в Крыму (2) [Айбабин, 1999, рис. 75, 76]

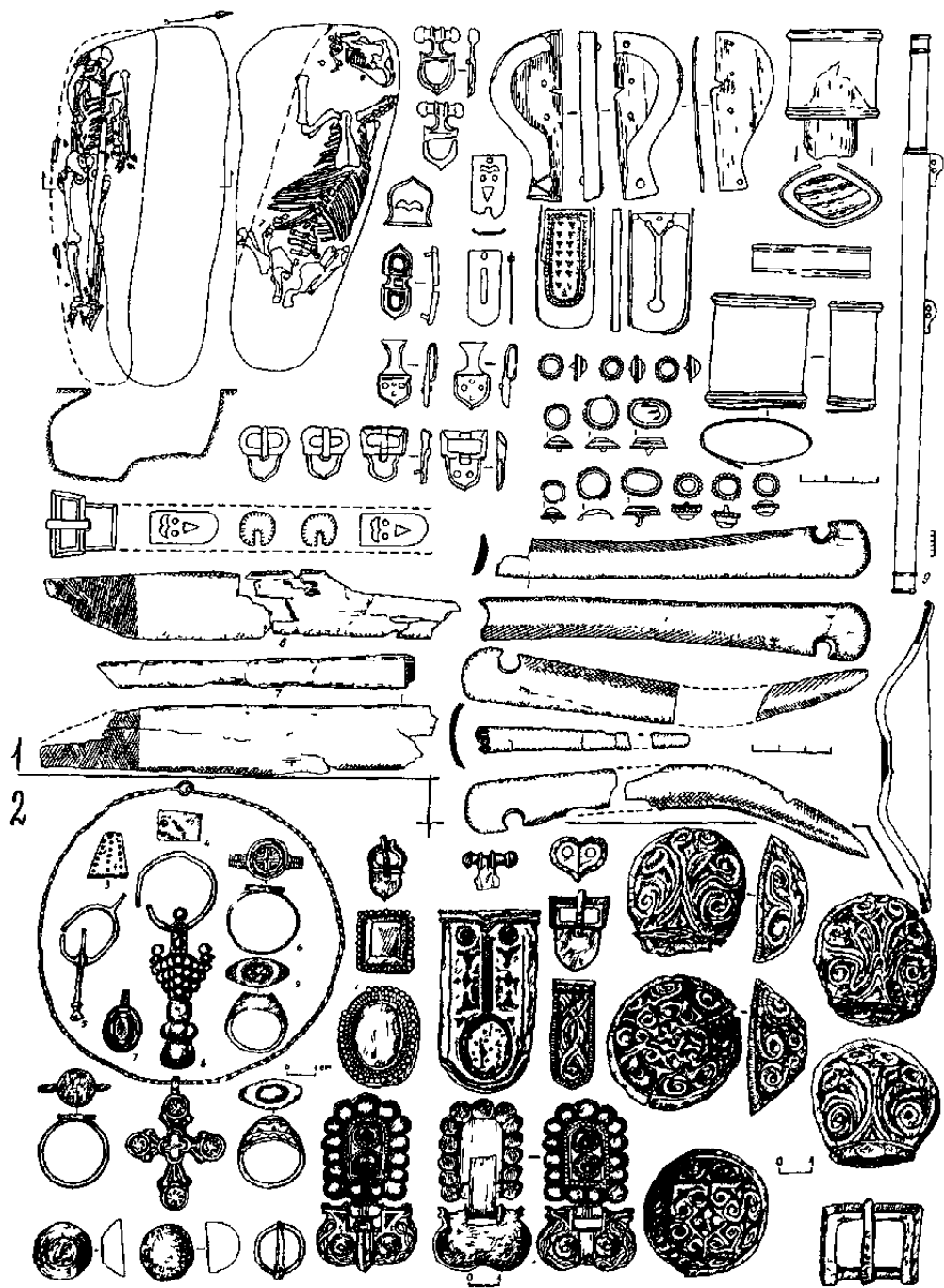


Рис. 8 Богатое хазарское погребение у с. Виноградное (1) [Орлов, Рассмакин, 1996], вещи из погребения в Келегеях (2) [Айбабин, 1999, рис. 77]

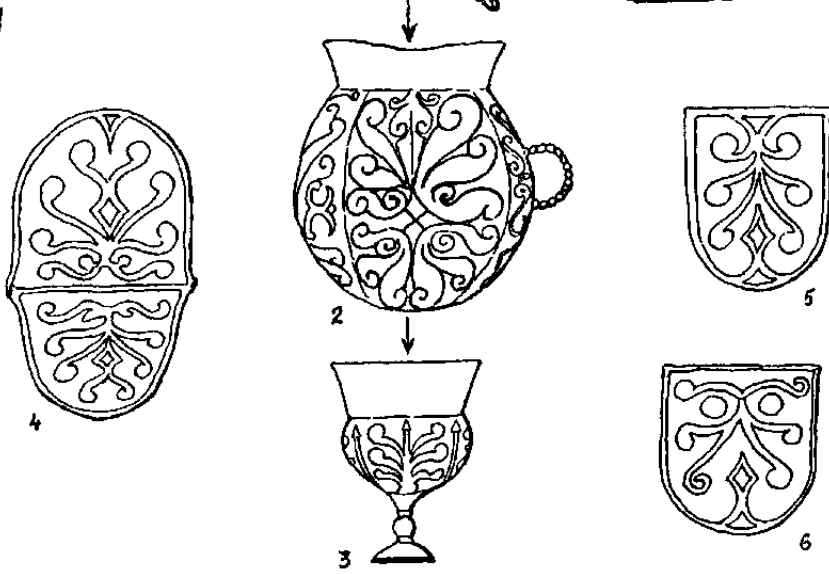


Рис. 9. "Перещепинский клад", возможно, поминальный комплекс или остатки сопровождающего погребение инвентаря. Первая после открытия в 1912 г. публикация памятника И. А. Зарецким (1); кружка и бокал (2, 3) из "клада" с характерным орнаментом, повторяющимся на предметах из других памятников, в частности, на бляхах ясиновского поясного набора (4, 5, 6)



Рис 10 Вознесенский поминальный храм и наиболее яркие вещи из него: бляхи трех воинских поясов, стремя, мечи, серебряный орел — навершие византийского штандарта

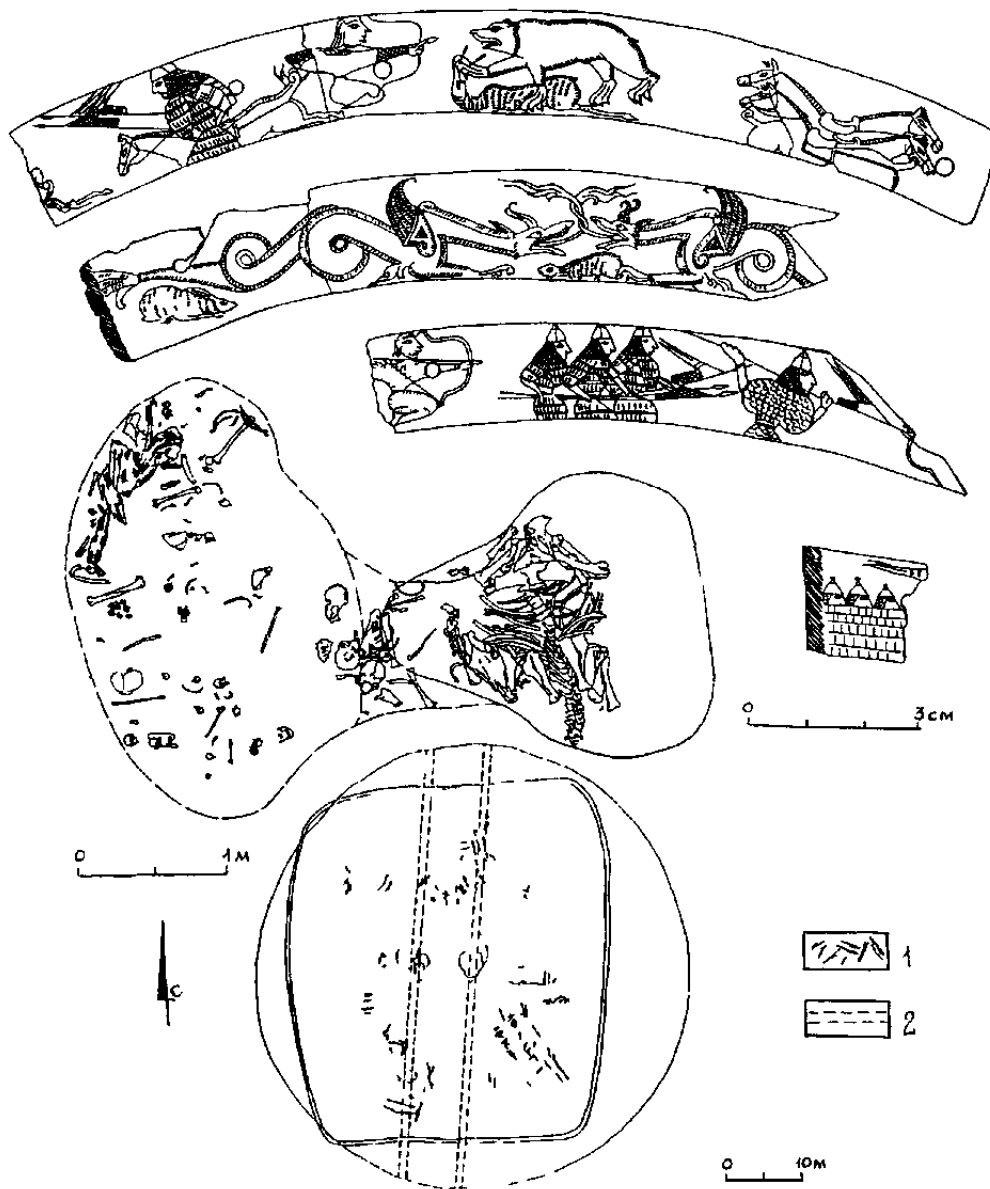


Рис 11 Подкурганное погребение с ровиком в Шиловском могильнике на Волге [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с 216, табл V] Условные обозначения 1 — куски угля и истлевшего дерева от рухнувшего над могилой сооружения, 2 — направление контрольных “бровок”

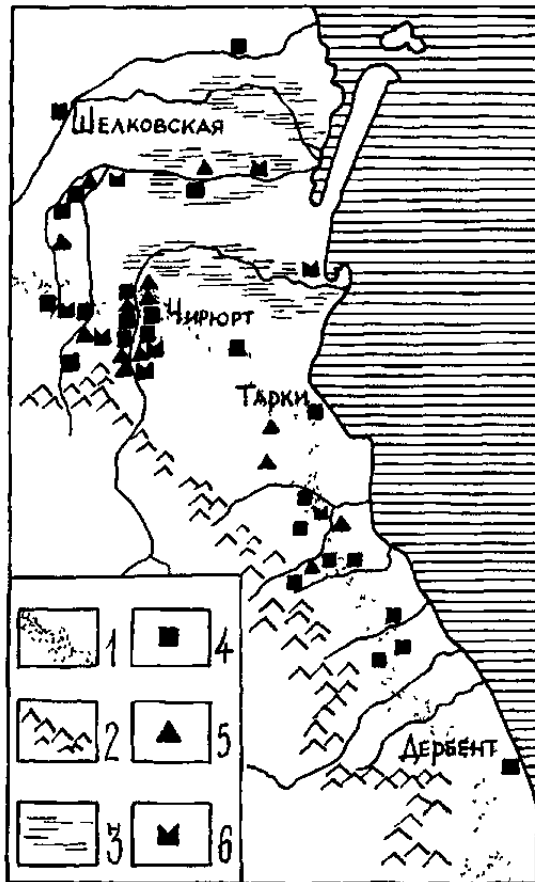


Рис 12. Карта Северо-Западного Прикаспия (совр. Дагестана) в хазарское время (VII—VIII вв.) [Магомедов, 1983, с. 27, рис. 1] Условные обозначения 1 — границы предгорий; 2 — горы; 3 — болота; 4 — города; 5 — поселения; 6 — крепости

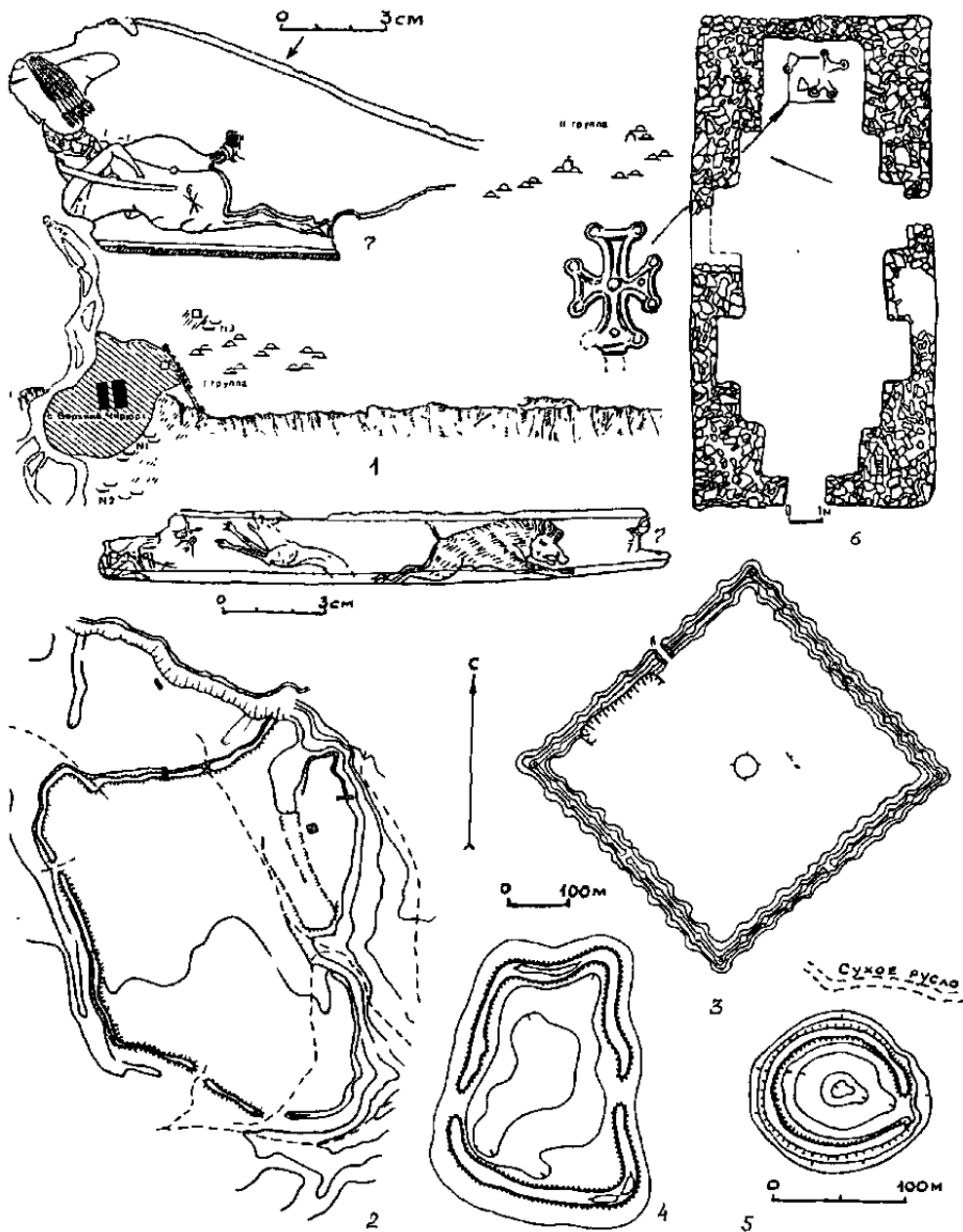


Рис. 13. Планы городов и крепостей "хазарского Дагестана": Чир-Юрт (Беленджер?) с двумя курганными могильниками к северо-востоку от города (1). В дальнем из них в двух группах курганов помещены две небольшие часовенки, датирующиеся примерно VIII в.; Андрейаульское городище (2), Шелковская крепость (или город?) (3); Некрасовская крепость (4); Герменчикская крепость (5); план остатков цоколей одной из часовен с кусками разбитого на алтаре креста (6); обломки костяных седельных накладок с изображением сцен охоты (7)

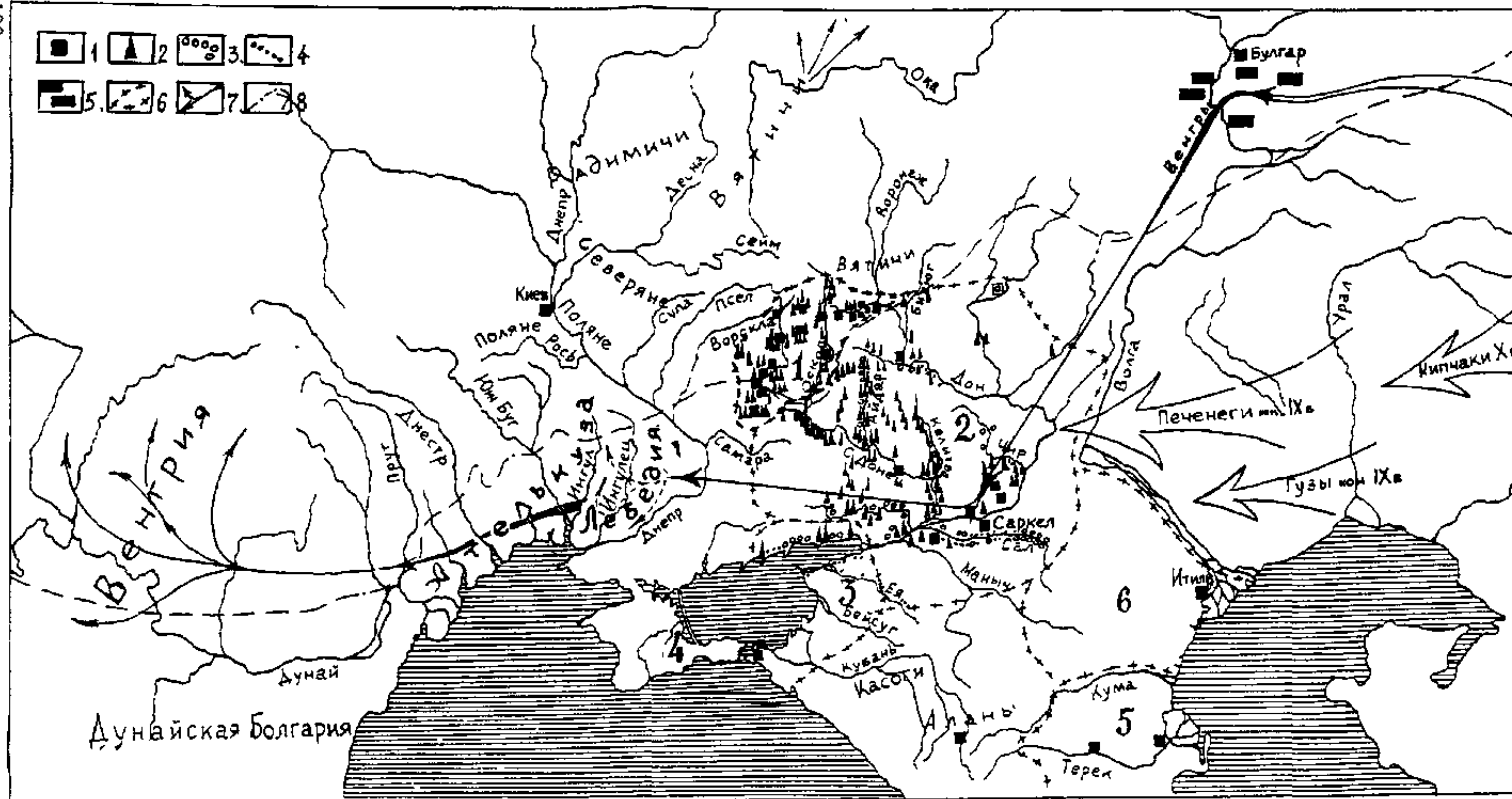


Рис. 14. Хазарский каганат и окружавшие его народы и этносы во второй половине VIII — середине X в. Условные обозначения: 1 — города и крупные городища; 2 — оседлые поселения; 3 — стойбища кочевников; 4 — "обитаемые полосы"; 5 — болгарские и венгерские могильники в Волжской Болгарии; 6 — предполагаемые границы каганата; 7 — движение венгров через хазарские степи до Дуная; 8 — граница степи с лесостепью

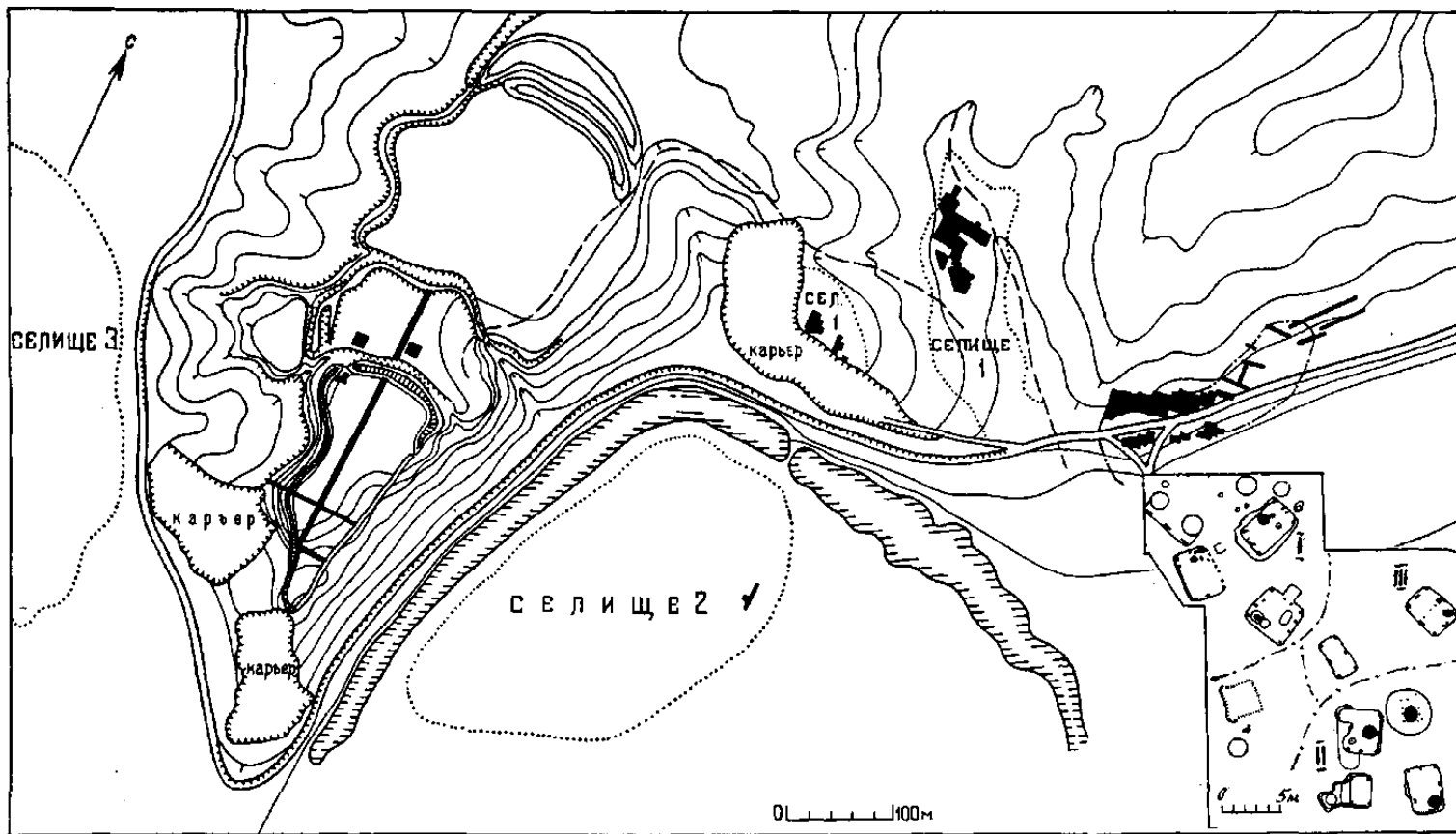


Рис. 15. Дмитриевский археологический комплекс: городище, селища и могильник. Черным обозначены раскопанные участки. На врезку помещена часть раскопа на селище 1

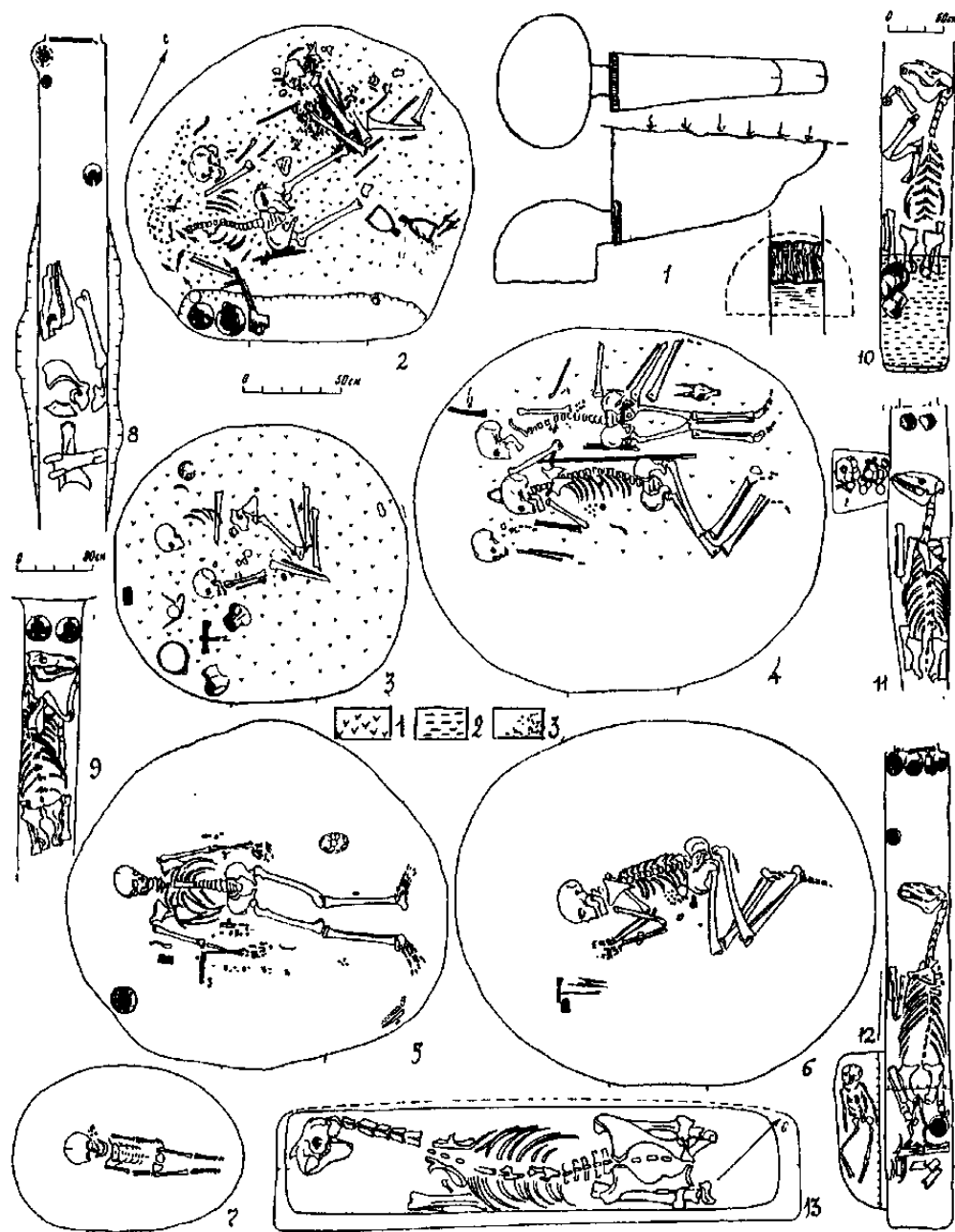


Рис. 16. Дмитриевский могильник: катакомба наиболее типичного "классического" вида (1); различные типы захоронений в камерах: ритуально разрушенные (2—4); неразрушенные — мужчина, женщина и ребенок (5—7); захоронения коней в дромосах (8—12); погребение очень старого коня в специально вырытой для него могиле (13). Условные обозначения: 1 — уголь; 2 — глина; 3 — тлен от кожи

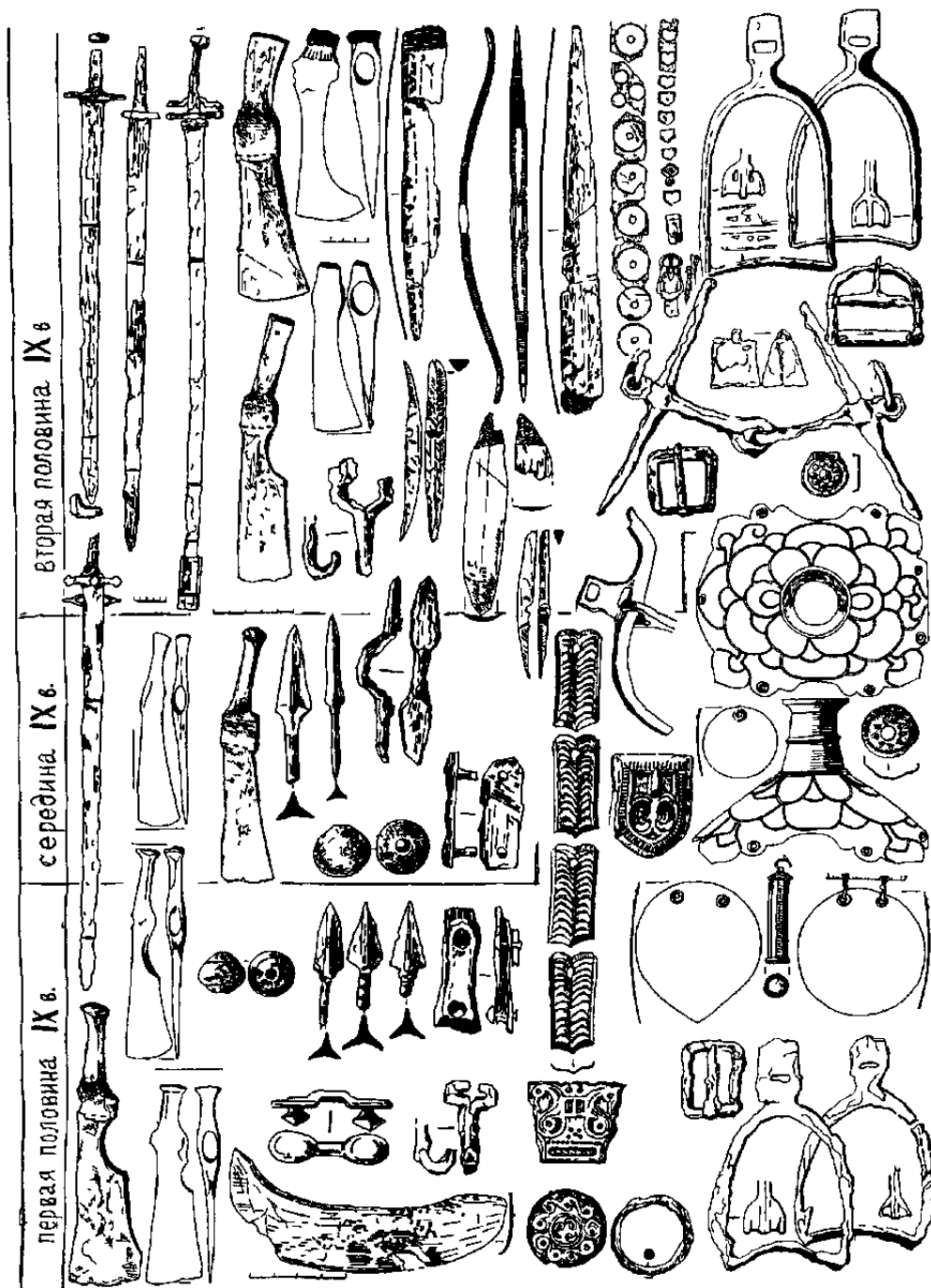


Рис 17 Хронологическая таблица оружия и конской сбруи из катакомб Дмитриевского могильника

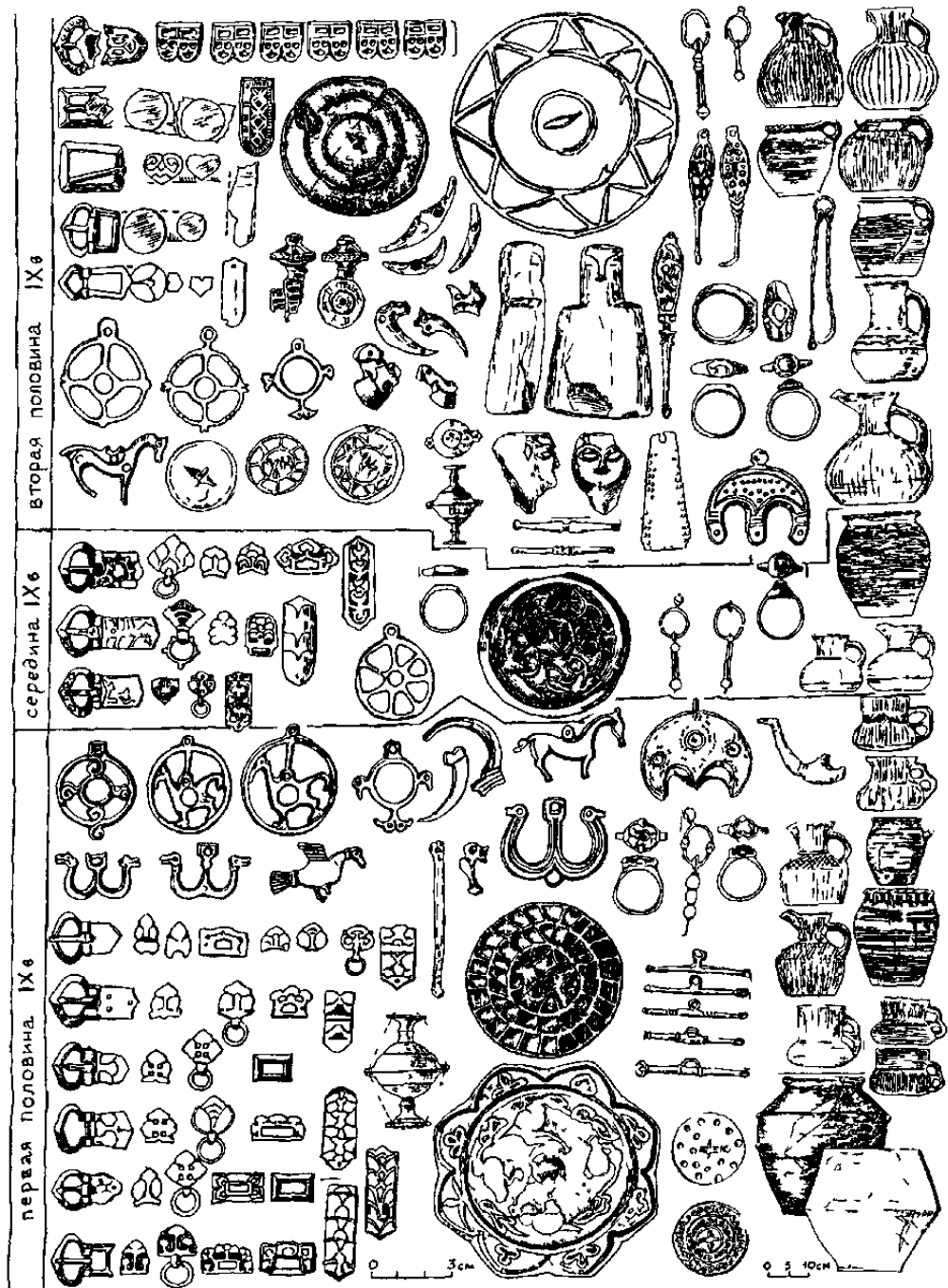


Рис 18 Хронологическая таблица воинских поясов, женских украшений и предметов туалета, амулетов и наиболее характерных видов керамики Дмитриевского могильника

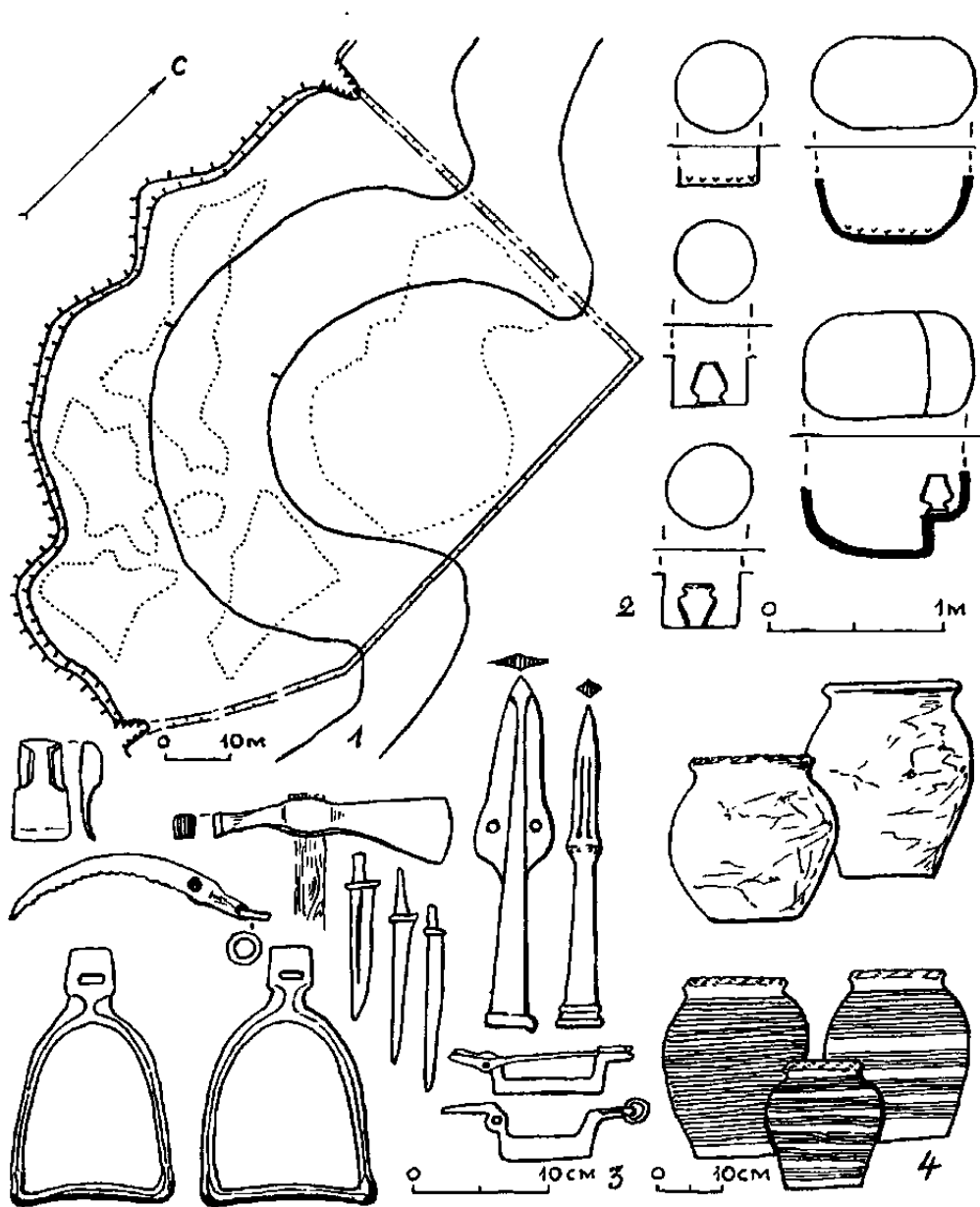


Рис. 19. Окруженный рвом обширный могильник с трупосожжениями близ с. Сухая Гомольша на Донце [Михеев, 1985, рис. 5—11]: план могильника с обозначением на нем нескольких участков, используемых под захоронения (1); типы трупосожжений (2); обычный инвентарь при воинских трупосожжениях (3); керамика, использовавшаяся в качестве урн (4)



Рис. 20. Маяцкое поселение с крепостью на краю крутого склона, могильником в юго-восточном овраге и гончарной мастерской на склоне восточного оврага. Черным обозначены раскопанные экспедицией 1975—1982 гг. участки. Поверхность мыса покрыта сотнями западин от полужемляночных построек и хозяйственных ям. По краю плана городища помещено несколько знаков-тамг и изображения всадников, обнаруженных на меловых блоках Маяцкой крепости

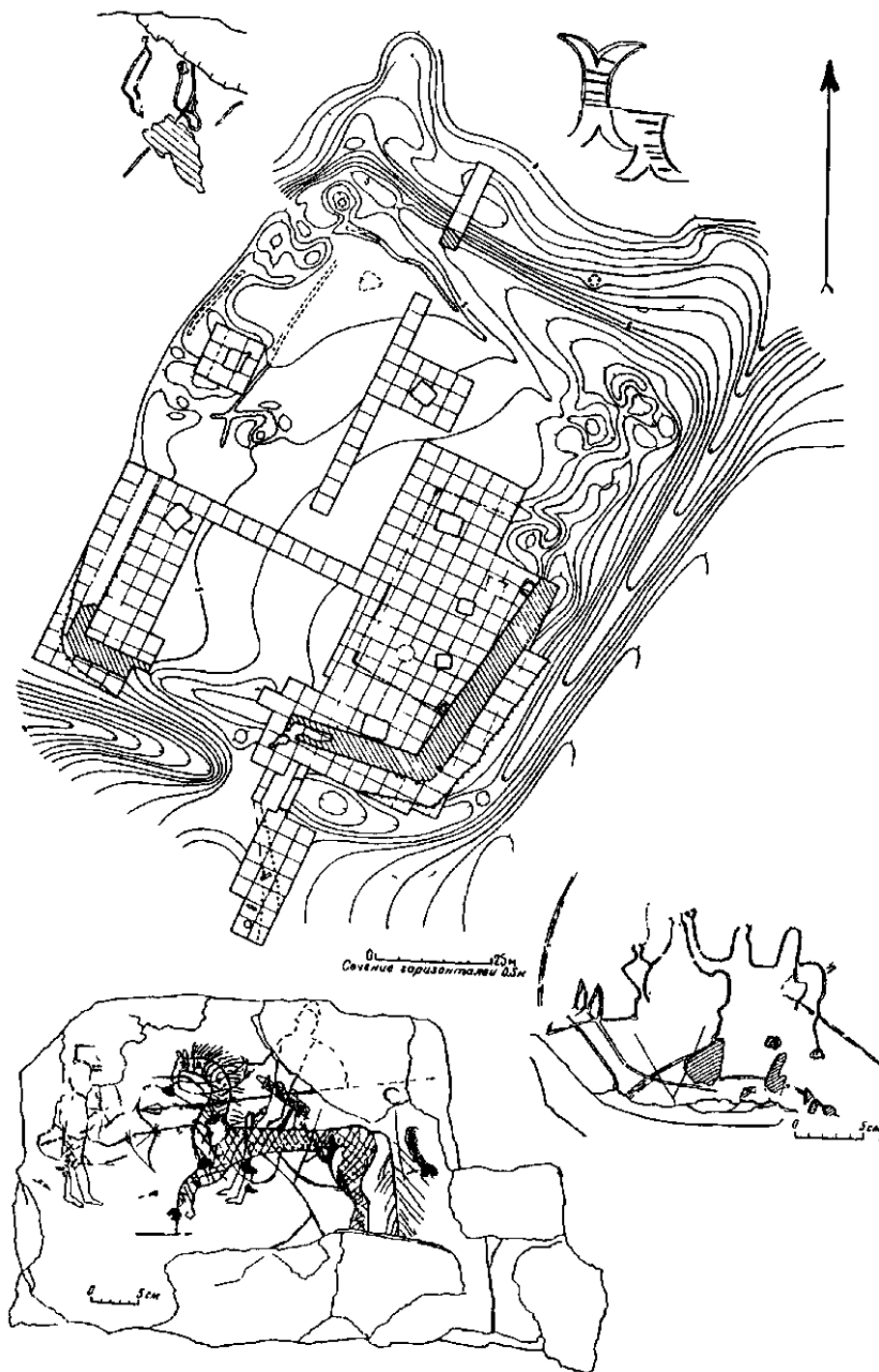


Рис. 21. План Маяцкой крепости и раскопов на ней. Вокруг плана размещены рисунки на блоках крепостной стены

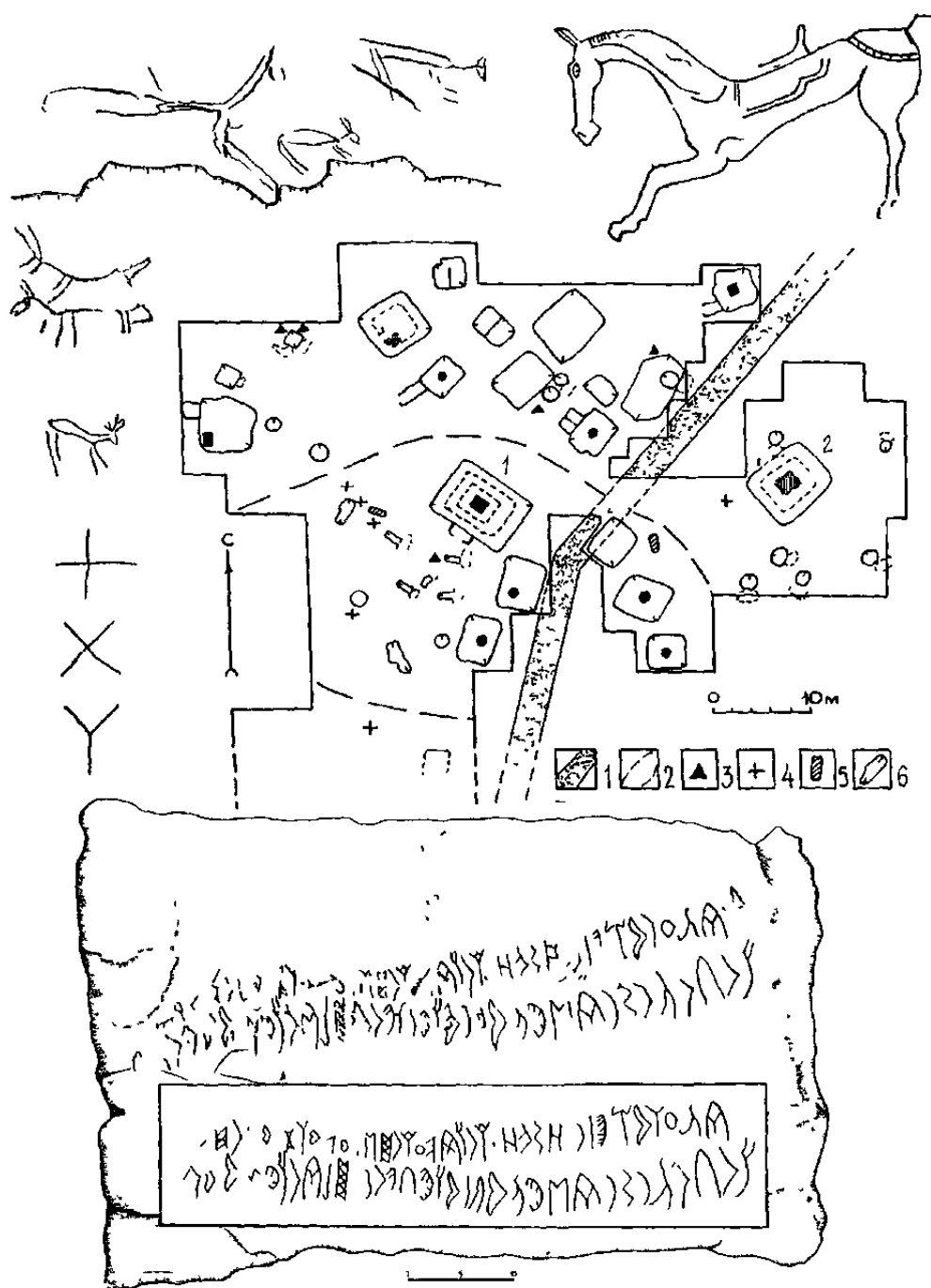


Рис 22 План части раскопа на поселении, на котором выявлено два святилища с типологически различными катакомбами вокруг каждого. Как на предыдущих рисунках, вокруг плана размещены различные изображения, открытые на стенах крепости и на отдельных блоках. Особенный интерес представляет двухстрочная руническая надпись (пока не прочтенная)



Рис. 23. Хазарский воин. Рисунок сделан с использованием материалов Дмитриевского могильника художником-профессионалом О. Федоровым

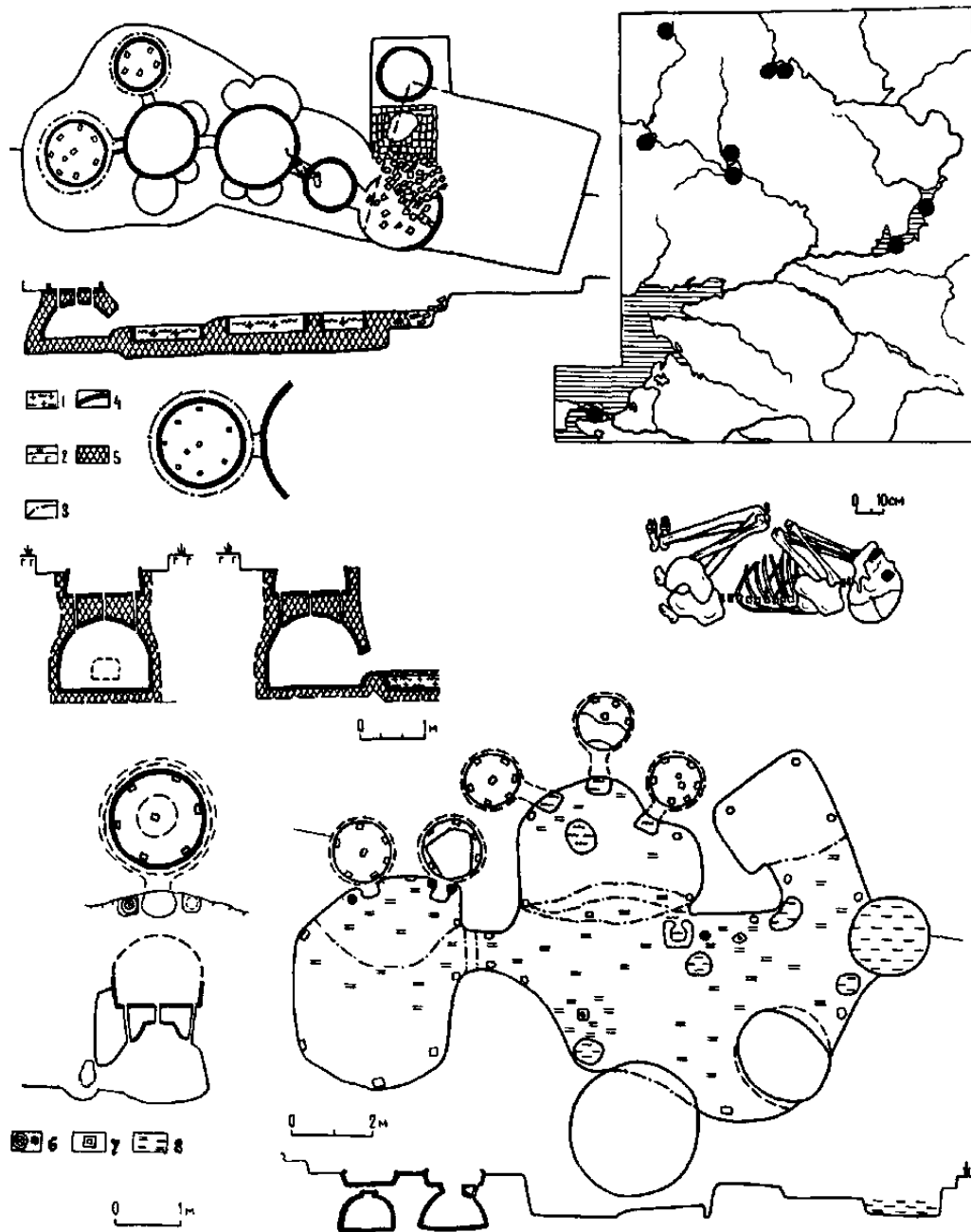


Рис. 24. Характерные для салтово-маяцкого этапа печи для обжига. В одном из комплексов было обнаружено ритуальное жертвоприношение: скелет женщины в сильно скорченном виде, возможно, был связан (стянут) ремнями. Условные обозначения: 1 — зола и уголь; 2 — дерн; 3 — внешняя обмазка печи; 4 — прокаленная внутренняя обмазка; 5 — материк; 6 — горшки; 7 — основание гончарного круга; 8 — глина и обожженная глина

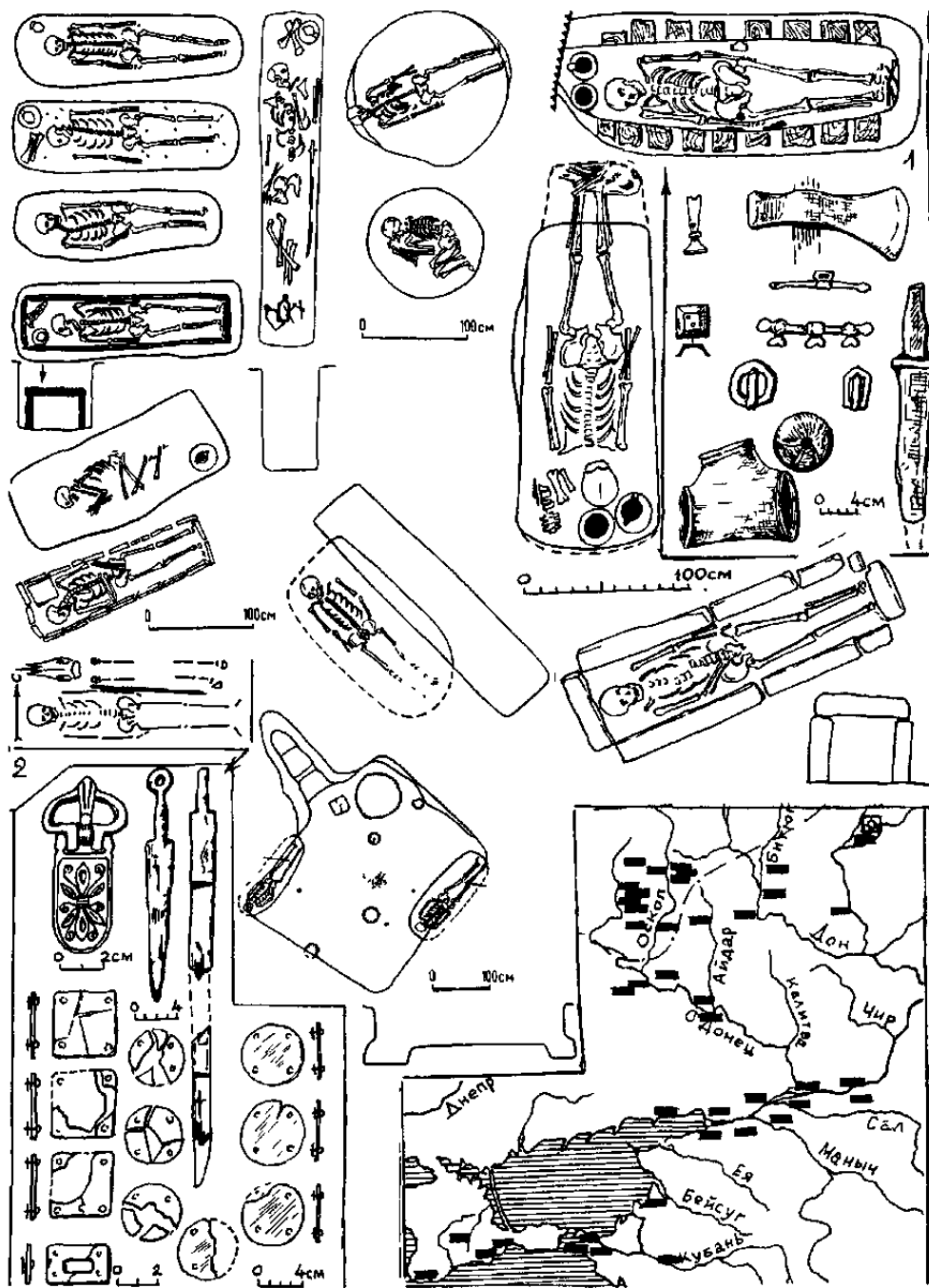


Рис 25 Различные типы болгарских захоронений. Большая часть из них не подвергалась ритуальному разрушению. Вещей в погребениях мало. Видимо, только изредка воинам помещали в могилы предметы вооружения или воинского достоинства. В одном из погребений был обнаружен боевой топор и мелкие предметы туалета (1); в другом — палаш, кинжал, воинский пояс (2). На карте-врезке помещены почти все известные в наши дни ямные захоронения.

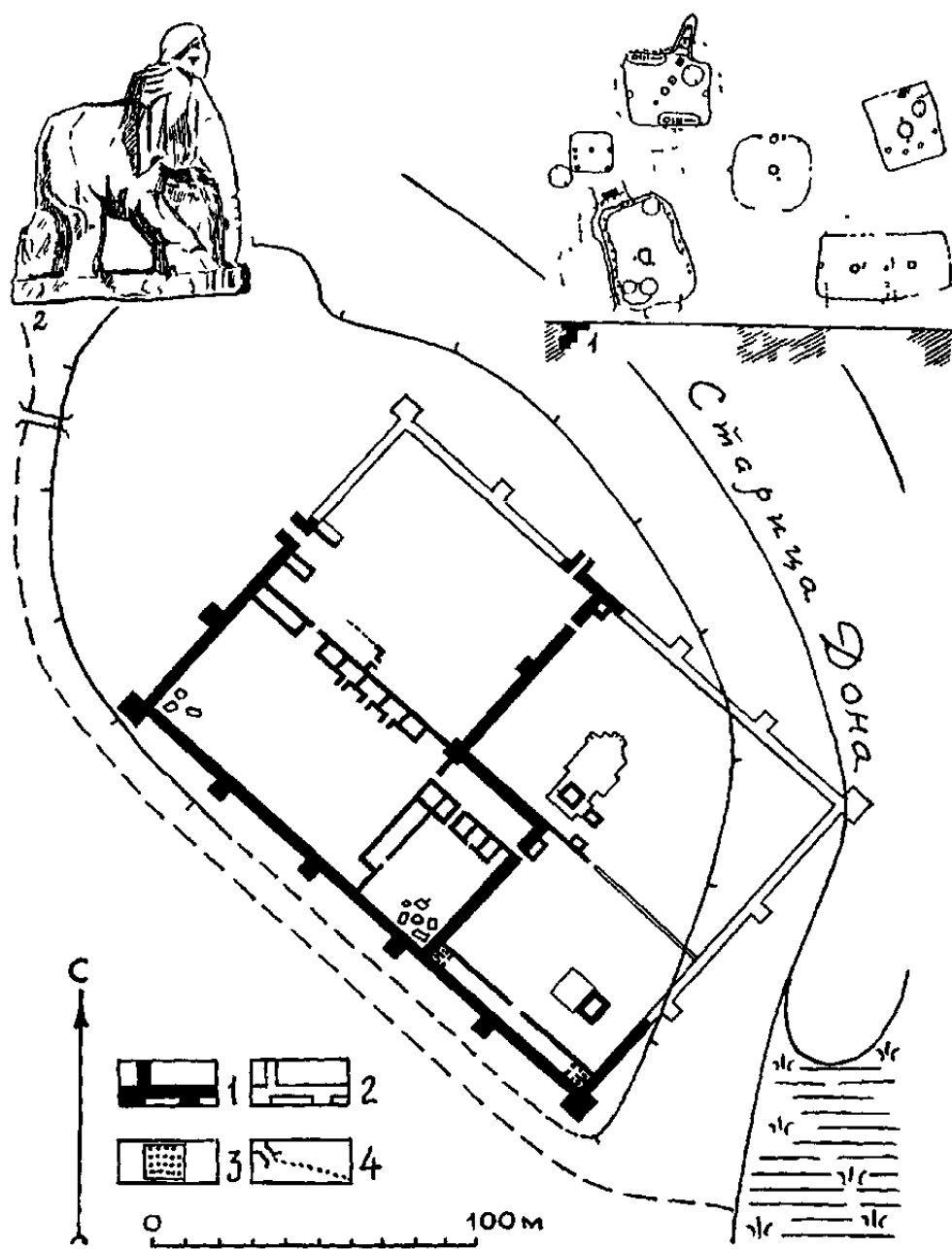


Рис 26 План Саркела На врезке 1 — план “таборного” или куренного построения (по кругу) двора или “лагеря”, обнаруженного в центральной части крепости На врезке 2 — шахматная фигурка слона, очевидно, потерянного хозяином жилища, входившего в “курень” Условные обозначения 1 — расчищенные следы кирпичных кладок стен крепости, 2 — не раскопанные или уничтоженные старицей участки стен, 3 — замощенные кирпичом площадки, 4 — предполагаемые дорога и мост через проточный ров

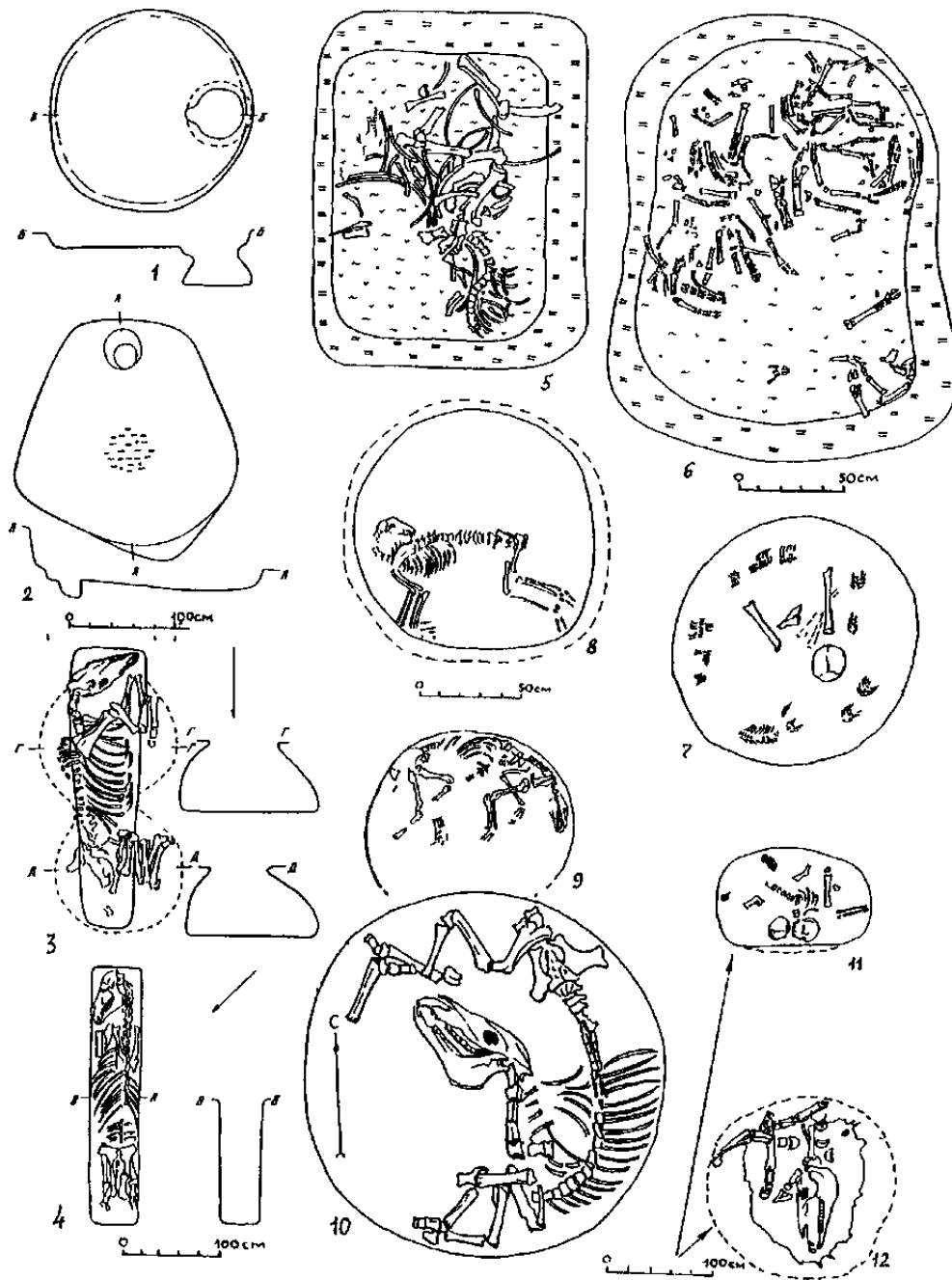


Рис 27 Некоторые языческие ритуалы, прослеженные на Дмитриевском и Маячком поселениях и в Саркеле: маленькие постройки для жертвоприношений, расположенные рядом с гончарными мастерскими (1, 2), закладные жертвы, принесенные при основании поселения (3, 4), жертвы, принесенные в связи с различными событиями в жизни поселения (5–7), культовые захоронения собак и коня (8–10), жертвы-обереги дома или иного строения (11, 12)

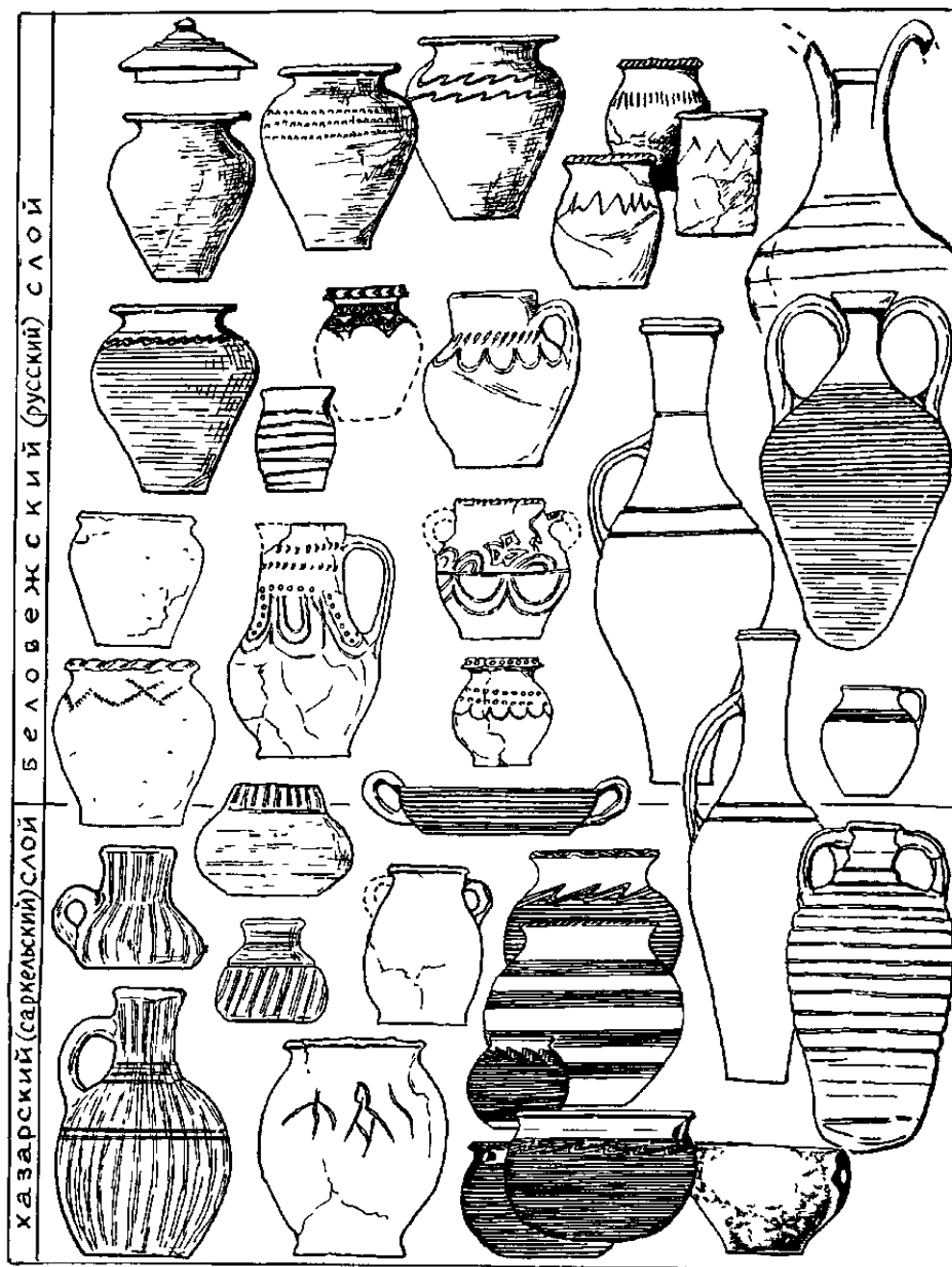


Рис 28. Керамика, характеризующая хазарский и русский периоды жизни Саркела — Белой Вежи

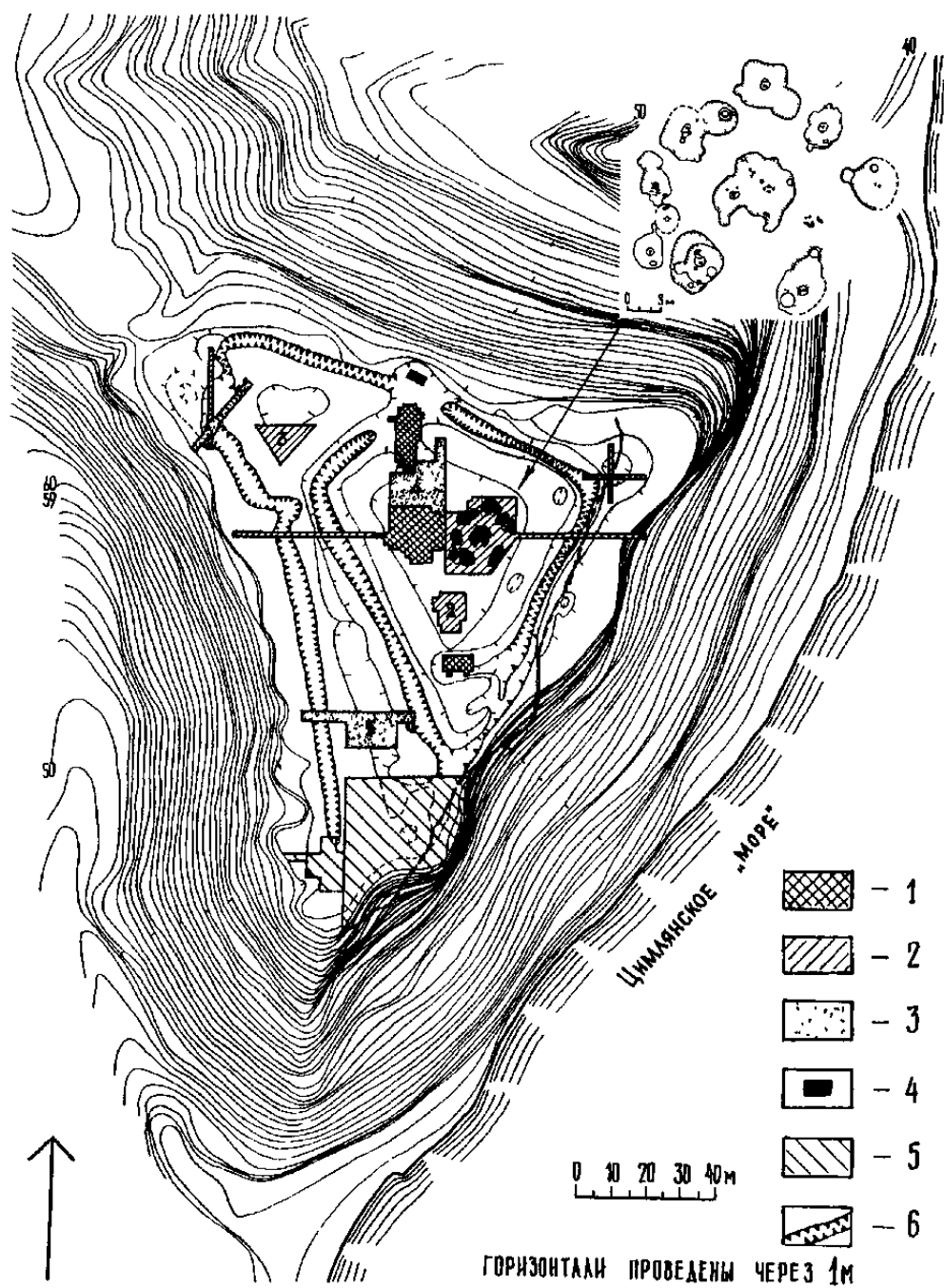


Рис. 29 Правобережное Цимлянское городище — остатки мощной белокаменной крепости. В центральной части холма восемь юртообразных жилищ были поставлены по кругу: семь вокруг одной самой большой (см. врезку). Условные обозначения: 1—3, 5 — раскопы разных сезонов, 4 — основание башни на северо-восточной стене крепости; 6 — “выемки” от разобранных стен крепости

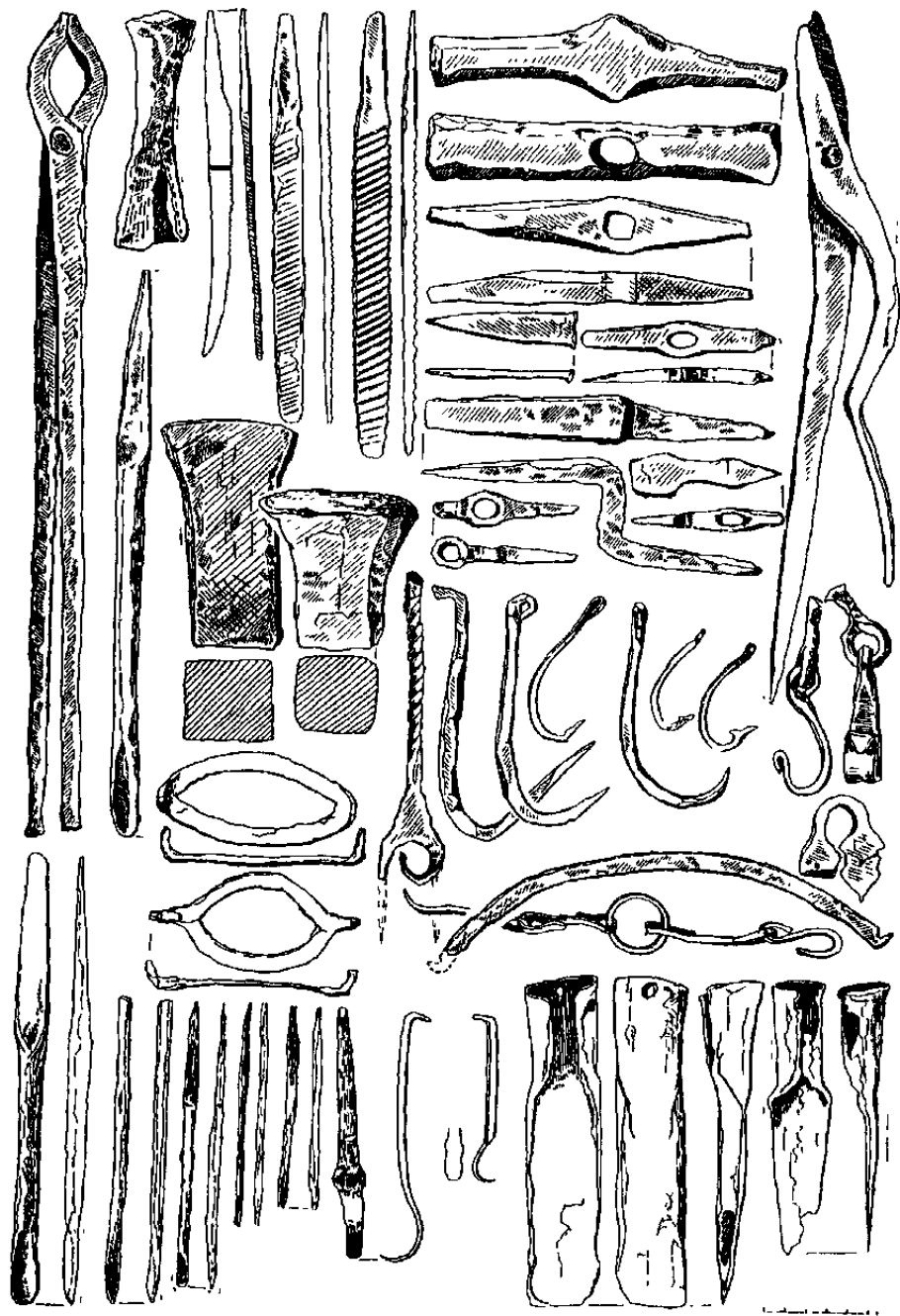


Рис. 30. Правобережное Цимлянское городище. Орудия труда кузнецов, столяров, рыболовов, крюк для подвешивания котла над очагом, часть цепи, некоторые детали котлов: ушко, дужка, сломанная и погнутая вилка и пр.

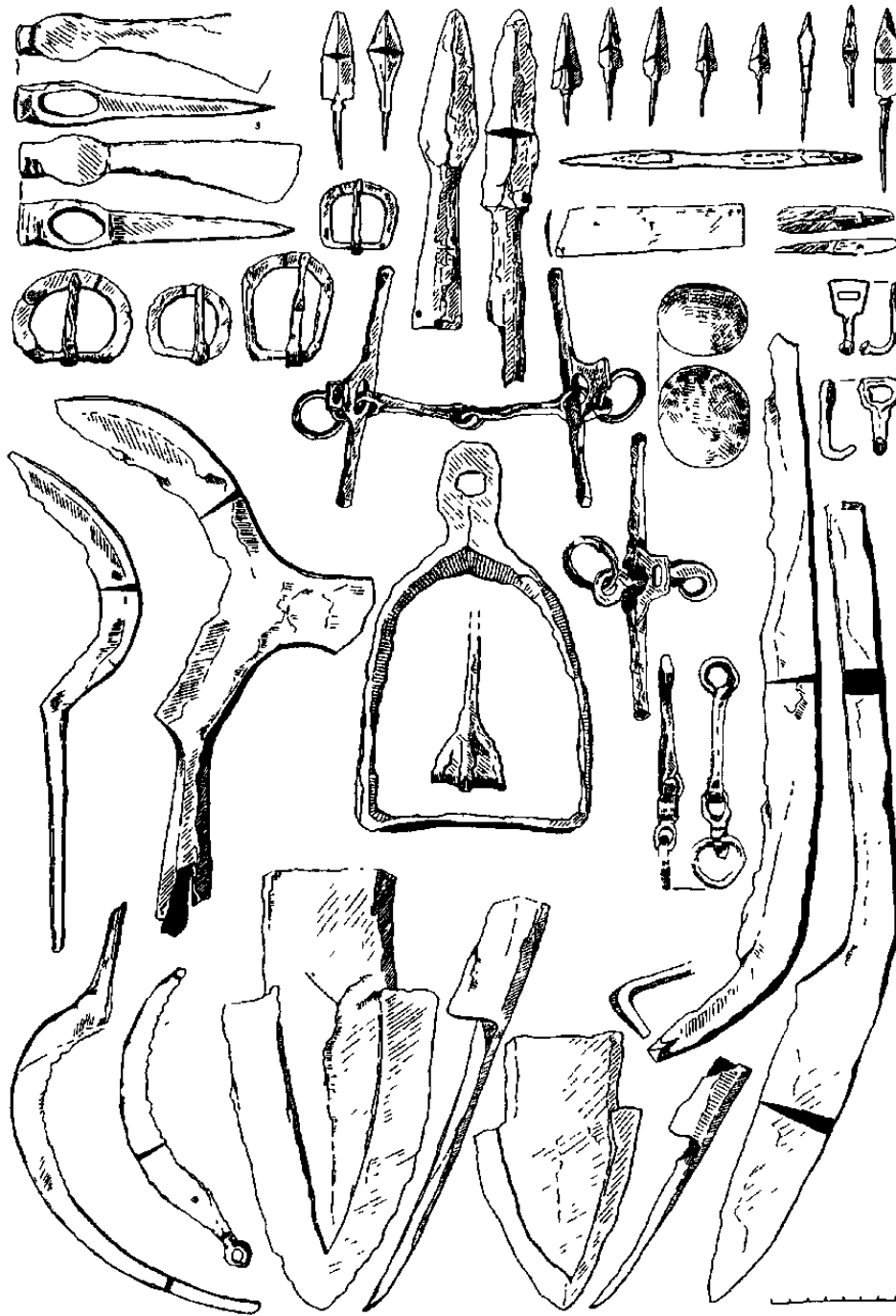


Рис. 31. Правобережное Цимлянское городище. Оружие, части сбруи, сельскохозяйственные орудия труда. Наибольший интерес представляет виноградный нож с топориком на тыльной стороне лезвия, свидетельствующий о развитом виноградарстве на Дону еще в хазарское время

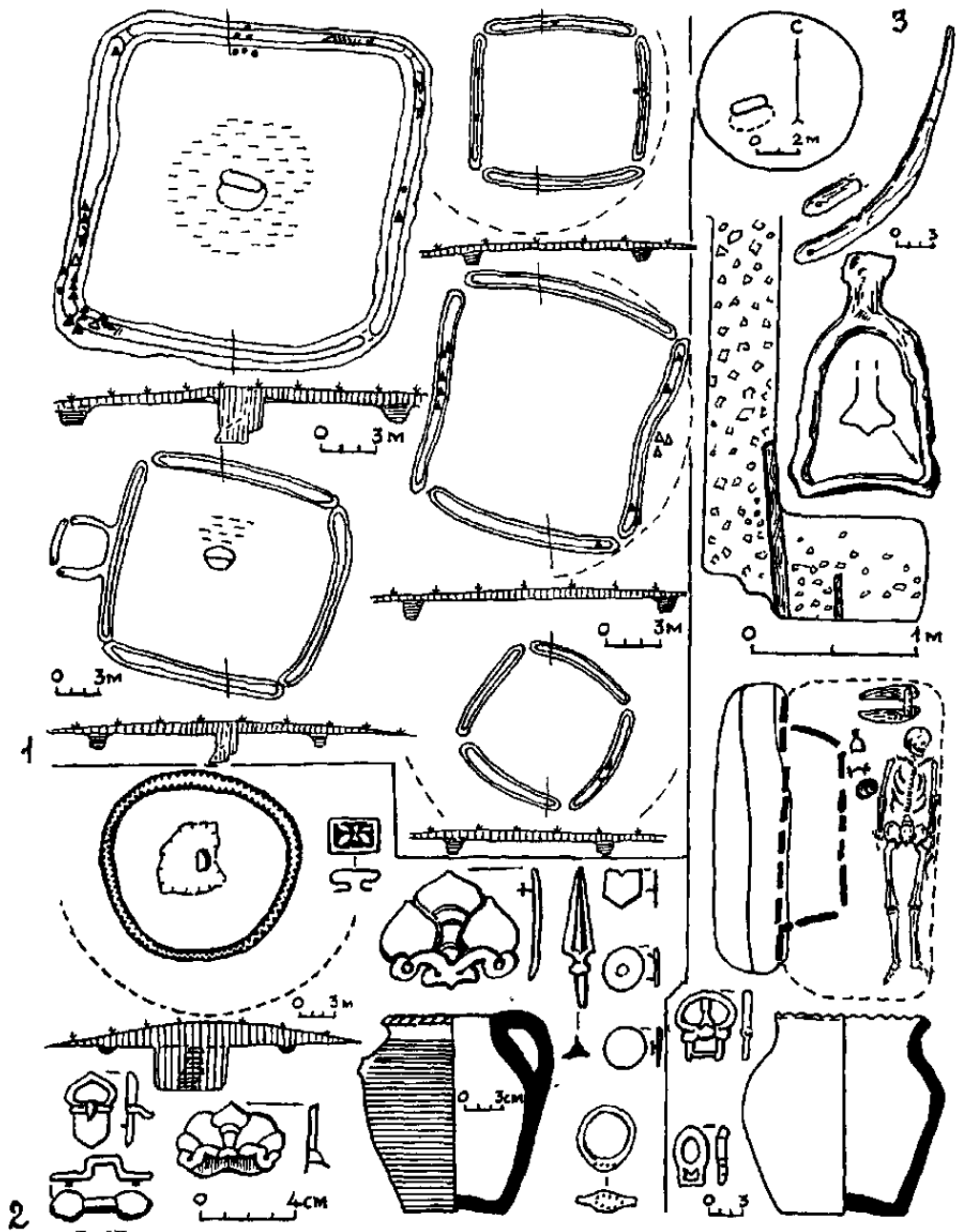


Рис. 32. Курганы с ровиками: квадратные в плане ровики различной величины и отличающиеся некоторыми деталями планировки (1); курган с круглым в плане ровиком (2); погребение разорено, но несколько вещей позволяют отнести курган к салтово-маяцкому этапу; курган без ровика, но конструкция могилы и несколько мелких вещей дают основание относить погребение к той же группе (3)

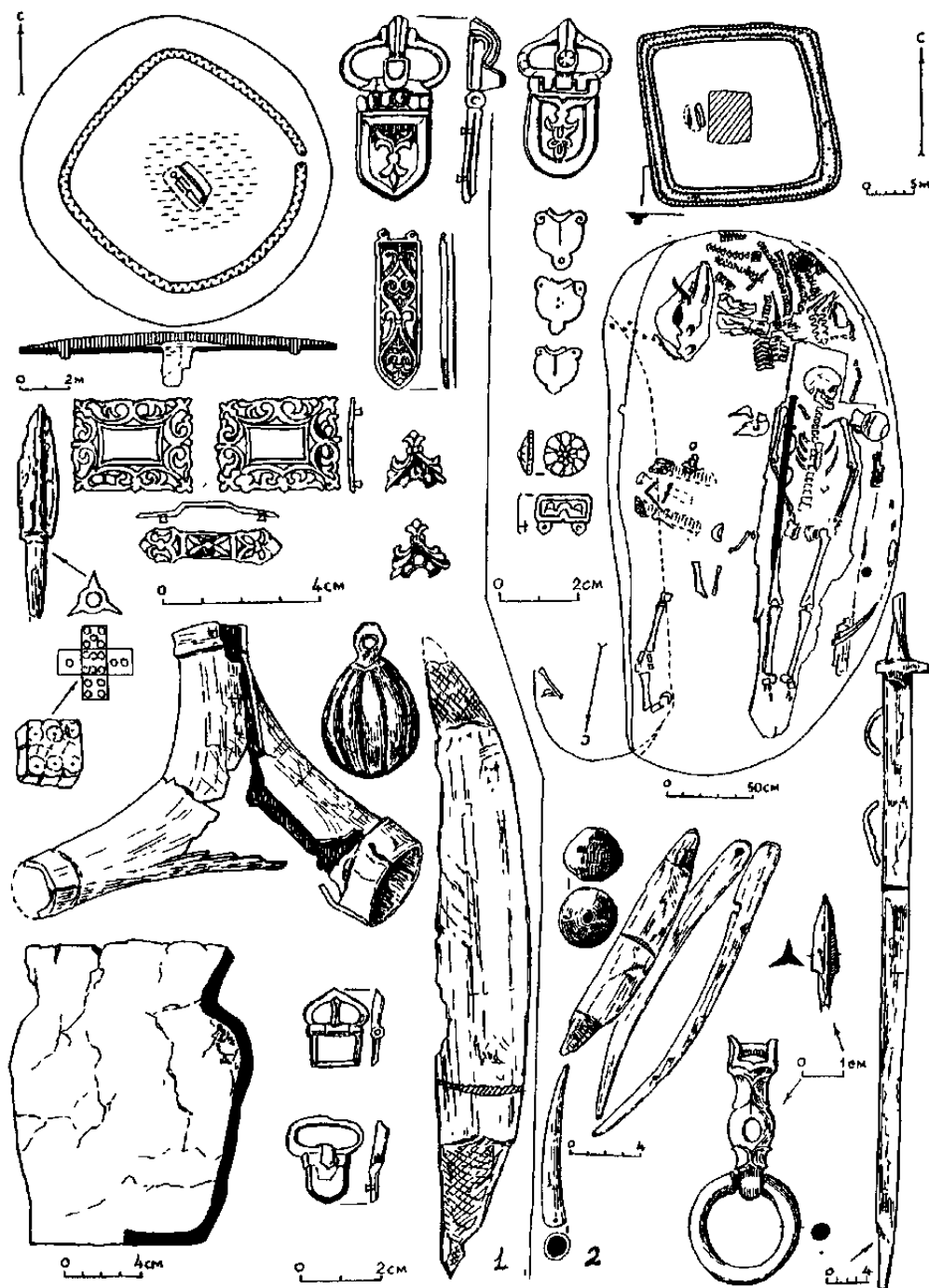


Рис. 33. Два близких по времени кургана: курган так называемой "Веселовской группы", расположенной в регионе Нижнего Дона—Маныча (1); курган из курганной группы "Кривая Лука", расположенной в районе Нижней Волги (2)

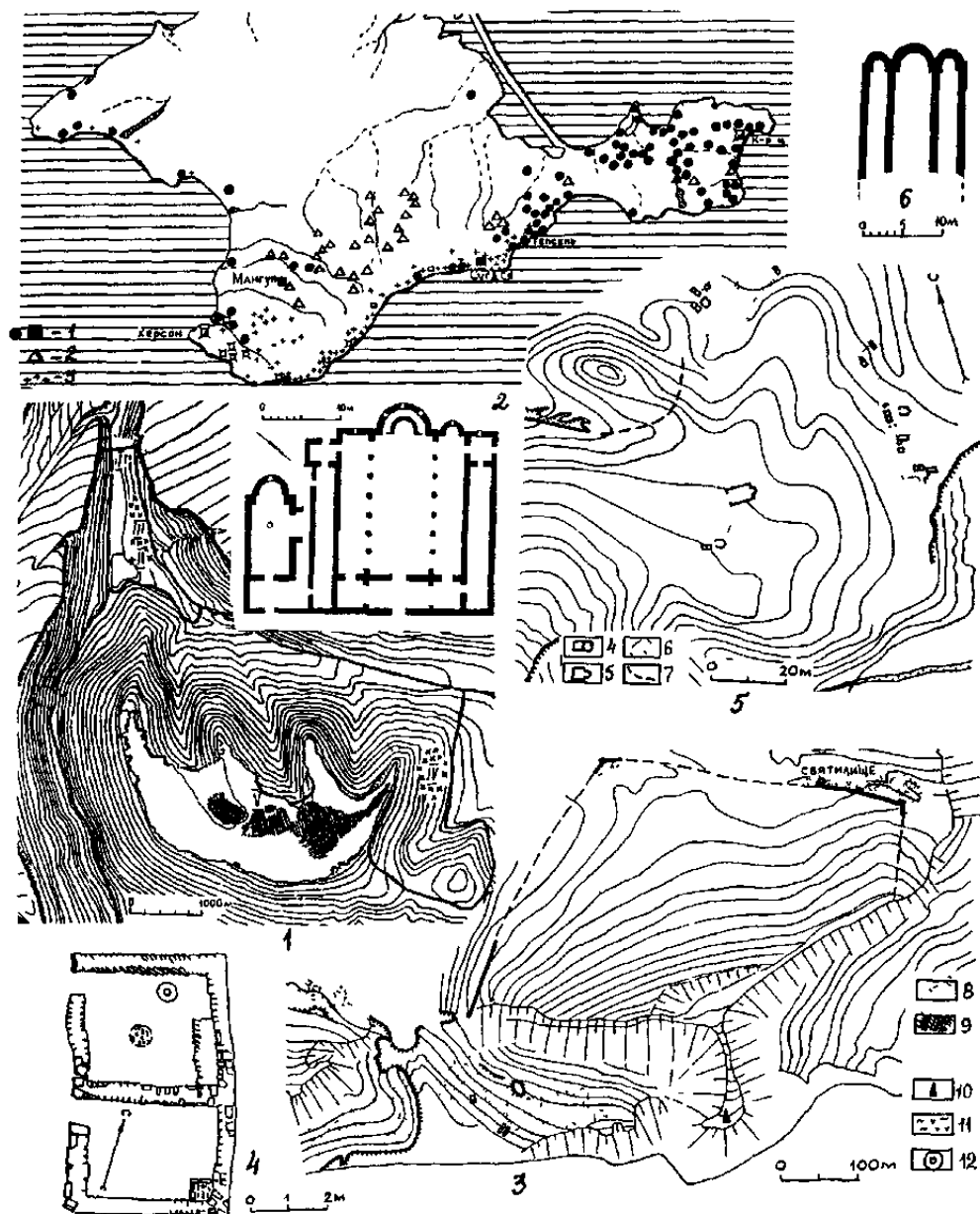


Рис. 34. Хазарские памятники в Крыму в VIII—IX вв.: Мангуп (1); базилика в Мангупе (2); Сугдея (3); остатки цоколей хазарского домика в Сугдее (4), Тепсень (5); церковь, выстроенная при участии хазарских мастеров в Тепсене (6). Врезка карта Крыма салтово-маяцкого этапа. Условные обозначения: 1 — хазарские поселения и города; 2 — болгарские поселения; 3 — могильники; 4 — остатки домов; 5 — остатки церквей, 6 — раскопы на Тепсене; 7 — граница некрополя на Тепсене; 8 — участки с выявленным хазарским слоем в Сугдее; 9 — участки с хазарским слоем в Мангупе; 10 — клад из 8 медных монет, датирующихся началом VIII в.; 11 — глина, угли; 12 — пифос

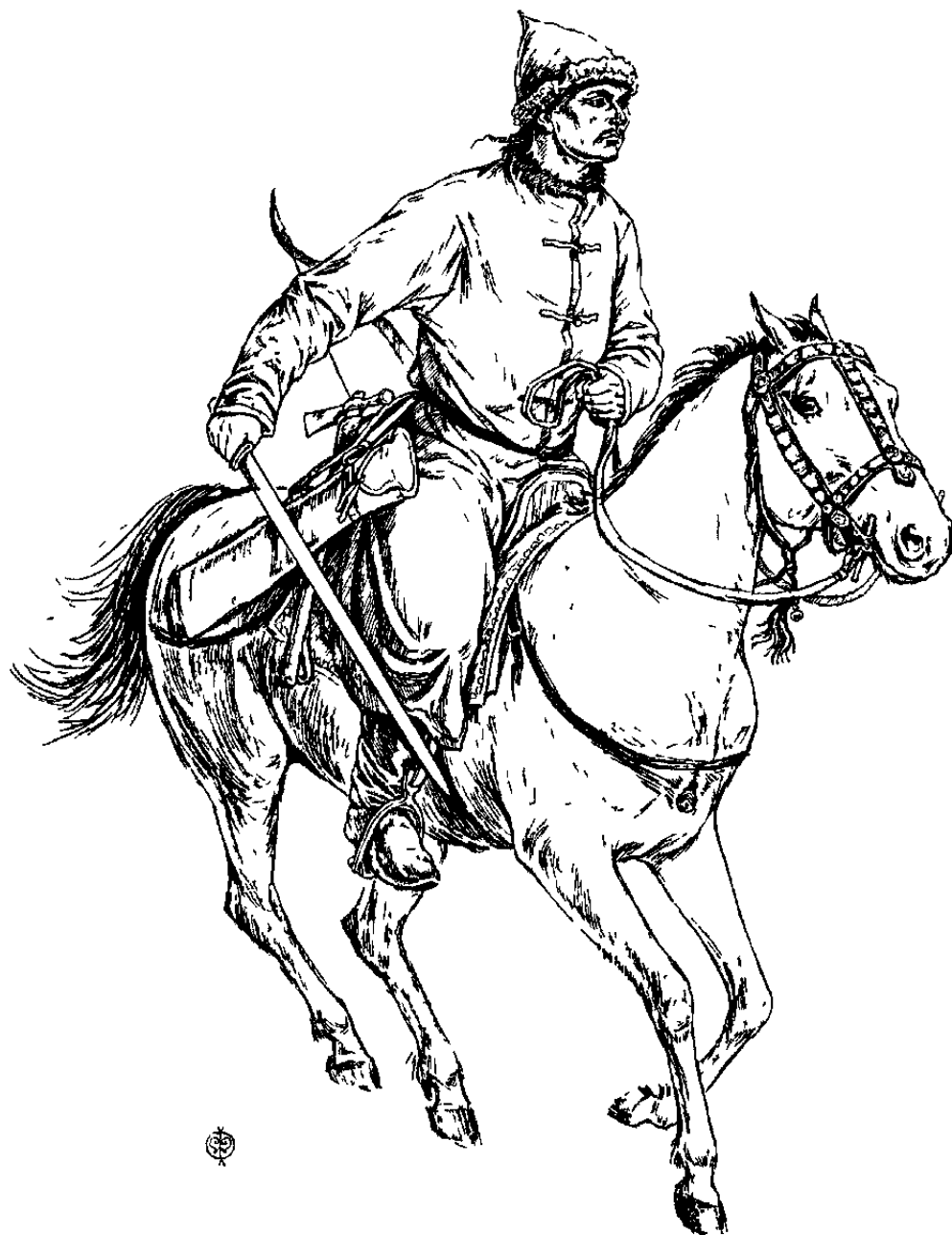


Рис 35 Воин-пограничник Рисунок сделан с использованием материалов Дмитриевского могильника художником О Федоровым

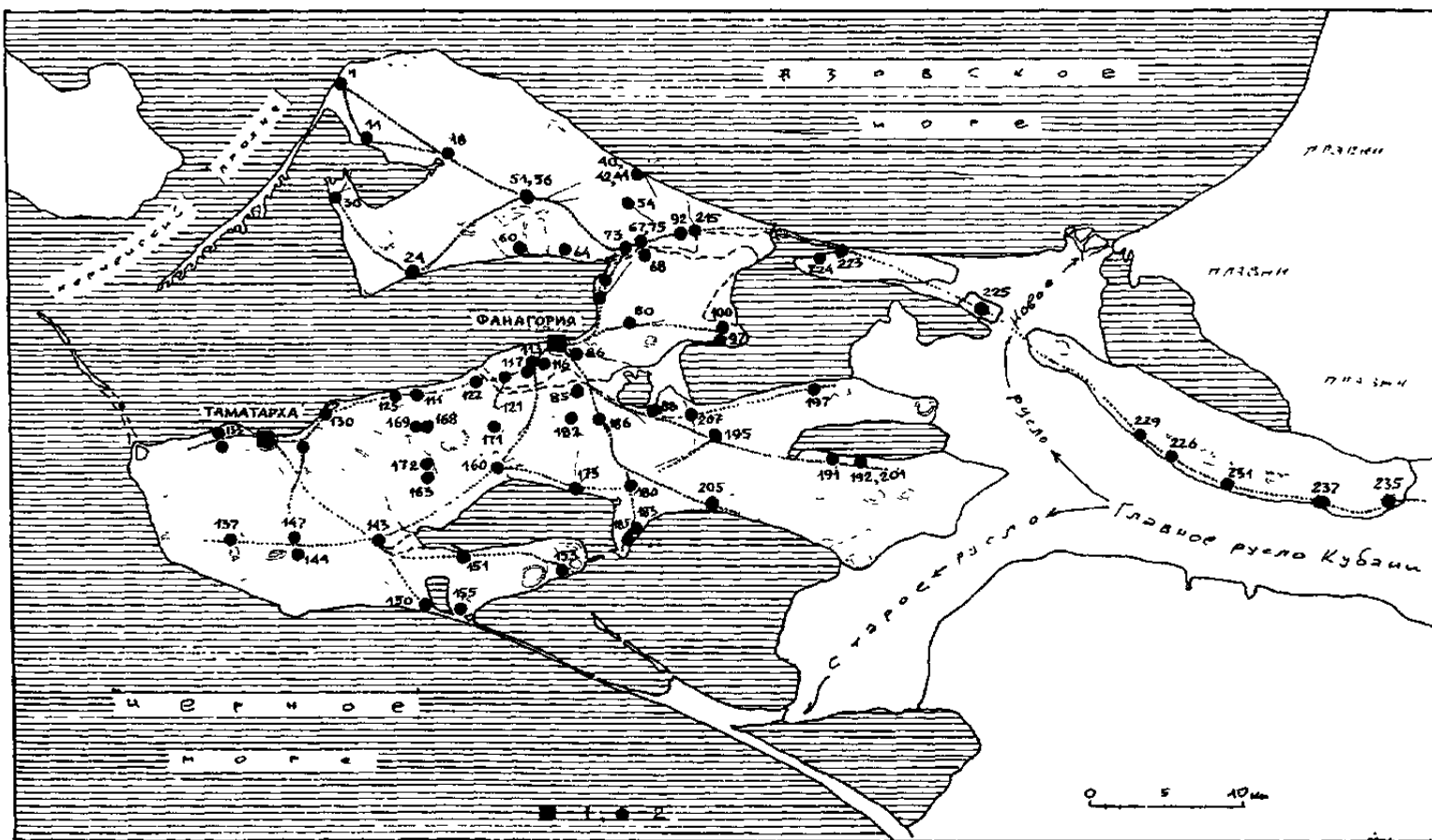


Рис. 36. Карта памятников хазарского времени на Таманском полуострове. Условные обозначения: 1 — города; 2 — поселения [Паромов, 2003, рис. 9]

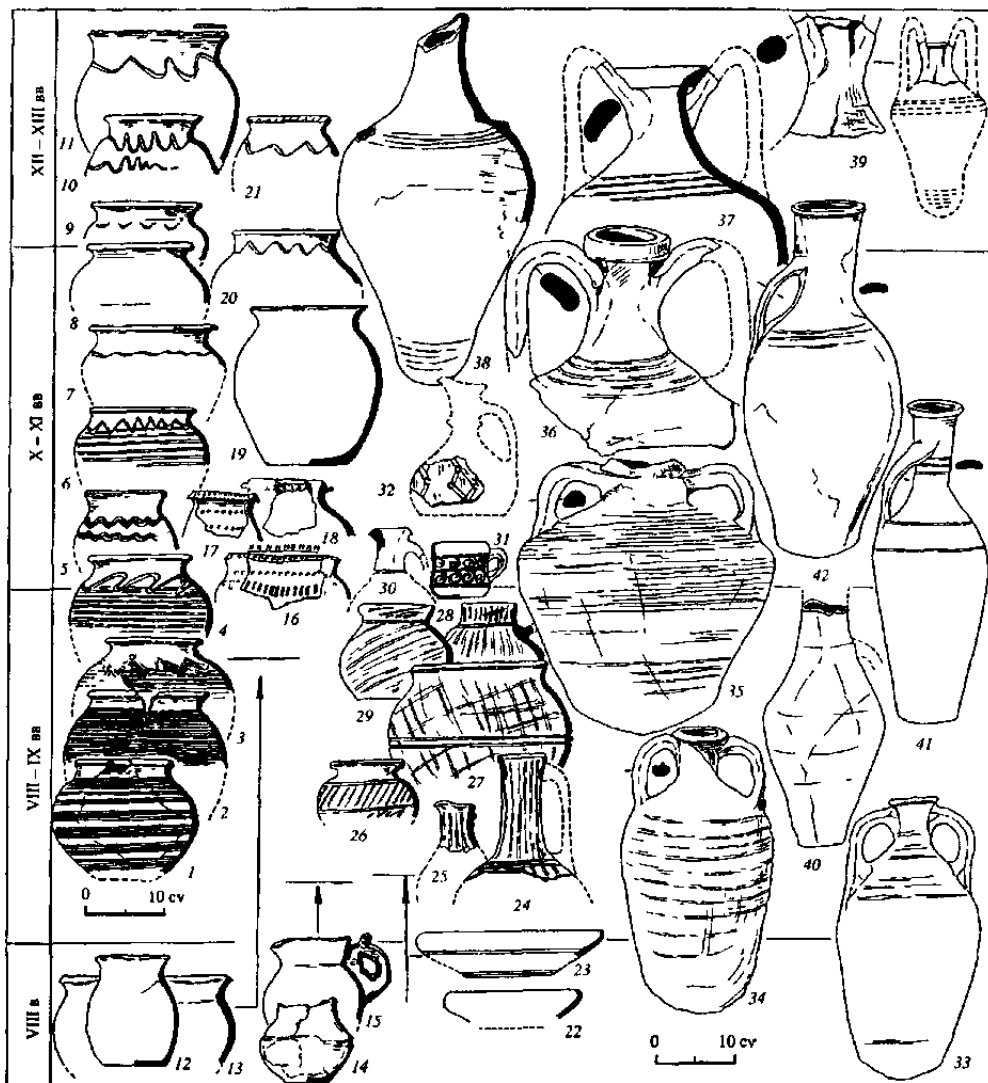


Рис. 37. Хронологическая таблица основных типов и групп керамики Таматархи-Тмутаракани

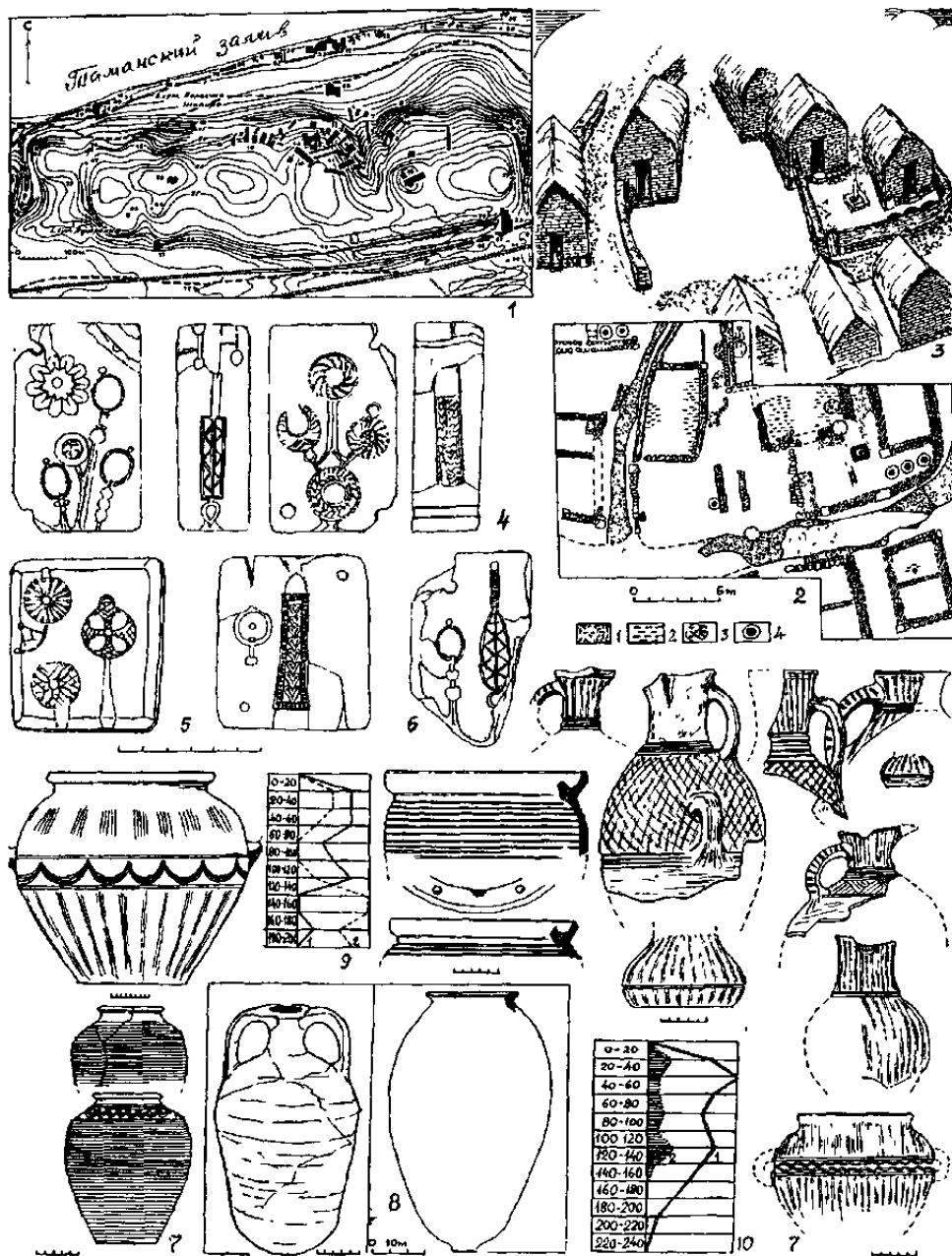


Рис. 39. План городища Фанагории с нанесенными на него раскопами (1); план центрального раскопа на уровне VIII—IX вв. (2), реконструкция открытого на раскопе жилого комплекса и улицы (3); каменные литейные формы из слоя Фанагории (4—6); столовая (лощенная) и кухонная посуда (7); амфора и пифос (8); график распространения в слое кухонной — 1 и столовой — 2 посуды (9); график распространения в слое амфор VIII—IX вв. — 1 и амфор VII в. — 2 (10). Условные обозначения к плану раскопа: 1 — замощенные улицы, переулок, часть двора; 2 — глина; 3 — очаг; 4 — пифосы

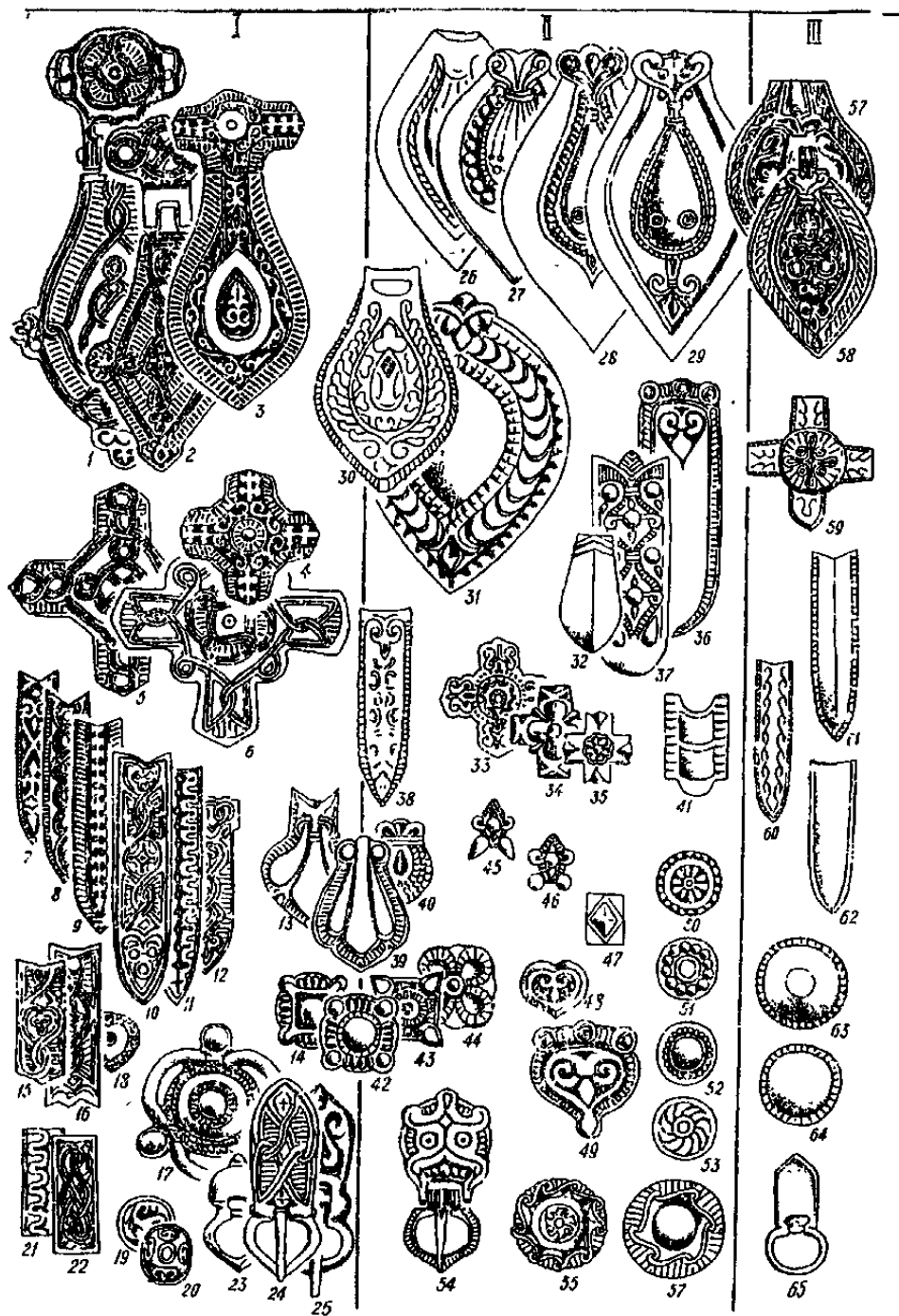


Рис. 40. Предметы художественного ремесла конца хазарской эпохи (X в.) [Орлов, 1984, с 29, рис. 4]

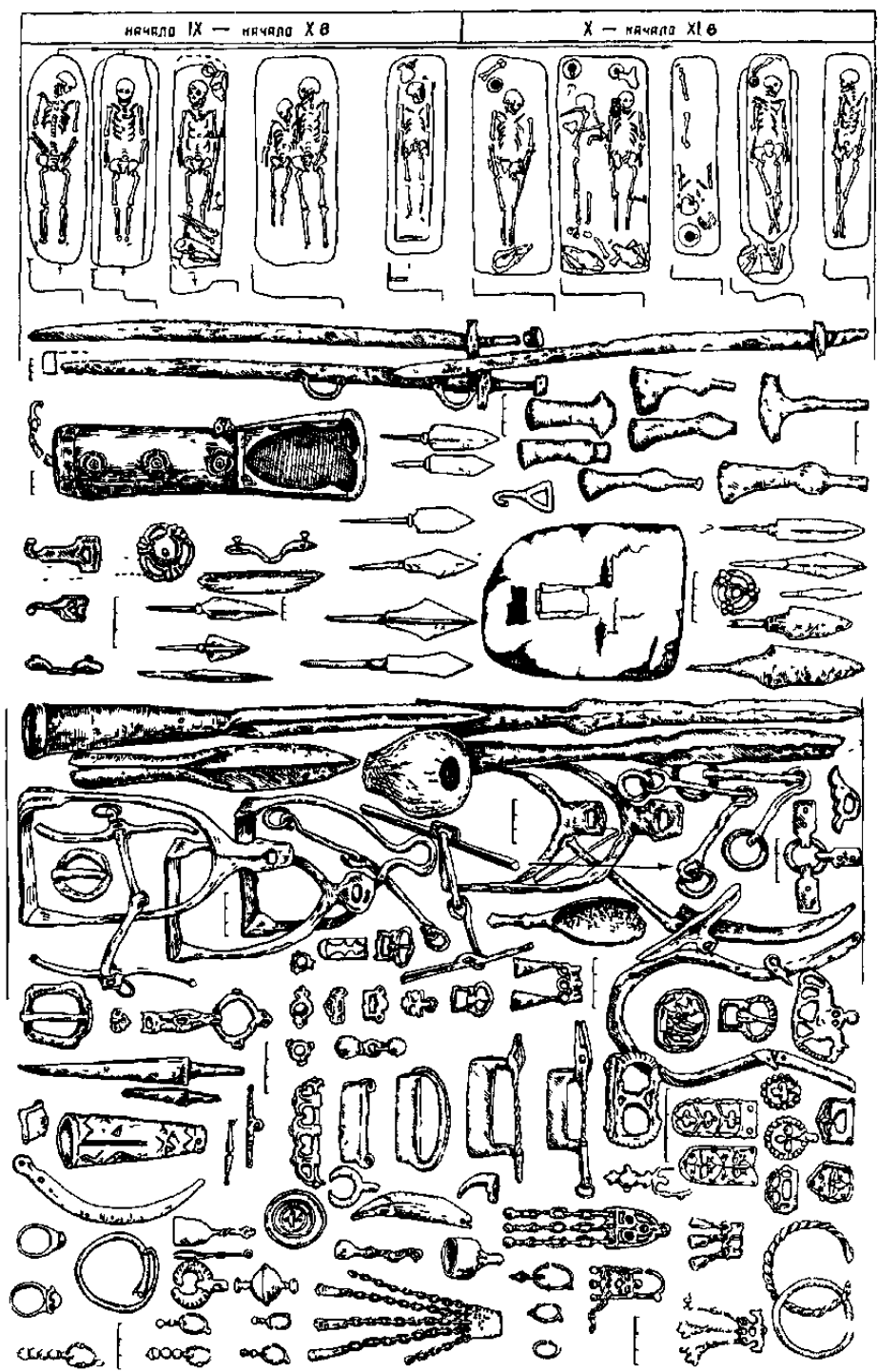


Рис 41. Болгарские и венгерские погребения и вещи сопровождавшего их инвентаря из могильников Волжской Болгарии

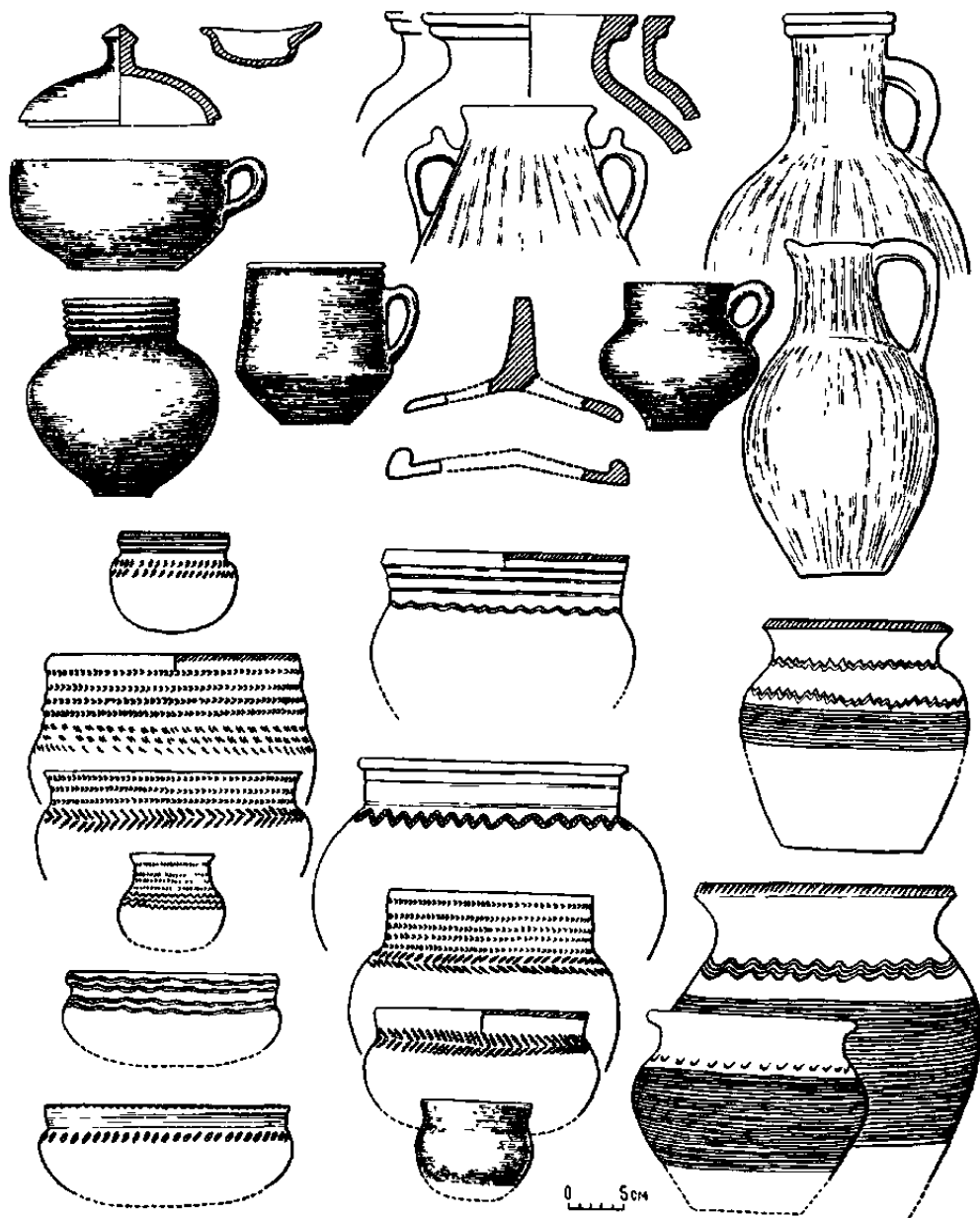


Рис. 42. Смешанная болгаро-венгерская керамика из Волжской Болгарии

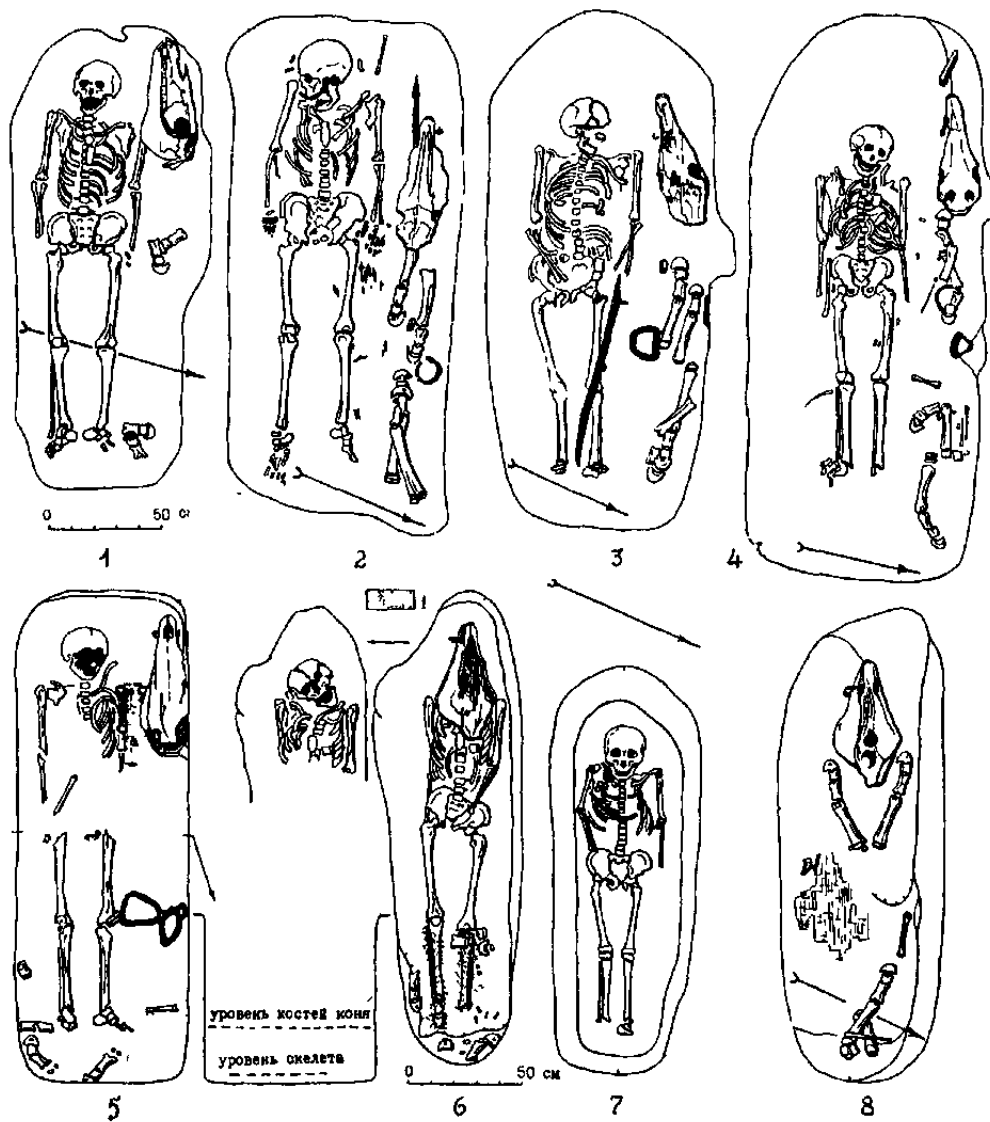


Рис. 44. Погребения печенегов (1—4) и торков (5—7) в кочевническом Беловежском могильнике. Захоронение чучела коня (кенотаф) (8). Условные обозначения: 1 — тлен от кожи

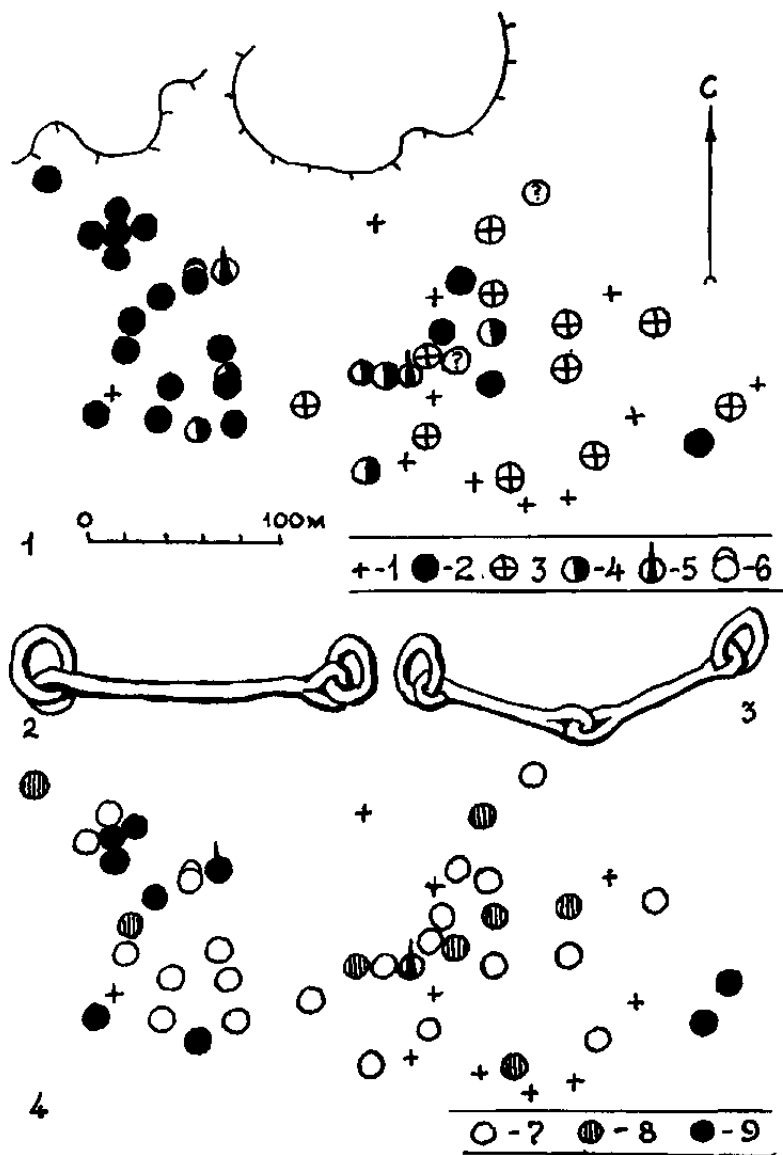


Рис. 45. План кочевнического Беловежского могильника (1), удила без перегиба и с перегибом (2, 3), план размещения на могильнике находок удил с перегибом и без перегиба (4). Условные обозначения: 1 — не раскопанные курганы; 2 — курганы печенегов (свропеоидов, брахикранов); 3 — курганы с захоронениями монголоидов южно-сибирского типа; 4 — захоронения людей смешанного антропологического типа; 5 — захоронения чучел коней; 6 — курганы с впускниками в насыпи; 7 — курганы без удил или с неопределенным типом сильно проржавевшего грызла; 8 — удила с перегибом; 9 — удила без перегиба

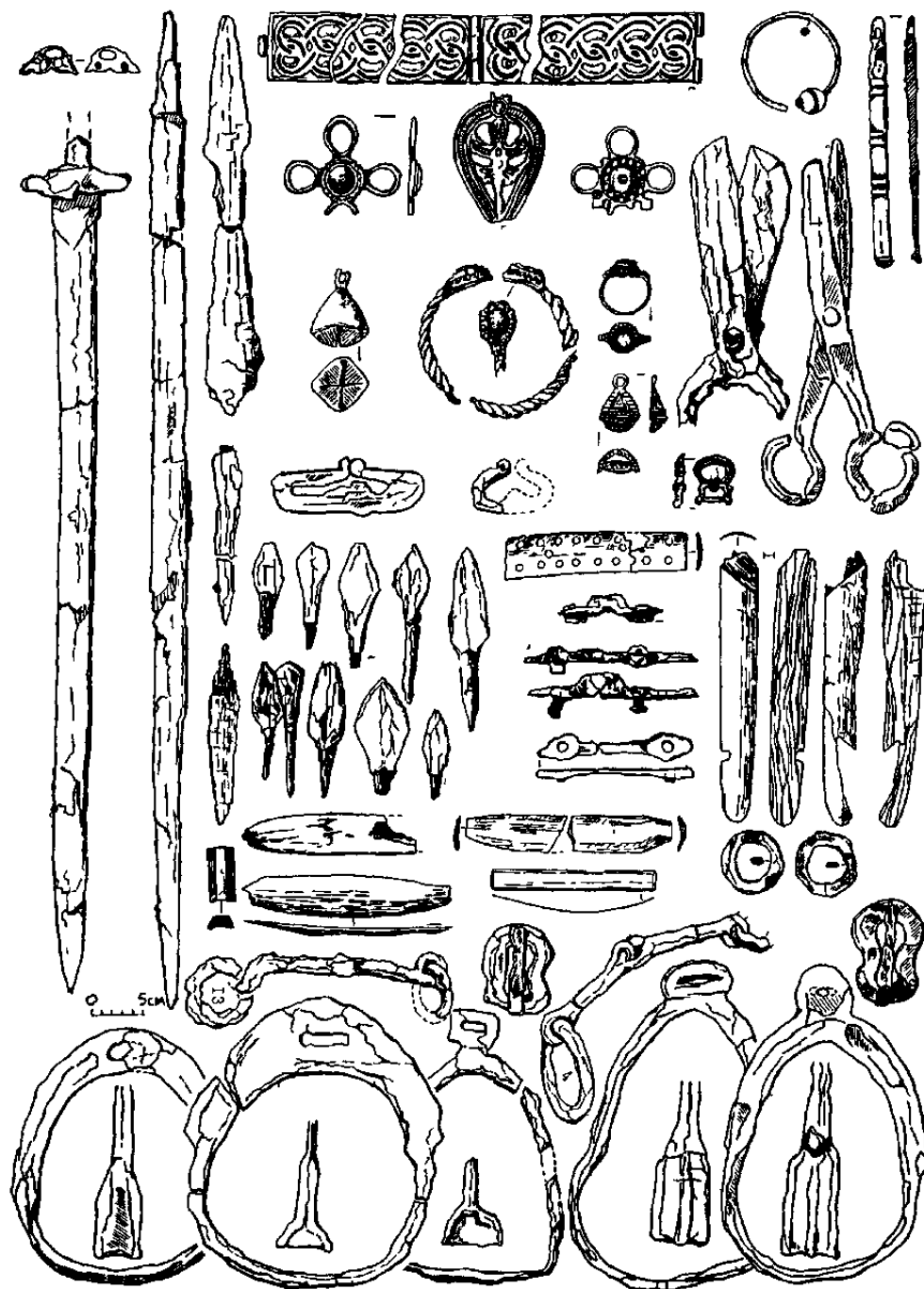


Рис. 46. Вещевой комплекс Беловежского кочевнического могильника в целом одинаковый и для печенегов, и для гузов (торков). Различия между ними только в форме удил, но позднее эта разница почти исчезла, так как удила без персгиба практически стали выходить из употребления

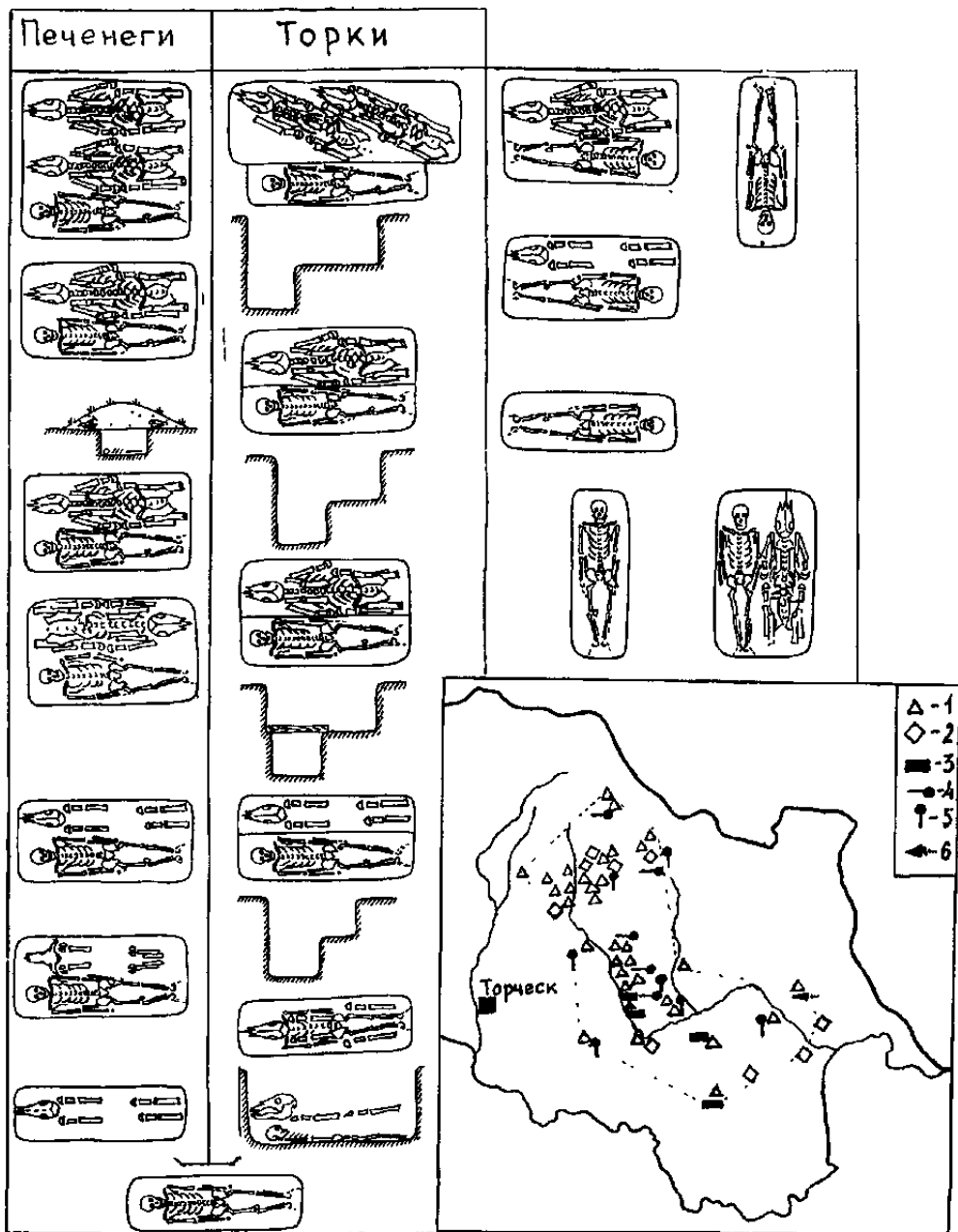


Рис. 47. Типы погребений печенегов и торков (ориентированы головами на запад) и несколько захоронений с восточной, северной и даже южной ориентировкой. На врезке дан район раскопок Н. Е. Бранденбурга и распространение в нем разных типов захоронений. Условные обозначения: 1 — рядовые погребения печенегов (с чучелом коня или без коня); 2 — богатые печенежские погребения с одним или двумя полными тушами коней; 3 — погребения торков; 4 и 5 — погребения, ориентированные на восток и север; 6 — захоронение коня — кенотаф

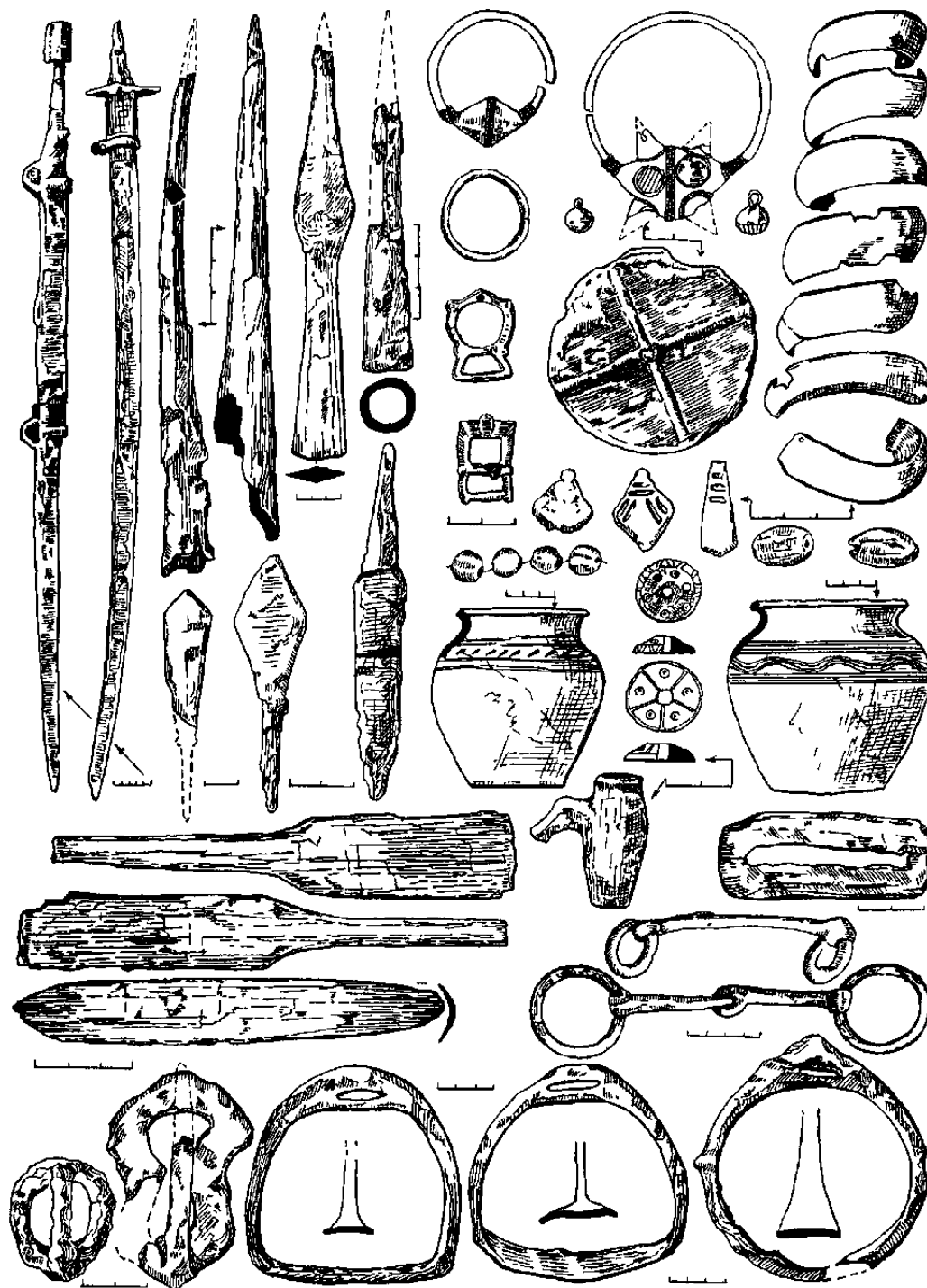


Рис. 48. Вещи из печенежских (черноклобуцких) захоронений, раскопанных Н. Е. Бранденбургом

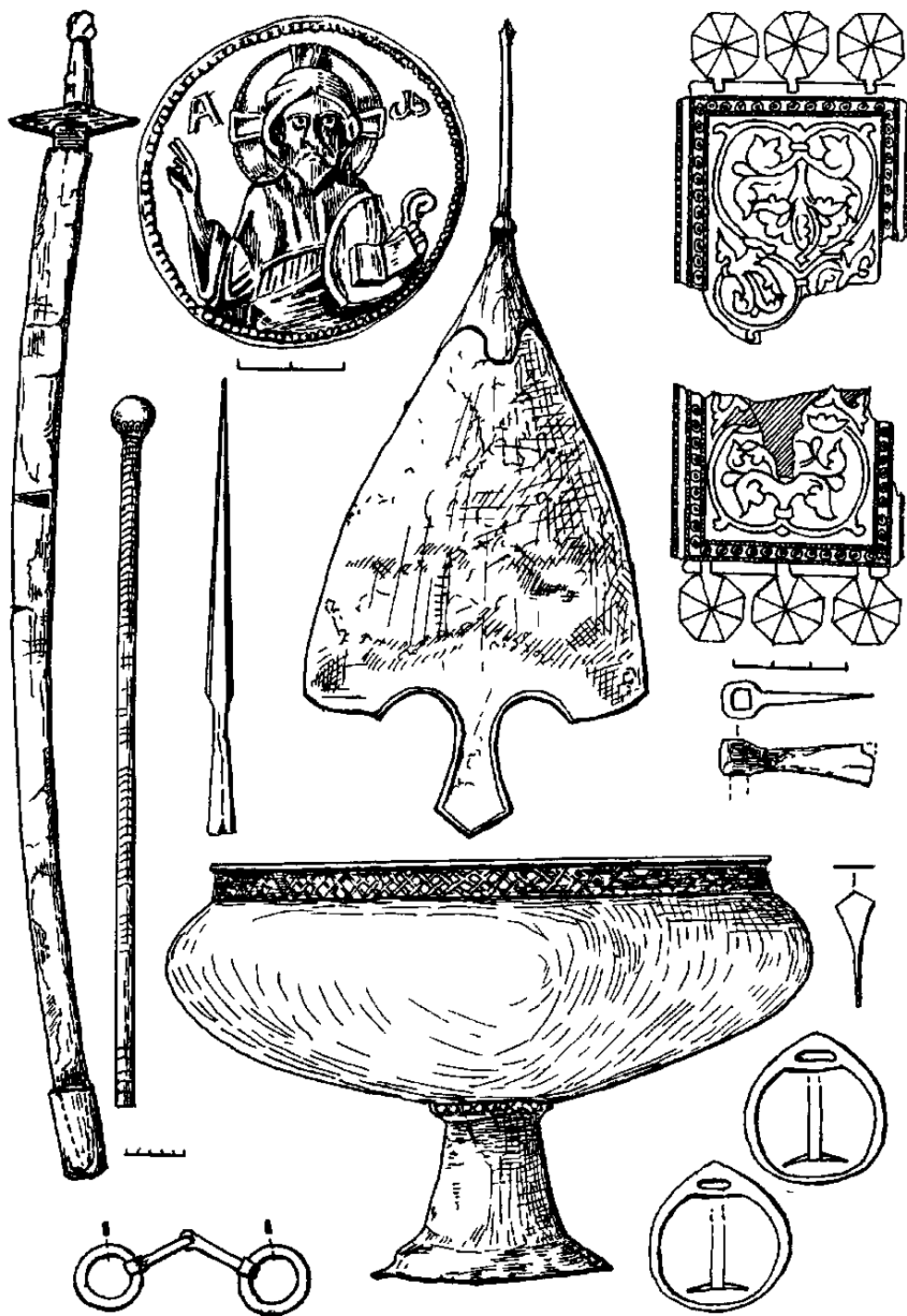


Рис 49 Несколько вещей из погребения у с Таганча

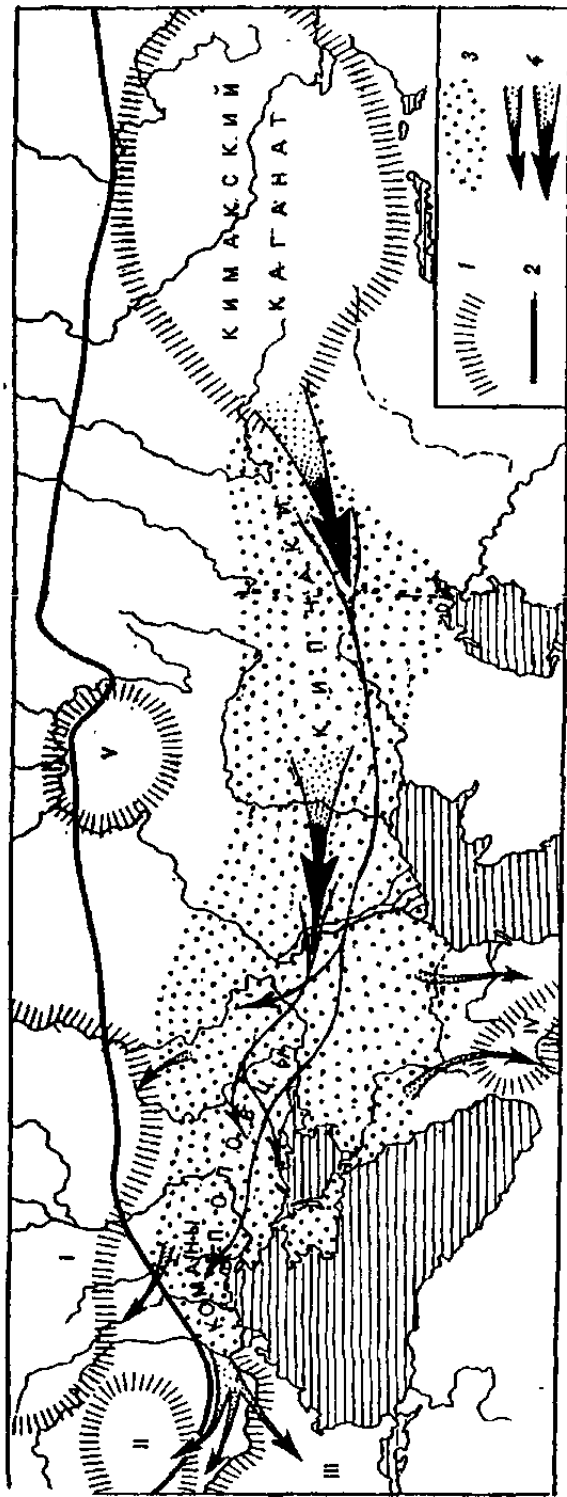


Рис. 50. Движение кыпчаков и половцев по степям в X—XI вв. Условные обозначения: I — Русь, II — Венгрия, III — Дунайской Болгарии, IV — Алании, V — Волжской Болгарии

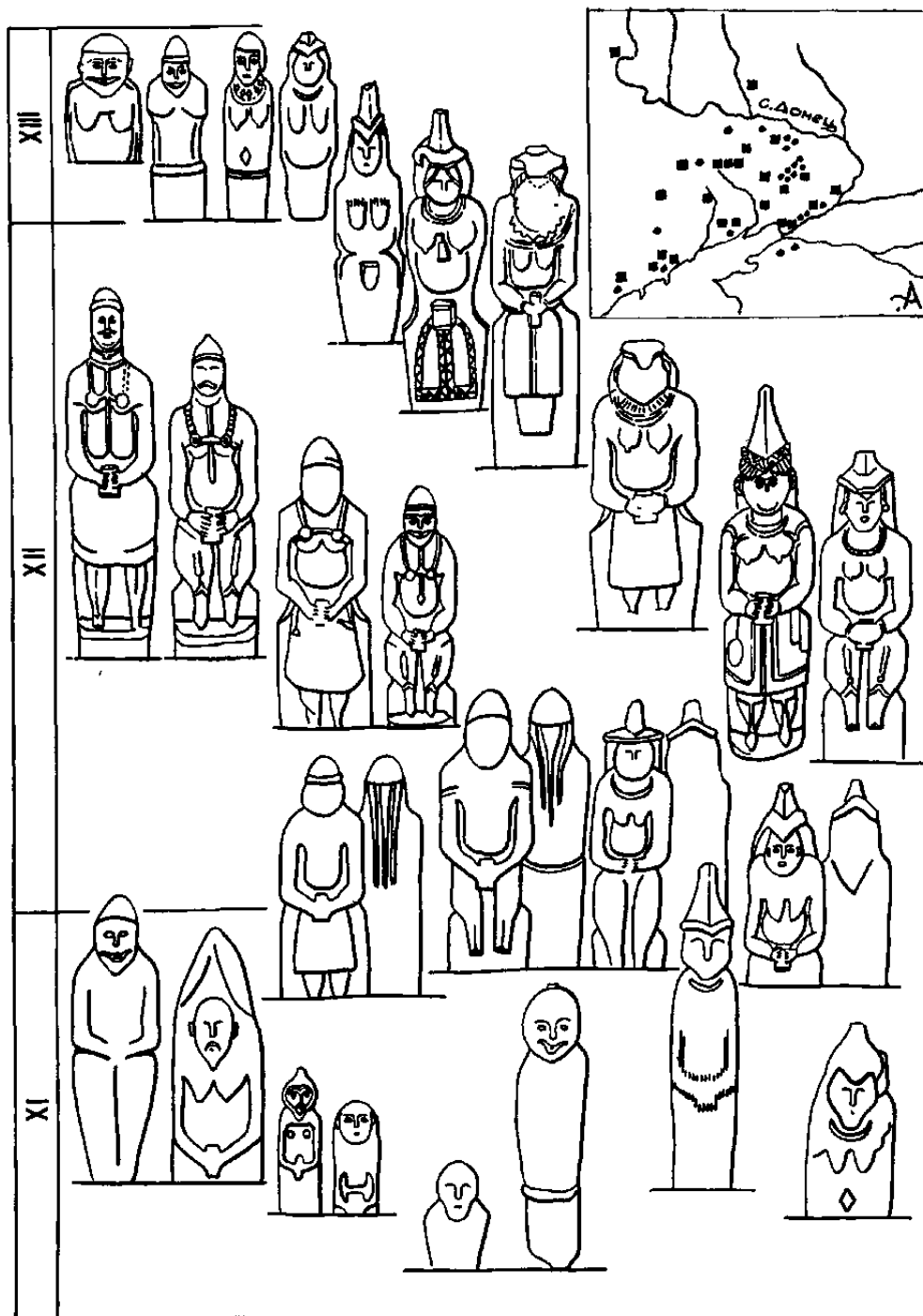


Рис. 51. Хронологическая таблица половецкой скульптуры в XI — XIII вв. Врезка: регион наибольшего скопления статуй раннего времени — кружками обозначены стелы без рук, квадратиками — с выделяющимися руками без сосуда или с чуть намеченным местом, где должен он быть

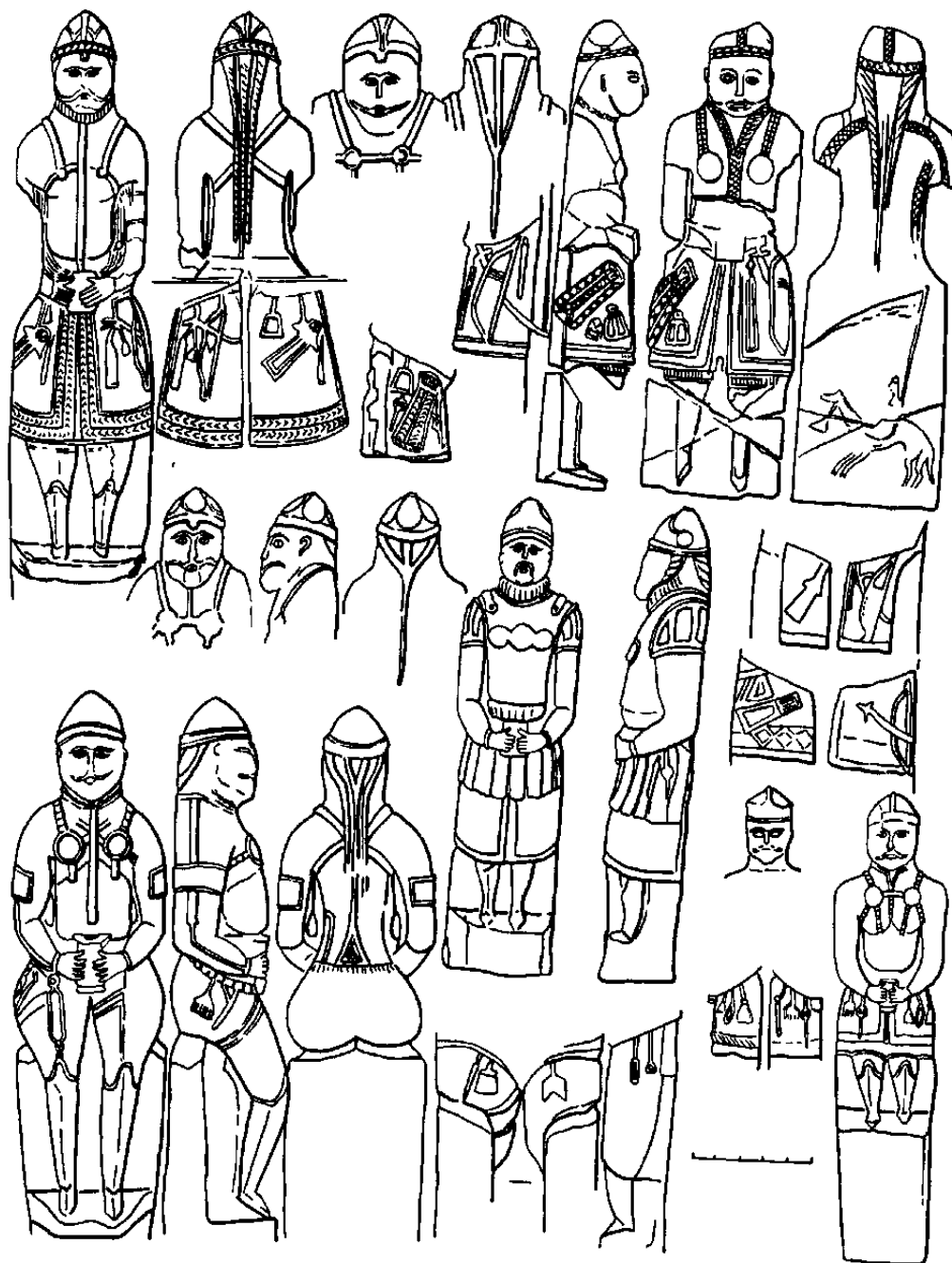


Рис. 52. Мужские статуи расцвета скульптуры — середина XII в.

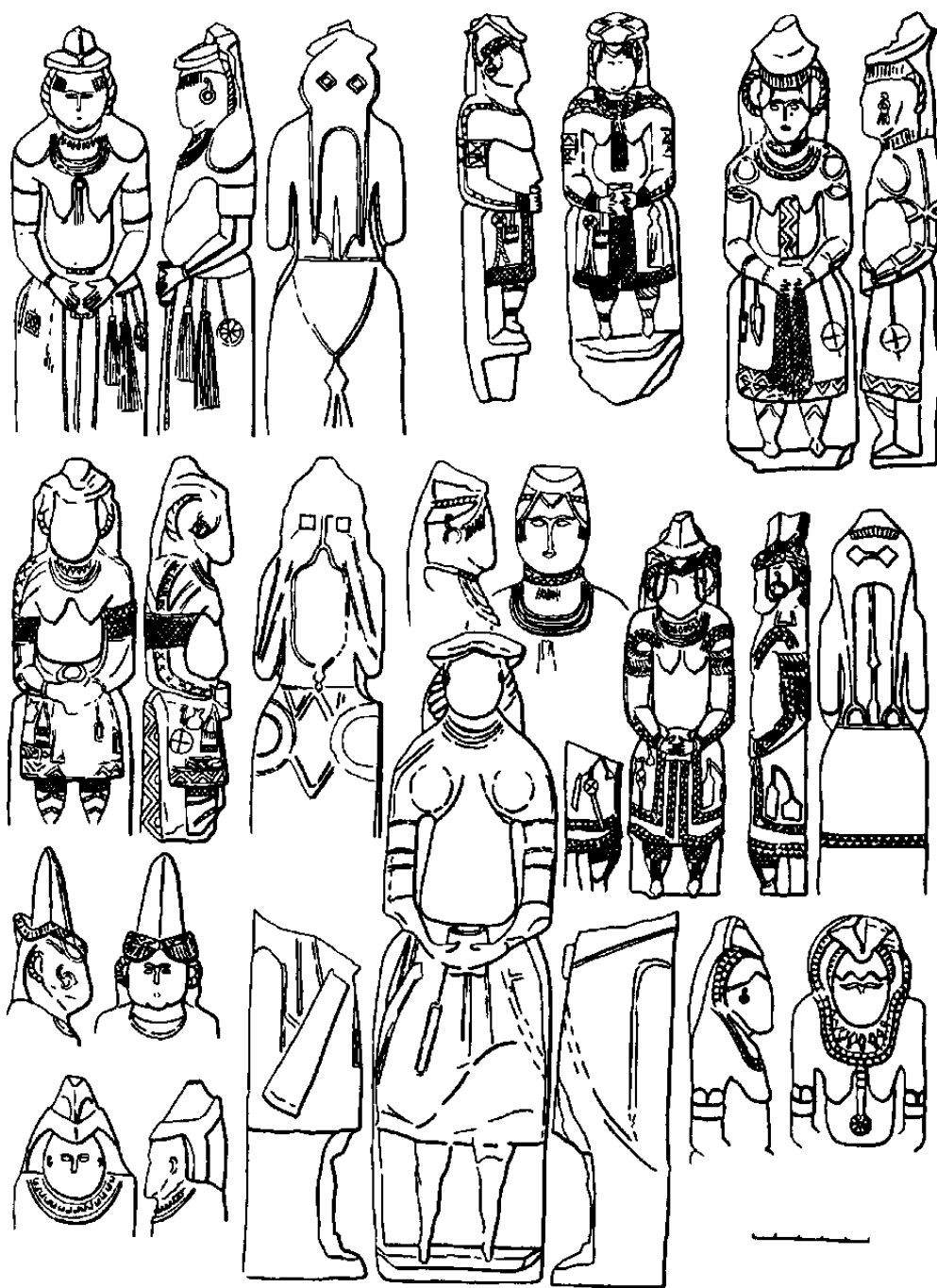


Рис. 53. Женские статуи того же периода



Рис. 54. Половчанка-воительница. Рисунок сделан О. Федоровым, пользовавшимся археологическими материалами и каменными статуями
230



Рис. 55. Половецкие объединения орд XII в. и распространение каменных статуй в европейской степи. Условные обозначения: от 1 до 5—6 статуй (1); сравнительно небольшие кружки — примерно 10 статуй, диаметры остальных кружков позволяют судить о скоплениях статуй (2); города, с которыми активно общались половцы (3); небольшие городки-крепости, принадлежавшие, видимо, Шаруканидам, но в начале XII в., после русских походов, переставшие существовать (4); граница степи с лесостепью (5)

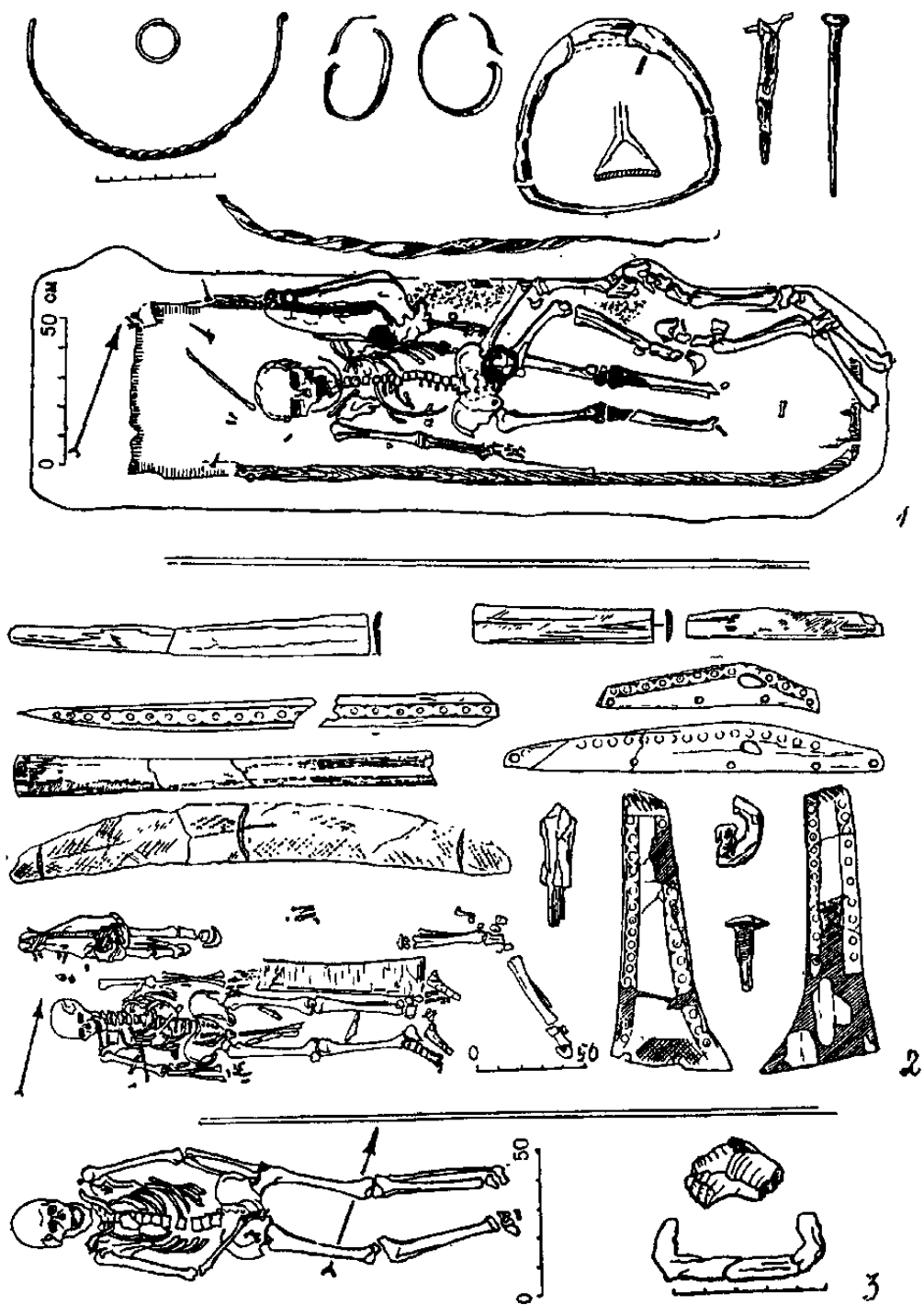


Рис. 56. Захоронения половецкого времени в окрестностях Белой Вежи: погребение богатой половчанки (1); погребение воина-лучника (2); захоронение бедняка (3)

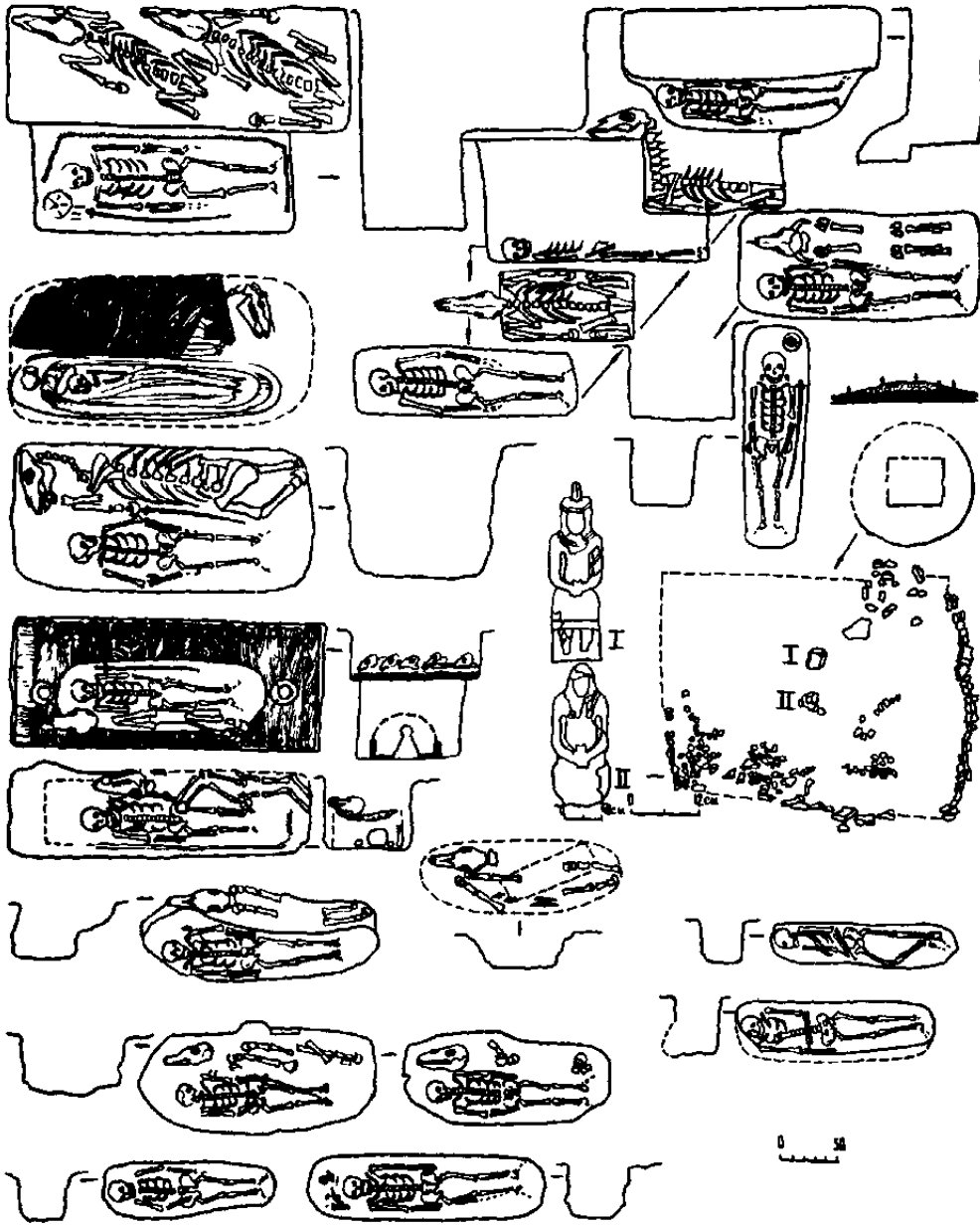


Рис. 57. Типы захоронений половецкого времени. В них входят и торческие, и половецкие, и печенежские погребения. Несомненно, половецким является только разрушенное святилище с разбитыми женской и мужской статуями в центре квадратной ограды святилища

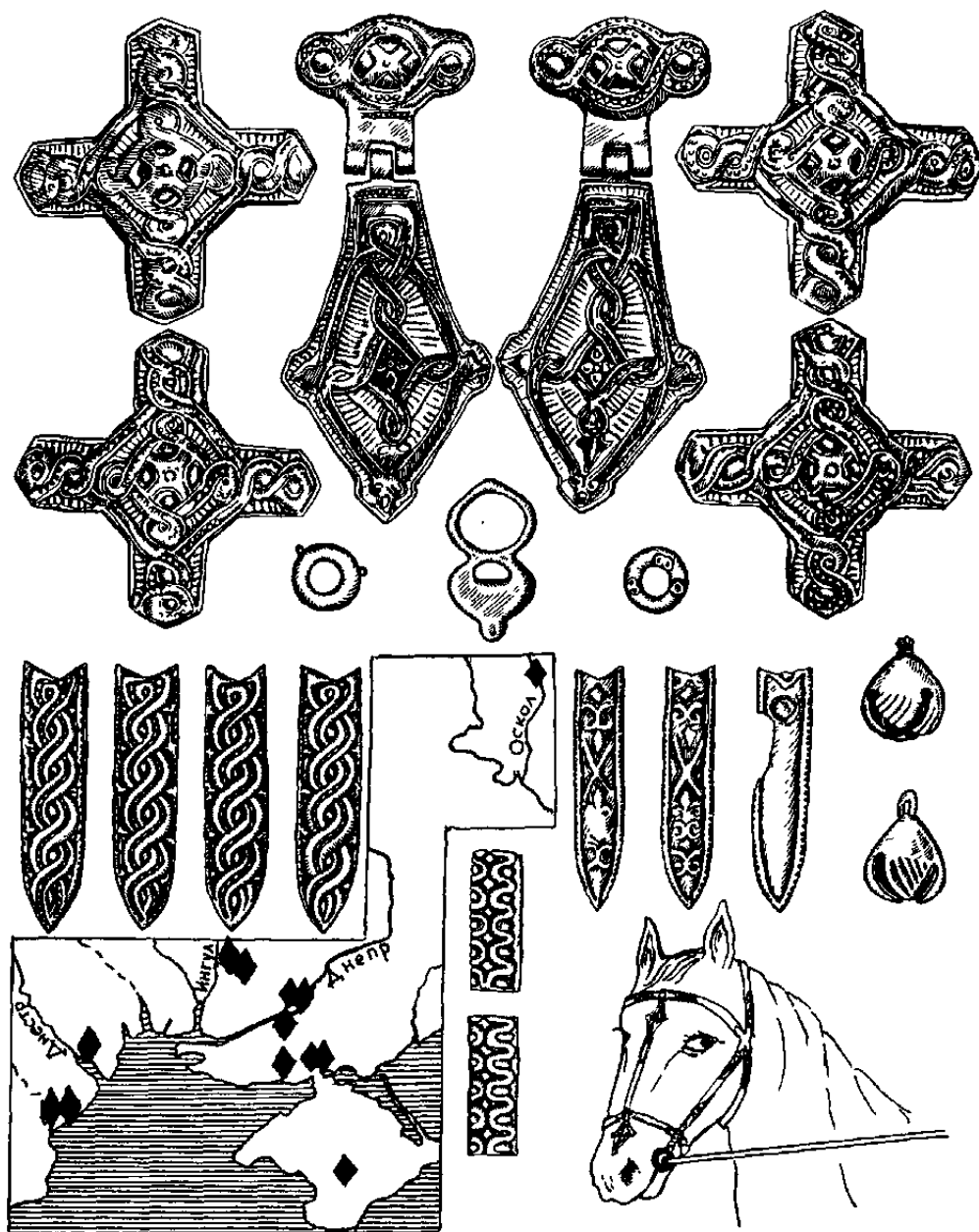


Рис. 58. Украшения сбруи коня. Во врезку-карту включена и часть находок, помещенных на рис. 40 данной работы



Рис 59 Вооружение и некоторые предметы быта, которыми пользовались половецкие и черноклобуцкие воины

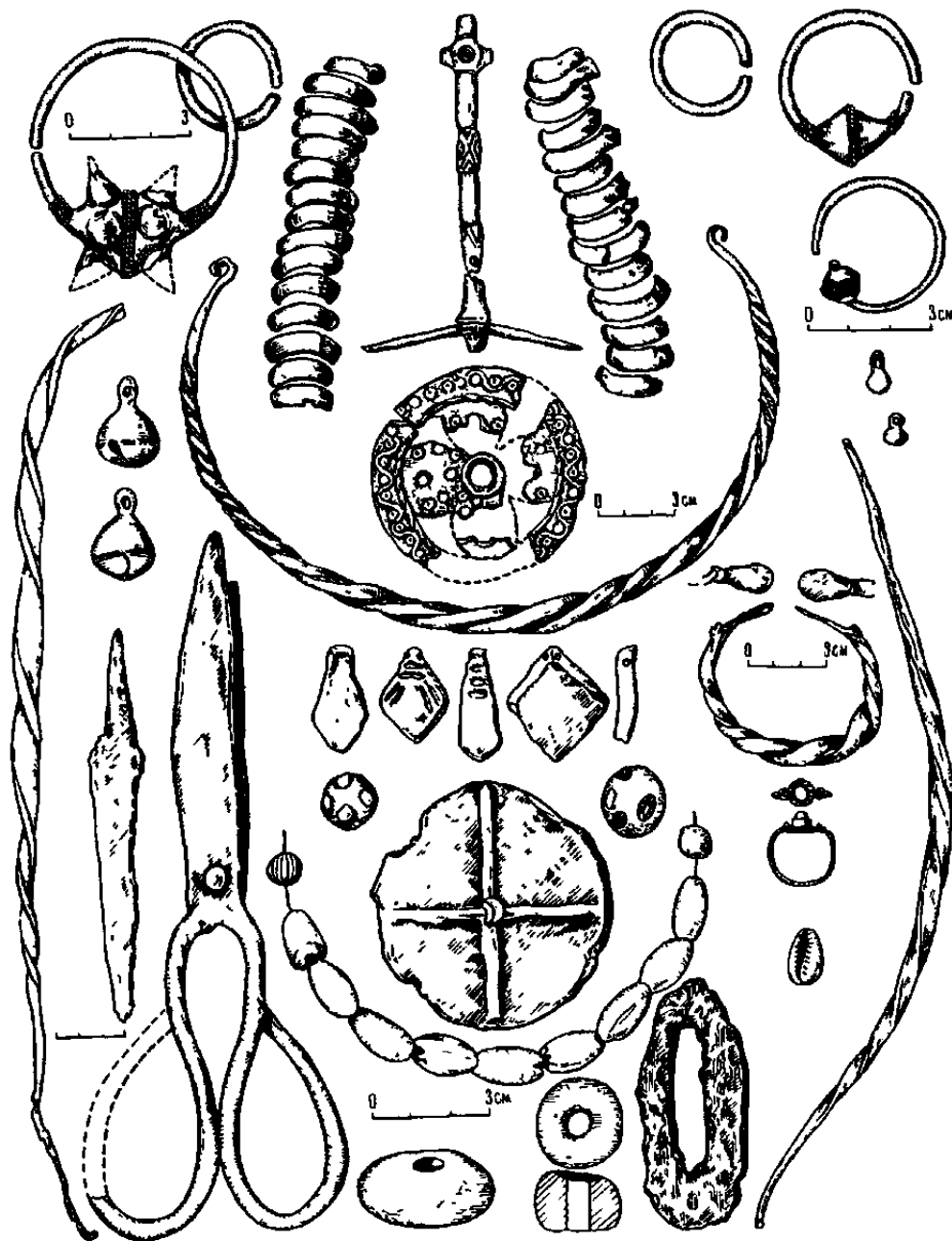


Рис 60 Женские половецкие и черноклобуцкие украшения и предметы быта

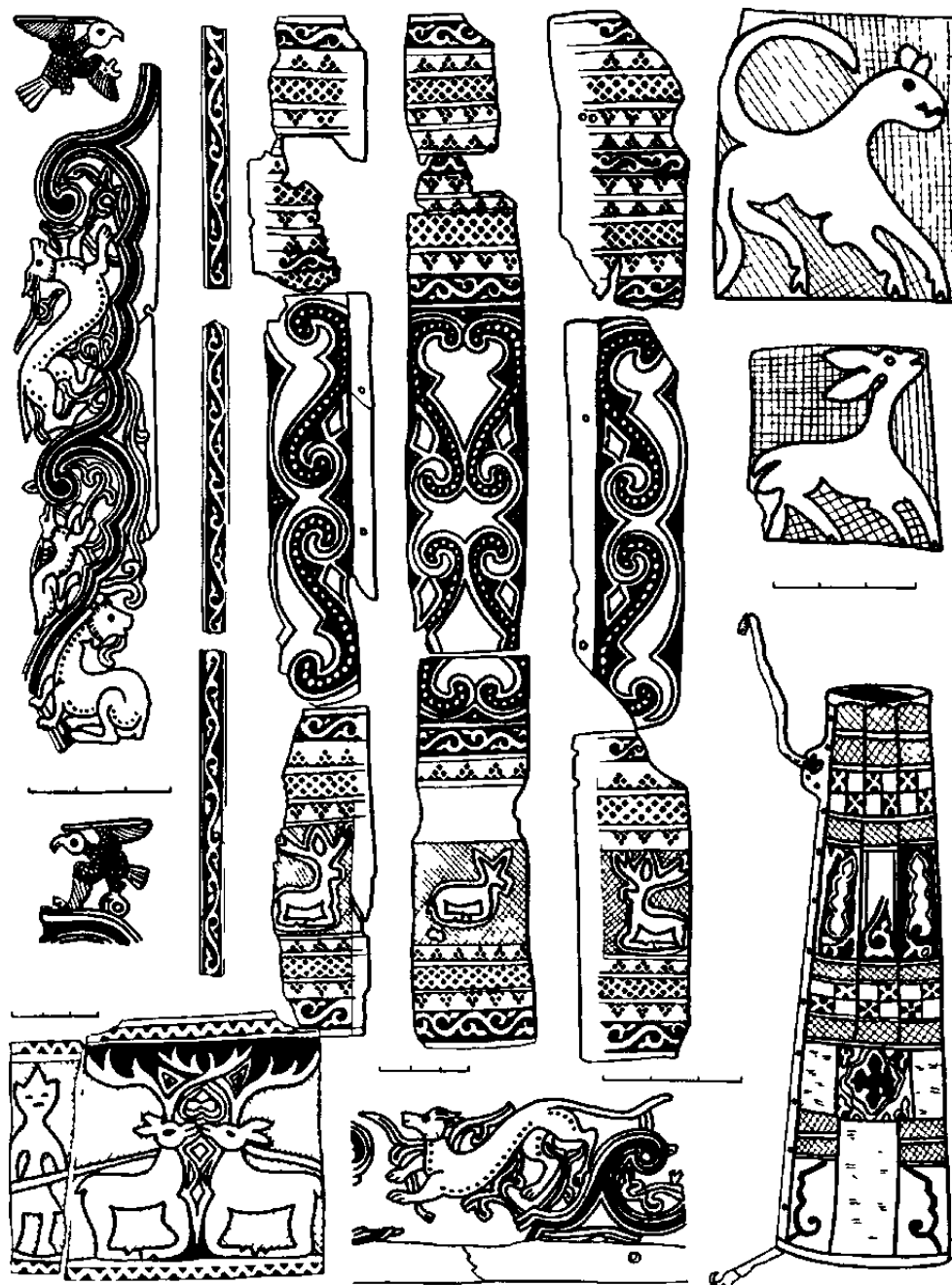


Рис. 61 Костяные накладки на колчаны (половецкие и кипчакские) второй половины XIII—XIV в.

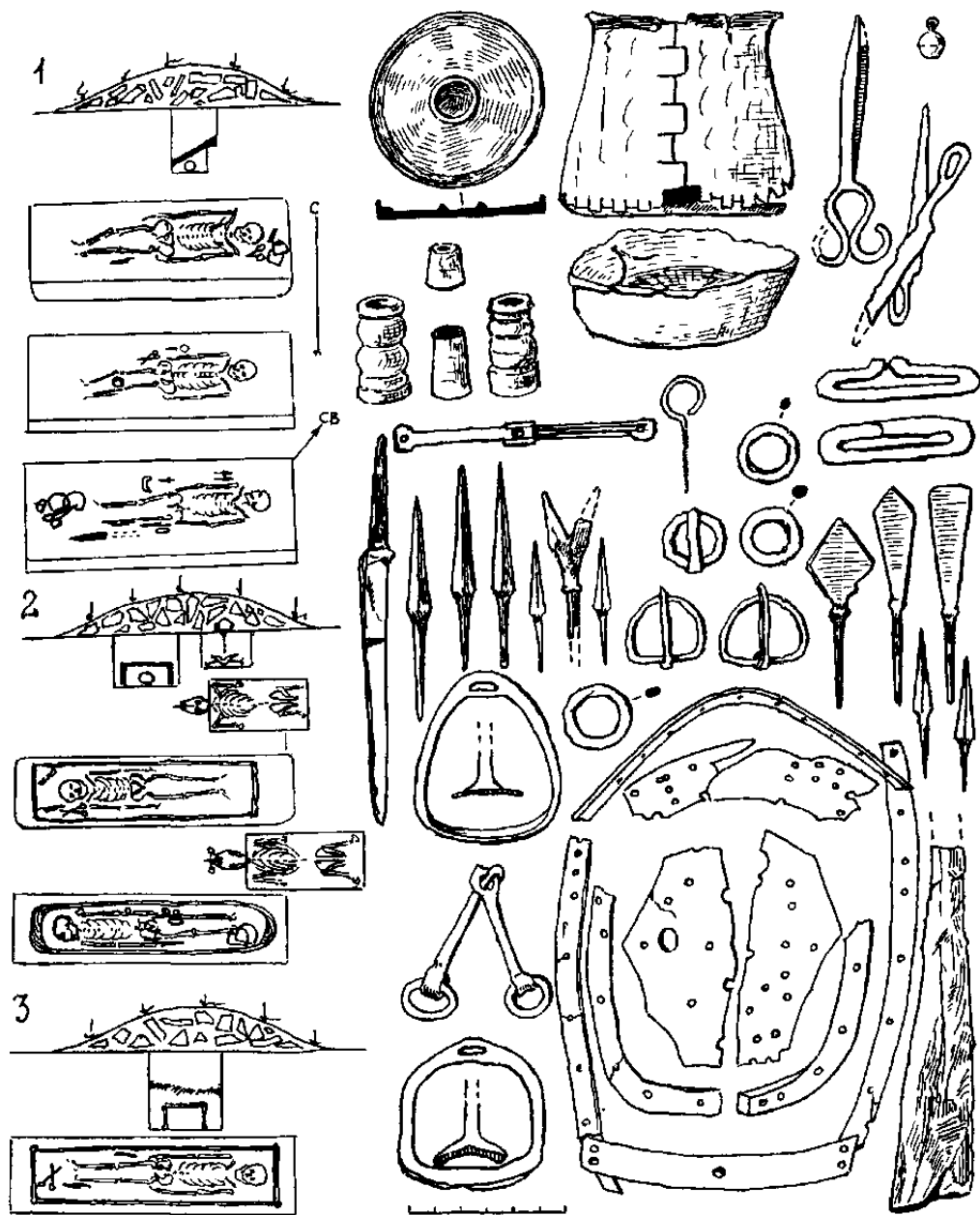


Рис. 62. Каменский могильник: три группы захоронений и весьма скромный инвентарь из них

Литература

- Айбабин А. И.*, 1985. Погребение хазарского воина // СА. № 3.
- Айбабин А. И.*, 1991. Келегейское погребение военного вождя // Проблемы на прабългарската история и култура. 2. София.
- Айбабин А. И.*, 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Аксенов В. С.*, 2001. Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.: (Из истории костюма). Самара. Т. 2.
- Ал-Бируни*, 1963. Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сочинений для познания драгоценностей: (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. М.; Л.
- Ал-Гарнати*, 1971. Путешествие Абу Хамида Ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М.
- Амброз А. К.*, 1971. Проблемы раннесредневековой археологии // СА. № 2, № 3.
- Амброз А. К.*, 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Археология СССР: Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Амброз А. К.*, 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V — VIII веков. М.
- Анчабадзе З. В.*, 1960. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик.
- Анучин Д. Н.*, 1905. О черепах из курганов и могильников Изюмского уезда Харьковской губ. // Тр. XII АС в Харькове. М. I.
- Аристотел*, 1877. О земле половецкой: (Историко-географический очерк). Киев.
- Артамонов М. И.*, 1935. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л.
- Артамонов М. И.*, 1958. Саркел — Белая Вежа // МИА, М.; Л. № 62.
- Артамонов М. И.**, 1962. История хазар. Л.
- Артамонова О. И.*, 1963. Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА. № 109.
- Атавин А. Г.*, 1984. Некоторые особенности захоронений коня в кочевнических погребениях X—XIV вв. // СА. № 1.
- Атавин А. Г.*, 1987. Влияние природных факторов на жизнь поселений Таманского полуострова (на примере Фанагории) // Методы естественных наук в археологии. М.
- Атавин А. Г.*, 1996. Погребения VII — начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
- Афанасьев Г. Е.*, 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. М.
- Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г.*, 1982. О салтовском типе сыродутного горна // СА. № 2.
- Афанасьев Г. Е., Николаенко А. Г.*, 1984. Металлургический комплекс у с. Ездочного // Маяцкое городище. М.
- Ахинжанов С. М.*, 1989. Кипчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата.
- Бабенко В. А.*, 1907. Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове // Тр. XIII АС. М. Т. I.
- Бабенко В. А.*, 1914. Памятники хазарской культуры на юге России // Тр. XV АС. М. Т. I.
- Бабенчиков В. П.*, 1958. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М.
- Багаутданов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э.*, 1998. Праболгары на Средней Волге: У истоков татар Волго-Камья. Самара.

* Эта книга перензана дважды. в 2001 г. (в изд-ве “Лань”, СПб.) и в 2002 г. — в серии “Классики Эрмитажа” (в изд-ве СПб. ГУ).

- Балинт Ч*, 1972 Погребения с конями у венгров в IX—X вв // Проблемы археологии и древней истории угров М
- Баранов И А*, 1990 Таврика в эпоху раннего средневековья Киев
- Березовец Д Т*, 1962 Раскопки в Верхнем Салтове в 1959—1960 гг // КСИА АН УССР № 12
- Березин И*, 1854 Игорь, князь Северский // Москвитянин № 22, кн 2
- Березаньска С С*, 1970 Нове джерело до розуміння зольників білогрудівського типу // Археологія 24
- Бернштам А Н*, 1951 Очерки истории гуннов Л
- Биджиев Х Х*, 1983 Хумаринское городище Черкесск
- Бирюков Ю П*, 1959 Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции // МИА № 75
- Бобринский А А*, 1887 Смела СПб Т I
- Бобринский А А*, 1901 Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела СПб Т III
- Бобринский А А*, 1914 Перещепинский клад // МАР СПб 34
- Бокий Н М*, *Плетнева С А*, 1988 Захоронение семьи воина-кочевника X в в бассейне Ингула // СА № 2
- Бранденбург Н Е*, 1908 Журнал раскопок 1888—1902 гг СПб
- Братченко С Н*, *Швецов М Л*, 1984 Средневековый могильник у станицы Багаевской // СА № 3
- Быков А А*, 1974 Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв // Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы М Вып III
- Vinardzic Radovan*, 1980 Mepore iz Celareva Beograd
- Васильевский В Г*, 1908 Византия и печенеги // Труды СПб Т 1
- Вернер Иоахим*, 1987 Погребальная находка от Малая Перещепина и Кубратхан на Българите София
- Веселовский Н И*, 1915 Современное состояние вопроса о каменных бабах // ЗООИД Т XXXII
- Винников А З*, *Афанасьев Г Е*, 1991 Культурные комплексы Маяцкого селища Воронеж
- Винников А З*, *Плетнева С А*, 1998 На северных рубежах Хазарского каганата Маяцкое поселение Воронеж
- Витковский Э К*, 1978 Раскопки курганов и археологическая находка в Васильковском уезде // Тр III АС Киев
- Владимирцов Б Я*, 1934 Общественный строй монголов Монгольский кочевой феодализм Л
- Власкин М В*, *Ильюков Л С*, 1990 Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА № 1
- Войтов В Е*, 1996 Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культовопоминальных памятниках Монголии VI—VIII вв М
- Вуич Л Г*, 1963 Черепа из кочевнического могильника возле Саркела — Белой Вежи // МИА М, Л № 109
- Гадло А В*, 1969 Раскопки раннесредневекового селища у д Героевки в 1964 г // СА № 1
- Гадло А В*, 1978 Кочевье хазарского времени у ст Заплавской на Нижнем Дону // Проблемы археологии Л Вып 2
- Гадло А В*, 1980 К истории Восточной Таврики VIII—X вв // Античные традиции и византийские реалии Свердловск
- Гайдукевич В Ф*, 1952 Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг // МИА М, Л № 25
- Гайдукевич В Ф*, 1958 Илурат Итоги археологических исследований 1948—1953 гг // МИА М, Л № 85
- Galkin Z Z*, 1983 Nonadischer Grabfund von Jenseitsder Volga // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae Budapest 35 (3—4)

- Гарустович Г Н, Ракушин А И, Яминов А Ф*, 1998 Средневековые кочевники Поволжья (конца IX—XV века) Уфа
- Гарустович Г Н, Иванов В А*, 2001 Огузы и печенеги в евразийских степях Уфа
- Генинг В Ф, Халиков А Х*, 1964 Ранние болгары на Волге М
- Гераськова Л С*, 1991 Скульптура середньовічних кочовників степів Східної Європи Київ
- Герцен А Г*, 1990 Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ Симферополь № 1
- Гинзбург В В*, 1959 Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (по материалам Калиновского могильника) // МИА № 60
- Голубовский П В*, 1883 Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // Университетские известия Киев № 1
- Голубовский П В*, 1884 Об узах и торках // ЖМНП Июль Ч ССXXXIV
- Голубовский П В*, 1889 Половцы в Венгрии // Университетские известия Киев № 12 XXIX
- Гордлевский В А*, 1960 Государство Сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения М
- Городцов В А*, 1905 Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г // Тр Харьковской комиссии по устройству XIII АС Харьков
- Городцов В А*, 1905а Результаты исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Труды XII АС М Т I
- Городцов В А*, 1907 Типы погребений печенегов, торков, половцев и татар до XIV в // Труды XIII АС М Т II
- Гринченко В А*, 1950 Пам'ятка VIII ст коло с Вознесенки на Запоріжжя // Археологія Київ Т III
- Грязнов М И*, 1957 Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // КСИЭ Вып 26
- Гумилев Л Н*, 1960 Хунну М
- Гумилев Л Н*, 1967 Древние тюрки М
- Добролюбский А О*, 1986 Кочевники северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья Киев
- Добролюбский А О, Дзиговский А Н*, 1981 Памятники кочевников IX—XIV вв на западе причерноморских степей (Материал к археологической карте) // Памятники древних культур северо-западного Причерноморья Киев
- Евгелевский А В, Потемкина Т М*, 1994 Позднекочевнические погребения с керамикой древнерусского облика из Северо-Восточного Причерноморья // Донецкий археологический сборник Донецк
- Евгелевский А В, Потемкина Т М*, 2000 Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья Донецк Т I
- Евгелевский А В, Потемкина Т М*, 2000а Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья Донецк Т I
- Залесская В Н, Львова З А, Маршак Б И, Соколова И В, Фоякова Н А*, 1997 Сокровища хана Кубрата Перешелинский клад СПб
- Засецкая И П*, 1994 Культура кочевников южнорусских степей в гунскую эпоху (конец IV—V в) СПб
- Заходер Б Н*, 1962 Каспийский свод сведений о Восточной Европе Горган и Поволжье в IX—X вв М
- Зеленин Д К*, 1936 Культ онгонов в Сибири Л, М
- Златарски В*, 1970 История на Българската държава пред средните векове София Т I, ч I
- Иванов В А*, 1999 Древние угры-мадьяры в Восточной Европе Уфа
- Иванов В А, Кригер В А*, 1988 Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII—XIV вв) Уфа

- Иордан*, 1960 О происхождении и деяниях гетов *Getica* / Вступ ст, пер и комментарии Е Ч Скржинской М
- Казаков Е П*, 1972 О некоторых венгерских аналогиях в вещевом комплексе Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров М
- Кирпичников А П*, 1971 Древнерусское оружие 3 САИ, Е1-36 М
- Кирпичников А Н*, 1973 Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв САИ, Е1-36 М
- Клейн и др*, 1972 Катакомба скифского времени и салтовский курган на Нижнем Дону // АО 1971 М
- Кобылина М М*, 1956 Фанагория // МИА № 57
- Ковалевский А П*, 1956 Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг Харьков
- Кокосцев П К*, 1932 Еврейско-хазарская переписка в X веке Л
- Комар А В*, 1999 Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // *Vita Antiqua* Киев № 2
- Комар О В, Плоро В I*, 1999 Курганы хазарского часу на Луганщине // *Vita Antiqua* №2
- Комар О В*, 2002 Население степей пвничного Причерномор'я VI — початку VIII ст Автореф дис канд ист наук Киев
- Кондукторова Т С*, 1967 Антропологическая характеристика черепов из Верхнечирютовского могильника в Дагестане // Вопросы антропологии Вып 25
- Кондукторова Т С*, 1984 Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника // Маяцкое городище М
- Константин Багрянородный*, 1989 Об управлении империей / Текст, перевод, комментарий, ред Г Г Литаврин, А П Новосельцев М
- Крамаровский М Г*, 2001 Золото Чингисидов Культурное наследие Золотой Орды СПб
- Красильников К И*, 1976 Гончарная мастерская салтово-маяцкой культуры // СА № 3
- Красильников К И*, 1980 Новые данные о гончарном производстве в салтовское время на Северском Донце // КСИА Вып 160
- Красильников К И*, 1981 Возникновение оседлости у праболгар Среднедончья // СА № 4
- Красильников К И*, 1986 Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА № 2
- Красильников К И*, 1999 Древнее камнерезное искусство Луганщины Луганск
- Красильников К И, Тельнова Л И*, 2000 Типология, эволюция и хронология половецких изваяний Подончья // Степи Европы в эпоху средневековья Донецк Т 1
- Кропоткин В В*, 1963 Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани М
- Круглов Е В*, 1992 Хазарские погребения в бассейне реки Иловли // СА № 4
- Круглов Е В*, 1992а Хазарские погребения на реке Аксай // Древности волгодонских степей Волгоград № 2
- Круглов Е В*, 2001 Погребальный обряд огузов Северного Прикаспия 2-й половины IX — I половины XI в // Степи Европы в эпоху средневековья Донецк Т 2 Хазарское время
- Кудряшов К В*, 1948 Половецкая степь М
- Кузеев Р Г*, 1957 Очерки исторической этнографии башкир Уфа
- Кумекоев Б Е*, 1972 Государство кимаков IX—XI вв по арабским источникам Алма-Ата
- Куник А*, 1855 О торкских Печенегах и Половцах по мадьярским источникам // Записки Академии наук СПб Т III, вып 5
- Кухаренко Ю В*, 1951 О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК Вып 41
- Кучера М П*, 1987 Змиевы валы Среднего Поднепровья Киев

- Кызласов И Л*, 1990 Древнетюркская руническая письменность Евразии (Опыт палеографического анализа) М
- Кызласов И Л*, 1994 Рунические письменности евразийских степей М
- Ларенок П А, Семенов А И*, 1999 Саркел, Саркел, еще Саркел // Донская археология Ростов н/Д № 3—4
- Лашук Л П*, 1967 Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ № 4
- Лашук Л П*, 1968 Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // СЭ № 1
- Левина Л М*, 1971 Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. М
- Липец Р С*, 1977 Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор М
- Ляпушкин И И*, 1958 Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА № 62
- Ляпушкин И И*, 1958а Карнауховское поселение // МИА № 62
- Магомедов М Г*, 1983 Образование Хазарского каганата М
- Мажитов Н А*, 1977 Южный Урал в VII—XIV вв. М
- Малиновская Н В*, 1974 Колчаны XIII—XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века М
- Макарова Т И*, 1963 Поливная керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани М
- Макарова Т И, Плетнева С А*, 1983 Пояс знатного воина из Саркела // СА № 2
- Макарова Т И*, 1998 Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ Симферополь VI
- Максимов Е К*, 1956 Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды Саратовского областного музея Краеведения Археологический сборник Вып. 1
- Марков Г Е*, 1973 Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии // СЭ № 1
- Марков Г Е*, 1976 Кочевники Азии 1973
- Матвеева Г И*, 1997 Могильник ранних болгар на Самарской Луке Самара
- Мерперт Н Я*, 1951 О генезисе салтовской культуры // КСИИМК Вып. XXXVI
- Мец Н Д*, 1948 К вопросу о торках // КСИИМК Вып. XXII
- Minorsky V*, 1937 Hudud-al-Alam London
- Михеев В К*, 1985 Подонье в составе Хазарского каганата Харьков
- Мозильников В А*, 2002 Кочевники северо-западного предгорного Алтая в IX—XI веках М
- Монгайт А Л*, 1951 Археологические заметки // КСИИМК Вып. 4
- Мошкова М Г, Максименко В Е*, 1974 Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья М
- Никольская Т Н*, 1981 Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М
- Новосельцев А П*, 1990 Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа М
- Орлов Р С*, 1984 Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X—XI ст. // Археологія Київ № 47
- Орлов Р С*, 1985 Культура кочевников IV—VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев
- Орлов Р С, Рассмакин Ю Я*, 1996 Новые памятники VI—VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии Киев
- Отрощенко В В, Рассмакин Ю Я*, 1986 Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археологія Київ № 53
- Паромов Я М*, 1992 Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник М № 1

- Паромов Я М*, 1993 Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник М № 2
- Паромов Я М*, 1993а Археолого-топографический план Фанагории // Боспорский сборник М № 3
- Паромов Я М*, 2003 Поселения и дороги на Таманском полуострове в VIII—XIII вв // Крым, северо-восточное Приазовье и Закавказье IV—XIII века М ПВЛ I, 1950 Повесть временных лет М
- Пигулевская Н В*, 1941 Сирийские источники по истории народов СССР Хроника Захария Ритора М, Л
- Плетнева С А*, 1958 Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА № 62
- Плетнева С А*, 1963 Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани М
- Плетнева С А*, 1964 О построении кочевнического лагеря-вежи // СА № 3
- Плетнева С А*, 1964а Номадски поселения през VII—IX вв в Приазовисте и бассейна на река Дон // Археология София Кн 4
- Плетнева С А*, 1967 От кочевий к городам Салтово-маяцкая культура МИА № 142
- Плетнева С А*, 1973 Древности Черных клобуков САИ, Е1-19
- Плетнева С А*, 1974 Половецкие каменные изваяния // САИ, Е4-2
- Плетнева С А*, 1981 Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска—Преслав № 2
- Плетнева С А*, 1982 Кочевники средневековья Поиски исторических закономерностей М
- Плетнева С А*, 1984 Рисунки на стенах Маяцкого городища // Маяцкое городище М
- Плетнева С А*, 1989 На славяно-хазарском пограничье Дмитриевский археологический комплекс М
- Плетнева С А*, *Красильников К И*, 1990 Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции М
- Плетнева С А*, 1990 Половцы М
- Плетнева С А*, 1990а Печенеги и гузы на Нижнем Дону (По материалам кочевнического могильника у Саркела—Белой Вежи) М
- Плетнева С А*, 1993 История одного хазарского поселения // РА № 2
- Плетнева С А*, 1994 Правобережное Цимлянское городище Раскопки 1958—1959 гг // МАИЭТ IV
- Плетнева С А*, 1996 Саркел и “шелковый путь” Воронеж
- Плетнева С А*, 2000 Очерки хазарской археологии М, Иерусалим
- Плетнева С А*, 2000а О заселении славянами Саркела — Белой Вежи // Археология восточноевропейской степи Воронеж Вып 14
- Плетнева С А*, 2001 Кочевники в Таматархе // СА № 2
- Попов Х И*, 1895 Где находилась хазарская крепость Саркел // Тр IX АС М Т 1
- Потанин Г Н*, 1883 Очерки северо-западной Монголии СПб Вып I—IV
- Потапенко Л П*, *Потапенко А И*, 1989 Виноград на Волге и Дону Волгоград
- Прокопии из Кесарии*, 1950 / Пер С П Кондратьева, вступ ст 3 В Удальцовой М
- Prichodnyuk O M*, *Chardaev*, 2001 Ein Edelmetallfund des 6—7 Jahrhunderts aus Keledej // Eurasia Antiqua Band 7 Mainz am Rhein
- ПСРЛ, II, 1962 Полное собрания русских летописей Ипатьевская летопись М
- Путинцева Н Д*, 1961 Верхнечирюртовский могильник (предварительное сообщение) // МАД Махачкала II
- Пятьшева Н В*, 1964 Железная маска из Херсонеса М
- Раппопорт П А*, 1959 Крепостные сооружения Саркела // МИА № 75 М, Л

- Расовский Д А*, 1927 О роли черных клубуков в истории Древней Руси // SK Praga I
- Расовский Д А*, 1933 Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии // SK Praga VI
- Расовский Д А*, 1935, 1936, 1937, 1938 Половцы // SK Praga VII, VIII, IX, X
- Рау П Д*, 1928 Курганы с кострищами и кострища в курганах Нижнего Поволжья // Труды РАНИОН М Т IV
- Руденко С И*, 1925 Башкиры Опыт этнологической монографии Л II
- Руденко С И*, 1961 К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по этнографии Л I
- Русанова И П*, 1966 Курганы полян X—XII вв // САИ Е1-24 М
- Русанова И П*, 1998 Культурные зольники скифского времени // МАИЭТ Симферополь VI
- Рыбаков Б А*, 1967 Торческ — город Черных клубуков // АО 1966
- Савченко Е И*, 1986 Крымский могильник // Археологические открытия на Новостройках М Вып I
- Самоквасов Д Я*, 1908 Могилы русской земли М
- Sarnowska W* 1948—1949 Wezesnohistoryczny kurhan z Korolewina pod Taganeza w row Kamowski // Swiatowit Warszawa Т XX
- Семенов А И*, 1983 Романовское погребение и донские памятники предсалтовской культуры хазарского времени // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа Ростов
- Семенов А И*, 1988 К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре средневековых кочевников Восточной Европы // АСГЭ Л № 29
- Семенов А И*, 1993 Курганы хазарского времени в окрестностях Саркела // Археология и история юго-восточной Руси Тезисы Воронеж
- Синицын И В*, 1936 Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья // ИСНИК Саратов Т VII
- Синицын И В*, 1959 Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг) // МИА № 60
- Скарбовенко В А*, 1979 Погребение раннесредневекового времени в Куйбышевском Заволжье // Древняя история Поволжья Куйбышев
- Смиленко А Т*, 1975 Словяни та их сусиди в Степовому Подніпрові (II—XIII ст) Київ
- Смирнов К Ф*, 1951 Агачкалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана // КСИИМК М, Л Вып XXXVIII
- Смирнов К Ф*, 1959 Курганы у с Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл // МИА № 60
- Спицын А А*, 1899 Курганы киевских торков и берендеев // ЗРАО СПб Т XI, вып 1—2
- Спицын А А*, 1927 Татарские курганы // Изв Таврического об-ва, археол и этногр Симферополь Т I
- Тарабанов В А*, 1983 Этническая принадлежность ранней группы погребений Казазовского могильника // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа Ростов н/Д
- Тесленко Г I*, 1927 Роскопки Верхньо-Силтівського могильника 1920 р // Наукові записки Науково-дослідчої катедри історії української культури Харків № 6
- Толстов С П*, 1934 Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК Вып 103
- Толстов С П*, 1947 Города гузов (Историко-этнографические этюды) // СЭ № 3
- Тольбеков С Е*, 1971 Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв Политико-экономический анализ Алма-Ата
- Трефильев Е П*, 1905 Археологическая экскурсия в Купянский уезд // Труды XII АС М Т I

- Трефильев Е П*, 1905а Курганы с каменными бабами Купянского уезда // Труды XII АС М Т 1
- Федоров-Давыдов Г А*, 1966 Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов М
- Федоров-Давыдов Г А*, 1973 Общественный строй Золотой Орды М
- Федоров-Давыдов Г А*, 1984 Погребения хазарского времени из урочища Кривая Лука в Нижнем Поволжье // Проблемы археологии степной Евразии Кемерово
- Федоровский А С*, 1913 Верхнесалтовский камерный могильник VIII—X вв // Вестн Харьков ист-филол об-ва Харьков Вып 3
- Федоровский А С*, 1914 Дневник раскопок Верхнесалтовского могильника 18—22 сентября 1911 г // Вестн Харьков ист-филол об-ва Харьков Вып 5
- Федоров Л А*, *Федоров Г С*, 1978 Ранние тюрки на Северном Кавказе (Историко-этнографические очерки) М
- Fettich N*, 1937 Die Metallkunst der Landnehmen — den Ungarn (text band, tafelband) // АН Вып XXXI
- Флеров В С*, 1993 Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Маяцкий могильник) Волгоград
- Флеров В С*, 1994 Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987—1988, 1990 гг // МАИЭТ Симферополь IV
- Флеров В С*, 2000 Аланы центрального предкавказья V—VIII вв Обряд обезвреживания погребенных М
- Флеров В С*, 2001 “Семикаракоры” — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА № 2
- Флерова В Е*, 1997 Граффити Хазарии М
- Флерова В Е*, 2001 Резная кость юго-востока Европы IX—XII веков Искусство и ремесло СПб
- Фодор И*, 1972 К вопросу о погребальном обряде древних венгров // Проблемы археологии и древней истории угров М
- Фодор И* (б/г) К вопросу об этнической интерпретации Больше-Тиганского могильника // Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapest P II
- Халикова Е А*, 1976 Больше-Тиганский могильник // СА № 2
- Khalikova E A*, *Kazakov E P*, 1977 Le cimetièr de Tankeevka // Les anciens Hongrois et les ethnies voisines a l'Est Budapest
- Халикова Е А*, 1981 К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе // Плиска-Преслав 2 София
- Hampel J*, 1905 Alterthumer der fruhen Mettallers in Ungarn Braunschweig Bd 2,3
- Харузин А И*, 1896 История жилища у тюркских и монгольских народов // Этнографическое обозрение СПб Кн XXXVIII
- Худяков Ю С*, 1980 Вооружение енисейских кыргызов Новосибирск
- Цукерман К*, 1998 Венгры в стране Леведии Новая держава на границах Византии и Хазарии 836—899 гг // МАИЭТ VI
- Чурилова Л Н*, 1986 Погребение с серебряной маской у с Малвеловки на Днепропетровщине // СА № 4
- Швецов Л М*, 1974 Богате кочивницьке поховання з Донбасу // Археологія Київ № 13
- Швецов Л М*, 1980 Котлы из погребений средневековых кочевников // СА № 2
- Шер Я А*, 1968 Каменные изваяния Семиречья М, Л
- Шилов В П*, 1959 Калиновский курганный могильник // МИА № 60
- Шнайдштейн Е Б*, 1979 Раскопки курганов в урочище Гува // Археологические памятники Калмыцкой степи Элиста
- Шушарин В П*, 1997 Ранний этап этнической истории венгров М
- Эварницкий Д И*, 1907 Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии // Труды XIII АС Т 1

Список сокращений

АН	— Archaeologia Hungarica.
АО	— Археологические открытия.
АСГЭ	— Археологический сборник государственного Эрмитажа.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ИГАИМК	— Известия государственной Академии истории материальной культуры.
ИСНИК	— Известия Саратовского нижеволжского института краеведения.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
КСИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии.
МАД	— Материалы по археологии Дагестана.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
МАР	— Материалы по археологии России.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
РА	— Российская археология.
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
СЭ	— Советская этнография.
SK	— Seminarius Kondakovianum.
Труды АС	— Труды Археологического съезда.

Учебное издание
Плетнёва Светлана Александровна
**КОЧЕВНИКИ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (IV—XIII века)**
Учебное пособие

Редактор *В. В. Пушкаренко*
Художественный редактор *Л. А. Клочков*
Электронная верстка *С. Н. Володиной*
Корректоры *М. Г. Щигрёва,*
Н. Н. Масленникова

ИБ № 2768

Подп. в печ. 12.09.2003. Форм. бум. 70×100/16. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. п. л. 20,2. Уч.-изд. л. 17,5.
Тираж 500. Заказ 4362.

Издательство Воронежского государственного университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8
Издательско-полиграфическая фирма «Воронеж»
394000 Воронеж, пр. Революции, 39